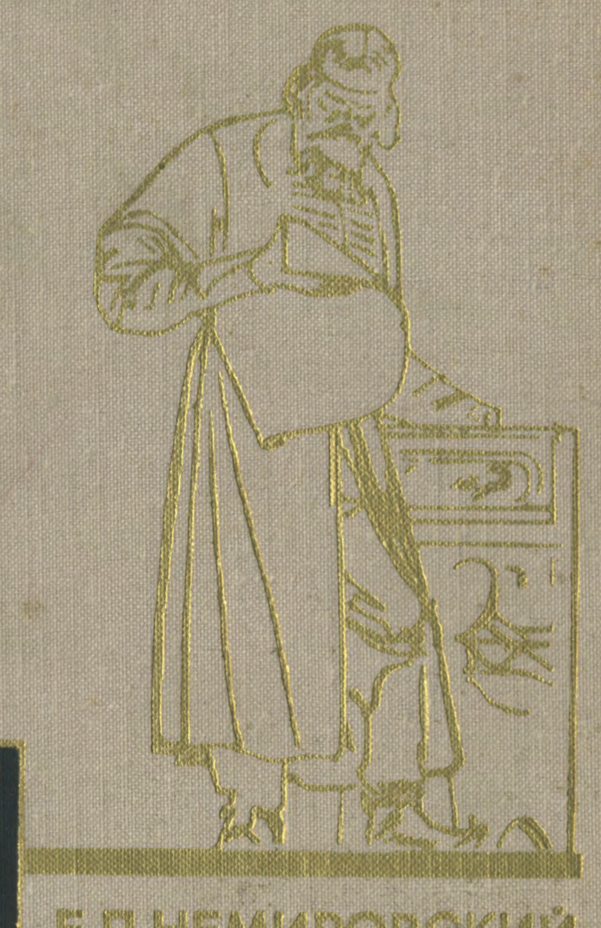

Е. Л. НЕМИРОВСКИЙ

НАЧАЛО КНИГОПЕЧАТАНИЯ НА УКРАИНЕ

Е. Л. Немировский

Начало книгопечатания на Украине

Иван Федоров

Издательство «Книга»
Москва 1974

ОГЛАВЛЕНИЕ

Н $\frac{61001\text{-}026}{002(01)\text{-}74}$ 7-74

ЛЬВОВСКАЯ ТИПОГРАФИЯ ИВАНА ФЕДОРОВА

Имя и дела Ивана Федорова дороги всем славянским народам. Напечатанные им книги с равной легкостью преодолевали пограничные кордоны и барьеры времени. Их читали, по ним учились русские, украинцы, белорусы, болгары, румыны, сербы, молдаване... Их тщательно собирают и изучают сегодня в Москве, Киеве, Минске, Софии, Бухаресте, Белграде, Кишиневе...

Поэтому и событие, свершившееся в начале 1573 г. во Львове, где открылась первая на украинской земле типография, не укладывается в узконациональные рамки. Юбилей украинской печатной книги близок всем народам нашей страны, всем славянским народам.

Было бы, однако, неправильно забывать о национальных моментах. Старым русским историкам Иван Федоров виделся своеобразным московским «культуртрегером», приобщившим к печатному слову многочисленное население «западно-русских» территорий. 27 сентября 1909 г. в день открытия памятника первопечатнику председатель Московского археологического общества графиня П. С. Уварова говорила о нем как о великом труженике, «который додумался открыть древней Руси путь к дальнейшему процветанию грамотности и науки» [1].

Такое сложное общественно-политическое и культурно-историческое явление, как начало книгопечатания в той или иной стране, на том или ином языке, конечно, не может быть объяснено одним лишь желанием или умением исторической личности: «додумался открыть».

Жизненный подвиг Ивана Федорова и сегодня воспринимается с восхищением и благодарностью. Но мы знаем, что подвиг был подготовлен многовековым развитием общественной и культурной жизни. Первая типография во Львове обязана своим возникновением неутомимой, подчас героической деятельности Ивана Федорова. Но ее создание — закономерный результат становления украинской национальной культуры, следствие общественно-политических и социально-экономических запросов своего времени.

Книгоиздание, будучи одной из идеологических форм, порож-

денных материальной жизнью общества, тесно связано с экономическим строем и является порождением этого строя. Изучению социально-экономических предпосылок возникновения книгопечатания на Украине пока еще была посвящена лишь небольшая, предельно лаконичная статья Р. М. Машталера. Под такими предпосылками автор статьи — специалист в области экономики полиграфической промышленности — понимает «внутренние потребности страны в более прогрессивном способе изготовления книг, с одной стороны, и технические, материальные и трудовые возможности, которые обеспечивали изготовление этой продукции, с другой стороны» [2].

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

В пору возникновения украинского книгопечатания территорию нынешней Украины пересекали границы нескольких государств. Северовосточные земли, входившие в состав Чернигово-Северского княжества, с начала XVI в. были воссоединены с централизованным Русским государством. Галицкая, или Червонная Русь, а также часть Подолии принадлежали Польской короне. Волынь и Киевское Приднепровье считались частью Великого княжества Литовского. В результате Люблинской унии эти земли были отторгнуты от княжества и «возвращены» короне. После 1569 г. большая часть населенной украинцами территории подпала под власть Речи Посполитой. За ее пределами оказались Закарпатье и Буковина, захваченные сначала венгерскими и молдавскими феодалами, а затем — Османской империей.

Отсутствие территориальной целостности могло лишь замедлить, но не остановить развитие единой украинской культуры, неизбежный рост национального самосознания. Экономической основой этого процесса, как и в Великом княжестве Литовском, было утверждение барщинно-фольварочной системы с доходными имениями — фольварками, нередко перераставшими в колоссальные латифундии. Растет городское население, развиваются ремесла и торговля, товарно-денежные отношения. Имущественная дифференциация в городе и деревне обостряет классовые противоречия, нередко принимавшие обличие межнациональной или религиозной распри.

Бескоролевье. В политической жизни Речи Посполитой в начале 70-х гг. XVI в. назревал серьезный кризис. Последний из Ягеллонов — король Сигизмунд Август наследника не имел. Уже во время Люблинского сейма 1569 г. он тяжело болел. Приближенные короля задумывались о том, что будет после его смерти. Православные белорусско-литовские и украинские магнаты хотели бы пригласить на польский престол Ивана Васильевича Грозного или одного из его сыновей — царевичей Ивана Ивановича или Федора Ивановича. В 1570 г. польско-литовские послы прямо заявили ца-

рю: «И доколе государю нашему бог живота продлит, и мы во все смотрим на государя нашего, а нечто пан бог милостивого государя нашего от сего света поберет, и рады обе посполь о том не мыслят, что им государя себе взяти от бесерменских или от инших земель государя, и желают, чтоб им государя себе избрати от словенского роду по воле, а не в неволю, и прихиляютца тебе великому государю и твоему потомству» [3].

Иван Грозный относился к предложениям польско-литовских панов скептически, хотя для русской дипломатии выдвижение московской кандидатуры на польский престол гарантировало прочность перемирия, заключенного в мае 1570 г. на выгодных для Москвы условиях [4].

В 1572 г. после смерти Сигизмунда Августа один за другим в Москву приезжают польские и литовские гонцы. В феврале и марте 1573 г. переговоры с царем ведет опытный дипломат Михаил Богданович Гарабурда. По мнению В. Д. Королюка, «главной причиной, побуждавшей польско-литовскую шляхту и часть магнатов поддерживать русскую кандидатуру, было стремление путем польско-литовско-русской унии создать благоприятные условия для польско-литовской экспансии на восток, устранить сопротивление ей со стороны Русского государства» [5].

Царь, разгадавший этот маневр, выдвинул заведомо неприемлемые условия: объединение России, Литвы и Польши под наследственной властью Рюриковичей и коронование царя в Кракове православным митрополитом Московским.

Как раз в ту пору, когда Иван Федоров печатал свою первую на Украине книгу, с 5 апреля по 20 мая 1573 г. около села Каминь под Варшавой заседал сейм, которому предстояло избрать нового короля. Претендентов было пятеро: московский царь Иван Васильевич, шведский король Ян III, семиградский воевода Стефан Баторий, сын императора Максимилиана Эрнест и Генрих Валуа, брат французского короля Карла IX. На польский престол сколько-нибудь серьезно Иван Грозный не рассчитывал. На сейм царь даже не прислал своих послов.

Представители других претендентов состязались во всевозможных обещаниях. Французский посол умело подкупал шляхту. От имени Генриха он сулил содержать в Польше большое французское войско, вооружить польский флот, выплатить долги королевства и ежегодно вносить в казну Речи Посполитой 450 тысяч злотых. На этой ярмарке королей шляхта дошла до того, что требовала от 23-летнего Генриха жениться на 50-летней Анне, сестре скончавшегося Сигизмунда Августа.

21 февраля 1574 г., через шесть дней после выхода в свет львовского Апостола Ивана Федорова, Генрих Валуа (1551—1589) был коронован в Кракове в соборе св. Станислава. Немалую роль в его избрании сыграла поддержка католического духовенства. Брат Генриха — король Франции Карл IX — был героем Варфоломеевской ночи 1572 г., и церковь надеялась, что Генрих не менее

жестоко расправится с польскими реформаторами, которым Сигизмунд Август втайне симпатизировал. Генрих Валуа, однако, просидел на троне недолго. Получив известие о смерти Карла IX и явно предпочитая французский трон польскому, он в ночь на 18 июня 1574 г. тайно покинул Польшу — «утік о 1 годині в нощ с замку форткою» [6].

Опять наступило бескоролевье, для которого польское государственное право подобрало даже особый латинский термин. Белорусско-литовские магнаты поспешили заверить Ивана Грозного в том, что никогда не смотрели серьезно на королевство Генриха Валуа. Ян Иеронимович Ходкевич заявил царскому гонцу Федору Елчанинову «в тайности, что... королю Генриху на тех государствах на Коруне Польской и на Великом княжестве Литовском одно конечно не бывати» [7].

Царь, как и в прошлый раз, серьезных шагов для своего избрания на польский престол не предпринял. Он ограничился дипломатическими маневрами, а впоследствии рекомендовал избрать королем австрийского эрцгерцога Эрнеста, сына императора Максимилиана, ожидая от него признания своих прав на Ливонию.

Правление Стефана Батория. 1 мая 1576 г. королем Речи Посполитой был избран Стефан Баторий (1533—1586), князь семиградский, вассал Турции. Новейший немецкий исследователь Э. Винтер показал, что избрание во многом было подготовлено папской курией, а также идеологами польской контрреформации, надеявшимися, что новый король жестоко подавит инакомыслящих[8]. Немалую роль сыграло желание папы видеть на польском престоле «сильную личность», которая могла бы осуществить давнюю мечту Ватикана — подчинить Россию своей власти.

Баторий так хотел стать королем, что согласился взять в жены престарелую Анну Ягеллонку.

Литовские магнаты на первых порах отказались признать Батория главой объединенного Польско-Литовского государства. Миколай Радзивилл хотел бы видеть на троне Эрнеста, надеясь, что тот возвратит Литве отторгнутые у нее поляками в 1569 г. Подляшье и украинские земли. Ян Ходкевич, однако, поддержал Батория, ибо надеялся на его помощь в войне с Москвой, тяжесть которой по-прежнему лежала на литовских плечах [9]. Умелая политика Ходкевича привела к тому, что съезд литовских феодалов, собравшийся в Мстибогове, признал Батория королем объединенного государства. Многочисленная литовская делегация, отправившаяся во главе с Ходкевичем в Варшаву, выхлопотала ряд уступок, впрочем, скорее номинальных; сущность Люблинской унии они не затрагивали.

В годы своего одиннадцатилетнего правления Стефан Баторий больше интересовался внешней политикой. В области внутренней политики он шел навстречу требованиям шляхты, которая добилась создания в 1578 г. высшей судебной инстанции на выборных началах — Коронного трибунала. И все же при Батории усилилась

власть магнатов. Большое влияние в государстве приобрел Ян Замойский (1542—1605), поддерживавший требования шляхты, но сосредоточивший в своих руках почти безраздельную власть и колоссальные земельные владения. Из год в год шляхетские земли поглощаются латифундиями магнатов. Радзивиллы после смерти последнего из князей Олельковичей присоединяют к своим владениям княжество Слуцкое. Волынь разделили между собой Острожские и Заславские, Приднепровье — Вишневецкие и Збаразские[10].

В первые годы правления внимание Батория было отвлечено восстанием Гданьска. Горожане отказались признать нового короля. Летом 1577 г. возобновились активные боевые действия в Ливонии. Решительное наступление русских войск увенчалось успехом — была захвачена почти вся Прибалтика. Вполне удовлетворенный этим, Иван Грозный предложил мир. Однако Баторий, добившись мира на западных и южных границах Речи Посполитой, перебросил свои войска на восток. В августе 1579 г. его 15-тысячная армия после трехнедельной осады овладела Полоцком. Одновременно войска князя Константина Острожского разграбили Черниговщину и Новгород-Северскую землю и обложили Чернигов, однако взять его так и не смогли. В 1580 г., собрав 35-тысячную армию, Баторий захватил Велиж, Усвят и Великие Луки. В августе 1581 г. он осадил Псков, однако героическая оборона города вскоре же истощила польско-литовские силы.

15 января 1582 г. было подписано десятилетнее перемирие: Московскому государству пришлось отказаться от всех своих завоеваний в Ливонии и Курляндии, но ему были возвращены Великие Луки и другие русские города. В 1583 г. Россия заключила перемирие и со Швецией. Ливонская война, продолжавшаяся 26 лет, закончилась — закончилась неудачно для Русского государства. Но и объединенное Польско-Литовское государство не могло праздновать победу. Развивая агрессию на Востоке, оно вынуждено было пойти на утрату своих позиций на Западе. Прусское княжество, которое издавна было ленником Польши, попало под власть бранденбургского курфюрста. По справедливому замечанию В. Д. Королюка, «борьба между Русским государством и Речью Посполитой имела... крайне отрицательные последствия для обеих стран»[11].

Таков был политический фон, на котором протекали последние годы деятельности Ивана Федорова. Если Сигизмунд Август принимал в Вильне Ивана Федорова и Петра Тимофеева Мстиславца как славянских типографов, то Стефану Баторию некогда было думать о развитии книжного дела. Да и обстановка в стране изменилась. На смену религиозному индифферентизму шла нетерпимость; идеологи контрреформации с каждым годом укрепляли свои позиции.

Католическая реакция. Папский престол никогда не оставлял мысли подчинить своему влиянию земли, простирающиеся на восток от Польши и Литвы. Мысль эту рядили в разные одежды. Чаще всего она выступала под либеральным обличием «объединения

церквей». Иногда идеологи католицизма сбрасывали маску и проповедовали крестовый поход против Московского государства. Об экспансии в церковных кругах Речи Посполитой чаще всего говорили испанцы и итальянцы из ордена иезуитов.

В 1564 г. примас Польши кардинал Станислав Хозиуш пригласил иезуитов приехать в страну. «Провинциалом» — главой ордена на польских землях стал испанец Франческо Суниер. Суниер писал, что иезуитская Виленская Академия «открывает... широкие двери в Москву, отсюда же, через Татарию, мы сможем проникнуть и в Китай»[12].

Проявляя интерес к Московскому государству, Великому княжеству Литовскому и восточным землям польской короны, Ватикан создал специальную польскую нунциатуру[13]. Первым нунцием стал епископ Веронский Алоизий Липпоман, назначенный на этот пост папой Юлием III 13 января 1555 г. В годы пребывания Ивана Федорова в Литве и Польше нунциатуру возглавляли В. Портико (1568—1572), В. Лаурео (1573—1578), И. А. Калигари (1578—1581), А. Болоньетти (1582—1584). В эти годы специальные поручения папы исполняли в Польше кардинал Дж. Франческо Коммендоне (1571—1573) и Антонио Поссевино (1581—1587).

Все эти люди в той или иной степени интересовались книгопечатанием, ибо видели в нем мощное средство пропаганды католицизма. Их богатая переписка, частично изданная[14], с интересующей нас точки зрения еще не изучена. Не исключено, что тут можно ждать самых неожиданных открытий.

Экспансию на Восток должна была идеологически подготовить «греческая конгрегация», основанная в Риме в 1573 г. по инициативе кардинала Джулио Санторио.

13 января 1577 г. буллой папы Григория XIII была учреждена «греческая коллегия», которая должна была готовить миссионеров для работы среди православных. Вскоре же секретарь папы, кардинал Птоломео Галли поручил папскому нунцию в Польше Винценто Лаурео подобрать среди украинцев и русских 6 кандидатов для обучения в коллегии[15]. Желающих нашлось немного. Нунцию удалось найти лишь трех «хлопцев» — одного из Москвы и двух из Русского воеводства Речи Посполитой.

Римский папа всячески поощрял экспансионистскую политику Стефана Батория. В конце 70-х — начале 80-х гг. XVI в. Ватикан развивает на Востоке активную дипломатическую деятельность. Нунций Иоанн Андреа Калигари, присланный в Польшу осенью 1578 г., предложил Стефану Баторию следующий план[16]. Прежде всего — силой оружия принудить Ивана Грозного к миру. Царь должен признать главенство папы над русской церковью. Затем — финальные аккорды: создание могущественной антитурецкой коалиции — от России на востоке до Испании на западе, разгром Оттоманской империи и окончательное торжество христианства над «неверными». Надо отдать должное Баторию — он скептически отнесся к замыслам Ватикана. Однако, отвергая максимализм Гри-

гория XIII и его мысль о создании антитурецкой коалиции, он полностью принимал планы военной экспансии против Москвы.

Активно действовал в Польше, Литве и России папский легат — иезуит Антонио Поссевино (1534—1611), перед которым были поставлены те же задачи, что и перед Калигари[17]. Это был высокообразованный и несомненно талантливый человек, сумевший сочетать широкую эрудицию, любовь к литературному труду с лихорадочной дипломатической деятельностью авантюристического толка. Уроженец Мантуи, он в 60-х гг. XVI в. преследует кальвинистов во Франции, затем мы встречаем его в Швеции, в Баварии, в Вене и, наконец, в Кракове. Григорий XIII вызывает его в Рим и поручает ему нелегкую миссию — подготовить перемирие между Москвой и Польшей. Исполнив поручение, Поссевино отправляется в Москву, но здесь его замыслы терпят неудачу. Иван Васильевич Грозный категорически отказался признать главенство папы над русской церковью.

В промежутках между дипломатическими вояжами Поссевино внимательно присматривался к культурно-религиозной жизни Речи Посполитой, вел оживленную переписку с активными деятелями контрреформации, а также с православными магнатами, которых он предполагал отвратить от «схизмы». Среди них были князья Острожский и Слуцкий. Для нас важно, что Поссевино неоднократно подчеркивал исключительное значение книгопечатания для католической пропаганды. В обширном трактате «О московских делах с комментариями относительно веры» Поссевино говорит и о необходимости издавать католические книги на русском языке. Иезуитская коллегия в Вильне, сообщает он, уже имеет русский шрифт. Поссевино набрасывает список книг, которые следовало бы перевести и издать в первую очередь. Среди них «Катехизис», трактат Геннадия о Флорентийском соборе, булла папы Евгения IV об унии, «Жития святых» и другие сочинения Петра Скарги[18].

Польские авторы, говоря об объединении церквей, вкладывали в это понятие несколько иное содержание, нежели пришельцы из Рима, хотя и среди поляков не было единства.

Либеральное крыло представляли Станислав Оржеховский и Бенедикт Гербест, в жилах которых текла и украинская кровь. Они утверждали, что римско-католическая церковь — лишь часть всеобщей церкви, а не всеобщая церковь. Объединение церквей, по их мнению, должно было произойти на равных началах. Либералы, однако, находились в меньшинстве. Большинство адептов католицизма настаивало на ошибочности греко-католических догматов; объединение виделось им как отказ православных от этих догматов.

Среди поляков наиболее активным и, вне всякого сомнения, наиболее талантливым проповедником католицизма был иезуит Петр Скарга (1536—1612)[19]. Ту справедливую ненависть, которую со стародавних времен вызывало лицемерие иезуитов, преспокойно уживавшееся с крайним религиозным фанатизмом, нередко пере-

носят на Скаргу. В беллетристике, склонной к драматическим преувеличениям, этого проповедника обвиняют в том, что он долгие годы преследовал и в конце концов отравил Ивана Федорова.

В польской литературной и общекультурной традиции господствует положительная оценка деятельности Петра Скарги. Адам Мицкевич посвятил Скарге, которого он считал образцом интеллектуала-патриота, немало вдохновенных строк. А прославленный польский художник Ян Матейко изобразил на одной из своих картин Скаргу убежденным в своей правоте проповедником, слова которого имели огромное воздействие на народные массы.

Считая, что неравенство людей заложено в самой их природе, Скарга тем не менее неоднократно возвышал голос в защиту угнетенного крестьянства. «Редкие деревни, — писал он, — где бы не было притеснения и слез крестьян... люди, братья наши, того же польского и славянского народа, в таком порабощении у своих господ, что те творят с ними, что угодно: мучат, обдирают, изнуряют несносным трудом, берут, что хотят, и наконец, убивают, не признавая никакой власти и осуждения за эти преступления...»[20]. Эта характеристика положения крестьянства Речи Посполитой в то время, когда здесь проходила книгопечатная деятельность Ивана Федорова, достаточна точна. Нужно было обладать немалым мужеством, чтобы в пору безраздельного господства феодалов-крепостников открыто бросить им упрек в беззакониях и преступлениях.

Хотя в печати и цитировались высказывания Скарги об Иване Федорове[21], у нас нет никаких оснований считать их достоверными, Мы сейчас не знаем ни одного такого высказывания, действительно принадлежащего знаменитому проповеднику. Однако дороги Ивана Федорова и Петра Скарги пересекались, и каждому из них, вне всякого сомнения, было известно имя другого.

В 1564—1568 гг. Скарга был каноником во Львове. Уже тогда он слыл прославленным оратором. Память о нем была жива и десятилетие спустя, когда начиналась деятельность первой украинской типографии.

В 1567 г. проповедь Скарги на похоронах Яна Кжиштофа Тарновского слышал князь Константин Константинович Острожский; проповедь так понравилась ему, что он даже пригласил Скаргу поселиться у него в Остроге вместе с другим известным проповедником — Мельхиором из Мосьциска[22].

Скарга, однако, приглашения не принял. В 1568 г. в Риме он вступил в Орден иезуитов. По возвращении на родину поселился в Вильне. Здесь в 1577 г. вышла в свет его книга «О единстве церкви божией под одним пастырем»[23]. Посвящена она «Константину, князю Острожскому, воеводе Киевскому... пану ко мне милостивому». Подписал посвящение «вашей княжеской милости слуга и богомолец Петр Скарга из ордена Иисуса» 7 февраля 1577 г.

Лейтмотивом сочинения Скарги была необходимость церковной унии. Нельзя пройти мимо раздела о трех «нестроениях» рус-

ской церкви, а именно о супружеской жизни духовенства, использовании в богослужении славянского языка и подчинении духовенства светской власти. Нас сейчас интересует второе из этих «нестроений».

По мнению Скарги, есть «только два языка, греческий и латинский, которыми святая вера во всем свете распространяется»[24]. Он считает, что «не было еще на свете никакой академии или коллегиума, где бы теологию, философию и другие свободные науки на другом языке изучали и могли понимать». Отсюда вытекает тезис о неправомочности перевода священного писания на живые языки — тезис, направленный против более чем столетней практики гуманистов, хотя этот тезис Скаргой прямо не сформулирован. Он утверждает, что ни один язык «своих грамматик и словарей надежных не имеет». А далее в полемическом задоре им были написаны слова, которые мы Скарге никогда не простим: «Со славянского языка нигде и никто ученым быть не может. Уже теперь почти никто его досконально не понимает. Ибо нет на свете нации, которая бы на нем, как в книгах написано, говорила, а своих правил и грамматик с толкованием для языка этого не имеется и быть не может». Это было написано через три года после того, как вышла в свет Азбука славянского языка, напечатанная Иваном Федоровым во Львове. В послесловии книги первопечатник сказал, что он собрал «от грамматики мало нечто».

Во Львове, а позднее в Остроге дети учились по книгам, напечатанным московским типографом. А Скарга утверждал, что для украинцев другой школы быть не может, как только переводить славянские тексты на польский язык — иначе их смысл остается темным. Иван Федоров старался как можно тщательнее редактировать отобранные для издания тексты, а Скарга говорил, что в славянских книгах «нелепости и ошибки бесконечно возникают, словно слепой водит слепого». Иван Федоров печатал в своих книгах параллельные греческие и славянские тексты. Позднее он подпишет свое письмо гордым титулом «Типограф греческий и славянский». А Скарга бросал украинцам и русским упрек: «Между вами и не слышно о тех, кто бы греческий язык — и старый и новый знали!»

Труды Ивана Федорова объективно вступали в непримиримое противоречие с явными и тайными помыслами католицизма, адепты которого, особенно же — иезуиты не могли не желать прекращения деятельности славянских типографий кирилловского шрифта. Однако сделать что-либо для этого иезуиты пока не могли. Католическая реакция только набирала силы. Ее противники все еще пользовались большим влиянием в стране. Сейм 1573 г. по настоянию протестантов включил в наказ королю Генриху требование неуклонно соблюдать равенство вероисповеданий. «Варшавская конфедерация» вызывала бессильную ярость иезуитов. Петр Скарга также обличал ее. Однако действия сторонников католической реакции до поры до времени ограничивались литературно-религиоз-

ной полемикой. Поэтому мы не можем искать причины прекращения деятельности украинских типографий Ивана Федорова в тайных кознях иезуитов.

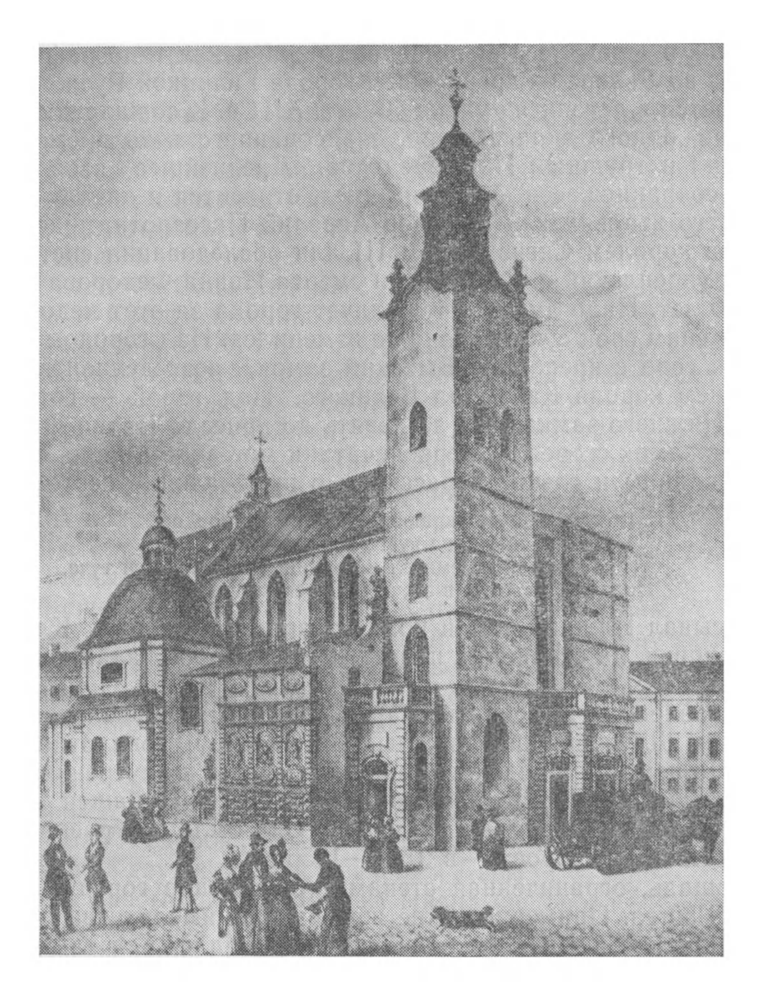
Православное епископство. Защиту духовной жизни украинцев от католической реакции должно было бы взять на себя православное епископство Русского воеводства. Владыки его, однако, были больше заняты междоусобицами, чем заботой о благе своей паствы. Православное епископство было учреждено привилегией короля Сигизмунда в 1539 г.[25] Год спустя Киевский митрополит утвердил Макария Рафаловича Тучапского первым епископом Галицким, Львовским, Каменецким, Снятинским, Рогатинским и пр., изъяв, однако, из-под его власти монастыри Уневский и Онуфриевский. В дальнейшем львовские епископы не раз оспаривали статус этих монастырей, что имело непосредственное влияние на судьбы украинского книгопечатания.

В 1548 г. Макарий Тучапский умер. Преемником его стал Марек из богатого шляхетского рода Балабанов, или Болобанов; он взошел на епископскую кафедру под именем Арсения[26]. Свое право на кафедру ему пришлось отстаивать против украинского шляхтича Ивана Лопатки-Осталовского — ставленника католического архиепископа Львова. Король Сигизмунд Август привилегией от 15 ноября 1549 г. подтвердил полномочия Арсения[27].

Епископ получал большие денежные доходы. Должность эта была лакомым кусочком, вокруг нее постоянно кипели страсти. Однако Арсений благополучно удерживал кафедру до глубокой старости. В 1566 г. он отказался от нее в пользу своего сына Григория, или Гедеона. 36-летний офицер, отличавшийся, как свидетельствуют современники, буйным нравом, легко променял блестящую военную карьеру на духовную. У короля Сигизмунда Августа Арсений выхлопотал для Гедеона подтвердительную привилегию на наследство. Однако сразу же после смерти Арсения (он скончался в 1568 г.) Иван Лопатка-Осталовский заявил претензии на епископскую кафедру. 16 июня 1569 г. Сигизмунд Август выдал ему соответствующую грамоту[28]. 11 июля 1569 г. Лопатка был официально введен на кафедру королевским уполномоченным во Львове Якубом Журовским[29].

Молодой Балабан не смирился. Он прибыл во Львов со своей многочисленной родней и поддерживавшими его шляхтичами и попросту выгнал Лопатку из епископского дворца. 15 августа 1570 г. Лопатка был вторично возведен в епископское достоинство львовским старостой Николаем Гербуртом[30]. Подчиняясь силе, Гедеон Балабан покинул Львов, однако забрал с собой в свое родовое имение Стрятин все атрибуты епископского достоинства. Спор между епископами продолжался до 1576 г., когда Лопатка скончался. Гедеон Балабан занял кафедру и просидел на ней более тридцати лет — до своей смерти в 1607 г.[31]

Иван Федоров приехал во Львов в самый разгар конфликта. Поэтому-то Балабан не принял никакого участия в создании пер-

Католический кафедральный собор во Львове. XIV в. Литография К. Ауэра. XIX в.

вой украинской типографии. В дальнейшем он проявлял неизменный интерес к книгопечатанию. После смерти Ивана Федорова его типографское оборудование и шрифты по инициативе Гедеона были выкуплены из заклада и легли в основу Ставропигийской братской типографии. Вскоре, однако, Гедеон поссорился с братством. Одной из жертв ссоры пал Иван Переплетчик, сын Ивана Федорова, которого епископ посадил в яму и уморил. Лишенный возможности влиять на деятельность братской типографии, Гедеон в 1602 г. основал типографию в Стрятине, а в 1605 г.— в Крилосе, пригороде Галича, где находилась официальная резиденция епископа[32].

Львов в середине XVI в. Первая украинская типография была основана во Львове — древнейшем городе Галицкой Руси, который упоминается в летописях уже в 50-х гг. XIII в. К сожалению, мы не знаем ни одного вида Львова, зарисованного в то время, когда здесь жил и трудился Иван Федоров. Древнейшее изображение города, сохранившееся до наших дней, относится к началу XVII в. Сделал его итальянский инженер Аврелий Пассароти, присланный во Львов королем Сигизмундом III для обследования системы городских укреплений [33]. Со времени смерти Ивана Федорова прошло около 20 лет. Надо думать, что силуэт города за этот недолгий по тем временам срок существенно не изменился. Над городом господствовала гора с крепостью Высокий замок, возведенной в XIV в. повелением короля Казимира Великого. Под горой — готические здания Нижнего замка. Лет за девять до приезда Ивана Федорова во Львов замок сгорел — первопечатник мог видеть лишь обгоревшие развалины и слышать рассказы о небывалой красоте здания.

Это королевское украшение, могучее и гордое,
Солнечный свет окна густо золотит.
Тонкая башня стремительно поднимается к самой туче,
Подвалы выходят в ад, звезд досягают шпили, —

так описывал Нижний замок поэт Себастиан Фабиан Клоновиц, или Кленович, на страницах поэмы «Роксолания», изданной в Кракове в 1584 г.[34]

Составленная Пассароти карта городских укреплений не сохранилась. Древнейший известный нам план Львова относится к 1695 г. На нем две городские стены — внешняя и внутренняя, которые образуют почти правильную трапецию. Из 17 башен внешней стены сохранилась одна — Пороховая. Она была построена еще до приезда Ивана Федорова — в 1554—1556 гг.[35]

Площадь, ограниченная стенами (собственно город), занимала около 50 га. Примерно такие же размеры имели два предместья Галицкое и Краковское. Городу принадлежали также сенокосы, леса, виноградники, села [36].

В 1571 г. жестокий пожар уничтожил почти всю восточную часть города. Сгорела тогда и ратуша с высокой башней, на которой еще в 1404 г. были установлены часы. Сгорели дома вокруг ратуши на площади Рынок и прилегающей к ней Русской улице. Когда Иван Федоров приехал во Львов, центр все еще хранил следы пожара. То тут, то там громоздились обгоревшие стены, но горожане уже начали расчищать участки и кое-где поднялись строительные леса. Некоторые из зданий, воздвигнутых тогда, сохранились до наших дней, хотя и сильно перестроены.

По сей день над городским центром возвышается башня «кафедры» — Латинского собора, заложенного Казимиром Великим в 1360 г. Строили собор сто с лишним лет. Он не раз горел и снова отстраивался. Иван Федоров мог видеть его в нетронутом великолепии — без семейства окруживших его в XVII в. каплиц Боимов, Кампианов и других богатейших родов Львова. Первопечатник

мог наблюдать строительство величественной колокольни Успенской церкви.

С давних времен в городе жили украинцы, поляки, немцы, армяне, евреи, татары, греки. Люди одного племени старались селиться поблизости; так возникли улицы Русская, Армянская, Еврейская. Под прикрытием городских стен жили главным образом поляки и немцы. Богатым украинским купцам в начале XVII в. принадлежало в городе 18 каменных домов; 15 из них стояли на Русской улице[38]. Основная масса украинского населения жила в Галицком и Краковском предместьях. Здесь, по свидетельству львовского историка XVI в. Яна Альнпека, автора первого печатного описания города, было до 1500 домов. С древнейших времен на Краковском предместье стояли церкви св. Николая, Параскевы Пятницы, св. Онуфрия. Когда прихожанин умирал, его хоронили на прицерковном кладбище. На Краковском предместье вблизи Онуфриевского монастыря был похоронен и Иван Федоров.

Чтобы попасть в город, жители предместья должны были перейти по мосту ров, наполненный водой, и пройти через ворота городской стены. В XVI в. было двое ворот — Галицкие и Краковские — и еще две «калитки» — Иезуитская и Босацкая.

В 1356 г. король Казимир Великий даровал Львову самоуправление в соответствии с так называемым магдебургским правом. Город, таким образом, не подчинялся старосте Львовскому — одному из 8 старост Русского воеводства. Однако юрисдикции старосты подлежала большая часть Краковского предместья — Подзамчье с Онуфриевским монастырем и ближайшими к нему улицами[39]. На Подзамчье в конце своей жизни, после возвращения из Острога, жил Иван Федоров. Самим же городом управлял магистрат, состоявший из двух коллегий — Рады и Лавы[40].

В годы пребывания во Львове Ивана Федорова в состав Рады (Совета) входило 12 советников-райц[41]. Рада исполняла административные функции, а также рассматривала гражданские судебные дела. Здесь регистрировались различные финансовые и коммерческие сделки горожан. Ивану Федорову приходилось бывать в Раде неоднократно; каждое его пребывание здесь отражено в актовых книгах, по сей день сохраняемых ЦГИА УССР во Львове.

Лава, в состав которой входило 12 лавников во главе с войтом, была судебным органом, рассматривавшим как уголовные, так и гражданские дела. Иван Федоров обращался в Лаву, когда ему нужно было взыскать долги с неисправных должников.

Судебные дела жителей тех частей предместья, которые подлежали юрисдикции старосты Львовского, рассматривал Гродский суд, находившийся в Нижнем замке. Иван Федоров обращался сюда в 80-х гг. XVI в., уже после возвращения из Острога, когда он поселился на Подзамчье.

Львов был крупнейшим торговым центром[42]. Он лежал на перекрестке торговых путей, которые вели из Оттоманской империи, Крыма, южно-славянских земель в Речь Посполитую и Мос-

ковское государство. Московские купцы были нередкими гостями во Львове. В 1532 г. здесь торговал московский ножевой мастер Федор. В 1572 г., когда Иван Федоров, скорее всего, уже был во Львове, в город приезжали из Москвы греки Богдан и Юрий, за которых поручился Константин Корнякт[43]. Ездили в Москву и львовяне. 643 купца сопровождали в 1570 г. в Москву польского посла Яна из Кротошина. Среди них был и богатый грек из Львова Сава Федорович, у которого в Москве отобрали товары. Два года спустя деньги за них удалось получить львовским армянам Христофору Чаировичу с товарищами, которые поехали в Москву с посольством Януша Збаразского[44].

В старой польской историографии Львова[45] была тенденция преуменьшать роль украинского населения в социально-политической, экономической и культурной жизни города. «В общественных отношениях старого Львова Русь занимала очень малое место, — утверждал Владислав Лозиньский, — в торговле еще какое-то, а в политике — никакого». И далее: «Из русских родов XVI в. только несколько оставили о себе следы в городских актах»[46]. Между тем на страницах городских книг неоднократно встречаются украинские имена. Продукция украинцев-ремесленников находила сбыт как в Польше, так и в соседних странах. Акты свидетельствуют, что торговые операции украинских купцов немногим уступали оборотам их польских или немецких коллег. Впрочем, наибольшую активность в области торговли развивали армяне[47]

Среди богатых украинских купцов, живших во Львове в годы пребывания там Ивана Федорова, назовем Ивана Богатыря, Ивана Бильдягу, Леська Малецкого, Дмитро Красовского, Стецка Мороховского. Со всеми ними Иван Федоров был в той или иной степени знаком. Иван Бильдяга и сын типографа Иван породнились, женившись[48]. В доме Бильдяги после смерти первопечатника хранилась его типография.

Католический магистрат постоянно чинил препятствия торговым операциям украинцев. Им было запрещено изготовлять пиво, торговать вином. 20 мая 1572 г. Сигизмунд Август выдал львовским горожанам греко-католического вероисповедания привилегию, в которой подтвердил их право торговать любыми товарами как в частных домах, так и в общественных местах[49]. За причиненные украинским купцам убытки магистрат должен был заплатить штраф. Однако магистрат продолжал чинить препятствия украинцам. Генрих Валуа в недолгие месяцы своего правления 15 апреля 1574 г. подтвердил привилегию 1572 г.[50] Стефан Баторий в 1578 г., во время своего пребывания во Львове, принял делегацию украинцев и на первых порах поддержал их претензии[51]. Однако вскоре же он резко ограничил права купцов-некатоликов, разрешив им свободную торговлю только в период ярмарок.

Цеховой строй во Львове. Основными занятиями горожан были ремесло и торговля. Львовских мастеров знали далеко за пределами Галицкой Руси. Чуть ли не вся Польша заказывала здесь

седла, конскую сбрую. По словам новейших исследователей М. Горна и Я. Кися, Львов играл «роль основного центра для всей польской державы в изготовлении оружия»[52].

Основной формой организации ремесла были цехи, которые стали возникать здесь в конце XIV столетия. В XV в. во Львове было 9 цехов, в начале XVII в. — 16. В 1612 г. цехи объединяли 293 мастера 25 различных профессий[53]. Многие ремесленники приезжали сюда из польских и немецких городов. В 1537—1570 гг. львовское гражданство приняло 885 человек, в том числе 103 ткача и 74 мастера по обработке металла[54].

Хотя еще Казимир Великий предписывал цехам принимать в свои члены «армян, евреев, сарацинов и русинов»[55], это предписание уже в XV в. начали нарушать. Привилегия Сигизмунда Августа от 20 мая 1572 г. также гарантировала украинцам свободный доступ в цехи. Но и эта привилегия неоднократно нарушалась; Иван Федоров, приехав во Львов, сразу же столкнулся с цеховыми ограничениями. Особенно ухудшилось положение ремесленников-украинцев после 1582 г., когда католическим архиепископом Львова стал Ян Димитр Соликовский. По его инициативе украинцев и армян стали выгонять из цехов, заявляя им: «Ваша вера подлая и не так хороша, как наша»[56].

Львовские цехи вели длительную борьбу с патрициатом за право участвовать в управлении городом. Борьба завершилась созданием в 1576 г. так называемой коллегии 40 мужей, которая несколько ограничила власть магистрата[57]. 20 членов коллегии избирались старейшинами цехов среди купцов, а 20 — купцами среди старейшин цехов.

Социальная борьба шла и внутри цехов. Ученики и подмастерья нередко протестовали против беспощадной эксплуатации и дурного обращения. Старый львовский хронист В. Зиморович рассказывает, что на рубеже XV и XVI вв. подмастерья портновского цеха подняли бунт и решили уйти из города. Им помешала городская стража, в схватке с которой многие из подмастерьев погибли[58].

Обращаясь к истории львовских цехов, сколько-нибудь подробно по сей день еще не изученной[59], мы разыскиваем материально-технические предпосылки возникновения книгопечатания. Такие предпосылки здесь, бесспорно, были. Типография, основанная Иваном Федоровым, не была чем-то чужеродным в социально-экономической жизни Львова. Печатник мог найти здесь все необходимое для успешной организации дела, которому он посвятил всю свою жизнь.

Среди ремесленников, деятельность которых создавала материально-технические предпосылки для возникновения украинского книгопечатания, нужно назвать слесарей, литейщиков, столяров, ювелиров, художников. Представители всех этих ремесел жили во Львове. В 1537—1570 гг. среди мастеров, получивших львовское гражданство, было 26 слесарей и 6 литейщиков[60].

В комплекс технических навыков, которыми обязан обладать книгопечатник, входит и резьба по металлу — изготовление шрифта начинается с гравирования пунсонов (если опустить важную, но не техническую стадию — создание рисунка шрифта). Приемы резьбы по металлу развивали и совершенствовали мастера золотых дел — такой цех существовал во Львове издавна. Золотых дел мастера поддерживали тесные взаимоотношения с художниками, литейщиками и пушкарями; в XVI в. все эти ремесленники были объединены в один цех, имевший общую печать[61]. Богатейшие материалы для истории ювелирного дела во Львове, собранные польским историком Владиславом Лозиньским, свидетельствуют, что среди золотых дел мастеров было немало украинцев и армян. Уже первый известный нам по имени львовский ювелир, упоминаемый в 1384 г., прибавлял к своему имени указание на национальность— Яцко Злотник Русин[62].

Среди обычных для цеха работ назовем те, которые близки нашей теме, — золотые и серебряные наугольники для книжных переплетов. Большим мастером в этой области был Марцин Алембек, или Альнпек. На сохранившихся наугольниках его работы изображены крылатые головки херувимов[63]. Тот же сюжет мы встретим в наборной орнаментике Ивана Федорова.

Рукописная книга. Среди наиважнейших предпосылок книгопечатания нужно назвать устойчивую традицию рукописной книги. В книгописных мастерских были выработаны приемы конструирования и оформления книги, которым на протяжении многих столетий бессознательно следовали типографы. Создание книжной культуры, постепенно осознаваемая потребность в книге, уяснение ее роли в истории человеческого общества — все это первично связано с рукописной книгой. Книгопечатание многое получило уже сформировавшимся, готовым.

Устойчивая традиция книгописания существовала и на Украине. К сожалению, история украинской рукописной книги (как, впрочем, и русской) еще не создана. Можно назвать лишь труды по истории оформления, а точнее — миниатюр и орнаментики рукописной книги (А. П. Запаско, И. С. Свенцицкий и др.). Письмо этих книг, переплет, вопросы распространения, история библиотек еще ждут внимательного исследователя.

По сей день бытует неправомочная расстановка акцентов, когда речь идет о национальной принадлежности книги. Рукописную книжность Киевской Руси некоторые историки называют украинской, другие — древнерусской. Рассказ о нашей первой датированной рукописи — Остромирове евангелии — мы найдем на страницах книги Г. Н. Логвина «Украинское искусство X—XVIII вв.» (М., 1963) и в интересном очерке Н. Н. Розова «Загадки и судьба старейшей русской книги»[64] Нам думается, в этом случае правильнее говорить о книге у восточных славян или еще уже — о книге Киевской Руси.

Украинская рукописная книжность прошла многовековой путь

развития. Художественное убранство украинской книги испытывало разнообразные влияния; мастера ее вместе с тем предлагали оригинальные и своеобразные решения. В орнаментике, недавно изученной А. П. Запаско, много общего с русской книгой, хотя есть и некоторые различия. Как и в России, в XV в. на смену тератологии — «чудовищному» орнаменту — приходит балканская плетенка, представленная сравнительно большим количеством памятников. В XVI в. плетенка делается более тесной и цветной и напоминает скорее вышивку или узоры народных ковров. В Московской Руси в эту пору господствующим мотивом книжной орнаментики становится византийская эмаль, впоследствии обогащенная черно-белыми старопечатными клеймами. Нововизантийской и старопечатной орнаментики Украина, по-видимому, не знала [65], хотя сюда сравнительно рано попадали московские памятники этого стиля. Среди них — Четвероевангелие середины XVI в., орнаментированное эпигонами школы Феодосия Изографа. В заставках книги — основные приметы этой школы: тонкотравный орнамент по голубому и красному фону, колючий трилистник, характерные розетки. Книга попала на Украину в конце XVI — начале XVII в. [66].

Замечательный памятник московской старопечатной орнаментики, рано попавший на Украину, — Четвероевангелие Ужгородского университета [67]. Черно-белые клейма заставок книги варьируют мотивы инициалов гравированного алфавита Израэля ван Мекенема. Две заставки Четвероевангелия, как нам уже приходилось отмечать, послужили прототипом для орнаментики московской широкошрифтной Псалтыри [68]. Заставки старопечатного стиля есть и в «Ирмологионе» XVI в., который издавна принадлежал Ставропигийскому львовскому братству, а также в Евангелии из собрания князя Безбородко в Нежине [69].

Украинская книжная орнаментика в середине XVI в. развивается по иному пути. Балканская плетенка обогащается элементами народной вышивки и ковроткачества. Примета одной из школ украинского книгописания, сложившейся на Волыни в середине XVI в., — орнаментальные украшения полей книги, широко бытующие и в рукописной белорусской книжности. Этот своеобразный элемент художественного убранства в Москве почти не встречается. В растительную орнаментику изредка вписаны изображения людей, животных и птиц. Первоисточник, вне всякого сомнения, — западноевропейская рукописная традиция, однако претерпевшая серьезные изменения.

Именно к этой орнаментике иногда возводили московский старопечатный орнамент. И. Огиенко, например, утверждал, что «украшения первых московских изданий — Апостола 1564 г. и Часовника 1565 г.... ведут нас вполне определенно к той волынской художественной школе, откуда вышли такие высокохудожественные творения, как, скажем, Пересопницкое евангелие 1556 г. или Загоровский апостол» [70].

Новые авторы (например, А. П. Запаско) связывают с художе-

ственным убранством указанных рукописей уже не всю старопечатную орнаментику, а лишь те заставки изданий Ивана Федорова, которые впервые появились в львовском Апостоле 1574 г.[71]. Познакомимся подробнее с этими рукописями.

Как Пересопницкое евангелие, так и Загоровский апостол возникли на Волыни в середине XVI в. как результат деятельности культурно-просветительного кружка православных магнатов, в который, кроме князя Острожского, входили князья Чарторыйские и Сангушко, шляхтичи Василий и Петр Загоровские, князь Андрей Михайлович Курбский... Центры рукописания сложились в Пересопницком монастыре, в Загоровском Рождество-Богородичном монастыре.

К великому сожалению, большинство памятников волынской рукописной школы, хранившихся во Владимире-Волынском в древлехранилище Владимир-Волынского братства и в Житомире в Волынском епархиальном древлехранилище, видимо, погибли, их сегодняшнее местонахождение неизвестно[72]. Поэтому мы можем судить о волынской рукописной книжности лишь по немногим памятникам, а также по сделанным в прошлом веке репродукциям.

Прекрасным образцом волынского рукописания XVI в. было Евангелие, положенное в Загоровский монастырь в январе 1563 г. Петром Богдановичем Загоровским и его женой Федорой Федоровной Сангушко. В книге — превосходные заставки балканского стиля с ярко раскрашенной плетенкой. На одном из листов есть боковые украшения в виде геометрического орнамента[73].

В том же монастыре издавна хранился богато орнаментированный Апостол с вкладной записью 1563 г. Поздняя запись в конце книги датирует ее 1554 г. Одна из полос раскрашена, остальные были лишь подготовлены к раскраске. Заставка на этой полосе — красно-синяя плетенка на золотом фоне. Правое и нижнее поля заняты ярким растительным орнаментом на золотом фоне; в орнамент вписана обнаженная детская фигурка (путти)[74].

В той же художественной школе, что и Загоровский апостол, возник замечательный памятник украинского рукописания — Пересопницкое евангелие[75], которое, к счастью, сохранилось и ныне находится в Библиотеке Академии наук в Киеве. Книгу обнаружил в Переяславской семинарии и впервые описал в 1838 г. И. М. Бодянский[76]. Рукопись сравнительно хорошо изучена, как с лингвистической, так и с искусствоведческой точки зрения[77].

Текст Евангелия — перевод с «языка блъгарского на мову роускоую», а точнее — на украинский язык (книга как бы предвосхищала Евангелие Василия Тяпинского). По словам переписчика, а возможно, и переводчика, перевод сделан «для лепшого вырозумленя людоу христианского посполитого». В этих словах — перекличка с аналогичными мотивировками в книгах Скорины и Тяпинского. Переписчик Михаил Васильевич из Санока трудился пять лет — с 15 августа 1556 г. по 29 августа 1561 г. «Устроена» же книга была повелением пересопницкого архимандрита Григория.

Пересопница — небольшое село в Луцком уезде на речке Стубле, которое вместе с находившимся здесь монастырем издавна принадлежало князьям Чарторыйским [78].

Переписано Евангелие на 480 листах пергамена крупным уставом своеобразного начертания. Впервые анализ письма был предпринят П. И. Житецким. С московским полууставом, который лег в основу шрифта Ивана Федорова, письмо волынской рукописи не имеет решительно ничего общего, хотя некоторые авторы и утверждают противное.

Орнаментальное убранство Пересопницкого евангелия, как это впервые заметил А. С. Грузинский, датировано 1556 г. Дату можно прочитать на подставке вазы, из которой исходит узколистный вьюнок, обвивающий миниатюру с изображением евангелиста Матфея.

Характер растительного обрамления миниатюр и первых листов каждого из четырех евангелий различен, что говорит о мастерстве художника, широте его образного мышления. На листе с изображением евангелиста Марка господствует стилизованный акант — совсем не такой, как в московской первопечатной книге. Это тонкие многолопастные листья, к тому же раскрашенные в красный и синий цвет. Первая страница евангелия от Марка обрамлена цепочкой четырехлепестковых цветочных розеток. Миниатюру «Лука» украшают отороченные листвой ветви, поставленные в вазы в нижней части листа. Близкая по стилю орнаментика в конце XV в. пришла из Италии в московскую рукописную книгу.

Заставки Пересопницкого евангелия — весьма характерный украинский вариант балканской плетенки. Инициалы заключены в прямоугольные рамки; тут нельзя не провести параллелей с Острожской Библией Ивана Федорова.

Волынский растительный орнамент сколько-нибудь широкого распространения в украинской рукописной книжности не получил.

В Галицкой Руси в XVI в. в книжной орнаментике почти безраздельно господствует балканская плетенка. Украшения на полях встречаются реже, чем на Волыни. Они лаконичны, растительные мотивы упрощены и часто приближаются к геометрическим. Пример — Евангелие из Шумлян второй половины XVI в. [79] Декоративнее и ближе к растительному первоисточнику орнамент Евангелия из Великополя [80].

И совсем уже подобно памятникам волынской школы Евангелие 1545 г. из Хишевич [81]. Миниатюры с изображениями евангелистов и первые листы каждого из четырех евангелий обрамлены здесь буйным растительным орнаментом с изогнутыми в виде восьмерок ветками и листьями.

Итак, многолетняя практика рукописания создала устойчивые предпосылки для возникновения на Украине славянского книгопечатания кирилловского шрифта. Орнаментика волынской художественной школы оказала определенное воздействие на Ивана Федорова, хотя это воздействие не было решающим. Первопечатник

сохранял верность московским традициям и делал все для того, чтобы на Украине привился московский старопечатный орнамент. Это, как мы увидим в дальнейшем, полностью удалось ему.

Библиотеки. Древние русские библиотеки в недавнее время нашли себе историка и бытописателя в лице М. И. Слуховского [82]. Об украинских библиотеках XV—XVI вв. мы знаем очень мало. Между тем книжные собрания на Украине бытовали не менее широко, чем в Московской Руси. Иван Федоров, приехав во Львов, столкнулся с высокой книжной культурой и, конечно же, это не могло не способствовать возникновению первой типографии на украинской земле.

Собрания богослужебных книг издавна комплектовались при монастырях и церквах. В Онуфриевском монастыре, прихожанином которого был Иван Федоров, по описи 1579 г. числилось 30 книг [83]. Библиотека Успенской церкви упоминается в актах еще в 1543 г. Впоследствии она переросла в собрание Львовского братства, которое Я. Д. Исаевич называет «первой... библиотекой украинской гражданско-политической организации» [84]. Судьбы ее представляют для нашей темы немалый интерес. Книги братской библиотеки бытовали во Львове еще при жизни первопечатника, и он, несомненно, пользовался ими.

О собрании можно судить по инвентарям, составленным в 1601, 1615, 1619, 1637, 1688 гг. Каталог 1601 г. был опубликован Д. Зубрицким и С. Голубевым [85]. Инвентарь 1619 г. изучен и проанализирован И. П. Крипъякевичем [86].

По подсчетам Я. Д. Исаевича, в 1601 г. в библиотеке было 145 книг. Преимущественно это церковно-славянские издания. Не исключено, что среди них были издания Швайпольта Фиоля — в каталоге упоминаются печатные Триоди без указания места печатания. Иван Федоров мог познакомиться в библиотеке с книгами Франциска Скорины—в каталоге названы «Книга на десту, зовемая Библiа доктором Францешком» и «Книга о Премудрости Соломона Францешкова друку». Названа здесь и «Книга на полдесту, зовемая Катехизис, Францешкова друку»—такого издания Скорины мы не знаем. Не исключено, что составитель каталога ошибся, и речь идет о несвижском Катехизисе Симона Будного.

Были в библиотеке Львовского братства издания самого Ивана Федорова — четыре экземпляра Острожской Библии, заблудовская Псалтырь с Часословцем, возможно и заблудовское Учительное евангелие. Не исключено, что попали эти книги в собрание непосредственно от первопечатника. Отметим, что «друкованное новое» Учительное евангелие упоминается и в описи Онуфриевского монастыря 1579 г.

В 1601 г. в библиотеке Львовского братства было 8 греческих и 18 латинских книг. Приступая к воспроизведению греческих текстов, Иван Федоров, который впоследствии называл себя «типографом греческим и славянским», мог познакомиться здесь с греческой типографской традицией. В инвентаре упомянуты,

например, «два тестамента грецкие друкованные, третий грецкий с латинским тестамент», «пятидесятница грецкая друкованная», «книжка в политуре грецкая». Среди авторов латинских и греческих книг — Аристотель, Вергилий, Овидий, Цицерон.

В 1579 г. 22 польские книги перешли в библиотеку вместе с частным собранием Леська Малецкого. Это собрание — старейшая из известных нам частных украинских библиотек. Богатый купец Малецкий был одним из основателей Львовского братства. Он вел какие-то дела с Павлом Щербицем — основателем польской типографии во Львове [87]. В завещании Малецкого отдельно переписаны оставленные им книги [88]. Выделена русская часть библиотеки — 7 книг, из них четыре — рукописные.

Упомянуты книги и в завещании умершего в 1579 г. Якова Наместника, «русского попа». Среди них «восемь книг русских больших и малых» [89].

Библиофилом был живший во Львове во второй половине XVI в. армянин Георгий Ивашкович. В предвоенные годы в Библиотеке им. Оссолиньских во Львове находилось 10 когда-то принадлежавших Ивашковичу книг. Среди них «Сочинения» Лактанция в базельском издании 1563 г., «О московской войне» Р. Гейденштейна в краковском издании 1584 г., многотомное издание К. Барония, выпущенное знаменитым Плантеном в Антверпене [90]. Все эти книги были с любовью переплетены и снабжены экслибрисами «Георгия Ивашковича и его друзей».

Среди частных польских библиотек Львова прежде всего необходимо назвать колоссальное для своего времени собрание Яна Алембека, или Альнпека — выходца из Фрибурга, автора первого печатного описания Львова, который, по словам львовского историка Владислава Лозиньского, «был человеком разносторонним, просвещенным и талантливым... был и купцом, и ученым, и поэтом, и политиком» [91]. В завещании Алембека, составленном в 1580 г., перечислено около 100 томов [92]. Лишь 27 из них на польском языке; большинство же книг — немецкие. Особенно интересовался Алембек исторической проблематикой. После смерти Алембека его библиотеку пополняли сын Ян младший (ум. 1636 г.), внук Валериан (ум. 1678 г.) — доктор философии и медицины, профессор и ректор Академии Замойской, а также правнук Людвик Валериан (ум. 1704 г.). К началу XVIII в. в собрании было уже 1428 томов [93]. Влилось в собрание и несколько частных библиотек, среди них — книги известного мецената и библиофила Петра Кмиты, украшенные экслибрисом с гербом «Шренява» [94].

У Алембеков были книги крупнейших типографов XVI в. — Этьенов, Плантена, Фробена. Иван Федоров мог познакомиться с этими шедеврами типографского искусства — контакты между ним и Яном Алембеком в принципе не исключаются. Был в библиотеке и труд Полидора Вергилия Урбинского «Восемь книг об изобретателях», на страницах которого первопечатник мог прочитать рассказ (впрочем, достаточно скупой) об Иоганне Гутенберге [95].

Попала к Алембекам и библиотека Павла Щербица, основателя польской типографии, работавшей во Львове в годы пребывания там Ивана Федорова. Книги с суперэкслибрисами или маргиналиями Щербица сохранились до наших дней [96].

Среди других львовских библиофилов XVI в. назовем патриция Станислава Крайзера (ум. 1574 г.), в завещании которого упомянуто около 30 книг [97], городского лавника Ежи Шпонера (ум. 1585 г.) [98], члена городского Совета Войцеха Островского — первого учителя Яна Замойского; в его завещании названо более 70 книг [99]

Вывод ясен: к началу 70-х гг. XVI в., когда Иван Федоров приехал во Львов, в этом городе было собрано большое количество книг, разнообразно и достаточно полно представлявших продукцию типографий Западной Европы.

Иван Федоров мог, если бы захотел, приобретать книги в книжных магазинах.

Книжная торговля. Зарождение и первые шаги книжной торговли во Львове с достаточной полнотой изучены Анной Енджейовской, материалами которой мы здесь пользуемся [100]. Старейшим известным по имени львовским книготорговцем был Петр из Любека, упоминаемый в архивной документации под 1477 г. [101] Посещали Львов и бродячие книготорговцы — Ян Пфеффер из Кракова, Мартин Шмидт — комиссионер известного нюрнбергского типографа и издателя Антона Кобергера [102].

Первый книжный магазин во Львове основал в середине XVI в. Петр Познаньчик. Сохранилась опись магазина, составленная в 1559 г. [103]

Крупнейшим книгопродавцем этого времени был скончавшийся в 1573 г. Ганнуш Брикер. В завещании его упоминается около 1000 книг 230 названий [104]. Несколько позднее во Львове торговал книгами Бальцер Гибнер, имя которого в городской документации впервые упоминается в сентябре 1579 г. [105]

Много приезжих книгопродавцев собирала ежегодная ярмарка в день св. Агнешки — 21 января. В ней обязательно принимали участие представители крупнейших издательских домов Кракова — Шарфенбергов и Зибенайхеров. В 1550 г. лавку на ярмарке открыл Иероним Шарфенберг; его дядя Якуб в дальнейшем регулярно торговал здесь бумагой, которую производила его мельница в Млодзиевицах под Краковом. Посещал Львов и Мацией Зибенайхер [106], известный краковский типограф, выступавший в 1573 г. консультантом на судебном процессе Ивана Федорова со столярным цехом. Второй консультант на этом процессе Миколай Пренжина также не раз продавал книги на львовской ярмарке [107].

Не сохранилось сведений о лавках, торговавших славянскими книгами кирилловского шрифта. Но они, несомненно, были. 12 мая 1574 г. Иван Федоров поручил своему соседу портному Касьяну выправить долг в размере 32 злотых с крещеного еврея Ивана, который, видимо, торговал книгами на комиссионных началах [108]. У первопечатника брали в долг книги житель Коломыи Иван

Шпак [109], виленский мещанин Яков Максимович [110]. Не исключено, что и сам Иван Федоров торговал своими изданиями.

Типографии. До приезда Ивана Федорова во Львов в этом городе не было типографии — многочисленные попытки львовских историков, начиная с Д. Зубрицкого и кончая О. Мацюком, доказать противное, на наш взгляд, успехом не увенчались. Однако в дальнейшем, еще при жизни Ивана Федорова, во Львове начала работать польская типография. Наш первопечатник мог обмениваться с этой мастерской типографскими материалами — мы покажем ниже, что такое утверждение далеко не беспочвенно. Мы не видим даже ничего невозможного в том, что Иван Федоров сам печатал польские книги — ведь делал же это прославленный львовский друкарь XVII в. Михаил Слезка. Познакомимся с львовскими типографиями, печатавшими польские книги.

Типографская деятельность поляков во Львове в XVI в. не была активной — вспомним, что неподалеку интенсивно работали краковские печатники. В библиографии учтено всего 17 польских и латинских книг, изданных в XVI в. в главном городе Галицкой Руси [111]. Лишь пять из них вышли при жизни Ивана Федорова.

Первую польскую типографию привез во Львов в своем обозе король Стефан Баторий. Типография, устроенная известным краковским печатником Миколаем Шарфенбергом, сопровождала Батория в его походах; ее деятельность недавно изучена Алодией Кавецкой-Грычовой.

Перед прибытием во Львов король гостил в имении Замх у канцлера Речи Посполитой Яна Замойского. Охотничьи забавы чередовались с пирами. 8 мая 1578 г. прославленный поэт Ян Кохановский (1530—1584) прочитал перед королем поэму «Замханская Дриада». Пребыванию в Замхе посвящено и другое стихотворение Кохановского — «Замханский Пан». Оба стихотворения были напечатаны в 1578 г. во Львове в кочевой типографии Миколая Шарфенберга мастером Валенты Лапчиньским [112].

Первая польская книга, изданная во Львове, — небольшая тетрадка из шести листов. На титульном листе — гравюра с изображением летящего орла. По мнению некоторых исследователей, это типографский знак кочевой мастерской Шарфенберга. Единственный полный экземпляр книжки, находившийся в Дзиковской библиотеке, ныне — в Варшавской Национальной библиотеке. Дефектный экземпляр в предвоенные годы находился в библиотеке Красиньских [113].

Ян Кохановский пользовался большой известностью и в Польше и за ее пределами [114]. Сам он писал об этом так:

Известен стану я Москве и басурманам,
И света жителям иного — англичанам,
Испанцу храброму и немцам, и народу,
Который Тибра пьет глубокоструйну воду [115].

Мы привели стихи в переводе Л. Мартынова. В оригинале речь идет не о «басурманах», а о татарах. Пытаясь установить меру

своей известности, Кохановский на первое место ставит Московскую Русь и Крым — две державы, от которых больше всего зависели судьбы Речи Посполитой.

Кохановский симпатизировал польской реформации. С одним из ее вождей — Миколаем Радзивиллом Черным — он находился в приятельских отношениях, служил при его дворе. Его супруге поэт посвятил поэму «Сусанна», опубликованную около 1562 г. в Кракове Мацеем Виржбентой[116]. Именно в это время в имении Радзивилла в Несвиже работала славянская типография, выпустившая две книги Симона Будного. Впоследствии Кохановский переложил на стихи военный дневник Радзивилла (поэма «Поход на Москву»).

В 1579 г. в Лазаржевской типографии в Кракове была напечатана «Псалтырь Давида», переложенная на стихи Я. Кохановским[117]. Книга пользовалась колоссальной популярностью и сто лет спустя была переведена на русский язык и издана в Москве Симеоном Полоцким. На титульном листе — небольшая гравюра, изображающая царя Давида[118]. Нельзя не найти определенные точки соприкосновения между этой гравюрой и фронтисписом Псалтыри с Часословцем, выпущенной за 9 лет до этого в Заблудове Иваном Федоровым. И тут и там царь Давид помещен в «сени» под балдахином. Особенно же близок к заблудовскому сидящий на задних лапах лев краковского издания. Эта близость станет еще более наглядной, если положить рядом гравюру из Библии Фейерабендта, которая считается одним из прототипов фронтисписа 1570 г. Мы не хотим утверждать, что заблудовская гравюра послужила отправной точкой для краковского гравера, создавшего титул Псалтыри Кохановского, хотя такая возможность не исключается. В 1578 г., когда начиналась работа над этим изданием, Иван Федоров был в Остроге и поддерживал тесные связи с Краковом и со Львовом, где в то время печаталась «Замханская Дриада».

В том же 1578 г. из первой польской типографии во Львове вышло еще два издания — труды известного в ту пору придворного католического проповедника Станислава Соколовского[119]. На титульном листе одного из них — виньетка, составленная из двух политипажей — «листиков липы»[120]. Точно такие же политипажи мы найдем в Азбуке, изданной в том же 1578 г. Иваном Федоровым. Это, быть может, не более чем совпадение, свидетельствующее о том, что обе типографии имели один и тот же источник снабжения наборной орнаментикой.

Покинув Львов, Стефан Баторий взял с собой и кочевую типографию Миколая Шарфенберга. Однако польское книгопечатание во Львове не прекратилось. Три года спустя, в 1581 г., здесь вышли в свет две большие книги; они связаны с именем Павла Щербица.

П. Щербиц (или Щербич) родился в 1552 г. в Кракове в семье профессионального военного, который на досуге поторговывал книгами[121]. Отцу Щербица принадлежал большой старый дом

на краковском Рынке — «Серая каменица», в котором жил и в 1525 г. умер славянский первопечатник Швайпольт Фиоль[122]. Павел учился в Краковском университете, а затем провел несколько лет за рубежом, где штудировал юриспруденцию. В 1577 г. он при содействии покровительствовавшего ему краковского воеводы Миколая Фирлея получил место синдика во Львове. Родственник Фирлея — люблинский воевода и великий коронный маршалек Ян Фирлей — был известным деятелем реформации, при его дворе в 1563 г. служил Ян Кохановский. Синдик представлял город на сеймах и при дворе короля, заботился о сохранении и развитии юридических прав города.

В 70-х гг. львовские купцы и ремесленники добились реформы городского управления. Была учреждена так называемая коллегия 40 мужей, в которую вошли представители цехов и среднего купечества. Коллегия ограничила власть Совета — рады — давнего оплота городского патрициата [123]. Реформу проводил Щербиц. Он специально ездил в Краков, чтобы ознакомиться с институтами городского самоуправления.

Часто встречаясь с королем, Щербиц сумел получить у него привилегию на издание сделанных им переводов основных источников городской юрисдикции. Баторий гарантировал ему сохранение авторских прав в течение 10 лет. В 1581 г. вышли в свет оба труда: «Спекулум Саксонум, или Право саксонское и магдебургское» и «Юс Муниципале, или Городское магдебургское право» [124]. Книги были изданы достаточно большим тиражом. В предвоенные годы во Львове они хранились в четырех крупнейших библиотеках [125]. В настоящее время по четыре экземпляра каждого труда находится в Библиотеке им. Оссолиньских во Вроцлаве[126]. Есть они и в других собраниях.

Книги имеют нарядные титульные листы с совершенно аналогичными гравированными рамками, в верхней части которых изображена битва поляков с татарами. На титуле указано, что книги напечатаны во Львове собственным «коштом и накладом» Павла Щербица [127]. Кроме того, на последней странице отмечено: «Во Львове... печатано у Павла Щербица».

Несмотря на столь четкие указания, историки книжного дела по сей день спорят о том, где были напечатаны книги Щербица. Ян Птасьник считал, что Щербиц всего лишь служил у Шарфенбергов, и утверждал, что издания 1578 г., о которых шла речь выше, и переводы ученого синдика напечатаны в одной и той же типографии, устроенной Щербицем «именем своего принципала Миколая Шарфенберга» [128]. Согласиться с этим нельзя, ибо кочевая типография Шарфенберга уже в конце 1578 г. была в Кракове, а в 1579—1581 гг. работала в Варшаве[129].

Справедливо возражая Птасьнику, А. Енджеиовска посчитала, однако, невозможным, чтобы человек науки, «имеющий ученый диплом, вел типографскую деятельность, хотя бы и в течение короткого времени» [130]. По ее мнению, труды Щербица могли быть на-

печатаны в Кракове, причем Львов указан лишь как место создания, написания этих трудов. С другой стороны, Шарфенберг мог выслать по просьбе Щербица во Львов «своих челядников с кассами и печатным станом»[131]. Проанализировав типографский материал книг Щербица и краковских изданий Шарфенберга, Енджейовска нашла, что материал один и тот же.

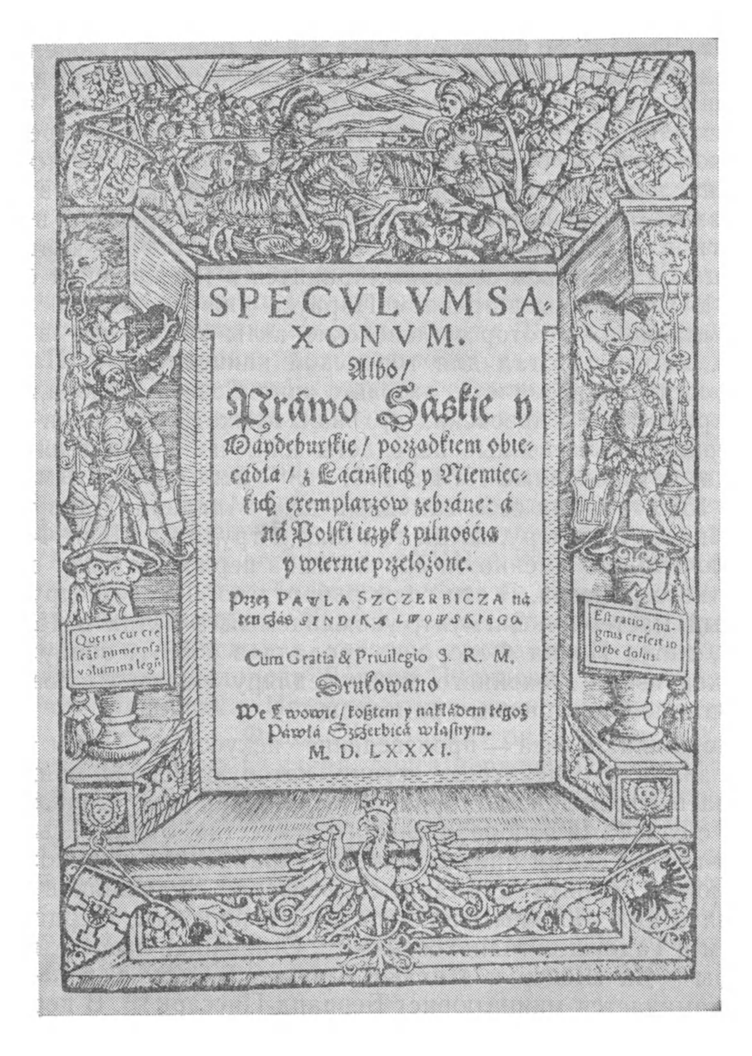
Рецензент книги Енджейовской И. Б. Рихтер показал, что обе типографии использовали не идентичные, но лишь похожие материалы[132]. С ним полностью согласны авторы нового капитального труда «Типографы старой Польши XV—XVIII вв.», которые цитируют текст королевской привилегии, разрешавшей Щербицу «те свои труды своими средствами отпечатать»[133]. Вместе с тем они вслед за Енджейовской утверждают, что Щербиц сам не мог печатать свои книги — ему мешали хотя бы частые отлучки из города по служебным делам. Могли существовать какие-то связи с краковской типографией Лазаря Андрисовица. Гравированные рамки титульных листов изданий Щербица, оказывается, еще в 1535 г. использовались краковским типографом Иеронимом Виетором. Типографские материалы Виетора в дальнейшем перешли к Андрисовицу, женившемуся на вдове Иеронима — Барбаре[134]. После смерти Андрисовица типографию унаследовал его сын Ян Янушовский, с деятельностью которого авторы «Типографов старой Польши» и хотели бы связать полиграфическое воспроизведение изданий Щербица.

Допускают они и другую возможность: книги Щербица были напечатаны на станке, который Иван Федоров в 1579 г. заложил Израилю Якубовичу. Какая-либо связь их издания с самим Иваном Федоровым исключена. Книги Щербица печатались в период между 1578 г., когда синдик получил королевскую привилегию, и 1581 г. Все это время Иван Федоров работал над Острожской Библией.

Протекции канцлера Я. Замойского Щербиц обязан почетной и доходной должностью королевского секретаря и «писаря декретов». 1 января 1583 г. он оставил Львов. Два года спустя Стефан Баторий пожаловал ему шляхетское достоинство — Щербиц был приписан к дворянскому гербу рода Замойских — «Элита». В последние годы жизни Щербиц принял духовное звание. Умер он 3 марта 1609 г. и был похоронен в Доминиканском костеле в Кракове.

Переплетчики. Книгу во Львове не только знали, но и любили. А значит, здесь всегда находилось дело для переплетчиков. Судьбы этого ремесла, сплошь и рядом близкого к искусству, представляют немалый интерес для нашей темы. Иван Иванович, сын и наследник Ивана Федорова, был переплетчиком. Да и самому типографу приходилось заботиться о прочной одежде для напечатанных им книг.

Старейший известный нам по имени львовский переплетчик Ян упоминается в актах под 1483 г.; он работал, по-видимому, в доме львовского архиепископа[135]. В одном из документов с ним вместе назван другой Ян, причем о них идет речь как о «переплет-

SPECVLVM SAXONVM.

Albo/

Prawo Sáskie y Magdeburskie / porządkiem obiecádla / z Láćińskich y Niemieckich exemplarzow zebráne: á ná Polski iezyk z pilnośćią y wiernie przełożone.

Przez PAWLA SZCZERBICZA ná ten czás SYNDIKA LWOWSKIEGO.

Cum Gratia & Priuilegio S. R. M.

Drukowano

We Lwowie / kosztem y nakłádem tegoż Páwłá Szczerbicá włásnym.

M. D. LXXXI.

Павел Щербиц. Спекулум Саксонум, или Право саксонское и магдебургское. Львов, 1581 г. Титульный лист

чиках или в другое время типографах». По мнению А. Енджейовской, это значит лишь, что оба Яна не только переплетали книги, но и делали тиснение на переплетных крышках[136]. Не исключено, что одного из названных Янов можно отождествить с Яном Шепером, который в 1486 г. упоминается как миниатюрист. Шепер украшал рукописи для львовского архиепископа Яна Вонтрубки Стжелецкого[137]. В это же время во Львове жил и трудился другой иллюминатор — Михаил Дропан, по происхождению румын. В 1486 г. он судился с каноником Гжегожем, который скупо заплатил ему за работу[138]. Второго из Янов-переплетчиков можно отождествить с

Яном, или Иоганном Фефером, который в апреле и июне 1486 г. имел какие-то дела с краковским переплетчиком Иоганном из Бельца [139].

Крупнейшими переплетными мастерами Львова в середине и второй половине XVI в. были отец и сын Парвусы, оба носившие имя Станислав. Старший Парвус в 1518—1538 гг. работал в Кракове, был знаком с крупнейшими типографами того времени, переплетал книги для Краковского университета [140]. Одна из книг, переплетенных Станиславом старшим, хранится в Ягеллонской библиотеке [141]. В 1547 г. мы встречаем Парвуса уже во Львове [142]. Станислав младший, о котором львовские акты упоминают в 1567—1589 гг., много работал для городской канцелярии [143]. Памятник его искусства — переплеты актовых книг Совета Львова, по сей день сохраняемые в львовских архивах. Может быть, он и изготовил высокохудожественные переплеты книг из библиотеки Павла Щербица, датированные 1574 и 1581 гг.[144] Был он богатым человеком и в 1585 г. купил себе каменный дом. Младший Парвус работал во Львове в ту пору, когда там жил и трудился Иван Федоров. Не исключено, что именно он обучил сына первопечатника основам переплетного ремесла. В эти годы работал во Львове и другой переплетный мастер — Зигмунт, упоминаемый в актах в 1575 г.[145] Татьяна, сноха Ивана Федорова, продала в 1588 г. оборудование мастерской своего покойного мужа седляру Ивану [146]. Возможно, и он занимался переплетным ремеслом.

Художники. Книга — произведение искусства. Наши предки хорошо знали эту нехитрую истину, которую подчас приходится доказывать и сегодня. История печатания во всех странах тесно связана с судьбами изобразительного искусства. Знакомясь с материально-техническими предпосылками украинского книжного дела, мы не можем обойти вниманием львовских художников XVI в. Сведения о них собраны Владиславом Лозиньским, Фердинандом Бостелем и Тадеушем Маньковским [147]. Старейшие львовские иллюминаторы — Ян Шепер и Михаил Дропан. В 1489 г. в львовских актах упоминается миниатюрист Бернард Писсарк [148]. В первой половине XVI в. во Львове жил «русский художник» Хома [149]. Документы неоднократно упоминают художника Федора, который с 1539 г. трудился в монастыре св. Онуфрия, где впоследствии был похоронен Иван Федоров [150]. В 1564 г. Федор работал для церкви св. Пятницы на Краковском предместье. Он жил на львовском Подзамчье, имел ученика Василия и умер в конце 60-х гг.

Слава о львовских художниках вышла за пределы Галицкой Руси. 22 апреля 1565 г. молдавский воевода Александр писал священникам и прихожанам Успенской церкви во Львове, чтобы прислали к нему художников — «зукров» (т. е. зографов. — Е. Н.) [151]. Объединенный цех художников, золотых дел мастеров, пушкарей и литейщиков часто считают католическим. На самом деле это не так, по крайней мере для тех лет, когда во Львове жил и трудился Иван Федоров. Активную роль в делах цеха играл крупнейший

львовский художник армянин Павел Богуш. По мнению историка Тадеуша Маньковского, в первой половине XVI в. польских художников во Львове было значительно меньше, чем украинских[152]. Активный деятель контрреформации, львовский архиепископ Ян Соликовский возмущался тем, что в католических костелах города висят иконы, «сделанные руками схизматиков», и что эти иконы чтут верующие[153]. Стараниями Соликовского был основан католический цех художников, который в 1595 г. получил привилегию Стефана Батория. В этот цех не приняли ни армянина Павла Богуша, ни украинца Лаврина Пилиповича. Несдержанный Пилипович был возмущен и пригрозил заправилам цеха Шванковскому и Вольфовичу «пролитием крови»; дело дошло до суда[154].

О Лаврине (Лаврентии) Пилиповиче, или Пухальском, нужно сказать подробнее, ибо имя его в актах стоит рядом с именем Ивана Федорова.

Первые упоминания о нем в актовых книгах встречаются в начале 70-х гг.[155] В дальнейшем архивные свидетельства с его именем попадаются достаточно часто — на протяжении последней четверти XVI в. и первого десятилетия XVII в.[156] Пилипович был богатым человеком, владел большим домом на Краковском предместье, стоившим 400 злотых. Жена Катерина родила ему двух сыновей — Ивана и Александра, которые также стали художниками. По просьбе Ивана Федорова Лаврин Пилипович обучал резьбе на стали Гриня Ивановича. Источники упоминают и других его учеников — Андрея, Яна, Федора[157]. Обучал он, видимо, и Хому — младшего сына Семена Седляра, друга первопечатника. Хома упоминается в актах в 1598 г. как «товарищ» (т. е. подмастерье) живописца[158]. Лаврин Пилипович пользовался большим уважением среди земляков. Братство св. Николая, членом которого он состоял, неоднократно давало ему важные поручения. В 1599 г. львовские украинцы послали его вместе с Семеном Луцким в Варшаву «в той справе, котора ся точит о вольности всего народу русского»[159]. Умер Лаврин около 1610 г.

ИВАН ФЕДОРОВ ВО ЛЬВОВЕ

Иван Федоров приехал в «преименитый град» Львов в конце 1572 г. 26 января 1573 г. имя первопечатника впервые упоминается в актах львовских архивов. Чтобы основать типографию, нужны были немалые средства. Иван Федоров прежде всего обратился за помощью к зажиточным горожанам — «многащи богатых и благородных в мире, помощи прося от них». «Сердечно каплющими слезами моими ноги их омывах», — образно рассказывает первопечатник об этих трудных днях своей жизни. Однако мольбы успеха не имели. Тогда Иван Федоров попросил священника объявить в церкви о приезде в город типографа и о его нуждах — «всем вслух поведати повелел». На первых порах это не возымело успеха. Львовская православная иерархия в ту пору жила конфликтом

между Гедеоном Балабаном и Иваном Лопаткой-Осталовским — ей было не до приезжего друкаря. Момент для создания типографии был выбран неудачный. Можно поэтому поверить Ивану Федорову, когда он, все же несколько драматизируя обстановку, писал в послесловии к Апостолу 1574 г. об этом тяжелом для него времени: «не испросих оумиленными г(лагол)ы, ни оумолих многослезным рыданием, не исходатаиствовах никоея же м(и)л(о)сти иереискими чинми, и плакахся прегоркими слезами».

Первопечатник специально подчеркивает, что он не нашел помощи «не точию же в руском народе, но ниже в греках милости обретох». Греческая колония во Львове была сильной и богатой. Года за два до приезда Ивана Федорова, в феврале 1571 г., грек Сава Федорович купил большой дом на Русской улице, ранее принадлежавший украинцу Косту [160]. Сава вел обширные торговые операции — имя его неоднократно упоминается в актах [161]. В 1570 г. он ездил «с своим товаром до земли пресветлого московского великого князя при их милостях великих послах пану воеводи иноврацлавским и каштеляни минским» [162]. Умер он в 1582 г., во львовских архивах сохранилось его завещание [163].

Богатым человеком был и грек Константин Корнякт (1517—1603), родом с Крита, поселившийся в городе еще в 50-х гг. [164] По мнению В. Лозиньского, Корнякт разбогател, торгуя хлопчатобумажными тканями, которые его агенты вывозили в Германию. В те годы, когда Иван Федоров создавал типографию и печатал первые книги, Корнякт был озабочен постройкой колоссального дворца на площади Рынок. Проектировал здание итальянский зодчий Петр из Барбоны. Дворец сохранился — в нем сейчас размещен Государственный исторический музей. Другим фасадом он выходит на старую Бляхарскую улицу, носящую ныне имя Ивана Федорова.

Еще одна причина мешала богатым горожанам Львова прийти на помощь первопечатнику — в 1571 г. случился большой пожар на Русской улице, сгорели почти все дома и большая Успенская церковь. Когда Иван Федоров приехал во Львов, богатые украинцы были заняты восстановлением своих домов.

Кто помог основать типографию? И все же нашлись люди, давшие Ивану Федорову необходимые средства. В послесловии к Апостолу 1574 г. первопечатник называет их «мали нецыи в иереиском чину, инии же неславнии в мире обретошася». «Неславные в мире» — это ремесленники-украинцы, не столь богатые, как Корнякт, но все же достаточно зажиточные, чтобы ссудить Ивану Федорову необходимую сумму. Одно из имен может быть названо точно — Семен Седляр. В 1573 г. он дал в долг типографу 700 злотых [165]. По тем временам это была колоссальная сумма. Бык в ту пору стоил 4 злотых, корова — 2 злотых, а за 700 можно было купить каменный дом на Рынке [166].

О занятиях Семена говорит его прозвище — он был кожевенником, делал седла. Видимо, он занимался и торговлей и сумел ско-

лотить немалое состояние. В львовских актовых книгах сохранились документы, рассказывающие о многосторонней деятельности Семена Седляра [167]. Он был не единственным седельником во Львове. Специальность эта в ту пору пользовалась спросом. Документы 70-х гг. упоминают о львовских седельниках Федоре Седляре из Подзамчья, Иване Седляре из Подзамчья и др. [168] Седельниками были и братья Иван и Юрий Рогатинцы — известные деятели Львовского братства конца XVI — начала XVII в. В 1577 г. Семен Седляр помогал Ивану Федорову завязать связи с краковскими изготовителями бумаги [169].

Документы рисуют нам облик состоятельного делового человека. Тем более интересно, что этот купец и ремесленник был, по-видимому, хорошо образован и поддерживал тесные связи с культурно-просветительским белорусско-украинским кружком Великого княжества Литовского. Известно письмо к Седляру Андрея Михайловича Курбского. Своенравный князь не считал для себя зазорным «на равных» переписываться со львовским ремесленником. «О превозлюбленныи мои брате, — пишет Курбский Семену, — правоверием украшенныи. Епистолию твою приях, и прочтох, и выразумех, и познах в тобе искры от божественного огня возгорением являемыя» [170]. В переписке шла речь о толковании спорных мест из писаний Иоанна Златоуста. По просьбе Седляра Курбский перевел толкования Златоуста на послания апостола Павла: «Желание твое исполнихом без закоснения, — пишет он Семену, — не фолгуючи или не щадячи старость и недуга, мне надлежащего, и протчих приключившихмися напастей, вскоре преложихом от римского языка во словенско... и послахом к твоей честности, брату моему любимому и другу единоверному». Как явствует из письма А. Курбского (январь 1580 г.), он неоднократно встречался с Семеном Седляром — они любили «усты ко устам беседовати». Вполне возможно, что в этих беседах принимал участие и Иван Федоров. Курбскому по имущественным делам, а также в связи с длительным бракоразводным процессом приходилось бывать во Львове. Князь приглашал Седляра «наведити» его в имении Миляновичи, неподалеку от Ковеля.

Тот «божественный огонь», который заметил в Семене Седляре Курбский, видимо, и побудил богатого ремесленника помочь Ивану Федорову. Ссудив типографу колоссальную по тем временам сумму, Седляр не требовал ее возвращения. Взыскивать долг с Ивана Федорова стал сын Седляра Сачко уже после смерти отца, скончавшегося в 1580 г. [171]

Семен Седляр, один из образованнейших людей своего времени, сыграл положительную роль в основании первой украинской типографии. Его подлинный облик имеет очень мало общего со сложившимся в нашей популярной литературе образом «ростовщика Сеньки Седельника», который «опутывал Ивана Федорова ростовщическими сетями» [172].

В письме А. Курбского Семену Седляру упомянут некий отец

Мина, которого князь также приглашал в Миляновичи. Этот человек, возможно, был среди тех «малых... в иереиском чину», которые, по словам Ивана Федорова, помогли ему основать типографию. Впоследствии Мина учился у Ивана Федорова, освоил в его мастерской основы печатного искусства. Был Мина монахом Онуфриевского монастыря. После смерти первопечатника он принимал самое активное участие в основании Ставропигийской братской типографии. В 1885 г. Гедеон Балабан посылал его собирать средства, чтобы выкупить у ростовщиков заложенное Иваном Федоровым типографское имущество [173]. Документ от 21 июля 1588 г. называет Мину типографом [174]. Мина стал первым управителем братской типографии [175]. В дальнейшем, когда братство поссорилось с епископом Балабаном, монаху пришлось претерпеть немалые мучения. В жалобе братства на епископа об этом рассказывается так: «...набожного и в святом письме ученого друкаря нашего Мину чернца с монастыря нашего св. Онуфрия... [Балабан] приказал своим слугам выволочь... за шею, оковать цепями и вывезти в Галич, где держал его в цепях на крилосе галицком два месяца... Затем, выпустив того чернеца снова во Львов, приковал его двумя цепями за шею к своей повозке и день и ночь так держал... а выпустив, приказал убираться прочь из города» [176].

И еще одно имя «малого в иереиском чину» должно быть названо — отец Леонтий, служитель церкви св. Онуфрия. И в дальнейшем он помогал Ивану Федорову. В начале 80-х гг. он ссудил первопечатнику 80 злотых под залог 40 экземпляров Апостола 1574 г. [177] Леонтий, живший в монастыре с начала 60-х гг., был хранителем монастырской казны и сплошь и рядом распоряжался ею по своему усмотрению: «сам брал чинши от домов монастырских и от садов всяких и от виноградников и от лугов монастырских» [178]. Умер он в 1588 г.

Где жил Иван Федоров? Установить место, где поселился Иван Федоров во Львове и где была им устроена первая украинская типография, позволяют документы, опубликованные в 1971 г. Э. Ружицким [179]. Это записи в книге, на страницах которой регистрировался сбор городского налога, именуемого «шос». 11 марта 1573 г. с горожан начали собирать «двойной королевский шос». Среди ремесленников, живших в доме бондаря Адама по Краковской улице и заплативших налог, упоминаются Валентин Зур, бондарь Мартин Страх и «русский типограф» [180]. Список горожан, заплативших «простой городской шос», который стали собирать с 28 января 1574 г., называет печатника по имени «типограф Иван» [181]. Нет никакого сомнения, что это Иван Федоров — других «русских типографов» в ту пору во Львове не было.

Дом, в котором поселился Иван Федоров, стоял в начале Краковской улицы — между площадью Рынок и Армянской улицей. Называли его «Кулганкивская каменица». По разысканиям Э. Ружицкого, он существовал еще в первой четверти XVIII в. примерно там, где сейчас находится дом № 4 по Краковской улице.

Тот же автор выяснил, что в 1583 г. в доме жили вдова бондаря Адама и его сын Альберт, портной Матвей Осмольский, бондарь Мартин Страх, золотых дел мастер венгр Павло, водопроводчик Юрий, органист Адам, часовщик Симон, шорники Станислав и Альберт. Нам нужно запомнить «рурмайстера» Юрия — друга Ивана Федорова, взявшего на себя после смерти печатника заботу о его детях.

Надо думать, что первая украинская типография размещалась тоже в «Кулганкивской каменице», ибо мастерская ремесленника обычно находилась там, где он жил. Косвенное свидетельство этому — увеличение количества жильцов в доме после выезда оттуда Ивана Федорова. Часовщику или шорнику не требовалось столько места, сколько типографу.

Краковская улица находится в самом городе; это для нас исключительно важно. В XVI в. украинцы обычно селились за городскими стенами — на Краковском или Галицком предместье. Большинство домов в городе принадлежало полякам и немцам. И. П. Крипъякевич в свое время писал, что ремесленники — жители многонационального Львова — украинцы, поляки, немцы, евреи, жили между собой дружно и не знали межнациональной розни [182]. Если это и так, все же нам кажется показательным, что Иван Федоров, приехав во Львов, поселился не на украинском Подзамчье, а на Краковской улице в доме, где жили одни лишь поляки. А следовательно, он не чувствовал себя чуждым в польской среде.

Конфликт со столярным цехом. Приехав во Львов и задумав основать типографию, Иван Федоров столкнулся с цеховой организацией ремесла. Типографов раньше здесь не было. Не было, естественно, и такого цеха. Поэтому никто не мог запретить пришельцу заняться типографским ремеслом. Однако, чтобы начать работу, нужно было изготовить печатный стан (привезти его с собой из Заблудова Иван Федоров не мог). Следовало соорудить наборные кассы, ящики для хранения шрифта. Для этого Ивану Федорову потребовался столяр. Вот тут-то и столкнулся с суровыми цеховыми законами печатник. Цех столяров строго-настрого запретил пришельцу держать у себя на службе столяра. Иван Федоров обратился в Городской Совет. Жалоба рассматривалась 26 января 1573 г. Совет поддержал цеховых старшин [183]. Типографу было запрещено постоянно держать столяра. Но он мог обратиться в цех и нанять там ремесленника, который бы, с дозволения своего мастера, сделал для типографа все необходимые работы. Однако никто из мастеров столярного цеха не захотел помочь Ивану Федорову. Тогда Городской Совет обратился за консультацией к краковским типографам Мацею Зибенайхеру и Миколаю Бжезине. Для нас это лишнее свидетельство того, что до Ивана Федорова ни одной типографии — ни польской, ни тем более русской, кирилловской, — во Львове не было.

Несколько слов о консультантах. Мацией Зибенайхер был крупнейшим типографом Кракова второй половины XVI в.; он уна-

следовал имущество и традиции известнейших краковских типографских домов Шарфенбергов и Зибенайхеров [184]. Миколай Бжезина, или Пренжина, скорее всего, был работником у Зибенайхера; книг с его именем мы не знаем [185].

Ответ на запрос Городского Совета пришел из Кракова 31 января 1573 г. Мацией Зибенайхер и Миколай Бжезина сообщали, что «краковские книгопечатники не держат у себя столяров». Если же кому из них понадобится столяр, они обращаются к цехмейстеру и за плату получают работника [186]. Ответ устроил Ивана Федорова. Однако цех по-прежнему отказывался дать ему столяра. Как обошелся типограф, мы не знаем. То ли соорудил стан и наборную мебель сам, то ли тайком от цеха нанял ремесленника. Так или иначе, но 25 февраля 1573 г. он начал печатать первую точно датированную украинскую печатную книгу — Апостол. Городской Совет вернулся к рассмотрению спора 7 декабря 1573 г. Иван Федоров заявил, что он хотел достать для своей типографии работника-столяра и «обратился с просьбой к мастерам-столярам, чтоб с их благоволения смог иметь такого работника, хотя бы только на время, в связи с острой необходимостью в своей типографской мастерской». Однако мастера ему в таком благоволении отказали.

В своем решении Городской Совет отметил, что, стараясь «отнестись к пришельцу с необходимым вниманием и заботясь о том, чтобы он, не закончив начатой им работы, не имел по той причине какого-либо убытка», и, вместе с тем, стараясь «одновременно не нарушить ни в чем прав и привилегий столяров этого города и их цеха», он решил «найти средний путь». Ивану Федорову было дано право подыскать специалиста-ремесленника там, где он этого пожелает, а затем записать его мастером в львовский столярный цех. Ремесленнику разрешалось делать лишь ту работу, которая необходима была для типографии. Ему категорически запрещалось «изготовлять для горожан или для чужих вещи, которые относятся к столярной работе — столы, лавки, шкафы, сундуки, двери, кровати». Если это условие будет нарушено, Иван Федоров обязан уплатить цеху штраф размером в 100 гривен. Решение Совета, как о том записано в актовой книге, «Иван принял». Цеховые же старшины «протестовали против обиды и нарушения своих прав и привилегий» [187]. На том дело и закончилось.

Типография. Печатать Апостол — первую украинскую печатную книгу, Иван Федоров начал 25 февраля 1573 г. и закончил почти год спустя — 15 февраля 1574 г. Одновременно с Апостолом, а может быть и несколько раньше в львовской типографии печаталась весьма примечательная книжица — Азбука, первый известный нам печатный учебник кирилловского шрифта.

Весь 1574 г. Иван Федоров проводит в заботах о распространении тиража Апостола — напечатано было не менее 1000 экземпляров. Часть тиража типограф отдал в долг, возможно, на комиссионных началах. Некоторые из должников впоследствии отказались платить, и с ними пришлось судиться. 12 мая 1574 г. Иван Фе-

доров поручил своему другу — портному Касьяну — выправить 32 злотых с Ивана, «который недавно из иудейства был обращен в греческую веру»[188]. Деньги полагались за взятые Иваном в долг «русские книги». 25 марта 1575 г. Иван Федоров посетил городскую Лаву и уполномочил своего слугу Василия Лесятинского взыскать долг — 20 талеров с жителя Коломыи Ивана Шпака или с его поручителя Дахно [189]. Шпак денег не отдал. Типографу пришлось еще раз, 16 августа 1575 г., побывать в Лаве, заявить протест и потребовать выплаты долга[190].

Одновременно Иван Федоров решил уладить и свои денежные обязательства. 6 мая 1574 г. он представил в обеспечение 700 злотых, взятых у Семена Седляра, «русские книги, типографию и все инструменты, принадлежавшие ему во Львове»[191]. Заклад, по-видимому, был номинальным, ибо позднее типограф не раз брал деньги под оборудование своей мастерской.

В это время крупный украинский феодал князь Константин Острожский, давно уже думавший об издании полной славянской Библии, пригласил Ивана Федорова к себе на службу. Увидя в этом возможность продолжать любимое дело, а также выход из финансовых затруднений, печатник согласился.

АПОСТОЛ 1574 г.

Почетное звание первой украинской печатной книги принадлежит Апостолу, который был начат печатанием 25 февраля 1573 г. и выпущен в свет 15 февраля 1574 г. Заслужено ли это звание? Скорее всего, нет. Львовская Азбука, о которой пойдет речь ниже, также датирована 1574 г. Точной даты выхода в этой книге нет. Скорее всего, она печаталась одновременно с Апостолом, и не исключено, что вышла в свет раньше, чем он. Могли быть и другие малообъемные книги, брошюры и листовки, которые до нас не дошли. Прежде чем приступить к изданию большой и серьезной книги, пускай уже один раз им печатавшейся, Иван Федоров должен был проверить новое оборудование. Помощники его, впервые пришедшие в типографию, должны были овладеть азами мастерства. Все это проще было делать, печатая малое, так сказать, опытное издание.

Современная наука именует Апостол 1564 г. первой точно датированной русской печатной книгой. По аналогии, которая напрашивается сама собой (хотя мы и не знаем пока украинских безвыходных изданий), мы можем называть Апостол 1574 г. первой точно датированной украинской печатной книгой.

История изучения и известные в настоящее время экземпляры. Апостол 1574 г., сохранившийся, как мы увидим позднее, в достаточно большом количестве экземпляров, был известен на Украине с давних пор. Едва ли не первым заинтересовался этой книгой Мануил Козачинский (1699—1755), автор драм и панегириков. Коза-

Апостол 1574 г. Титульный разворот

чинский скопировал для своих друзей послесловие первой украинской печатной книги [192].

Старые русские библиографы (А. И. Богданов, епископ Дамаскин) о львовской типографии Ивана Федорова и вышедших из нее книгах не знали. Вслед за ними и Е. А. Болховитинов первоначально утверждал, что Иван Федоров из Москвы направил стопы свои непосредственно в Острог. Честь первого печатного упоминания об Апостоле 1574 г. принадлежит К. Ф. Калайдовичу; в 1813 г. на страницах «Вестника Европы» он рассказал об этой книге и перепечатал ее замечательное послесловие [193]. В том же 1813 г. книга была зарегистрирована В. С. Сопиковым в 1-м томе его «Опыта российской библиографии» (под № 74), однако с ошибочной датой (1573 г.).

Первые конкретные экземпляры львовского издания названы в 1825 г. П. И. Кеппеном [194]. Один из них находился во Львове «в библиотеке Онуфриевской обители»; он замечателен своими владельческими записями. Ныне книга находится в ЛГНБ (Ст. 54010). П. И. Кеппен отметил также, что 3 экземпляра Апостола 1574 г. хранятся в собрании Н. П. Румянцева. Собрание, как известно, положило начало Румянцевскому музею. Однако коллекция канцлера перешла в Москву неполностью. Как указано в «Отчете по Московскому публичному музею от времени основания его до 1 января 1864 г.», «несколько редких изданий, входивших в состав этой коллекции, при переходе ее в казенное ведомство, были исключены еще в 1845 г.» [195]. Среди них был и Апостол 1574 г.

(экз. № 14[б]), это явствует из материалов, сохранившихся в архиве А. Е. Викторова[196]. Второй экземпляр Румянцевского собрания в музее был зарегистрирован под № 6[197]. Этот, а также 3-й экземпляр (№ 37) следует искать между теми 11 экземплярами Апостола 1574 г., которые ныне находятся в ЛБ (№ 1349 и № 4357). В 1828 г. был зарегистрирован экземпляр из собрания А. Смирдина[198].

Следующий экземпляр издания (из собрания Ф. А. Толстого) был в 1829 г. описан П. М. Строевым, который полностью напечатал в каталоге собрания послесловие книги[199]. Этот, по словам Строева, «очень чистый» экземпляр ныне находится в ГПБ (I.1.21[е]).

В 1833 г. стал известен Апостол 1574 г., принадлежавший А. С. Ширяеву. В дальнейшем он стал собственностью Российской академии[200], а ныне находится в БАН (7.5.11, инв. № 22). Три года спустя П. М. Строев описал экземпляр первой львовской печатной книги из собрания И. Н. Царского[201]; ныне книга находится в ГИМ (Цар.А19а). Был Апостол 1574 г. и в собрании А. Д. Черткова[202], также поступившем в ГИМ (Чертк. 402).

В 1836 г. западноукраинский историк Д. И. Зубрицкий (1777—1862) в своем труде о славянских типографиях в Галиции упомянул об уже известном нам экземпляре Апостола 1574 г. в библиотеке Онуфриевского монастыря — он посчитал этот экземпляр уникумом: «теперь существует один только экземпляр сей книги»[203].

В 1845 г. П. М. Строев ввел в оборот науки сведения о двух экземплярах Апостола 1574 г., принадлежавших Обществу истории и древностей Российских[204]. Книги ныне находятся в ЛБ. На одной из них сохранился автограф П. М. Строева (ЛБ, № 6615), на другой — автограф И. Н. Царского, подарившего книгу Обществу в 1827 г. (ЛБ, № 6620).

Три года спустя на страницах каталога библиотеки А. И. Кастерина В. М. Ундольский регистрирует уже 8 экземпляров первой львовской печатной книги[205]. Четыре из них нам известны (из собраний Толстого, Царского, Ширяева и Румянцевского музея — № 6). Четыре были учтены впервые. Это экземпляры из собраний Погодина, Каратаева, Кастерина и Московского главного архива Министерства иностранных дел. Экземпляр с характерным красным кожаным ярлыком «Из древлехранилища Погодина», наклеенным на корешке книги, ныне находится в ГПБ (I.1.21[д]). Там же — экземпляры И. П. Каратаева (ГПБ, I.1.21[б]) и А. И. Кастерина (ГПБ, I.1.21[а] — приписывается предположительно)[206]. Архивный экземпляр в дальнейшем был зарегистрирован И. Ф. Токмаковым[207]. Ныне он находится в ЦГАДА (ф. 1250, № 5).

Среди 13 экземпляров Апостола 1574 г., известных в 1849 г. И. П. Сахарову, лишь четыре новых[208]. Это, прежде всего, три экземпляра, принадлежавших Соловецкому монастырю. Один из них ныне находится в ГПБ (XXII.1.12). Там же находится и учтенный Сахаровым экземпляр из собрания Яковлева (ГПБ, I.1.21[в] — приписывается предположительно). Два экземпляра первой украинской печатной книги были в числе первоклассных раритетов

превосходного собрания А. С. Норова, печатный каталог которого был составлен самим автором, передавшим собрание в Румянцевский музей[209]. Ныне они находятся в ГПБ (I.1.21г и I.1.21ж).

В рукописных заметках В. М. Ундольского, сделанных в 50-х гг. XIX в., упоминаются экземпляры Апостола 1574 г., хранившиеся в библиотеках самарского купца Афанасия Кочуева и собирателя Андреяна Ивановича Озерского[210]. Судьба первого из них неизвестна. Библиотека Озерского была куплена А. И. Хлудовым[211]. Этот экземпляр был описан в печати в 1872 г.[212], ныне находится в ГИМ (Хлуд. 19).

Два года спустя стало известно об Апостоле 1574 г. из Выголексинской библиотеки Выговского старообрядческого монастыря Олонецкой губ.[213] В 1862 г. библиотека была перевезена в Петрозаводск — ее дальнейшая судьба неизвестна[214].

В 1875 г. Л. А. Кавелин описал экземпляр Апостола без выходного листа, найденный им в библиотеке монастыря Хиландар на Афонской горе. Книга имела «на заглавном листе» герб Г. А. Ходкевича, почему Кавелин и решил, что она «напечатана в его маетности Заблудове Федоровым в 1575 г.»[215]. Ныне мы можем с уверенностью сказать, что это был Апостол 1574 г., в котором и помещен упомянутый герб.

В том же 1875 г. был упомянут в печати экземпляр первой украинской печатной книги, подаренный в 1873 г. Петербургской Публичной библиотеке киевским книготорговцем С. И. Литовым[216]. Где находится экземпляр сейчас, мы не знаем. Неизвестна также судьба экземпляра из собрания А. И. Тихоцкого, который упоминается в рукописных заметках А. Е. Викторова[217].

На страницах первого издания прославленного «Описания славянорусских книг» И. П. Каратаева (Спб., 1878) указано три новых для нас экземпляра Апостола 1574 г.[218] Один из них в ту пору принадлежал П. В. Щапову; он находится в ГИМ (Щап.9). С экземпляром Московской синодальной типографии ныне можно ознакомиться в ЦГАДА (ф. 1251, № 45). Экземпляр Петербургской духовной академии неведомыми для нас судьбами попал во Львов, ныне он — в Научной библиотеке ЛГУ (№ III.13069). Описывая собрание Петербургской духовной академии, А. Родосский в 1884 г. упомянул этот экземпляр, а также два других. Один из них — «полный, хорошо сохранившийся» — поступил из Московского Публичного и Румянцевского музея (из собрания А. С. Норова)[219]. Ныне книга находится в ГПБ (I.1.21г). Судьба третьего экземпляра нам неизвестна.

В 1885 г. А. Будилович описал Апостол 1574 г., находившийся в Свято-Богородицком братстве в Холме[220]. О судьбе книги мы ничего не знаем. Экземпляр, который в 1889 г. находился в церкви села Диково Ровенского уезда Волынской губ.[221], возможно, следует идентифицировать с экземпляром Национальной библиотеки в Варшаве (XVI. F. 742).

На выставке, приуроченной к открытию XI Археологического

съезда в Киеве в 1899 г., экспонировались 3 экземпляра Апостола 1574 г.: один из Волынского епархиального древлехранилища, два других — из собрания Н. М. Михайловского[222]. Один из экземпляров Михайловского ныне — в Киеве (БАН УССР, Кир. 575). Местонахождение остальных неизвестно. Три года спустя на выставке в Харькове в ознаменование XII Археологического съезда был показан Апостол 1574 г. из собрания Н. С. Маклакова[223]. Собрание было пожертвовано Путивлю. Где оно сейчас — неизвестно[224].

В 1908 г. было описано 5 новых экземпляров Апостола 1574 г. Четыре из них в ту пору находились во Львове; о них рассказал в своих каталогах старопечатных книг И. С. Свенцицкий. Два экземпляра, принадлежавших Церковному музею[225], ныне в МУИ (№ 27/280703; № 27/280704). Два Апостола 1574 г. учтены И. С. Свенцицким в описи Музея Ставропигийского института[226], собрания которого после войны перешли в ЛГИМ. Экземпляр, описанный под № 21 (149) оказался не первой украинской печатной книгой, а первой московской точно датированной печатной книгой. Ныне он находится в ЛГНБ[227].

Второй экземпляр Ставропигийского института, по описанию И. С. Свенцицкого № 22(124) — «сильно обрезанный и подклеенный, без начальных листов и без конца» — в годы войны, а может быть и ранее, пропал, где он сейчас, мы не знаем.

Пятый из описанных в 1908 г. экземпляров находился в ту пору в Виленской публичной библиотеке[228]. В дальнейшем он попал в ЛБ[229], откуда уже после войны был передан Научной библиотеке Вильнюсского университета им. В. Капсукаса (ВГУ, Rк151, № 1323566).

В 1916 г. очень хороший экземпляр львовского Апостола приобрел в Москве украинский историк проф. М. Грушевский[230]. Экземпляр этот, однако, погиб в 1917 г.

Всего в предреволюционные годы были учтены 42 экземпляра Апостола 1574 г.

После Октября первым был описан в 1924 г. экземпляр Киевского Софийского собора, впоследствии поступивший в БАН УССР (Кир. 696, № 4246)[231]. В том же 1924 г. В. Перетц кратко упомянул, что два экземпляра Апостола 1574 г. будто бы находятся в Научной библиотеке ЛГУ[232]. Проверка на месте показала, что под указанным шифром (А. IV.32) находятся более поздние виленские издания Апостола.

В 1924 г. в юбилейном номере львовского журнала «Старая Украина», посвященном 350-летию украинского книгопечатания, был подробно описан львовский Апостол 1574 г. и указано местонахождение 13 экземпляров книги. Из них впервые упоминались семь: третий экземпляр Национального музея во Львове (ныне МУИ № 366), экземпляры Научного товарищества им. Т. Г. Шевченко (ЛГНБ, Ст. 15350), львовского Народного дома (ЛГИМ, № 433), Киевского университета (БАН УССР, Кир. 574; приписывается предположительно), Исторического общества Нестора-лето-

писца, Киевской духовной академии (БАН УССР, Кир. 839; приписывается предположительно), а также собрания князей Чарторыйских в Кракове[233]. В журнале были упомянуты также два фрагмента. Один из них — послесловие Ивана Федорова к Апостолу 1574 г. — находился в Киеве в собрании В. С. Кульженко, второй — в Львовском городском архиве.

В 1928 г. стало известно, что три экземпляра Апостола 1574 г. находятся в Научной библиотеке СГУ[234]. Один из них — в Саратове по сей день (СГУ, № 14/26). Другой уже в послевоенные годы передан Научной библиотеке Льв. ГУ (№ III. 14223)[235]. Третий экземпляр, который числился в СГУ под № 27, в 1938 г. поступил в ЛБ (№ 6955).

В 1954 г. был описан Апостол 1574 г. из собрания ленинградского коллекционера С. Н. Быстрова[236]. Год спустя кратко упомянуты экземпляры библиотеки Гарвардского университета и Нью-Йоркской публичной библиотеки[237]. Впоследствии нашлись и другие зарубежные экземпляры.

В кратком обзоре «сокровищ древней письменности и старой печати», хранящихся в ГИМ, М. В. Щепкина и Т. Н. Протасьева упомянули в 1958 г., что экземпляры Апостола 1574 г. имеются в собраниях П. В. Щапова, А. И. Хлудова, И. Н. Царского, а также в собрании «Меньших»[238]. Последний происходит из коллекции П. И. Щукина (ГИМ, Меньш. 1432 Щук.) и ранее в печати не упоминался.

В том же 1958 г. вышел в свет каталог славянских книг кирилловской печати XV—XVIII вв., хранящихся в Государственной публичной библиотеке УССР (ныне ЦНБ АН УССР). На его страницах описаны 4 экземпляра Апостола 1574 г.[239] По-видимому, все они были известны нам ранее (экземпляры Н. М. Михайловского, Софийского собора, Киевской духовной академии и Киевского университета).

И еще один экземпляр, ставший известным в 50-х гг., находится в библиотеке Упсальского университета (Швеция)[240].

Я. Д. Исаевич в 1961 г. обнаружил, а в 1963 г. кратко описал экземпляры Апостола 1574 г. польских собраний — Национальной библиотеки в Варшаве и библиотеки Чарторыйских (ныне — в библиотеке Национального музея — Cim. 27.III) в Кракове[241]. Последний, как помнит читатель, упоминался в 1924 г. в журнале «Старая Украина».

Еще один экземпляр был найден в библиотеке Королевского колледжа в Кембридже (Англия)[242]. Другой экземпляр, обнаруженный в 1963 г., отыскала археографическая экспедиция Института русской литературы Академии наук СССР в Пинежском районе Архангельской области[243].

В 1964 г. в указателе старопечатных изданий монографии «Возникновение книгопечатания в Москве» автор этих строк перечислил 47 известных ему экземпляров Апостола 1574 г.[244], 15 из них упоминались впервые. Это экземпляры А. Я. Котельникова

(ЛБ, № 1355), Петрозаводского кафедрального собора, который ранее принадлежал П. Доброхотову (ЛБ, № 6616), К. И. Невоструева (ЛБ, № 6618), незарегистрированный ранее экземпляр ОИДР (ЛБ, № 6619), два экземпляра неустановленного происхождения (ЛБ, № 1356, № 6614), экземпляры Н. П. Лихачева (БАН, 18.5.7., инв. № 5519), братьев Першиных в Коврове (БАН, 8.3.15, инв. № 533), экземпляр неустановленного происхождения (БАН, 8.3.14, инв. № 532), экземпляр, перешедший из библиотеки Синода в Московскую духовную академию (ГПИБ, № 5/965966), экземпляры Центральной научной библиотеки ХГУ (№ 631490), ГНБ им. В. Г. Короленко в Харькове (№ 816273), ГИМ УССР в Киеве, Киево-Печерского государственного историко-культурного заповедника (№ 4), а также Киевского музея украинского искусства.

Экземпляр Киево-Печерской лавры впоследствии был более подробно описан М. М. Кубанской-Поповой[245]. Экземпляр ГИМ УССР в Киеве (СД-55) на самом деле оказался более поздним виленским изданием, в который однако вплетен фрагмент интересующей нас книги — послесловие Ивана Федорова (5 листов). Возможно, это тот самый фрагмент, который когда-то принадлежал В. С. Кульженко.

В том же 1964 г. на страницах юбилейного сборника «Книга», посвященного 400-летию русского книгопечатания, была опубликована статья Я. Д. Исаевича, посвященная Апостолу 1574 г.[246] Украинский исследователь дал общее библиографическое описание книги, рассказал о филигранях бумаги этого издания и особенно подробно описал львовские экземпляры книги. Всего им было описано 11 экземпляров, из них 3 — впервые. Это экземпляры библиотеки «Студион» (ЛГНБ, Ст. 53316), А. С. Петрушевича (ЛГНБ, Ст. IАСП) и экземпляр, найденный Я. Д. Исаевичем и Д. Г. Бучко в селе Верхняя Билка, впоследствии переданный в ЛГНБ. Продолжая свои столь плодотворные поиски, Я. Д. Исаевич в 1963 г. нашел, а в 1966 г. описал экземпляр Апостола 1574 г. из Государственной библиотеки им. Сечени в Будапеште[247]. В 1965 г. стало известно о другом зарубежном экземпляре, находящемся в Славянской библиотеке в Праге[248].

В 1966 г. в оборот науки был введен экземпляр, принадлежавший ранее акад. М. Н. Тихомирову. В настоящее время экземпляр хранится в Сибирском отделении АН СССР[249].

Следующие годы принесли новые находки. В 1967 г. П. Атанасов описал экземпляр Апостола 1574 г., принадлежащий Пловдивской народной библиотеке им. Ивана Вазова[250]. Экземпляр был известен и ранее. Однако его ошибочно датировали 1583 г. или принимали за московское издание 1564 г.

Еще один зарубежный экземпляр был описан в 1968 г. — он находится в Библиотеке Папского восточного института в Риме. В книге нет листа с гербом Ходкевича[251].

Новый экземпляр первой украинской печатной книги был в 1968 г. найден археографической экспедицией Института русской

литературы АН СССР и ЛГУ. Ныне книга находится в Научной библиотеке ЛГУ [252]. В том же году Апостол 1574 г. был передан Львовской картинной галерее сельсоветом села Лисневичи Пустомытовского района Львовской области [253].

В 1972 г. автор этих строк опубликовал сведения об экземпляре первой украинской печатной книги, зарегистрированном в рукописном каталоге Королевской библиотеки в Берлине [254].

Подведем итоги. Мы привели сведения о 85 экземплярах Апостола 1574 г., описанных в печати или в рукописных каталогах различных собраний. К сожалению, далеко не все они могут быть обнаружены в настоящее время. Мы не знаем, где находится один из экземпляров Румянцевского собрания, экземпляры Кочуева, Тихоцкого, Грушевского, Маклакова, 2-й экземпляр Михайловского, Смирдина, Выголексинской библиотеки, села Дикова, 2 экземпляра Соловецкого монастыря, экземпляр Общества Нестора-летописца, 3-й экземпляр Петербургской духовной академии, экземпляр Свято-Богородицкого братства в Холме, Волынского епархиального древлехранилища, экземпляр Ставропигийского института во Львове, экземпляр Берлинской библиотеки, экземпляр, подаренный Петербургской публичной библиотеке С. И. Литовым, — всего 18 экземпляров.

Мы можем прибавить еще 8, которые по сей день не описаны.

Итак, в нашем распоряжении имеются сведения о 93 экземплярах Апостола 1574 г. Известно местонахождение 77 из них.

В ЛБ — 11 экземпляров Апостола 1574 г., в ГПБ — 9 экземпляров, в ГИМ и ЛГНБ — по 5 экземпляров, в БАН СССР и в БАН УССР — по 4 экземпляра, в МУИ во Львове и Научной библиотеке МГУ — по 3 экземпляра, в Библиотеке Льв.ГУ и ЦГАДА — по 2 экземпляра, в Библиотеках ВГУ, ЛГУ, ХГУ, СГУ, ИРЛИ, киевском МУИ, Сибирском отделении АН СССР, Львовской картинной галерее, ГПИБ, ГНБ, им. В. Г. Короленко в Харькове, львовском и киевском Государственных исторических музеях (в последнем — фрагмент, 5 л.), в Киево-Печерском музее-заповеднике, Киевском музее истории книги и книгопечатания и в Музее-истории религии и атеизма в Ленинграде, а также в частном собрании С. Н. Быстрова — по одному экземпляру.

За рубежом находятся 13 экземпляров: в Нью-Йоркской публичной библиотеке, Варшавской Национальной библиотеке (2 экз.), Библиотеках Ягеллонского, Гарвардского и Упсальского университетов, Библиотеке Чарторыйских в Кракове, библиотеке Королевского колледжа в Кембридже, Государственной библиотеке им. Сечени в Будапеште, Славянской библиотеке в Праге, Библиотеке Папского восточного института в Риме и Пловдивской народной библиотеке им. Ивана Вазова, а также в библиотеке монастыря Хиландар на Афоне (Греция).

В литературе по сей день бытует легенда о чрезвычайной редкости львовского Апостола. Как видим, это не так. Говорят также о том, что львовский Апостол более редок, чем московский 1564 г.;

это объясняют преследованиями, каким славянские богослужебные книги подвергались на территории Польско-Литовского государства. Это не соответствует действительности. Напомним, что мы, в свое время, описали 41 экземпляр московского Апостола 1564 г. [255]. Экземпляров львовского Апостола известно вдвое больше.

Вкладные и владельческие записи. Пожалуй, ни в одном другом издании Ивана Федорова нельзя обнаружить столько вкладных и владельческих записей, как в Апостоле 1574 г. Это говорит о многом и, прежде всего, о том, что львовская типография была коммерческим предприятием. Напечатанные здесь книги тотчас же шли на рынок.

Иван Федоров кончил печатать Апостол 15 февраля 1574 г. Старейшая из сохранившихся вкладных датирована 10 июня 1574 г.: «Лета божия народжения 1574 року... месяца июня 10 дня я Хомко Балиска мещанин киевский дал... Апостол на церковь святого Богоявления у месте Коростошове именю его милости пана Ивана Олизара Волчковича» [256].

В церкви Богоявления Апостол не залежался. Уже в начале XVII в. он был куплен Сидором Трохимовичем и его женой Василисой и положен «до Храму святого архангела Христова Михаила в месте Летичеве» [257]. В дальнейшем экземпляр попал в киевский Софийский собор.

В послесловии львовского Апостола Иван Федоров отдал должное светлой памяти своего покровителя Григория Александровича Ходкевича, скончавшегося 9 (или 12) ноября 1572 г., а также пожелал «многолетнего здравия» его сыновьям — могилевскому старосте Андрею Ходкевичу и городенскому старосте Александру Ходкевичу. Нет никакого сомнения, что несколько экземпляров книги он отправил в Заблудов семье Ходкевичей. Пожелания типографа не сбылись — сыновья Григория Ходкевича не надолго пережили отца. В декабре 1575 г. вдова гетмана Катерина Ивановна Вишневецкая сделала вклад в память своего покойного мужа и сыновей в храм Благовещения Супрасльского монастыря. Вклад был по тем временам щедрый — три книги: Учительное Евангелие, Апостол и Псалтырь. Настолько щедрый, что о нем упомянули в эпитафии на надгробной плите Вишневецкой в Супрасльском монастыре: «...по двух своих сыновьях, прижитых с Григорием Ходкевичем, польным гетманом Великого княжества Литовского, пане Андрее, подстолии Великого княжества, и пане Александре дала в церковный скарб... книги заблудовской печати с собственноручной подписью» [258]. В свое время в виленской публичной библиотеке хранилось Учительное Евангелие с записью Вишневецкой, датированной 11 декабря 1575 г. Близкая запись — на страницах Апостола 1574 г., который ныне хранится в БАН УССР. «Изволением отца и споспешением сына и совершеньем святого духа в лето божиего нароженя тисеча пятьсотого и семьдесять пятого году месяца декабра 11 день индикта 3 дала сию книгу Апостол Григорьевая Ходковича пани вилинская гетьмановая навышшая великого княз-

ства Литовського, старостиная городеньского и могилевського, княжьна Катерина Ивановна Вишьневицькая по небожчику славное памяти его милости пану мальжонку своемь пану Григорю Ходкевича... и по небожчику сыну своему его милости пану Андрею подстолию великого князства Литовского и по другому сыну своему небожчику его милости пану Александру Ходкевича, старосте городенскому и могилевскому во храм Благовещения пресвятыа Богородици в именью нашем Супрасльском на монастырь. И хто бы сию книгу Апостол с того божественного храму дерзнул отлучити и паки не привротити, да буди на нем клятва от вселенского собора иже в Никеи на еретики положеная. Аминь. При той же книзе и Евангилие учительное и Псалтир с тою ж подписью даю»[259]. В том же экземпляре — запись 1660 г., свидетельствующая о том, что за неполных сто лет книга попала из Белоруссии в Россию, хотя точной географической привязки мы дать не можем.

Семья Ходкевичей владела несколькими экземплярами Апостола 1574 г. Один из них в 1603 г. был положен Андреем Ходкевичем — внуком Григория Александровича — «во храм Воскресения господня» (где — неизвестно)[260]. С именем Ходкевичей связана судьба экземпляра, который уже в 1578 г. находился в Заблудове: «Сия книга Апостол дана... на церковь храм Успения пречистое богородицы Заблудовскую... служебник божее Улиты Сакович бывшее наместниковое Заблудовское по души мужа ее... и сея книги из того светого храму нигде не отлучать под клятвою святых вселенских соборов, а дана и подписана ею сия книга в лето рождества Христова 1578 месяца апрелия 27 в неделю многогрешным презвитором и хужшим во иереех Нестером строителем того же святого храму и протопопом... Подляшским»[261]. Вспомним, что заблудовский протопоп Нестор был должен Ивану Федорову 15 коп (копа — основная денежная единица Великого княжества Литовского — содержала 60 литовских грошей). Быть может, долг этот — за книги, переданные ему первопечатником для продажи. Известен и московский Апостол 1564 г. со вкладной, написанной рукой Нестора. В дальнейшем экземпляр из церкви Успенья стал собственностью крестьянина деревни Заполицы Гусицкой волости Прокофия Антонова, владельческая запись которого сохранилась на оборотной стороне переплета.

Первая украинская печатная книга очень рано стала продаваться на книжном рынке Московской Руси. Старейшая из сохранившихся вкладных, сделанных на территории Московского государства, относится к 1576 г. Экземпляр этот судьба забросила на далекий Север. Запись гласит: «В дом Воскресения Христова и Троици живоначальныя и архистратига Михаила архангила в Вондоксую положил его Григорей Денисов сын Котельников при своем животе и по см(е)рти лета 7080 четвертого (1576) февраля в день...»[262] В Вондоксе книга оставалась и сто с лишним лет спустя, в 1690 г., когда ее «подписал» пономарь Михаил Болтинских.

Еще один экземпляр первой украинской печатной книги с интересной русской записью: «Лета 7086 (1578) мая в 21 день положил сию книгу глаголемую Апостол тетр в церкви Преображения Господа бога спасителя нашего Ісуса Христа в Ярославском уезде во княже Иванове Михайловича Глинсково отчине многогрешный раб божий Василей Григорьев сын Шевелев...»[263] Иван Михайлович Глинский — сын Михаила Васильевича Глинского, двоюродный брат Ивана Васильевича Грозного. Сохранился экземпляр другого издания Ивана Федорова — Апостола 1564 г., принадлежавший родному брату Ивана Михайловича — Владимиру[264].

Экземпляр первой украинской печатной книги уже в 1580 г. попал в Свирский монастырь, стоявший в лесах между Ладожским и Онежским озерами. Об этом говорит запись: «Лета 7088 (1580) в дом пресвятыя и живоначальныя Троицы и преподобного Александра чюдотворца Свирского тоя же обители игумен Иосаф дал сию книгу глаголемую Апостол тетр печатную за два рубля на поминок души своея»[265]. В годы польско-шведской интервенции книга была увезена из монастыря. Дьячок Семен Катомилов «выкупил ис полону» Апостол, «а дал под нее выкупа полтора рубли». Запись об этом сохранилась на первых ненумерованных листах книги. В 1616 г. книга была возвращена в монастырь. Со временем она поистрепалась. Монахи решили ее реставрировать. Запись на обороте фронтисписа гласит: «Починена и переплетена сия книга Апостола 174 (1666 г.) в монастыре. Мастер Никифор священник». Переплет, сделанный монастырским мастером, служит книге по сей день. В начале XVIII в. обедневшая монастырская братия продала Апостол. И это событие было отражено на страницах книги: «Сию книгу Апостол Александрова монастыря Свирскаго архимандрит Феодосий с братию продали сию книгу казенную Тихвина монастыря посадскому человеку Іакову Матфееву сыну. Цена взята вся сполна. И по велению архимандрита Феодосия подписал уставщик схимонах Давыд лета 7220 (1712) августа 26 день». Тихвинский монастырь стоял неподалеку от Свирского — южнее Ладожского озера на реке Мологе.

В том же 1580 г., когда игумен Иоасаф положил львовский Апостол в Свирский монастырь, другой экземпляр оказался на далеком севере России — в Соловецком монастыре: «Лета 7088 (1580) году положил сию книгу деяние светых апостол в дом Спасу и пречисто богородицы и великим чюдотворцом Зосиме и Саватею Иван Карпов сын»[266]. В монастыре книга принадлежала старцу Евфимию Товарыщу Серебрянскому, владельческие записи которого сохранились на обороте фронтисписа и на нижнем поле спусковой полосы.

Еще один экземпляр с русскими записями: «...книга... въсмъдесят седьмаго...оуспение иже в святых отца нашего Николы архиепископа Миръликийскаго чюдотворца»; «Лета 7100 (1592) февраля положили есми сию книгу... поп Стефан Павлов сын с народом с прихожаны в дом ко светому мученику у Юрьеве городищи...»;

«Егорьевской поп Кузма Кузмин сын Беленин у Юрьеве Городке на реке на Сожи. Се яз Кузма Кузмин сын егорьевской поп дал... сию книгу» [267].

Следующие по времени записи возвращают нас в Польско-Литовское государство. В одном из киевских экземпляров — запись, сделанная в 1593 г. во владениях «его милости пана щенсного князя Потоцкого... воеводы Краковского, гетмана польного коронного» [268]. Еще один экземпляр и еще одна запись: «Року божего нароженья тисяча пятьсот девятдесят шестого месяца июна девятого дня пополудни преставися Артемий Проскура» [269].

Есть еще несколько записей, сделанных, скорее всего, в XVI в., но, к сожалению, не датированных. Вот одна из них: «Сия книга Апостол предана рабом божиим Гаврилием Моцоком логофетом земли Волоской и преставился в монастыри Уняве и з маткою своею и купил Апостол тетр друкованный и предал его ку Въскресению. А кто бы мел тую книгу отдалити от того святого монастыря то суд хощу с ним имети на страшнем судилище Христове»[270]

Следующая недатированная запись, сделанная русской скорописью конца XVI — начала XVII в., ведет нас на северные рубежи Московского края: «Сия книга глаголемая Апостол тетр Успенья пречистыя богородицы да Николы чюдотворца Песошного монастыря домовая»[271]. Это Никольский Песношский монастырь, основанный еще в XIV в. в болотах неподалеку от торгового села Рогачева. В дальнейшем книга перешла к крестьянину деревни Лучкино (или Лучки) Афанасию Савельеву. Не исключено, что это село Лучкино в Замосковном крае — вотчина князей Мезецких[272]. Афанасий оставил на страницах Апостола несколько записей [273]. Вот одна из них: «Сия книга деревни (Лучкино) крестьянина Офонасья Савельева старина и называеца книга Апостол и должно еи читать по вся дни повелено читать, а мы не чита(ем) ленимься. Марья Петро(в)на почитай хоть ты, читай не ленися, трудися, пожалуй, почитай, Марья Петровна». Запись сохранила живую интонацию крестьянской речи. Интересно, что в крестьянской семье Савельевых (скорее всего, в середине XVIII в.) было несколько грамотных.

Переходим к датированным записям XVII в. Первая из них возвращает нас на Украину: «Сия книга рекомая Апостол куплена целоі громади села Тростянца предании до храму святои великомученици Параскевеи до села Тростянца его милости пана воеводи Киевъского и добродея нашего... Року б(о)жого 1602 м(еся)ца марта дня 22 Іоан Федорович дякь тростянецъки слуга неиніжъшии» [274].

Вот вкладная запись Андрея Ходкевича, сделанная в 1603 г. «А сия раб божей Аньдрей Ходкевич и з жоною своею Марею и з... вложили есмо сеи Апостол тетрь во храм Воскресения господня вечно... а хто бы мел сей Апостол взяти який человек злою мыслию то ся розсудить со мною на страшном судищи Христове под клятвою... а вложил есми року божего нароженея 1603. Аминь» [275].

Издавна находился на землях Западной Украины экземпляр, на страницах которого — записи о реставрации книги в XVII в.: «Поновлен есть сий Апостол тетр рок(у) 1605 во пост Филипов»; «А повторе поновлен есть сий Апостол тетр року 1644 во пост великий 5 недели през Іякова»[276]. Точную географическую привязку позволяет сделать запись на первом листе книги: «Власнисть церкви Залисся — Ряшив». После Великой Отечественной войны украинцы из Жешувского воеводства переселились в село Верхняя Билка Львовской обл. Здесь в 1963 г. книга обнаружена Я. Д. Исаевичем и Д. Г. Бучко.

В 1605 г. была сделана вкладная и на другом экземпляре Апостола, также находившемся на Западной Украине: «Року 1605 на ден рожества Христова в тое благочестивое братцтво уступила именем Меланя Бартошова Пожаровска войтова Гологорска. За котории уступом ее пан войт надаль с худоби своее Апостол друкованы до храму Пречистои святои... Бартош Пожаровский войт Гологорский рукою власною»[277]. Это подарок гологорского войта Бартоша Пожаровского в ознаменование вступления его жены Меланьи в церковное братство. Я. Д. Исаевич заметил, что гологорское братство поддерживало тесные дружеские связи с львовским Успенским братством; возможно, именно оттуда войт и получил Апостол 1574 г.[278]. Грозное заклятие Бартоша Пожаровского не возымело действия. Вскоре книга была продана[279].

Следующие по времени записи снова переносят нас в пределы Московского государства: «Сия книга глаголемая Апостол Ростовского уезда села Куряшина церкви великого чудотворца Николы и аще сию душеспасительную книгу рекомая Апостол дохощет красти или изнести из церкви без благословения тому судит бог егда приидет судить живым и мертвым и воздаст кому ж по делом. В лета от создания миру осмыя (?) тысящи 129 году» (1621 г.)[280].

И еще одна русская запись — 1628 г.: «Приложил сию книгу рекомый Апостол печатной в десть Живоначальные Троицы Сергиева монастыря вотчины села Шухобалова деревни Брилкины слободки крестьянин Максим Тимофеев во храм Семиона Ерусалимскаго сродника Господня по плоти в приселок Семеновское. А дал за тот Апостол рубль при архимарите Деонисие при келаре старце Александре, при казначее старце Пафнутие...»[281]. Село Шухобалово — одно из 6 сел и 120 деревень, которыми владел в Суздальском уезде Троице-Сергиев монастырь[282].

В Московской Руси издавна находился и другой экземпляр первой украинской печатной книги. Запись XVI в. на первых страницах сохранилась плохо и ныне прочитана быть не может. Есть в книге и другие записи. Одна из них гласит: «Лета 7158 (1650 г.) дал сию книгу глаголемою Апостол колужского посадцкого человека Харитона Стефанова сына Бороздина, а дал к церкви Ивана Предтечи»[283]. В дальнейшем книга попала на Печатный двор.

Экземпляр с исключительно интересными записями находится в ЛГНБ. Старейшая из них гласит: «Року 1634 м(еся)ца июня

5 дня была визия з инквизициею з декрету трибунальского наказаная за епископства вел(ебного) Афанасия Крупецкого о попсованье с горы границ монастырских, которые починалися от высок(ой) горы над Нановом и от горы Лавровское от Турли от заходу, а шли на всход горами Кобылою, Сотышкою по Псаревский пото(к)...»[284]. Мы приводим лишь часть записи, сделанной, скорее всего, в карпатском Лавровском монастыре. Полностью она опубликована Я. Д. Исаевичем, который справедливо подчеркивает ее важность для исследования украинской топонимики.

В дальнейшем книга поступила во Львовский Онуфриевский монастырь. Тогда-то на страницах ее была сделана запись, представляющая большой интерес для биографии первопечатника: «Сия книга Апостол есть монастира Львовскаго преподобного отца Онуфрия пустинножителя, иде же и друкарь ея есть погребенниі року божия АФПГ. 1583. дня Е декембр 5^{tego} Decembra яко же свидетельствуется его надгробок во церкви с(вя)того Онуфрия знайдующийся пред олтарем пресвятыя богородицы. На нем же есть и герб того же друкаря таковій (см. 1) каковый видеши его герб на концы сея книги (см. 2), токмо же на надгробком суть литеры Іѳ, что значит Іоанъ Федорович. При концы же книги сея выписано имя Іѡан, яко же кійждо сія снести и сравнити может»[285]. Запись позволяет точно датировать кончину Ивана Федорова и установить место его погребения[286].

(Рис. 1)

(Рис. 2)

На Украине издавна находился экземпляр Апостола 1574 г., позднее попавший к И. Н. Царскому. Об этом рассказывает вкладная: «Сию книгу глаголемую Апостол святого апостола Павла послания надана есть до церкви светого и преподобнаго Симиона столъпника в местечку названом Косове по памяти пана Мартина Григоровича мещанина Косовъского и жоны его Ганны Суровъцовны за старанъем отца Даниеля Гомолицкого. А по родичах моих... року божого нарожения тисеча шесть сот сорок пятого в день святого Игнатия пред рожеством Христовым»[287]. В XVIII в. книга была уже в России, но где — точно неизвестно.

Следующая запись связана с именем крупного государственного деятеля Московского государства XVII в.: «7170 (1662 г.) году генваря в 26 день сия книга Апостол околничева и оружейничева Богдана Матвеевича Хитрово в селе Братцове»[288]. Хитрово был большим книголюбом. Ему принадлежало, в частности, прославленное «Евангелие Хитрово» с великолепными миниатюрами и замечательной орнаментикой, которые одни исследователи приписывают школе Феофана Грека, а другие — мастерам из круга Андрея Рублева. В XVIII в. книга находилась в свободной продаже. О ее новых хозяевах рассказывают записи: «А сего марта 15 дня 1736 году куплена в Москве на Спасском мосту у купца Савы Петрова секретарем Кирилою Ивановичем Алабиным и отдана по ево обещанию вкладом в Резанский уезд... в село Киселево в церковь чудотворца Николая»; «Сия книга глаголемая Апостол

Афанасья Тороканова»[289]. Позднее книга попала в Пинежский район на Архангельщину и здесь в 1963 г. была обнаружена археографической экспедицией Пушкинского дома Академии наук СССР.

Еще один экземпляр львовского Апостола с владельческой записью XVII в.: «Сия книга глаголемая Апостол... Ивана Леонтьева а подписал про то бог весть хто... Костромского... лета 188 (1680 г.)»[290]. Более поздняя запись в том же экземпляре гласит: «Села Селифонтова поп Андрей продал Апостол черному попу Ионе. А потписал своей рукою».

Экземпляр из собрания П. И. Щукина в XVII в. принадлежал Киево-Печерскому монастырю. Владельческая запись сохранила сведения о цене книги: «Сия книга есть власная монастыра Печерского Киевского. Цена три рубля»[291]. В августе 1697 г. Апостол был пожалован в церковь одного из монастырских сел «благословением всечестнаго отца Иоасафа Кроковского архимандрита Печерского». Иоасаф игуменствовал в монастыре в 1697—1709 гг. Был он человеком просвещенным, много сил и труда отдавал Киево-Печерской типографии; при нем выпущено около 40 изданий[292].

В конце XVII — начале XVIII в. были сделаны летописные заметки в экземпляре, который ныне находится в ЛГНБ: «Року божого 1695 месяца февруарія дня 2 на стретение господне татаре в Львов брали...» «Року божого 1706 солнце менило са и того року Москва плюндровала по усе Полщи, а дорожне не било: жита маця по золотих 14, пшоно по 21, овес по пет золотих, а волев пара по золотих 15, корова добра по золотих 6»[293]. На л. 158 (2-го счета) — польские летописные записи 1769 и 1771 гг., сделанные в Циневе — ныне Ивано-Франковской области. В дальнейшем книга находилась в церкви села Тысив той же области.

Запись 1706 г. интересна тем, что сообщает нам сведения о ценах в пределах Речи Посполитой в годы Северной войны. Вкладные и владельческие записи на рукописных и старопечатных книгах зачастую служат важнейшими историческими источниками. Их ценность для истории языка доказывать не приходится. Остается лишь пожалеть, что записи эти по сей день не собраны и очень плохо изучены. В нашем исследовании мы извлекаем из записей лишь сведения о географическом распространении изданий Ивана Федорова и кругах, в которых бытовали эти издания. Однако памятуя о важности помет на старых книгах как исторического источника вообще и учитывая, что записи эти в большинстве своем не опубликованы, мы стараемся приводить их полностью.

В экземпляре львовского Апостола, который с 1884 г. хранился в музее Холмского братства, была запись о покупке книги в 1699 г. священником Собеборской церкви Саковичем и его сыновьями Николаем и Демьяном за 22 золотых. Собибор — село Влодавского уезда Седлецкой губернии, примерно в 42 верстах от Холма. На той же книге запись: «Року 1725 гнилой літо било». Польская запись повествует о проверке, учиненной 12 июня 1790 г.: нет ли какой «полжи» в тексте книги[294].

Переходим к недатированным записям XVII в. украинского происхождения. В начале XVII в. была сделана запись: «Я раб божий Иван... Лестун козак войска его (королевской) милости запорожского и з жоною моею Любвою Павловною Лещинскою наделили сию книгою рекомый Апостол тетр друкованный в месте славном Львове... храм преображения господа государя нашего Исуса Христа в маетности велможных и славных их милостей княжат Корецких в месте Лесниках за отпущение грехов своих также и за доброе здоровие наше и всех православных християн...» [295] Позднее экземпляр попал в пределы Московского государства.

Украинские записи на страницах экземпляра львовского Апостола, некогда принадлежавшего Государственному древлехранилищу (ныне — в ЦГАДА) [296], можно датировать приблизительно по записям, в которых упомянуты польские короли Михаил Корибут Вишневецкий, правивший в 1669—1673 гг., и Ян III, правивший в 1674—1696 гг. [297] Есть в книге и более ранняя запись, по-видимому, начала XVII в.

В другом экземпляре Апостола 1574 г. — частично неразборчивая вкладная: «Терентий и з братом своим Стефаном и сыном Игнатом надаемо сию книгу рекомую Апостол, которую есми купили у славного пана Феодора Поповича... Милоченского при людях бывших... за отпущение грехов своих. А хто бы мел сию книгу яким... способом отлучить от храму Рожества пречистой Богородицы от села Дапелеговки (?) таковый человек да будет проклят» [298].

Переходим к недатированным записям XVII в. великорусского происхождения. В одном из экземпляров ЛБ на обороте герба Ходкевича сохранились фрагменты записи: «Никитцкого попа Марка Семенова сына Мищина» [299]. Возможно, речь идет о московском Никитском монастыре. В экземпляре, который когда-то принадлежал историку М. Погодину, на оборотных сторонах первых листов читаем: «Сей Апостол села Путыни что на Великом озере. А подписал поп Сидор Дмитриев своею рукою» [300]. Экземпляр в XVII в. находился в юго-восточной части Тверского края. Трудно дать географическую привязку следующей записи: «Положил сею книгу Апостол у веденя пречистой Богородицы и у великова чудотворца... (под)писал сею книгу (Кон)дратей Васильев сын» [301].

Мы не можем привести здесь все недатированные записи XVI—XVII вв., а также записи XVIII в. Среди известных нам датированных записей 10 относятся к XVI в., 14 — к XVII в., 5 записей XVI в. сделано на Украине, 5 — в России; 9 записей XVII в. — на Украине и 5 — в России. Данные свидетельствуют о том, что Апостол 1574 г. был распространен и в Московском государстве и на восточных землях Речи Посполитой, населенных украинцами и белорусами.

Интересны сведения о цене, по которой продавался Апостол: 1580 г.— 2 руб., 1616 г. — 1,5 руб., 1628 г. — 1 руб., середина

Апостол 1574 г. Разворот

XVII в. — 4 руб., конец XVII в. — 3 руб. На Украине книга в 1699 г. стоила 22 злотых.

Общее описание. Первенец украинского книгопечатания описан еще старыми русскими библиографами — П. М. Строевым, И. П. Каратаевым, В. М. Ундольским [302]. Подробное описание книги составил в 1885 г. А. Будилович [303]. В последние годы об Апостоле 1574 г. писали Т. Н. Протасьева и Я. Д. Исаевич [304].

Апостол 1574 г. отпечатан в лист. В книге 35 восьмилистных тетрадей — 280 листов. Один из них — пустой — в сохранившихся экземплярах отсутствует. Формат полосы, по обмерам Я. Д. Исаевича, 18×28 см. Отношение между высотой и шириной полосы 1,52. Сигнатуры тетрадей нет. Вслед за пустым листом помещен герб гетмана Ходкевича. Часть листов перемечена наклонными черточками, часть — не нумерована. Затем идут листы с регулярной пагинацией от 1 до 262. Формула листового состава книги выглядит следующим образом:

2 ннм.л., /, //, 4 ннм. л., ///, ////, /////, //////, 4 ннм.л., 1, 1 ннм.л., 3—264=[1—35]^8.

Полный набор полосы содержит 25 строк текста и 2—3 строки над текстом и под ним. Шрифт московский. На трех полосах книги, в заголовках колонок хронологической таблицы, применен мелкий наклонный шрифт, очень похожий на тот, которым позже будет набрана Острожская Библия. Однако о новом шрифте в данном случае говорить нельзя. А. С. Зернова предположила, что заголовки отпечатаны не с набора, а с гравированной формы, причем оттиск делался вручную уже после того, как основной текст был отпечатан [305].

Состав. Книга «Деяния и послания св. апостолов», издавна именуемая просто Апостолом, была переведена на славянский язык вскоре после создания славянской письменности Кириллом и Мефодием[306]. Древнейший список книги, датируемый второй половиной XI в., был найден совсем недавно — в 1960 г. — в селе Енина неподалеку от болгарского города Казанлыка. В 1965 г. Болгарская Академия наук факсимильно издала этот замечательный памятник болгарской книжности с обширным лингвистическим, палеографическим и искусствоведческим комментарием[307]. В XII в. был написан другой Апостол болгарской редакции — так называемый «Слепченский» (фрагменты — в ГПБ, ОРЛБ, БАН СССР, БАН УССР, Народной библиотеке им. Ивана Вазова в Пловдиве)[308]. К XII в. относится и старейший русский список — «Христинопольский». Основная часть его (291 л.) находится в ЛГИМ, а фрагмент — в Киеве в БАН УССР[309]. Первый известный нам датированный список (1276—1277 гг.) имеет сербскую редакцию. Фрагменты рукописи (2 л.) находятся в ОРЛБ[310]. В XIV—XV вв. уже нередки датированные Апостолы русского происхождения. Старейшие из них — Апостол-апракос 1307 г.[311], Псковский Апостол-апракос 1309—1312 гг.[312], так называемое Евангелие Симеона Гордого 1343—1344 гг., включающее и апракосный Апостол[313].

О связи первопечатного Апостола с различными редакциями рукописного славянского текста шла речь в нашей монографии «Возникновение книгопечатания в Москве»[314]. Там же были рассмотрены состав и полиграфическая организация текста Апостола 1564 г. Все сказанное о московском Апостоле относится и ко второму, львовскому, изданию книги. Поэтому ниже отметим лишь отличительные особенности львовского первопечатного памятника.

Вслед за гербом Г. А. Ходкевича, открывающим первую украинскую печатную книгу, помещено «Сказание святого Епифания епископа Кипрского о двунадесятех святых апостол» (л. 2 ннм.— 4 ннм.). В московском Апостоле 1564 г. этого текста нет. Однако в рукописных книгах он встречается достаточно часто. Пример — Путятинский апостол или Апостол Паузе первой половины XVI в., где этот текст помещен в конце[315]. В дальнейшем «Сказание» стало необходимой составной частью русских печатных Апостолов, причем помещать его стали в самом начале книги.

Следующий раздел Апостола 1574 г., которого также не было в московском издании, — «Списание лет по навращении святого апостола Павла». Это своеобразная хронологическая таблица, где последовательно перечислены важнейшие события жизни апостола: «з Дамаску поиде в Аравию», «исцели хрома», «послан в Рим» — вплоть до казни Павла «повелением Нероновым». К каждому событию указываются три даты — «от воплощения господа нашего», «от навращеня (т. е. обращения) святого апостола Павла» и по году правления царивших в ту пору римских императоров Тиберия, Клавдия и Нерона. В печатной традиции текст не удержался — в позднейших Апостолах его нет. Следующий текст—

он появился также во львовском издании — «Избрание святых семидесят апостол Дорофея епископа». Это перечень 70 апостолов с кратким — в двух-трех строках — описанием их «деяний» и мученической смерти. Более подробен текст о Луке, который считался автором «Деяний апостольских».

С 1679 г., после исправления Апостола справщиками Иосифом, Никифором и Сильвестром «с товарищи», текст этот стал необходимой составной частью Апостола. Печатали его вслед за «Сказанием св. Епифания».

Все остальные тексты первой украинской печатной книги мы встречали уже в московском издании. Это указатель «О чюдесех святых апостол; еже есть в деяниих», перечень глав «Деяний» «Сказание известно написанным в книзе сей» и перечень посланий апостола Павла. Затем, как и в Апостоле 1564 г., помещены «Деяния» апостолов и послания апостола Павла. Тексты эти предварены оглавлениями и «Сказаниями».

Стремясь улучшить полиграфическую организацию текста, Иван Федоров в оглавлениях «Деяний» и отдельных посланий Апостола 1574 г. каждый раздел начинает с новой строки. В московском издании все рубрики были набраны в подборку.

Вслед за каноническим текстом, как и в Апостоле 1564 г., идут всевозможные указатели, облегчающие пользование книгой: «Сказание известно иже по вся дни», «Начало велицей четверодесятницы, субботам и неделям святаго великаго поста», «Соборник 12 месецем», «Прокимни и апостоли и аллилуяре», «Антифоны по вся дни». Текст «Соборника» по сравнению с месяцесловами рукописей и более поздних изданий значительно сокращен. В нем указаны чтения лишь на 114 дней года.

Послесловие. На девяти страницах в конце книги (л. 260—264) помещено знаменитое послесловие Ивана Федорова, которое первопечатник озаглавил так: «Сия убо повесть изъявляет откуду начася и како съвершися друкарня сия». В новое время текст послесловия перепечатал в 1829 г. П. М. Строев [316]; впоследствии оно воспроизводилось неоднократно. Строев же факсимильно репродуцировал начальную страницу «Повести». Недавно полное факсимиле послесловия и его перевод на современный русский язык опубликованы М. В. Щепкиной [317].

Послесловия и предисловия старопечатных книг, о литературоведческой неизученности которых справедливо говорил А. С. Демин [318], — это живое слово первопечатников, их беседа с современниками и потомками [319]. Разные люди стоят за этими страницами, с различными характерами и судьбами. Рассказ их то патетичен, как у Петра Тимофеева Мстиславца, то предельно лаконичен, как у Никифора Тарасиева и Невежи Тимофеева. Послесловие к Апостолу 1574 г. — памятник во многом замечательный. Уже И. Крипъякевич и И. Кревецький говорили о нем как о великолепном произведении мемуарной литературы[320], «Повесть», по сути дела, это первые «воспоминания», напечатанные в нашей стране. Тема «Иван

Федоров — писатель» почти не затронута литературоведением[321]; между тем она правомерна. Одного послесловия к львовскому Апостолу достаточно, чтобы угадать незаурядный литературный талант первопечатника, его почти энциклопедическую образованность.

Повесть начинается рассказом о создании московской типографии. Речь идет не о той мастерской, в которой печатались безвыходные издания, а о первой государственной типографии, возникшей «в царствующем граде Москве в лето 6070 первое (1563 г.)». Начальные строки «Повести», говорящие о первопричине возникновения книгопечатания, почти дословно повторяют полуофициальную формулу соборных грамот, летописей и других произведений древнерусской письменности. Бытовала она и в послесловиях славянских старопечатных книг.

Никоновская летопись	Псалтырь с Часословцем. Венеция, 1520 г.	Апостол, 1574 г.
Благоволением отца и поспешением сына, и действом святаго духа...[322]	Изволениемь отца. Съпоспешениемь сына. И съврьшениемь святаго духа...[323].	Изволением отца и споспешением сына и совершением святаго духа...

Аналогичной формулой начато и послесловие московского Апостола. Разница в том, что в московском издании благоволение высших сил, повеление «благочестиваго царя и великаго князя Ивана Василиевича всея великия Росия самодержца» и благословение «пресвященнаго Макария митрополита всея Русии» отнесены к «украшению» церквей «иконами и святыми книгами», а не к созданию типографии, как во львовском издании. Типография обозначена украинским термином «друкарня»; в московском послесловии она именовалась описательно: «дом... иде же печатному делу строитися». Отметим также, что во Львове Иван Федоров не именует царя самодержцем.

Печатник рассказывает о преследовании типографов в Москве «презелнаго ради озлобления». Подчеркнуто, что в невзгодах типографов Иван Грозный не повинен; преследования они испытали «не от самого того государя, но от многих начальник, и священноначалник, и учитель, которые... (на них) зависти ради многия ереси умышляли». Ясно, что говорить о «вине» царя в ту пору, когда его кандидатура предлагалась на польский престол, Иван Федоров не мог. О «мнящихся быти учителях» — противниках просвещения — еще в бытность свою в Москве писал старец Артемий. Те же слова позднее повторил А. М. Курбский в предисловии к переведенному им в Литве «Богословию» Иоанна Дамаскина. Автор этих строк видел в «учителях» и «священноначальниках», которые преследовали первопечатников, осифлянскую верхушку православной церкви — убежденного врага всех и всяческих нововведений[324]. Г. Г. Прошин подверг критике это мнение. Он считает, что противником книгопечатания была православная церковь вообще, говорит о «церковном преследовании печатного дела», о длительной «борьбе церкви с книгопечатанием»[325].

Это — очевидное упрощение. По поводу аналогичных высказываний в стародавней диссертации И. В. Новосадского Б. Д. Греков говорил, что «древнерусское духовенство, ...не является чем-то единым, монолитным и по своему социальному положению и по своей идеологии»[326]. Можно ли упрекать церковь в борьбе с книгопечатанием, которое поставляло церкви богослужебные книги?

Мы видим в преследователях Ивана Федорова тех людей, о которых он так образно сказал в послесловии Апостола 1574 г.: «ненаоучиных и неискусных в разуме человек, ниже грамотическия хитрости навыкше, ниже духовнаго разума исполнени бывше». Однако в основе гонений лежали глубокие социально-политические причины, а не абстрактные «зависть и ненависть», на которые указывает Иван Федоров.

Первопечатник повествует о своем прибытии в Великое княжество Литовское, о любезном приеме, оказанном ему королем Сигизмундом Августом «с всеми паны рады своея», о том, как Г А. Ходкевич «прия нас любезно к своей благоутешней любви и упокоеваше нас немало время, и всякими потребами телесными удовляше нас». Ходкевич даже подарил Ивану Федорову деревню: «и весь немалу дарова ми на упокоение мое». М. Гембарович сомневался в правдивости этого утверждения первопечатника. По его мнению, «как в то время, так и позднее деревни не могли послужить предметом подарка, который делали бы чужестранцам, не имевшим специального титула»[327]. Согласиться с этим нельзя. Иван Федоров не мог сказать неправды, зная, что он тут же будет уличен хотя бы вдовой Г. А. Ходкевича, которой он, как известно, тотчас же после выхода Апостола 1574 г. в свет послал несколько экземпляров книги. Дар мог быть сделан на основе так называемого условного землевладения, широко распространенного в Великом княжестве Литовском. При этом пожалованы могли быть земля, сенокосы, пашни, леса и целые деревни [328].

В предисловии рассказывается, что типография в имении Ходкевича работала до тех пор, пока гетман не пришел «в глубоку старость, и начасте главе его болезнию одержиме бывати». Тогда-то Ходкевич повелел печатникам «работания сего престати и художьство рук... нивочтоже положити». Он предложил типографу «в веси земледеланием житие мира сего препровождати», очевидно, в той деревне, которая была им подарена Ивану Федорову. Типограф отказался. «Неудобно ми бе ралом ниже семен сеянием время живота своего съкращати, — сказал он, — но имам убо въместо рала художьство наручных дел съсуды, въместо же житных семен духовная семена по вселенней разсевати». «Рассевать духовные семена!» В этой формуле, воплотившей идею просветительского книгоиздательства, А. А. Сидоров справедливо увидел предвестье строк русского поэта XIX в.: «Сейте разумное, доброе, вечное...»[329]

Итак, типограф решил покинуть Заблудов, чтобы «всем по чину раздавати духовную сию пищу». Решение он принял не сразу. О сомнениях своих он образно рассказывает в «Повести»: «множи-

цею слезами моими постелю мою омочах, вся сия размышляя в сердцы своем». Иван Федоров посчитал преступлением скрыть «в земли таланта от бога дарованного».

Дорога к новому дому не была легкой: «в путь шествующу ми многи скорби и беды обретоша». Путешествие осложнила эпидемия моровой язвы — «презелному поветрею дышущу и путь шествия моего стесняющу, и просто рещи вся злая и злых злее». В конце концов типограф все же достиг «богоспасаемого града, нарицаемаго Львова».

Войдя в город, первопечатник прежде всего, по примеру «некоего богоизбранна мужа», решил произнести молитву. Молитва полностью приведена в послесловии; она занимает почти две страницы. Начало ее отмечено на боковом поле индексом «мол». Кого только не видели в «богоизбранном муже» — неизвестного типографа, печатавшего во Львове до Ивана Федорова, Франциска Скорину, А. М. Курбского и даже полумифического Ивана Смерда Половца, жившего во времена киевского князя Владимира. Автор этих строк называл в этой связи имя старца Артемия. Как одно из доказательств приводился монотеистический характер молитвы Ивана Федорова и тот факт, что Артемий, оправдывая московского еретика Матвея Башкина, написавшего молитву «к единому началу», приводил в пример молитву Манассии, которую Иван Федоров впоследствии напечатал в Азбуке 1574 г. Начало этой молитвы совпадает с началом молитвы из послесловия Апостола 1574 г.

По сей день наука не задавалась вопросом, оригинален ли текст молитвы Ивана Федорова или заимствован. Мы сейчас также не можем ответить на этот вопрос.

Вслед за молитвой идет рассказ о первых шагах Ивана Федорова во Львове, когда он начал создавать типографию — «богоизбранное сие дело к устроению навершати». Печатник обходил многих «богатых и благородных в мире, помощи прося от них». Рассказывая об унижениях, которые ему пришлось испытать, Иван Федоров прибегает к гиперболе, которую он, как на это указывал еще И. Огиенко [330], заимствует из первого послания князя А. М. Курбского к Ивану Васильевичу Грозному.

Эпистолия первая князя Курбского	Апостол 1574 г.
Не испросих умиленными глаголы, не умолих тя многослезным рыданием, ни исходатаиствовах от тебя никоея же милости архиереискими чинми [331].	Не испросих умиленными глаголы, ни умолих многослезным рыданием, не исходатаиствовах никоея же милости иереискими чинми.

Знакомство Ивана Федорова с письмом А. Курбского Ивану Грозному — одним из интереснейших памятников полемической литературы XVI в. — представляется закономерным. Курбский был членом культурно-просветительного кружка, всемерно поддерживавшего идею создания в Речи Посполитой славянской типографии кирилловского шрифта. М. Н. Тихомиров в свое время отрицал

непосредственное знакомство Ивана Федорова с письмом Курбского; по его мнению, «тот и другой пользовались каким-то общим литературным источником»[332]. Поскольку такой источник указан не был, вопрос остался открытым.

Рассказав о своих мытарствах во Львове и о том, как ему наконец помогли «неславнии в мире» — люди бедные и незнатные, Иван Федоров еще раз вернулся к причинам, побудившим его покинуть спокойную и обеспеченную жизнь в имении Г. А. Ходкевича, где он «всякими потребами телесными, пищею и одеждею удоволен бых». Снова звучит мотив общественного долга, в исполнении которого печатник видит свое назначение: «не уповах на неправду, и на восхыщение не желах, богатьства аще и много стекалося, не прилагах тамо сердца».

В заключение сообщаются даты начала и конца печатания Апостола, провозглашается вечная память Г. А. Хо̂дкевичу и многолетнее здравие его сыновьям Андрею и Александру. Завершает послесловие традиционное для славянских рукописей и старопечатных книг обращение к читателю. Укажем одну из многочисленных параллелей:

Служебник, Венеция, 1519 г.	Апостол, 1574 г.
...аще будет что погрешено, исправляите и нас о сем трудившихся благославите, а не кльнете[333].	...и аще что погрешено будет бога ради исправляите, благославите, а не кленете.

Язык и правописание. Все, что говорилось о языке и правописании первой точно датированной московской печатной книги, сохраняет силу и для львовского Апостола[334]. Сделаем лишь несколько замечаний.

Старые наши книгоописатели ошибались, говоря, что второе издание напечатано «точь в точь против первого московского»[335]. О стремлении Ивана Федорова улучшить полиграфическую организацию текста уже сказано. Есть в книге и редакционная правка. Изменения лексики минимальны, но принципиальны. Они продолжают линию, начатую в московском Апостоле, — устранение иноязычных слов. Характерный пример указывает Г И. Коляда. Во львовском издании в тексте «яко мстом исполнени суть» (Апостол. М., 1564, л. 5) Иван Федоров заменяет непонятное славянскому читателю, заимствованное из латинского слово хорошо известным всем словом «вино» — «яко вином исполнени суть»[336].

Говоря о правописных нормах московского Апостола, мы отмечали, что редактор книги как бы пресек тенденцию к архаизации, наметившуюся было в безвыходных печатных изданиях начиная со среднешрифтного Четвероевангелия[337]. Он, например, отказался от редуцированных «ъ» и «ь» в середине слова, заменив их полногласными «о» и «е». В львовском издании в отдельных случаях Иван Федоров старается устранить неоправданное применение «омеги» вместо «о» («вѡн» — «вон», л. 8 об.; «рѡдом» — «родом», л. 1). «Юс малый» после шипящей «ч» редактор львовского издания заменяет на «а» («начат», л. 3; «чадом», л. 6).

В отношении же глухих гласных практика Ивана Федорова кардинально изменилась. По всей книге последовательно восстанавливаются редуцированные в префиксах и предлогах — в Апостоле 1564 г. они были прояснены до гласных полного образования. На каждой странице можно найти несколько примеров такой правки: «содержат» — «съдержат», «воставленіе» — «въставленіе», «сотвориша» — «сътвориша (л. 1), «во мнозех» — «въ мнозех» (л. 3) и т. д. Сплошь и рядом восстанавливаются редуцированные в предлогах: «в лѣто» — «въ лѣто», л. 3 об., «другъ ко другу» — «другъ къ другу» (л. 4 об.) При этом устраняется непоследовательность, нередкая в московском издании, где в одной фразе встречались оба варианта: «во тму... въ кровь» (л. 5). В львовском Апостоле: «въ тму... въ кровь». Иногда восстанавливаются редуцированные и в слабой позиции внутри слов: «терпяще» — «теръпяще» (л. 6 об.).

Чем вызваны эти изменения? Об этом можно только догадываться. Быть может, Иван Федоров был склонен к широкому использованию глухих гласных. В московском Апостоле он, под давлением свыше, вынужден был отказаться от излюбленной практики. Во Львове же, будучи сам себе хозяином, восстановил ее. Так поступил и Петр Тимофеев Мстиславец: в виленском Евангелии 1575 г. он вернулся ко многим архаичным формам и, в частности, к применению «юса большого».

Можно выдвинуть и такую гипотезу. Известно, что в узкошрифтном Четвероевангелии — первой московской печатной книге — редуцированные гласные в префиксах и предлогах прояснены. В более поздних Триоди постной и среднешрифтном Четвероевангелии редуцированные гласные восстанавливаются. Быть может, как раз в это время в анонимную типографию и пришел Иван Федоров? Об этом говорят и технологические новшества, которые в свое время отмечались нами.

Гравюры. В львовском Апостоле три цельностраничные гравюры. Книгу открывает герб гетмана Г. А. Ходкевича, отпечатанный с двух досок, одна из которых вставлена в другую. Геральдическая композиция, оттиснутая с внутренней доски, та же, что и в заблудовской Псалтыри. Помещена она в рамку фронтисписа московского Апостола. О рамке этой и ее истоках много писалось в специальной печати[338]. Ту же рамку Иван Федоров использовал в 1581 г. в Острожской Библии. Повторение декоративной рамки в различных книгах — прием не новый. В Западной Европе он получил широкое распространение со времен Ганса Гольбейна младшего, работавшего для базельских издателей. Особенно же широко прием практиковался в эпоху Реформации[339].

Вслед за вступительными разделами книги помещен второй фронтиспис — изображение апостола Луки. И здесь все та же московская рамка. Но само изображение новое. Апостол сидит на низкой табуретке, выдвинув правую ногу вперед. Левая нога поджата, пятка приподнята. Складки широкого хитона, спускающего-

ся до щиколоток, уверенно моделированы перекрестной штриховкой. Справа, в глубине, столик с принадлежностями для письма и свитком пергамента, на котором можно прочитать начальные слова апостольских «Деяний». Те же слова читаем на листе бумаги, который апостол положил себе на колено и поддерживает левой рукой. Трубочкой-стилосом он написал начало фразы «Прьвое убо сло...» и сейчас выводит букву «в». Выводит ее в правом конце строки, ибо левый край листа закрыт рукой со стилосом. Это наивное нарушение логики вряд ли смущало первых читателей книги. Убедительно, в строгой реалистической манере решена голова Луки. Он совсем не похож на свое московское изображение. Курчавые волосы сменила густая, зачесанная назад шевелюра. Хорошо ухоженная, слегка раздвоенная борода придает лицу патриархальность. Мы убеждены, что апостол русоволос, хотя, казалось бы, по черно-белой ксилографии судить об этом нельзя. Взгляд Луки сосредоточен на листе, который он держит в руке, глаза московского апостола были устремлены в пространство. Сравнение обеих гравюр позволяет подчеркнуть стремление львовского мастера к реалистической трактовке темы. Однако характер изображения не позволил художнику последовательно и до конца провести свою трактовку. Если голова Луки строго реалистична, то фигура апостола всецело сохраняет условность традиционной иконописной манеры.

О фронтисписе львовского Апостола писали А. И. Некрасов, Н. С. Макаренко, В. Сичинский, П. Н. Берков, А. А. Сидоров, А. П. Запаско[340]. Мнения ученых об истоках гравюры разноречивы. Если П. Н. Берков и В. Сичинский искали корни на Западе, то А. П. Запаско видит истоки образа Луки в миниатюрах украинских рукописей XVI в. и называет как один из возможных прототипов миниатюру Евангелия из Хишевич (неподалеку от Львова). Последняя атрибуция не кажется нам правильной. Аскетичный, черноволосый Лука Евангелия из Хишевич с его хилой бородкой и большими залысинами на лбу не имеет решительно ничего общего с монументальным Лукой львовского Апостола. Позы апостолов совершенно различны. Лука из Хишевич держит свиток — небольшой листок бумаги — двумя руками. Фон миниатюры занят довольно сложной «архитектурой», которой на гравюре нет.

Очень важно выяснить имя мастера львовского фронтисписа. Здесь должны помочь монограммы, которые мы неожиданно находим на двух гравюрах первой украинской печатной книги. Неожиданно — потому, что гравюры в других книгах Ивана Федорова не подписаны.

В правом нижнем углу львовского «Луки» на одном из ромбов «паркета» мы видим латинские инициалы WS, над ними знак ножа — основного инструмента гравера по дереву. А под табуреткой, также на одном из ромбов паркета, нанесены кирилловские буквы, которые одни исследователи читают как «ЛП», другие — как «АП».

В. Сичинский считал, что ЛП — монограмма львовского художника Лаврентия Пилиповича, а латинские инициалы — непонятая копировщиком монограмма Эрхарда Шена — ученика Дюрера, автора гравюры «Иисус Навин» (1542), рамка которой послужила прототипом для обрамления московского «Луки», герба Ходкевича в львовском Апостоле и титульного листа Острожской Библии. При этом Лаврентий Пилипович становился и рисовальщиком, и гравером фронтисписа, рисунок которого он заимствовал из неизвестной нам работы Э. Шена.

В 1928 г. польский книговед Александр Биркенмайер назвал в связи с львовским фронтисписом имя гравера Венделя Шарфенберга [341]. Аргументацию А. Биркенмайера принял П. Н. Берков. Буквы под табуреткой он прочитал как АП и посчитал их началом слова «апостол» — своеобразным пояснением к сюжету по аналогии со станковой гравюрой — иллюстрацией к евангелию от Луки, подписанной монограммой WS и снабженной пометкой «Luc» [342].

А. А. Сидоров частично вернулся к точке зрения В. Сичинского: кирилловские буквы он прочитал как ЛП и видел в них монограмму художника-рисовальщика. По его мнению, фронтиспис «сделан западным гравером в западной технике, но с русского образца. Он вставлен в рамку, выполненную русским мастером на основе ренессансных примеров. Получилось гибридное, но весьма интересное явление» [343].

Эту точку зрения принимали многие, и среди них Я. Д. Исаевич, Е. И. Кацпржак, авторы многотомного справочника «Типографы старой Польши» [344]. А. П. Запаско недавно подверг сомнению авторство Венделя Шарфенберга, ибо, по его мнению, «художественная трактовка и техника исполнения Луки далеки от почерка краковского монограммиста» [345].

Некоторые авторы и до Запаско пытались отдать монограмму украинским художникам. В. Сичинский называл имена Василия из Стрыя, упомянутого в документах 1545 г., Васька, сведения о котором относят к 1553 и 1607 гг., Степана (1570), Семена, или Сенька (1573—1600). М. Т. Гембарович недавно предположил, что монограмма принадлежит львовскому художнику Войтеху Стефановскому, написавшему маслом в 70-х гг. XVI в. портрет Батория [346].

Что можно возразить этим авторам? Прежде всего то, что все названные мастера были художниками, рисовальщиками. М. Гембарович прямо подчеркивает, что монограмма принадлежит не граверу, а автору рисунка. Между тем над монограммой воспроизведен атрибут гравера — нож, что недвусмысленно указывает на принадлежность монограммы.

Наиболее четко и последовательно сформулирована точка зрения: автор гравюр, подписанных монограммой, — Вендель Шарфенберг. Что мы знаем об этом мастере? К сожалению, очень немного. Происходил он, видимо, из силезской ветви Шарфенбергов, родоначальником которой был Иоганн Шарфенберг, принявший в 1490—1493 гг. городскую юрисдикцию в Герлице (Згоржельце) [347].

У Иоганна было по крайней мере три сына: Криспин, Ержи и Иероним. Наиболее известен Криспин Шарфенберг (ум. 1576 г.), который впоследствии стал прославленным вроцлавским типографом и гравером[348]. Гравировал по дереву и Ержи (или Георг) Шарфенберг (ум. 1584 г.), живший в Герлице и одно время работавший во Франкфурте-на-Одере. Его-то сыном, как утверждает А. Биркенмайер, и был Вендель, резавший гравюры для Ивана Федорова[349]. Вендель помечал свои работы монограммой WS, которую Г. К. Наглер приводит в трех вариантах[350].

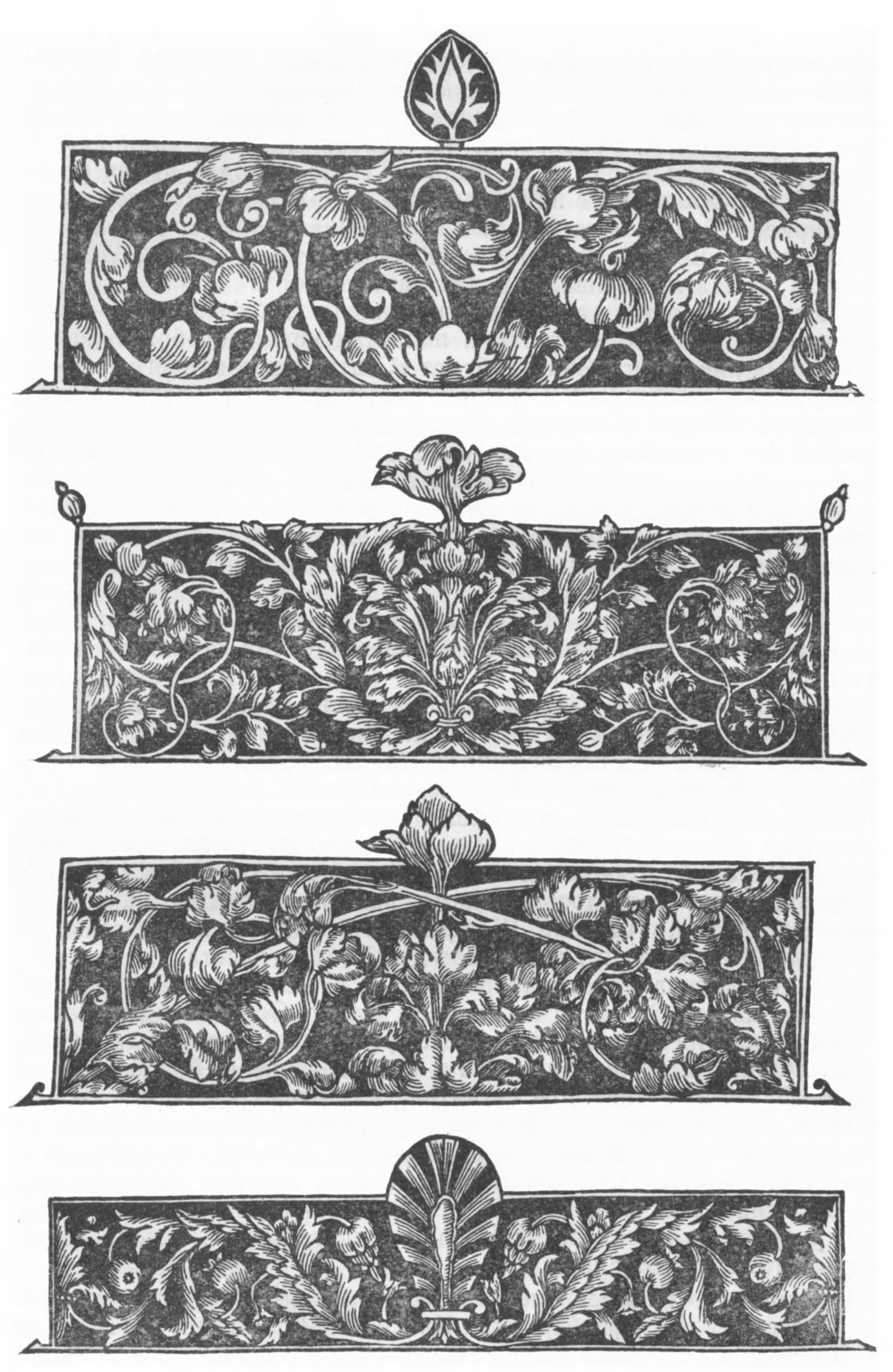
Первая известная нам работа Венделя Шарфенберга — гравированная рамка с портретами польских королей, обрамляющая титульный лист книги Яна Гербурта «Статуты и привилегии коронные», выпущенной в 1570 г. в Кракове Миколаем Шарфенбергом[351]. Титул отпечатан в две краски. На обороте его — большой гравированный на дереве портрет короля Сигизмунда Августа, подписанный монограммой CS. Это — работа Криспина Шарфенберга.

Есть в книге и другие гравюры — различные гербы и картина сейма. Гравюры не подписаны. Не исключено, что в создании их принимал участие и Вендель, которому его знаменитый дядя Криспин явно покровительствовал.

Во второй половине 70-х гг. XVI в. Миколай Шарфенберг задумал переиздать Библию в польском переводе Яна из Львова, которую он впервые выпустил в 1560—1561 гг.[352] вместе со своим братом Станиславом. Первое издание было иллюстрировано превосходными гравюрами. Ранее те же иллюстрации встречались в немецких Библиях, переведенных М. Лютером, издававшихся в Виттенберге типографом Иоганном Люфтом в 1534, 1535, 1536, 1539, 1541 и 1545 гг. В дальнейшем Люфт продал доски в Чехию; оттиски с них появляются в пражских изданиях. Около 1560 г. Миколай Шарфенберг купил доски в Праге и использовал их в Библии 1560—1561 гг. Часть досок, видимо, погибла. Поэтому, замышляя издание Библии, Миколай Шарфенберг заказал новые гравюры Венделю Шарфенбергу, в основном для Ветхого завета.

Книга вышла в свет в 1575 и 1577 гг.[353]. Всего в ней 153 иллюстрации, из них 72 взяты из издания 1561 г. Образцом для новых гравюр, исполненных Венделем Шарфенбергом, послужила латинская Библия, выпущенная в 1566 г. Сигизмундом Фейерабендом во Франкфурте-на-Майне. Мы насчитали 7 гравюр с монограммой WS и одну — с инициалом W. На гравюре «Юдифь с головой Олоферна», кроме литер WS, видна неразборчивая монограмма, напоминающая те знаки на львовском фронтисписе, которые расшифровываются как «ЛП». Если это так, то можно как будто бы утверждать, что рисунки для краковской Библии и львовского Апостола делал один и тот же рисовальщик.

Отметим, что у первопечатника, возможно, были давние связи с силезскими Шарфенбергами. Криспин Шарфенберг и его сын Иоганн, унаследовавший вроцлавскую типографию и работавший в ней в 1577—1590 гг., широко использовали концовки того самого

Апостол 1574 г. Заставки

Ганс Зербальд Бехам. Орнамент с архитектурными украшениями и головами дельфинов

Заставка Евангелия из Задвиженя

Заставка из Апостола 1574 г.

рисунка, который мы встречаем в Апостоле 1574 г. и других изданиях Ивана Федорова [354]. Впрочем, те же концовки использовали и краковские Шарфенберги.

Наконец, третья гравюра книги — сложная композиция, помещенная на обороте последнего листа Апостола. Композиция подписана той же монограммой. Растительный орнамент обрамляет герб Львова и типографский знак Ивана Федорова, близкий по рисунку к польскому дворянскому гербу «Шренява».

Орнаментика. Сведения об орнаментальном убранстве львовского Апостола 1574 г. противоречивы. В «синоптических таблицах» известного исследования А. С. Зерновой указаны 29 досок львовского Апостола, которые применялись в других изданиях [355]. Я. Д. Исаевич утверждает, что в книге — 51 заставка, отпечатанная с 20 досок [356]. По мнению А. П. Запаско, в Апостоле — 51 заставка, отпечатанная с 30 досок [357].

На самом деле в первой украинской книге — 51 заставка, отпечатанная с 31 доски. Кроме того, в состав орнаментального убранства Апостола входят 47 концовок, отпечатанных с 10 досок, и 23 гравированные буквицы, отпечатанные с 6 досок.

20 рисунков копируют заставки, которые ранее встречались в московском Апостоле 1564 г. Частично они отпечатаны с тех же самых досок. Для некоторых рисунков формы выгравированы заново. Мы не можем утверждать, что это не было сделано для большинства досок. Вообще практика определения использования старых форм в новых изданиях нуждается в серьезных коррективах. Различные варианты рисунка: утолщение отдельных линий, разрывы в линиях, увеличение или уменьшение общих размеров и т. д. часто вызваны изменениями технологического режима — большим или меньшим увлажнением бумаги, изменением силы натиска, густоты краски и т. д. Поэтому окончательно решить, использована ли старая или новая доска, можно лишь по изменениям в конфигурации, направлении, количестве отдельных штрихов гравюры.

В использовании первопечатником старых заставок московского рисунка или новых, созданных на Украине, трудно отыскать какую-либо логику. В Апостоле 1574 г. можно встретить все 20 заставок, ранее примененных в московском издании. Однако с них сделано 34 оттиска, тогда как в московском издании — 48. Понятно, что новые рисунки сделаны для вступительной части книги, которая по сравнению с московским изданием значительно расширена. Но для чего нужно было вырезать новые доски для основного текста, ведь композиция полос была так хорошо продумана для московского издания? Во вступительной части Апостола 1564 г. заставок не было вовсе, в львовском издании их три, и все они новые.

Книгу открывает большая заставка своеобразного рисунка, который заимствован с листа ученика великого Дюрера, одного из так называемых «малых мастеров» Ганса Зебальда Бехама (1500—1550) [358]. Лист называется «Орнаментом с архитектурными украшениями и головами дельфинов»; он выполнен в технике углубленной

гравюры[359]. Мы видим барельеф, напоминающий веер. Снизу он ограничен перевязью с двумя волютами, от которых по нижнему краю рисунка стелется листва, переходящая в головы дельфинов. Размеры оттиска 3,9×9,2 см.

Оставляя нетронутой композицию рисунка, Иван Федоров коренным образом меняет стиль. Рисунок становится более плоским. Дельфины, которые выглядели бы чуждо в славянской богослужебной книге, заменены спокойно стелющейся листвой[360].

До сих пор не указывалось, что заставка почти такого же рисунка встречается в украинском Евангелии из Задвиженя[361]. Быть может, это копия гравированной заставки из Апостола 1574 г.

Тот же лист Бехама послужил композиционной основой и для малой заставки на обороте 4-го ненумерованного листа вступительной части книги.

Третья заставка вступительной части (л. 6 об. ннм) — переработка верхней части заставки Зерн. 72 из московского издания.

В основном тексте книги, как и в московском издании, 48 заставок. Однако для них применено 30 досок вместо 20 (две заставки вступительной части повторяются в тексте, а одна — нет). Из 48 заставок 26 размещены на тех же самых местах, что и в московском издании. В 8 случаях одни заставки заменены другими, но московского же рисунка. 14 заставок — новые (отпечатаны с 10 досок).

О происхождении московской старопечатной орнаментики имеется уже сравнительно большая литература[362]. Поэтому речь пойдет лишь о рисунках тех заставок, которые впервые появились в первой украинской печатной книге.

С точки зрения стиля их можно разделить на три группы. В первую из них включим рисунки, варьирующие тему московской старопечатной орнаментики. Вторая, наиболее многочисленная группа — заставки, в которых характерный для Москвы акантовый вьюнок заменен более спокойной листвой — клена, дуба или винограда (точно определить трудно).

Третья группа представлена двумя заставками с геометрическими и растительными мотивами, восходящими к листу Ганса Зебальда Бехама.

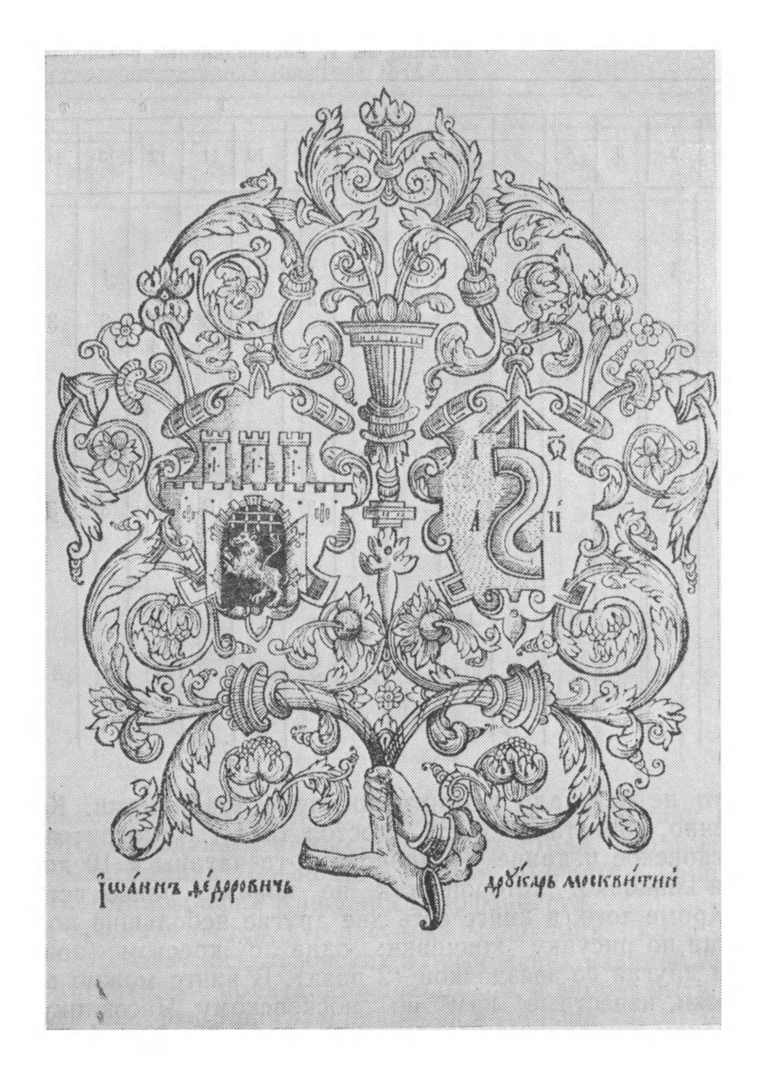
В московском стиле выполнены три новые заставки Апостола 1574 г. Это, прежде всего, третья заставка вступительной части, упомянутая выше. Заставка на л. 1 основного текста — расходящийся из центра акантовый вьюнок на черном фоне. Приподнятая центральная часть заставки напоминает кувшин или грушу. Точно такой же рисунок есть в московском издании. Это заставка Зерн. 61, повторенная в Апостоле 1564 г. 6 раз. Во Львове Иван Федоров разместил вьюнок на черном фоне в прямоугольной рамке. На первых порах может показаться, что доска аналогичной по рисунку московской заставки Зерн. 61 была потеряна. В первой части книги на л. 1, 69, 88 об. она заменена новыми досками. Однако в дальнейшем мы встретим заставку Зерн. 61 на л. 172 об., 203 и 210 об.—

значит, доска эта сохранилась. Что заставило Ивана Федорова вырезать близкую по рисунку доску и употребить ее всего лишь один раз? Об этом можно только гадать!

Наиболее интересна та из заставок первой группы, которая отпечатана на л. 84 и больше ни разу не встречается. Заставка заменила доску Зерн. 71 из московского издания, значительно меньшую по размерам: тот же мотив буйной акантовой листвы, сходящейся к бутонам или маковкам. В «Большом прописном алфавите» Израэля ван Мекенема аналогичного мотива нет. Он, по-видимому, оригинален и имеет русское происхождение. Быть может, источник — в тех гравированных на металле орнаментальных прорисях Феодосия Изографа, которые по сей день не найдены, но которые, мы убеждены в этом, существовали [363].

Переходим к заставкам второй группы. Сюда необходимо отнести и старую московскую заставку Зерн. 69, использованную во львовском издании два раза — на тех же самых листах 82 и 181, что и в Апостоле 1564 г. По мнению А. П. Запаско, источники орнаментальных мотивов заставок этой группы следует искать в украинской рукописной книге. Указывается, в частности, Евангелие из Хишевич 1546 г., загоровский Апостол 1554 г. и пересопницкое Евангелие 1556—1561 гг.[364] Львовский искусствовед считает, что Иван Федоров мог познакомиться с пересопницким Евангелием в бытность свою в Остроге, откуда до Пересопницкого монастыря менее 50 км [365]. Однако Апостол 1574 г. был напечатан по крайней мере за 4—5 лет до того, как печатник перебрался в Острог, об этом почему-то забывают украинские исследователи.

Когда искусствоведы и историки проводили параллели между старопечатной московской орнаментикой рукописных книг первой половины XVI в. и орнаментом изданий Ивана Федорова, их можно было понять: и в том и в другом случае изображение черно-белое. Орнаментика же украинских книг выполнена в цвете, причем нужно говорить лишь об орнаментальном обрамлении миниатюр и отдельных листов; заставки представляют собой традиционную балканскую плетенку. Проводить аналогии тут не так-то просто. И все же в определенном смысле А. П. Запаско прав. Чисто внешне можно найти нечто общее в орнаментальных мотивах помянутых выше украинских рукописей и заставок Апостола 1574 г. Однако служили ли эти рукописи источником вдохновения Ивана Федорова? Нам думается, нет. Дело в том, что в состав заставок второй группы вне всякого сомнения входит заставка Зерн. 69, доска для которой была изготовлена еще в Москве и которая применялась также в заблудовском Учительном Евангелии 1569 г. Не было ли у Ивана Федорова и мастеров украинской книги каких-то общих источников? Указать эти источники сейчас мы не можем. Отметим лишь, что очень похожая многолопастная листва встречается на гравированных листах немецких мастеров начала XVI в., например на гравюре Бартеля Бехама (1502—1540) «Обнаженный ребенок, видимый сзади на фоне сосуда»[366].

Апостол 1574 г. Геральдическая композиция с гербом Львова и издательским знаком Ивана Федорова

Принципиально новым элементом орнаментального убранства Апостола 1574 г. по сравнению с первым московским изданием являются концовки. В Москве Иван Федоров использовал концовки лишь однажды — на л. 81 Апостола 1564 г. Прием не имел успеха, ибо в рукописной книге Московской Руси концовки, как правило, не применялись. Ивану Федорову пришлось изъять доску из полосы набора — мы обнаружили концовку лишь в четырех из просмотренных нами 40 с лишним экземпляров книги[367]. Недавно в ЛБ поступил пятый по счету экземпляр с концовкой.

Попав на Украину, печатник уже смело употребляет концовки:

Таблица № 1. Распределение различных сортов

Экземпляры	Т е т															
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
ГИМ, Шал. 9	1	1	I	1	1	1 2	1 2	1 2	1 2	1 3	3	3 4	1 3	3	3	3 5
ЛБ, № 1349	1	1	1	1	1 7	1 2 7	1 2	1 2	1 2 3	1 3	3	3	1 3	3	3	3 4
ГИМ, Хлуд. 19	1	1	1	1	1	1 2	1 2	1 2	1 2 3	1 3	1	1 3	3	3	3	3

здесь это не вступало в противоречие с традициями. Концовки, несомненно, обогатили книгу: Апостол 1574 г. «смотрится» лучше, чем московское издание. 47 концовок отпечатаны с 10 досок. Московская концовка, которой так не повезло ранее, встречается 5 раз. Кроме того, в книге есть две другие небольшие по размеру и близкие по рисунку концовки: одна с крестом (повторяется 5 раз) и другая со звездочкой (2 раза). В книге можно встретить и арабески, известные нам по московскому Часовнику 1565 г. В последнем они служили заставками (Зерн. 85 и Зерн. 87). В Апостоле 1574 г. они служат концовками. Первая из них оттиснута 4 раза, вторая — 9 раз.

Новые по рисунку концовки выдержаны в том же стиле готической плетенки. Говоря о прототипах орнаментики Часовника, А. А. Сидоров в свое время указывал на Польшу[368]. Позднее аналогичные готические плетенки были найдены именно в польских книгах. Г. И. Коляда нашел оригиналы заставок Часовника 1565 г. в Библии Шарфенберга 1560—1561 гг., а оригиналы трех концовок Апостола 1574 г. — в краковских изданиях 1561, 1562, 1569 гг.[369]. Мы обнаружили готическую плетенку в краковском издании 1538 г.[370]

Вопрос как будто ясен. И все же говорить лишь о польском происхождении арабесковых заставок-концовок Ивана Федорова

бумаги в отдельных тетрадях Апостола 1574 г.

	р		а		д	и												
17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35
1	1																	1
3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3
				4	4													
		5	5															
												6						
1	1	1	1		1	1												
3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3
	4			4		4						4						
1	1	1			1	1												1
3	3	3	3	3		3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3
			4	4						4	4							

представляется неправильным. Аналогичные по рисунку плетенки встречаются в изданиях самых различных стран, например в венгерских типографиях 70—80 гг. XVI в. в Шинтау и Трнаве[371], во вроцлавской типографии Криспина Шарфенберга.

Нам представляется, что заставки Часовника 1565 г., а также концовки заблудовских, львовских и острожских изданий Ивана Федорова отпечатаны с политипажей польской, а может быть и немецкой работы, которые типограф приобрел в Польше.

Заканчивая рассмотрение орнаментального убранства Апостола 1574 г., упомянем о 23 гравированных инициалах книги, отпечатанных с 6 досок. Пять из них уже встречались в московском Апостоле. Инициал «И», открывающий знаменитое послесловие первой украинской печатной книги, взят из заблудовской Псалтыри с Часословцем 1570 г.

Бумага. Впервые водяные знаки бумаги, на которой напечатан Апостол 1574 г., исследовал И. П. Крипъякевич, опубликовавший четыре филиграни[372]. Я. Д. Исаевич знал уже 6 водяных знаков, Ю. Я. Мацюк, изучавший бумагу Апостола особенно тщательно, довел их число до 17 (7 различных рисунков)[373]. По сей день не изучено распределение филиграней (а значит, и различных сортов бумаги); нет сведений и о частоте встречаемости филиграней в различных экземплярах.

Обнаружены следующие водяные знаки:

1. Подкова с четырехконечным крестом внутри — герб «Тупая подкова». Местонахождение бумажной мельницы, использовавшей филигрань, по сей день не установлено. О. Я. Мацюк в Апостоле 1574 г. обнаружил три варианта водяного знака (Мац. 45—47). Э. Лауцявичюс — два (Лауц. 2663—2664).

2. Шестиконечный крест — польский герб «Свенчиц». В XIII—XIV вв. похожий знак встречается во французской и итальянской бумаге. В Польше филигрань использовала мельница монастыря св. Духа в Прондннке под Краковом[374]. О. Я. Мацюк указывает ее в пяти вариантах (Мац. 35—39).

3. Ладья на гербовом щите — герб «Лодзя». И. П. Крипъякевич зарегистрировал знак на 86 листах изученного им экземпляра Апостола. К. Бадецкий встречал его в бумаге актовых книг Львова[375]. Какая мельница ставила эту филигрань, пока неизвестно. О. Я. Мацюк регистрирует знак в двух вариантах (Мац. 48—49), Э. Лауцявичюс — также в двух (Лауц. 1838—1839), причем со ссылкой на экземпляр Апостола 1574 г. в Научной библиотеке ВГУ.

4. Три перекрещенные булавы — герб «Элита». Как установил О. Я. Мацюк, это водяной знак бумажной мельницы в селе Ливчицы близ города Рудки на Львовщине[376]. Владела ею шляхетская семья Корытки. В бумаге Апостола О. Я. Мацюк обнаружил знак в трех вариантах (Мац. 42—44), Э. Лауцявичюс — в одном (Лауц. 1539).

5. Топор на гербовом щите. Этот водяной знак принадлежал мастерским Тенчиньских под Краковом (Мац. 25—27).

6. Удлиненный по вертикали гербовой щит под короной (Мац. 50).

7. Лента в форме латинского «W» на гербовом щите — герб «Абданк». Н. Лихачев встречал этот водяной знак в рукописях и печатных изданиях, начиная с 1581 г. (Лих. 535—537), И. Каманин и О. Витвицкая — в бумаге украинских документов второй половины XVI в.[377] Эту филигрань использовала бумажная мельница в Могиле близ Кракова. О. Я. Мацюк указывает ее в двух вариантах (Мац. 40—41)[378].

В табл. № 1 указано распределение различных сортов бумаги в отдельных тетрадях Апостола 1574 г. Книга в основном отпечатана на бумаге двух сортов — с филигранями «Тупая подкова» и «Ладья». В трех изученных нами экземплярах Апостола филигрань «Ладья» встречается в 26 из 35 тетрадей, а филигрань «Тупая подкова» — в 14—18 тетрадях. Остальные филиграни встречаются более или менее случайно — в двух-пяти тетрадях книги.

Выводы: бумага для книги была куплена двумя большими партиями. Можно также утверждать, что послесловие книги печаталось одновременно с первыми листами ее — филигрань «Тупая подкова» встречается и в первых тетрадях, и в послесловии.

АЗБУКА 1574 г.

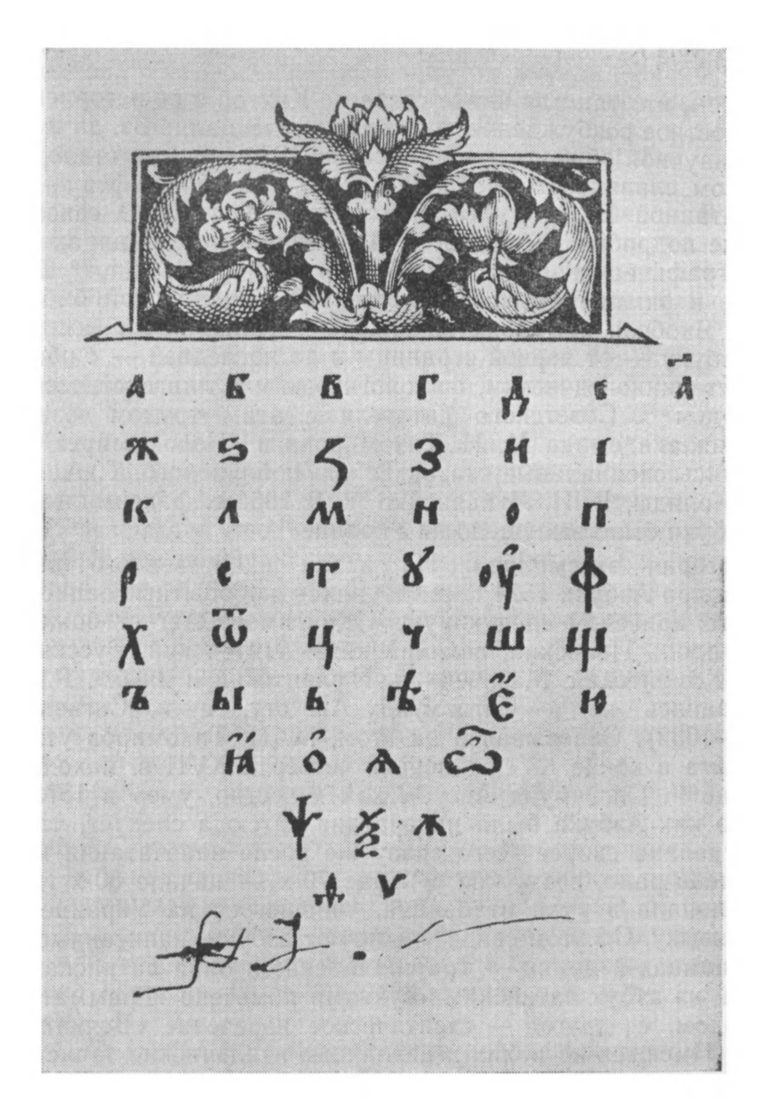
Всем, кто так или иначе связан с Книгой и ее историей, памятно радостное возбуждение, охватившее специалистов, да и широкие круги научной общественности осенью 1954 г., когда стало известно о первом славянском учебнике кирилловского шрифта — Азбуке, напечатанной Иваном Федоровым во Львове[379]. О сенсационной находке подробно рассказал А. А. Сидоров на страницах журнала «Полиграфическое производство» в январе 1955 г.[380] В том же 1955 г. в зимнем выпуске «Бюллетеня Гарвардской библиотеки» Роман Якобсон и Вильям А. Джексон факсимильно воспроизвели всю Азбуку — от первой страницы и до последней — с обстоятельным источниковедческим, филологическим и лингвистическим комментарием[381]. Советского читателя с этим трудом познакомила рецензия академика М. Н. Тихомирова в «Новом мире»[382]. Затем появились специальные статьи В. С. Люблинского, Т. А. Быковой, Г И. Коляды, В. И. Лукьяненко[383]. В 1964 г. факсимильное издание Азбуки было выпущено на Украине[384].

История экземпляра. На полях единственного известного экземпляра Азбуки 1574 г. сохранились любопытные записи. Прежде всего приведем следующую: «Жикгимонт Август божью милостию король Польский, великий князь Литовский, Русский, Прусский, Жомоитский, Мазовецкий, Ифлянтский и иных». Р. Якобсон отнес запись не к Сигизмунду Августу, а к Сигизмунду III (1587—1632). Основываясь на этом, М. Н. Тихомиров утверждал, что книга в конце XVI — первой четверти XVII в. находилась на Украине[385]. Сигизмунд Август, как известно, умер в 1572 г., еще до того как Азбука была напечатана. Отсюда следует, что запись была сделана скорее всего сразу же после напечатания книги.

Очень рано, возможно в конце 70-х — начале 80-х гг. XVI в. книга попала в руки итальянца, учившегося на Украине славянскому языку. Об этом свидетельствуют азбуки, написанные от руки на страницах издания — три славянские и одна латинская. Рядом с одной из азбук латинскими буквами помечено «Грамматика Русса», рядом с другой — скептическое изречение «Всякий человек лжив». Имеются на полях и различные итальянские записи.

Владелец книги вывез ее в Италию, и здесь в XIX в. она, по мнению Вильяма А. Джексона, попала в собрание графа Г. С. Строганова (1829—1910)[386] В сентябре 1927 г. Азбуку купил в Риме для своей коллекции известный деятель «Мира искусства», антрепренер и искусствовед С. П. Дягилев (1872—1929). Он тут же сообщил своему другу, артисту балета С. Лифарю, что приобрел «чудную, потрясающую русскую книгу». В 1939 г. С. Лифарь кратко описал уникум[387], но публикация эта не была замечена специалистами. Затем книга была приобретена для библиотеки Гарвардского университета (США)[388].

Общее описание. Азбука 1574 г. напечатана в восьмую долю листа. Книга составлена из 5 восьмилистных тетрадей, содержит

Азбука 1574 г. Начальный лист

40 листов, или 80 страниц. Размер страницы — 157×100 мм. Две страницы (4 об. и 80 об.) — пустые. Ни пагинации, ни сигнатур в издании нет.

Напечатана Азбука на бумаге с водяным знаком «Тупая подкова». Такая бумага встречается в заблудовских, львовских и острожских изданиях Ивана Федорова [389]. На ней напечатаны первые листы Апостола 1574 г. Это косвенно указывает на то, что Азбука печаталась до Апостола или одновременно с первыми листами его. А значит, именно Азбука и является первой украинской

дньі бꙋдꙋтъ ваши лю
бви. прїимѣте сїа лю
бовїю. а ѧ иныхъ пи
санїихъ блгоугодныи съ
вожделѣнїе потрꙋдити
сѧ хощꙋ. аще блговоли
бгъ, вашими стыми
молитвами
аминь.

Выдрꙋковано вольвовѣ,
рокꙋ, ҂а, фод.

Азбука 1574 г. Лист с послесловием

печатной книгой. Текст Азбуки набран московским шрифтом Ивана Федорова, который использовался и в заблудовских изданиях.

Художественное убранство книги — пять заставок и три концовки, а также гравюры — герб Львова и типографский знак Ивана Федорова. Заставки варьируют мотив акантовой листвы с цветками, бутонами, маковыми головками и шишками по черному фону. В навершии одной из заставок (л. 12) — сидящая в гнезде птица. А. П. Запаско видит прототип заставок львовской Азбуки

в орнаментике Евангелия из Хишевич и Пересопницкого Евангелия[390]. Это верно лишь в самых общих чертах. Мы, со своей стороны, можем указать параллели композиции и сюжета заставки на л. 9 книги — орнамент Ганса Зебальда Бехама. Иван Федоров отбросил изображения играющих на трубе сатиров и взял растительный фон[391].

Концовками служит готическая плетенка, в одном случае (л. 11 об.) дополненная растительными элементами. Концовки, вне всякого сомнения, представляют собой политипажи, приобретенные в одной из польских типографий.

Герб Львова и типографский знак (л. 80) заключены в прямоугольные рамки, ограниченные двумя линиями — жирной наружной и тонкой внутренней. Гравюры обнаруживают определенный художественный вкус и техническое умение. Оттиски с тех же самых досок (за исключением герба Львова) мы в дальнейшем встретим в острожской Азбуке.

Состав. На первой странице Азбуки 1574 г. помещены 45 строчных букв кирилловского алфавита. Звук «з» представлен знаками «зело» и «земля» (в двух вариантах). Имеются знаки иже и і (десятеричное). Буквы «есть» и «он» представлены двумя знаками каждая: широким и узким. Звук «о», кроме того, передают два других знака: «от» и широкая «омега». В двух вариантах представлен звук «у» (лигатурное «у» и «оу»). Из йотированных знаков имеется одно лишь йотированное «а» (звук «я»). Есть как малый, так и большой юсы, хотя последний в изданиях Ивана Федорова никогда не использовался. Азбуку завершают греческие по происхождению буквы «пси, «кси», «фита», «ижица».

На обороте первого листа Азбуки приведен алфавит в обратном порядке — от «ижицы» до «аз». В этом «вспятословии», как называли подобный алфавит старые русские книжники, первый вариант буквы «земля» пропущен, и вместо 45 напечатано лишь 44 знака. Ошибку Иван Федоров устранил в следующем издании Азбуки, выпущенном в Остроге в 1578 г. «Фита» и широкое «е» на обороте первого листа воспроизведены прописными буквами. Ниже — знаки алфавита по вертикали в 8 колонках, в каждой колонке — по 5 букв, всего — 40 букв; 41-я — «ижица» — напечатана внизу отдельно. По сравнению с азбукой первой страницы пропущены знаки «земля» (первый вариант), широкое «е», широкая «омега» и «юс большой».

Далее Иван Федоров помещает сочетания согласных с различными гласными. Позднее такие сочетания назывались «слози (т. е. слоги) двописменнии» и «слози триписменнии»[392].

Двухбуквенные слоги собраны в 9 групп, в каждой по 3 строки. Такие сочетания знаков («ба, ва, га...», «бе, ве, ге...» и т. д.) — первое, с чего начиналось обучение детей чтению и письму. На л. 2—4 даны уже более трудные для восприятия сочетания двух согласных и одной гласной типа «бра, вра, гра...» Сочетания собраны в девять групп по 3—4 строки в каждой.

Оборотная сторона л. 4 пустая. С л. 5 начинается новый раздел, озаглавленный: «А сия азбука от книги осмочастныя, сиречь грамматикии». Здесь собраны примеры спряжения глаголов, начинающихся на отдельные буквы алфавита и размещенных в порядке этих букв (л. 5—9 об.). На букву «аз» примеров нет, она только названа. Нет примеров и на последние буквы, начиная с «ъ», хотя глаголы, начинающиеся на «ю», «йотированное а», юсы существуют.

В первом примере (спряжение глагола «будити») формы спряжения пояснены местоимениями, которые проставлены тотчас за формой и указывают на то или иное лицо. Например, во 2-м лице единственного числа «будиши ты». Формы множественного числа пояснены описательными выражениями. Например, в 3-м лице множественного числа: «будят яко бы нецыи на нас г(лаго)лют, или мы на других».

В примерах на все последующие буквы ни местоимений, ни описательных выражений нет — перечисляются лишь глагольные формы.

Порядок форм таков. Формы 1-го лица единственного числа Азбука 1574 г. не приводит. Перечень начат причастной формой мужского рода единственного числа. Далее идут формы 2-го и 3-го лица единственного числа, 1-го и 2-го лица двойственного числа и 1-го, 2-го и 3-го лица множественного числа. Например: «глаголя, глаголеши, глаголет, глаголева, глаголета, глаголемо, глаголете, глаголют».

На л. 10 на примере глагола «бити» показаны формы страдательного глагола. Ниже на том же листе приведены формы различных времен 3-го лица множественного числа для того же глагола в сочетании с личным местоимением 1-го лица: «бияху мя, биху мя...» и т. д. При этом сделана опечатка «бити тя» вместо «бити мя». Приведены формы следующих времен: имперфект («предбывшее протяженное»), настоящее, инфинитив («по мале бывающее»), первое будущее.

Следующий раздел (л. 10 об. — 11 об.) Азбуки 1574 г. назван: «По прозодии аеже дващи в единых лежащее се есть повелителная и сказателная». Материал, приведенный здесь, должен был помочь учащимся овладеть сложной системой ударений и «придыханий». Иван Федоров использует в этом разделе надстрочные знаки «оксия», или знак острого ударения, «вария», или знак тяжелого ударения, «псилия», или «густая»; «исо». Характерный пример: «му́ка — мука́». Глагольные формы в примерах одновременно иллюстрируют разницу между изъявительным и повелительным наклонениями — для 2-го лица множественного числа («про́сите — проси́те»).

Следующий раздел — «По ортографии» — занимает 22 страницы (л. 12—22 об.). Материал призван познакомить учащихся со склонением существительных и прилагательных и одновременно с правописанием широко распространенных в тогдашней книжности

слов под титлами — таких, как «агглъ», «бгъ», «гнь», «дхъ», «мтрь» и т. п. Главными для составителя все же были вопросы орфографии, ибо какой-либо порядок в перечислении падежных форм отыскать трудно. Различно и количество этих форм — для слова «пр(е)м(у)др(о)сть» — 4, для слова «пр(е)ст(о)л» — 6, для слова «живот» — 7 и т. д.

Часто приводятся существительные и образованные от них прилагательные или глаголы («агглъ» — «агглъска») в различных падежах или глагольных формах.

Примеры приведены в порядке алфавита. Под буквой «ф» даны в именительном падеже слова и имена собственные, часто встречающиеся в Библии и богослужебных книгах: «философ», «Филипп», «Филимон» и т. д.

Задача следующих разделов Азбуки — дать учащимся тексты для закрепления и развития навыков чтения и письма. В первую очередь это азбучный акростих — лаконичный рассказ о страданиях Христа; предложения расположены в порядке алфавита по начальным буквам фраз (л. 23—24 об).

Далее на л. 25—25 об. даны тексты популярных молитв, начиная с простейших и наиболее лаконичных: «Г[оспод]и... помилуй нас» (л. 25) и т. д. Постепенно сложность текстов увеличивается. Учащиеся приступают к чтению «О[т]че нашь» (л. 26—26 об.), а также так называемых «символов веры» в редакции первого и второго церковного соборов (л. 26 об. — 28). Далее помещены молитвы «Ослаби остави» (л. 28—28 об.), «Всес[вя]тая тро[и]це» (л. 28 об. — 29) и др. Первоначальный курс обучения заканчивался чтением молитв Василия Великого (л. 30 об. — 32) и Манассии (л. 32—34).

Азбука завершена отрывками из притчей Соломона и апостольских посланий, подобранных таким образом, что они как бы составляют советы для родителей, учителей и учеников (л. 35—39 об.). Источники текстов указаны Р. Якобсоном и В. И. Лукьяненко[393]. Советы умело скомпанованы из отдельных выдержек и фраз 22-й, 23-й и 29-й притчей, а также из зачал 232, 258 и 273 «Посланий» апостола Павла к ефесианам, колосянам и солунянам.

Иван Федоров, подбирая традиционные библейские тексты, превращает их в целенаправленную гуманистическую программу первичного школьного образования. «Иван Федоров выступает перед нами провозвестником гуманной педагогики»[394], — справедливо пишет М. Н. Тихомиров.

Лейтмотив обращения к ученикам — призыв к просвещению: «приложи с(е)рдце твое к научению»; «да внидет к наоучению с(е)рдце твое и оуши к словесем разума». Однако тут же находится место для проповеди гуманистического отношения к оскорбленным и униженным: «не сътвори насилия оубогому, понеж убог есть»; «не дотыкаися межей чужих и на поле сироты не въступай».

Фразой «К вам же отцы и оучители тако гл(агол)ет» Иван Федоров предваряет советы родителям и учителям — сложную

подборку отдельных фраз из «Книги притчей». В полном согласии с духом времени рекомендуется строго наказывать детей: «аще ли накажеши его жезлом не оумрет от того»; «аще ты в юности накажеши его, а он оуспокоит тебе на старость твою». Однако тут же дается совет: «Отцы не раздражаите чад своих».

Заканчивается Азбука 1574 г. кратким послесловием Ивана Федорова (л. 79 об. — 80), которое стоит привести полностью: «Възлюбленный ч(е)стный християньский руский народе, греческаго закона. Сия еже писах вам, не от себе, но от б(о)жественых ап(о)ст(о)л и б(о)гоносных с(вя)тых о(те)ц оучения, и преподобного о(т)ца нашего Иоанна Дамаскина от грамматики, мало нечто. Ради скораго младеньческаго наоучения въмале съкратив сложих. И аще сии труды моя благооугодны будут ваши любви приимете сия с любовию, а я и о иных писаниях бл(а)гооугодных с вожделением потрудитися хощу, аще благоволит б(о)г, вашими с(вя)тыми молитвами. Аминь».

Послесловие завершают две гравюрки — герб Львова и типографский знак первопечатника. В конце страницы указано: «Выдруковано во Львове, року 1574».

Источники. В литературе нередко можно встретить утверждения, что Иван Федоров чуть ли не единолично «написал» Азбуку 1574 г. Особенно настойчиво мотив «авторства» повторяется применительно к поучениям последней части книги. «В „Поучении сыну“ Иван Федоров писал о необходимости воспитания любви к человеку, — утверждает Б. Н. Митюров, — правдивости, заботливом отношении к сиротам и убогим, об умении слушать мудрые слова...»[395] В подтверждение приводятся обширные цитаты из Азбуки, которые на поверку оказываются цитатами из 22-й библейской притчи царя Соломона. Авторство библейских текстов приписывает первопечатнику М. Б. Ботвинник и некоторые другие историки русской, украинской и белорусской педагогической мысли[396].

Между тем сам Иван Федоров совершенно четко определил характер проделанной им работы: «въмале съкратив сложих». Первопечатник был не автором, но составителем, что нисколько не умаляет важности и значительности его труда.

Иван Федоров, конечно же, был знаком с западноевропейской традицией. В Германии и других странах Западной Европы издавна существовали элементарные учебники грамоты[397]. В XVI в., а может быть и раньше, их стали печатать[398]. Происхождение Азбуки изучено очень плохо; капитальных монографических исследований по сей день нет. Для нас важно бытование Азбук на территории Польши. В 1970 г. автору этих строк представилась счастливая возможность ознакомиться с уникальными экземплярами старопечатных Азбук, изданных в Польше во второй половине XVI в. Находятся они в Софии в Народной библиотеке им. Кирилла и Мефодия[399] и по сей день подробно описаны не были[400]. Это — конволют, который содержит «Беседу избранную о воспитании чад» Иоанна Златоуста (Львов, 1609), латинскую и польские Азбу-

ки XVI в., фрагмент виленской славянской Азбуки 1596 г., Азбуку без выхода, о которой мы расскажем ниже, и, наконец, «Ламент дому княжат Острожских» (Острог, 1603). Конволют, судя по составу, скомплектован на Украине в начале XVII в. Неведомыми судьбами он попал в болгарское село Дебели-лук, откуда был доставлен в Народную библиотеку священником Михаилом Алексовым Вылковым.

Латинская Азбука напечатана в 1575 г. в Кракове Мацием Виржбентой [401]. Она открывается титульным листом в гравированной рамке и кратким предисловием, вслед за ним напечатаны прописной и строчной алфавиты, а затем, как и в Азбуке Ивана Федорова, двухбуквенные и трехбуквенные слоги — сочетания согласных с гласными. С л. 5 напечатаны на латинском и польском языках параллельные тексты для закрепления и развития навыков чтения. Это, как правило, популярные молитвы и среди них «Отче наш».

Первая польская Азбука софийского конволюта напечатана в 1600 г. в Кракове в типографии наследников Якуба Зибенайхера [402]. На титуле изображена школа и учитель с плеткой; далее помещены прописной и строчной алфавиты, двухбуквенные и трехбуквенные слоги. Тексты для чтения открываются молитвой «Отче наш»; напечатаны «Песнь богородицы», исповедание веры в редакции первого и второго церковного соборов, «Господи помилуй», «Семь грехов смертельных», «Семь даров св. духа», молитвы к св. духу, псалмы 13-й и 50-й. Некоторые из этих текстов мы находим и в Азбуке Ивана Федорова.

Вторая польская Азбука софийского конволюта особенно интересна, ибо она была напечатана во Львове в 1599 г. и в библиографии львовских изданий по сей день не описана [403]. Эта небольшая книжечка (всего 9 л.) по содержанию близка к краковскому изданию; содержание, видимо, было традиционным.

В польских и других зарубежных Азбуках мы не найдем аналогий для многих текстов Азбуки 1574 г. Нет в них, например, алфавита в обратном порядке или алфавита в 8 вертикальных столбцах. Не знают польские элементарные учебники примеров спряжения глаголов, склонения существительных и прилагательных и других разделов, призванных знакомить учащихся с начатками грамматики. В Азбуке Ивана Федорова эти разделы занимают важное место. Отличен в славянской и польской Азбуках и состав упражнений для чтения.

Параллели для всех этих текстов следует искать в старославянской и древнерусской книжности. Так, в «Книге Константина Философа», составленной сербским книжником Костантином Грамматиком в первой половине XV в., есть и обратный алфавитный ряд, и смешанные алфавитные ряды — азбука в 8—9 вертикальных столбцах [404]; есть они и в русской «Беседе о учении грамоте», которую И. В. Ягич напечатал по рукописи ГИМ, Син. 380 [405].

В литературе уже отмечалось, что источником для граммати-

ческих разделов Азбуки Ивана Федорова могла послужить «Книга, глаголемая буквы...», известная в списках XVI—XVII вв. но, повидимому, бытовавшая и ранее. Есть здесь, например, раздел «Начало букв по ортографии», чрезвычайно близкий разделу «По ортографии» Азбуки 1574 г.[406] В разделе «А се осмочастне от граматикия», как и у Ивана Федорова, приведены формы спряжения глагола «будити». При большем объеме и полноте «Книги, глаголемой буквы» примеры, приводимые первопечатником в Азбуке, несколько богаче и разнообразнее. По словам В. И. Лукьяненко, «ни одна из грамматических статей, известных нам в списках XVI—XVII вв., не включает такого обширного собрания разнообразных глаголов со всеми личными формами настоящего времени, систематически представленными в первопечатной Азбуке»[407].

Первый связный текст, помещенный в Азбуке 1574 г., — азбучный акростих. Акростихи — весьма популярный жанр средневековой книжности вообще и славянской в частности. В славянских литературах увлечение акростихами восходит к глубокой древности. Старейший такой памятник — «Азбучную молитву» — старые книжники приписывали просветителю славян Кириллу Философу, а новейшие исследователи — ученику Мефодия Константину Преславскому, болгарскому писателю IX—X вв.[408] Древнейший список Азбучной молитвы относится к XII в. и имеет русское происхождение; азбучные акростихи[409] достаточно рано бытовали и в нашей стране.

Говоря об истоках акростиха из Азбуки 1574 г., Р. Якобсон назвал Азбуку «Азь есмь бог», опубликованную И. В. Ягичем по сербскому списку. В. И. Лукьяненко указала более близкий прототип — «Азбуку о Христе», известную по русским спискам XV—XVI вв.[410] Из этого памятника заимствованы без каких-либо изменений многие строки первопечатного акростиха, особенно в начальной части его. Отдельные фразы текста восходят к другому рукописному акростиху — «Азбуке об Адаме»[411].

Источником для заключительной части Азбуки 1574 г. — упражнений для чтения — послужили многочисленные рукописные и печатные Часовники и Часословцы. В них те же самые молитвы, исповедание веры и т. д. Есть они и в Часовниках, напечатанных Иваном Федоровым в Москве и Заблудове (в составе Псалтыри с Часословцем). Текстуальные отличия львовской редакции отмечены В. И. Лукьяненко[412]. Какие-либо выводы из них делать преждевременно. В. И. Лукьяненко указывает, что выдержки из апостольских посланий в Азбуке следуют редакции не львовского Апостола, который, скорее всего, печатался одновременно с Азбукой, а рукописных русских Апостолов XV в.[413]. А значит, составлялась Азбука не тотчас перед печатанием, как обычно утверждается, а задолго перед тем. Возможно, у нее были рукописные прототипы. Если бы Иван Федоров составлял Азбуку во Львове, он воспользовался бы той редакцией апостольских посланий, которая была принята им для Апостола 1574 г.

Язык. Интересный материал для суждения о языке Азбуки 1574 г. дают глагольные формы и некоторые местоимения на л. 5—11 об. книги. Окончание 3-го лица единственного и множественного числа в первопечатной Азбуке во всех случаях твердое. Нормой древнерусского языка было мягкое «ть». Однако довольно рано в севернорусских и среднерусских говорах мягкое окончание было вытеснено твердым [414]. П. Я. Черных считает мягкое «ть» характерным для украинских и белорусских диалектов. С другой стороны, Ф. П. Медведев приводит примеры с твердым «т» из украинских грамот XIV—XV вв. [415] Таким образом, твердое «т» не может однозначно характеризовать русское или украинское происхождение памятника.

По мнению Н. Н. Дурново, П. С. Кузнецова, П. Я. Черных и других авторов, во 2-м лице единственного лица древнерусский язык определенно предпочитал флексию «-шь» старославянскому «-ши»[416]. В Азбуке 1574 г. — последнее окончание: «будиши», «възразумляеши», «глаголеши». Ф. П. Медведев оспаривает указанное мнение, приводя в доказательство формы современного украинского языка.

Более определенно о происхождении памятника говорит форма 1-го лица множественного числа с флексией «-мо». В древнерусском языке в этом случае обычно «-мъ». Окончание «-мо» характерно для украинского языка. В Азбуке 1574 г. — «будимо», «въразумляемо», «глаголемо»... На украинские связи составителя указывает и форма местоимения 3-го лица единственного числа «той». Это характерное для восточнославянских языков использование в 3-м лице указательного местоимения вместо личного. В древнейших памятниках письменности употребляется форма «тъ»; в большинстве русских говоров, начиная с XIII в., она сменяется удвоенной формой «тътъ — тот»[417]. В Западной и Южной Руси бытовала форма «тъй», которая при прояснении редуцированной дала в Белоруссии форму «тый», а на Украине — форму «той»[418], ее мы и встречаем в Азбуке 1574 г.

Тексты первой учебной книги содержат и весьма характерные примеры «цоканья» («оцысти» — л. 25—25 об.). Явление это обычно связывают с северо-западными и северными диалектами. Однако цоканье встречается и на севере Белоруссии [419].

Редуцированная гласная «ъ» в Азбуке 1574 г., как и в Апостоле 1574 г., большей частью не прояснена: «съкровище» (л. 25), «събор» (л. 26 об.), «сътворена» (л. 27), «съ славою» (л. 27 об.). Даже в послесловии Ивана Федорова, где влияние старославянского языка, казалось бы, должно быть минимальным, встречаем слово «възлюбеныи» (л. 79 об.).

Язык Азбуки — традиционный старославянский язык богослужебных книг. Диалектное воздействие, примеры которого приведены выше, минимально. И все же необходимо подчеркнуть, что отдельные приметы языка ведут нас на Украину и в меньшей степени в Белоруссию.

ОСТРОЖСКАЯ ТИПОГРАФИЯ ИВАНА ФЕДОРОВА

Опять пришлось первопечатнику устраиваться на новом месте. Четвертая (после московской, заблудовской и львовской) в его жизни типография была, пожалуй, наиболее продуктивной. За неполных четыре года — с 1578 по 1581 г. — она выпустила пять изданий и среди них знаменитую Острожскую Библию. Возможно, были и другие издания, которые до нас не дошли.

В должности «типографа и служебника его милости Константина князя Острожского» Ивану Федорову жилось безбедно, но далеко не спокойно. Непривычные обязанности на первых порах захлестнули его, вовлекли в водоворот феодальных распрей, бушевавших на Волыни. А затем были годы напряженного труда и дело всей его жизни — книги, книги, книги...

ИВАН ФЕДОРОВ НА ВОЛЫНИ

Волынскую землю — на юге гористую, а на севере равнинную и лесистую, издавна населяли славянские племена полян, древлян, волынян, дреговичей. По преданию, здесь в 945 г. погиб, воюя древлянские поселения, князь Игорь Рюрикович. Через Волынь проходили торговые пути с Руси в Западную Европу. Здесь-то и возникли города — Буск, Луцк, Кременец, Житомир, Холм, Острог [1].

Князь Роман Мстиславович в 1199 г. объединил Волынь и соседнюю Галицию в единое Галицко-Волынское княжество. Но уже в XIV в. эти плодородные земли в верховьях Западного Буга и Припяти попали под власть Литвы. Земли привлекали и польских магнатов. При Ягайло в 1382 г. Западная Волынь с Холмом и Белзом отошла к Польше. После Люблинской унии 1569 г. поляки получили и Восточную Волынь, и Киевщину. Здесь были образованы два воеводства: Киевское с поветами Киевским, Житомирским и Овручским и Волынское — с поветами Луцким, Владимирским и Кременецким.

В течение всего XVI в. на Волыни формируются крупные землевладения. Города и села, леса и пашни были поделены несколькими родами крупнейших феодалов-магнатов: Острожскими, Сан-

гушками, Чарторыйскими, Вишневецкими, Корецкими. Жесточайшая эксплуатация крестьян достигла, казалось бы, немыслимого предела: 4—6 дней в неделю крепостные работали на пана[2].

Как и по всей Украине, в XVI в. на Волыни растут города, развиваются ремесла. В середине XVI столетия в Волынском воеводстве было 68 городов, к 1629 г. — 114[3]. Крупными торгово-ремесленными центрами становятся Луцк, Острог, Дубна, Владимир-Волынский, Торчин. Важной торговой артерией становится Западный Буг, по которому вывозят на Запад зерно, скот, лес, изделия ремесленников.

Католической экспансии, особенно усилившейся после Люблинской унии 1569 г., волынские магнаты противопоставляли поддержку православной церкви, культурно-просветительную деятельность. Не случайно именно на Волыни нашелся меценат, который поддержал первопечатника Ивана Федорова в его стремлении рассевать по вселенной духовные семена.

Культурно-просветительный кружок волынских феодалов. О кружке мы говорим условно. Сколько-нибудь четких форм он не имел. То были культурные очаги в имениях крупных магнатов и в некоторых монастырях, которые поддерживали связь друг с другом с помощью переписки, обмена книгами, а иногда и людьми. Но действовали они совершенно независимо и общей программы не имели. Не приходится говорить и об идеологическом главе кружка, хотя на эту роль нередко выдвигали князя К. К. Острожского. Культурный центр в Остроге был лишь самым многочисленным. Продукция его, размноженная типографским способом, получила наиболее широкое распространение, тем самым наглядно демонстрируя преимущества книгопечатания перед рукописанием.

Познакомимся — очень коротко — с некоторыми культурными очагами Волынской земли в середине XVI в.

Достаточно рано просветительный центр сложился в древнейшем на Волыни Пересопницком монастыре, который в 1504 г. был отдан князьям Чарторыйским[4]. Князья издавна собирали библиотеку, вскоре ставшую одним из крупнейших книжных собраний на Волыни. Ныне собрание находится в Национальном музее Кракова. В нем немало старопечатных славянских книг, в том числе издания Швайпольта Фиоля и Ивана Федорова. Чарторыйские были близко знакомы, а частью и породнились с активными деятелями просветительного движения.

Староста Житомирский Михаил Александрович Чарторыйский (ум. 1582 г.) соседствовал имениями с А. М. Курбским. Его двоюродная сестра, Екатерина Ивановна, была замужем за Василием Загоровским, с которым мы еще познакомимся ближе. Гербом Е. И. Чарторыйской-Загоровской украшено Евангелие, переведенное на украинский язык в 1571 г. «многогрешным рабом божиим Петром»[5]. Вторая сестра, Елена Ивановна, вышедшая замуж за воеводу Остафия Горностаева и ставшая владелицей Пересопницкого монастыря, поддерживала обитель материально и морально,

что в тяжелых условиях контрреформации и наступления католицизма было делом не легким. В монастыре еще в 1559—1561 гг. было переведено на украинский язык и украшено замечательными миниатюрами и орнаментом прославленное Пересопницкое Евангелие.

Чарторыйским принадлежало село Диков на речке Студенке Клеванской волости. Небезынтересно, что в церкви этого села был найден Апостол, напечатанный в 1574 г. во Львове Иваном Федоровым [6].

Крупный центр рукописания сложился в Старом Загориве — имении шляхтичей Загоровских [7]. Отсюда вышел знаменитый Загоровский Апостол. Сохранились известия и о других книгах, переписанных здесь. Это Евангелие, «построенное» в 1567 г. «повелением раба божиа пана Петра Богдановича Загоровского, маршалка господарьского», Минея служебная 1536 г., списанная «рукою многогрешнаго дьяка Михна» повелением того же П. Б. Загоровского, Минея служебная Загоровского монастыря середины XVI в., изготовленная «за дозволением пана Петра Богдановича», Златоструй XVI в.[8]

Загоровские не только поощряли книгописание, но и финансировали создание начальных училищ. Об одной из таких школ сохранилось известие в завещании сына П. Б. Загоровского, кастеляна Брацлавского Василия Петровича Загоровского, составленном 11 июля 1577 г. Василий оставил средства на постройку «белой избы» для школы; в избе дьяк должен был учить детей, «которых на науку будут ему давати». В завещании подробно подсчитаны все расходы. Ежедневно должно было уходить «по три тетради десетных», «а на год полтораста тетрадей папери на то, киновари, орешков, копырвасу и кгумю на чернило»[9].

Школа Загоровского не была единственной на Волыни. В училище, которое в 1588 г. учредили при Владимирской соборной церкви, учителями были «бакаляры», т. е. бакалавры, люди с университетским образованием. Один из них учил детей «по-грецку», а другой — «по-словенску». Для школы князь К. Острожский пожаловал «избу мурованную» (т. е. каменную), «а другую избу деревеную бакаляром до мешканя»[10].

С культурно-просветительным кружком волынских феодалов связана деятельность князя Андрея Михайловича Курбского (1528—1583). После бегства в Литву он получил от Сигизмунда Августа немалые земельные угодья на Волыни: город Ковель с замком, местечки Вижву и Миляновичи, 28 сел. Литературно-переводческая деятельность Курбского в этот последний период его жизни оказала значительное влияние на современников. Его «История о великом князе Московском» и три послания к Ивану Васильевичу Грозному — блестящие памятники злободневной политической публицистики. Эти своеобразные памфлеты были хорошо известны всей просвещенной Волыни и Галицкой Руси; цитирует их и Иван Федоров в послесловии к Апостолу 1574 г. На Волыни Курбский

перевел с латинского и греческого труды Иоанна Дамаскина, Иоанна Златоуста, Василия Великого. В предисловии к переводу Иоанна Дамаскина он советовал молодым людям изучать не только священное Писание, но и «шляхетные» науки: грамматику, риторику, диалектику, астрономию, «нравоказательную» философию [11].

Переводы Курбского, к великому сожалению, по сей день не собраны и не изучены. Сделать это следовало бы в самом ближайшем будущем.

В своем имении Миляновичи, где он жил почти безвыездно, Курбский собрал большую библиотеку латинских, греческих, славянских и польских книг. «Аз же не токмо Великого Василия всю книгу купих, — писал он ученику старца Артемия Марку Сарыгозину, — но иных некоторых учителей наших: все оперы книги Златоустовы, Григория Богослова, Кирилла Александрийского, Иоанна Дамаскина и кронику неякую ново з грецка на латынске преложенную, зело потребную и премудрую...»[12] Князь составил каталог своей библиотеки и послал его Сарыгозину, прося рекомендовать ему, какими еще книгами следовало пополнить собрание.

Были в библиотеке Курбского и классики античной литературы. В предисловии к переведенному им сборнику трудов Иоанна Златоуста, которому он дал название «Новый Маргарит», князь сообщил, что он «разумы высочайших древних мужей прохождах... прочитах рассмотрях физические (физика есть книга Аристотельская, коя в себе замыкает прирожденую або естественную философию и есть зело премудра) и обучахся и навыках еттических (также и этика, десять книг Аристотельских...)»[13].

Знал Курбский и злободневную в ту пору литературу реформационного движения — «Меленктона Филиппа и Лютора Мартина, и учеников его Цвинглияна, Кальвина и протчих»[14]. Ко всем этим сочинениям, как и к писаниям русских и польских «еретиков», князь относился отрицательно. Известна была ему и славянская — рукописная и печатная — традиция, в частности, издания Франциска Скорины. «Книги обретаются в земли нашеи Ветхаго и Новаго Завета и пророчески вси, — писал он старцу Васьяну, — а превод Скорины Полотского, переведены не в давних летех, аки лет 50 или мало к сим...»[15].

С членами культурно-просветительного кружка волынских феодалов князь Андрей Михайлович постоянно переписывался; возможно, именно через него Острожский и другие магнаты поддерживали связь с Артемием, жившим в Слуцке. География связей Курбского вообще была широкой: он писал старцу Васьяну в Печерский монастырь и Семену Седляру во Львов, виленскому патрицию Кузьме Мамоничу и волынскому магнату Чапличу. Князю Константину Острожскому Курбский посылал свои переводы; при этом не обходилось без недоразумений. Так, перевод «Слов» Иоанна Златоуста Острожский в полном соответствии с рекомендациями Петра Скарги, уже известными читателю, дал перевести на польский язык («на польщизну приложити дал»). Курбский был

возмущен. «Верь ми, ваша милость, — писал он Острожскому, — есть ли бы и не мало ученых сошлося, словенска языка кланяюще чины граматические и прелагающие в польскую барбарию, изложити текст в те[к]ст не возмогут»[16]. Деятельность А. М. Курбского в защиту славянского языка против натиска «польской барбарии», которую украинские магнаты в быту определенно предпочитали родному языку, может быть нами оценена только положительно.

Другое недоразумение приключилось, когда князь Острожский прислал Курбскому книгу П. Скарги «О единстве церкви божией под одним пастырем» и ответ на нее, который по поручению магната написал Мотовила, последователь Фауста Социна (1539—1604), одного из руководителей радикально-реформационного движения в Польше и Литве. Курбский ответил вежливо, но не без иронии: «И не вем, откуды сия приключившася вашему величеству: прислал ми, ваша милость, книгу от сына диявола написану и от явственного неприятеля Христа нашего... сочинену»[17]. Не менее гневную отповедь князь Андрей Михайлович дал и некоему Василию попу Древинскому, который рискнул поздравить Курбского с языческим, по его мнению, праздником — Новым годом: «Писано бо в листе том язычливым: поздравляю тя новым роком 76-м. О смеху достойное поздравление и ругания полное!»[18]

Для нас важна организаторская деятельность Курбского в создании своеобразных переводческих коллективов. Он работал вместе с прославленным старцем Артемием и с его учеником Марком Сарыгозиным. Князь Михаил Оболенский по его совету «навык тех внешних наук во языце римском... изнурих три лета в Кракове в школе, и потом совершения ради до Влох (т. е. в Италию. — *Е. Н.*), ехал, оставя дом, жену и детки и тамо аки двая лета пребыл»[19].

У нас нет сведений о контактах А. М. Курбского с первопечатником Иваном Федоровым. Некоторые историки считают такие контакты само собой разумеющимися, другие отрицают их. На наш взгляд, Курбский и Иван Федоров знали друг друга, причем познакомились еще в Москве. А. М. Курбский был активным участником Избранной рады, которая стоит у истоков первой московской типографии[20]. Не исключено, что именно Курбский порекомендовал князю Острожскому пригласить к себе Ивана Федорова. Он принимал определенное участие и в подготовке к печати Острожской Библии. Редакторы этого издания приняли его совет исходить «от старых нарочитых... переводов», а именно от редакции «седмидесят переводников, иже переведены быша за 300 лет до Христова Рождества»[21]. Сравним эти слова Курбского с формулировкой титульного листа Библии 1580—1581 гг., где помянут перевод, выполненный «седмидесят и двема богомудрыми преводники прежде воплощения господа бога и спаса нашего Исуса Христа 350 лета».

Род князей Острожских. Судьбы Ивана Федорова в последний период его деятельности тесно связаны с Острогом — давней вотчиной князей Острожских. Имя Острожского носил уже Данило

Дмитриевич — из рода Турово-Пинских удельных князей, который в 1340 г. разгромил войска Казимира Великого и на некоторое время задержал захват поляками Галицкой Руси [22]. Князь Данило начал традиционную для Острожских просветительскую деятельность, которая на первых порах сводилась к поддержке церкви и связанного с ней рукописания. В свое время в Николаевской церкви Острога хранилось Евангелие с вкладной записью Данилы Дмитриевича и его жены Василисы.

У Данилы было три сына — Федор, Алексей и Андрей. Федор был талантливым полководцем; он поддерживал великого князя Литовского Свидригайло Болеслава против Зигмунта Кейстутовича — брата Витовта, участвовал в кровопролитном сражении под Грюнвальдом в 1410 г., когда объединенная польско-литовско-русская армия остановила немецкую экспансию на Восток. Под старость Федор принял постриг; тело его по сей день покоится в Дальних пещерах Киево-Печерской лавры.

Внук Федора — Иван Васильевич — не раз воевал татар; в 1453 г. он разгромил татарское войско под Теребовлей и выручил из неволи 9 тысяч пленников. Славу великого полководца снискал себе его сын Константин Иванович Острожский (1461—1530) [23]. Современники называли его «русским Сципионом». Утверждали, что он одержал 63 победы на поле брани.

Сын Константина Острожского, Василий Острожский, которого впоследствии чаще называли по отцу Константином, родился в Дубно в 1526 г.[24] Старому князю Острожскому в ту пору было уже 65 лет. Однако силы не оставляли его: в 1527 г. он разбил под Каменцем большое татарское войско — взял в плен 25 тысяч человек и освободил 40 тысяч невольников. Автор «Острожского летописца» — важного источника для истории Западной Украины, опубликованного в 1951 г. М. Н. Тихомировым [25], — рассказывая о появлении на свет Василия, отметил, что «того ж року... уродилося дитя — голова львова, перси косматіі, скригитало зубами, голосом страшним ричучи» [26]. Этот «див человеческий» умер восемь лет спустя. Князю же Василию — Константину Константиновичу — суждена была долгая, богатая событиями жизнь.

Старый князь скончался в 1530 г. Его колоссальные владения унаследовал старший сын Илья. Женат он был на Беате Костелецкой — дочери королевской наложницы. Драматическая судьба их единственной дочери Эльжбеты, или Гальшки, послужила сюжетом многих исторических романов и беллетризированных исследований [27].

После смерти Гальшки наследником всех владений стал Константин Константинович Острожский. Владения же были немалые: 100 городов, 1300 сел, 10 монастырей с землями площадью около 2 млн. моргов (морг равен примерно 2/3 га) [28].

Богатство и знатность позволяли Острожскому проводить независимую от польского двора политику, особенно — в области религиозной. Поведение его, впрочем, всегда было противоречивым.

Константин Константинович Острожский. Портрет работы неизвестного мастера XVII в.

Охранительная и клерикальная историография прошлого столетия представляла князя Константина Острожского «ревнителем православия и защитником русской народности»[29]. Отзвуки этих взглядов встречаются по сей день. Между тем Острожский далеко не был убежденным «борцом против католицизма, иезуитов, униатов», каким его хотели бы видеть некоторые современные авторы [30]. Воспитанный в духе религиозного индифферентизма эпохи Сигизмунда Августа, князь Константин никогда не страдал религиозной, да и национальной ограниченностью. Он был женат на Зофии Тарновской, дочери краковского кастеляна и предоставил ей полную свободу в вопросах веры. Сын Острожского, Януш, был воспитан в католической вере. Одна дочь князя вышла замуж за Криштофа Радзивилла, кальвиниста, а другая — за Яна Кишку, покровителя социниан.

При дворе Острожского можно было встретить людей различных вероисповеданий. Здесь жил грек с Крита — Кирилл Лукарис, впоследствии ставший патриархом. Там же можно было увидеть социнианина Мотовилу.

Князь Константин переписывался с папой Григорием XIII и с константинопольским патриархом Иеремией. С папским легатом А. Поссевино он обсуждал вопросы воссоединения церквей. Иезуит Петр Скарга посвятил Острожскому свой полемический труд «О единстве церкви божией под одним пастырем» (Вильна, 1577).

В военно-политической сфере Острожский неизменно придерживался польской ориентации. Он не оказал заметного сопротивления Люблинской унии. Предводительствуемые им войска активно участвовали в войне с Москвой. В 1579 г., когда начинала свою деятельность Острожская типография, князь Константин Константинович, поддерживая наступление Стефана Батория на Полоцк, опустошил Сиверскую область до Стародуба и Почепа и пытался «добыть» Чернигов, но тщетно. Есть сведения, что он поддерживал Димитрия-самозванца, с которым поляки связывали надежды на подчинение Московского государства Речи Посполитой. «Острожский летописец» называет Димитрия «царем Московским»[31].

Умер Острожский в глубокой старости 13 февраля 1608 г. и был погребен в Остроге в церкви Богоявления [32].

Острожская Академия. Среди немалочисленных учебных заведений на Волыни наиболее популярна была Острожская Академия. Характер этого учебного заведения не выяснен по сей день. Некоторые считают, что это было низшее училище, другие же называют его академией чуть ли не в современном смысле слова. Истина где-то посредине. Мы полагаем, что в Остроге имелось и низшее училище, для которого Иван Федоров издал Азбуку 1578 г., и нечто вроде ученого собрания книжников — Академия, исполнявшая и некоторые учебные функции. Упоминания об Академии немногочисленны. В 1587 г. Герасим Данилович Смотрицкий, издавая свой труд «Ключ царства небесного», указал, что сочинение это «написано у Академии Острозьской» [33]. Лет двенадцать спустя известный адепт церковной унии Ипатий Потий (Поцей) в полемическом «Отписе на лист някого клирика Острозьского» предположил, что его оппонент «есть учень академии Острозьское»[34] Однако в «Отпису на лист Потея» (1598 г.) место составления ответа указано более скромно, но вполне определенно: «Писан у Острогу, у школе Кгрецкой Острозской»[35]. Анонимный автор прославленной Перестроги, в котором многие видят львовского братчика Юрия Рогатинца, также говорит о том, что князь Острожский «збудовал школу», прибавляя к этому — «також словенскую и грецкую у Острогу заложил друкарню» [36]. Холмский епископ Иаков Суша утверждает, что «князь воздвиг в Остроге школу не только славянского языка, но и латинских и греческих наук, в которой воспитал многочисленную русскую молодежь, как шляхетского, так и плебейского происхождения» [37]. Поэт Шимон Пенкальский, издавший в 1600 г. в

Кракове поэму «Об острожской войне», именует острожскую школу «триязычным лицеем» и говорит, что в нем изучались «благородные искусства» [38].

Первым ректором Острожской Академии традиция называет Герасима Даниловича Смотрицкого. Он происходил из шляхетской семьи и получил хорошее образование, занимаясь, по-видимому, самостоятельно; в предисловии к Острожской Библии он указал, что в юности никогда не видел училища. До приезда в Острог Г Д. Смотрицкий, как свидетельствует полемический трактат, изданный в Вильне в 1621 г., был гродским писарем в Каменце-Подольском [39]. Иногда его называют подскарбием князя Острожского. Сообщают и о подписанной им привилегии, приложенной будто бы к острожскому печатному Апостолу 1576 г. или к львовскому Апостолу 1574 г.[40]. Это не более чем миф, однако, широко распространенный. В 1576 г. Острожская типография находилась в стадии становления, никакого напечатанного здесь Апостола не существует.

Г. Д. Смотрицкий, вне всякого сомнения, принимал участие в редактировании Острожской Библии. Кроме того, он составил одно из предисловий Библии, а также вирши на герб князя Острожского. В 1587 г. в Острожской типографии был напечатан его полемический трактат «Ключ царства небесного» с нападками на новый «римский» календарь [41]. Князь Острожский всегда благоволил к нему и даже подарил два села — Баклаевку и Борисовку [42]. Умер Г Д. Смотрицкий в октябре 1594 г.[43] Его сын — Мелетий Герасимович Смотрицкий (ок. 1577—1633) учился в Острожской школе и впоследствии стал знаменитым писателем, автором многих полемических сочинений и прославленной «Славянской грамматики».

Второй сын Г. Д. Смотрицкого, Стефан Герасимович, был острожским протопопом. В Волынском епархиальном древлехранилище в свое время хранился составленный им в 1622 г. сборник бесед на Евангелие Иоанна Златоуста и других авторов [44].

Кроме Г. Д. Смотрицкого, Андрея Рымши и «приятеля» Ивана Федорова, Тимофея Михайловича, мы не можем с определенностью назвать ни одного участника или ученика Острожской академии, деятельность которых протекала бы в ту пору, когда работала типография Ивана Федорова.

Иов Княгиницкий (ум. 1621 г.), автор полемического письма к Кириллу Транквилиону, как и Андрей Рымша, в 80-х гг. XVI в., видимо, был еще молод, и в редактировании изданий Ивана Федорова участия не принимал.

Позже, в самом конце XVI в., протекала деятельность Клирика Острожского, автора «Истории о разбойничьем Флорентийском соборе» и других полемических сочинений. Некоторые исследователи говорят, что это псевдоним Мелетия Смотрицкого, другие приписывают труды Клирика Ивану Борецкому (ум. 1631 г.). Позднее приехал в Острог и пресвитер Дамиан, брат знаменитого ка-

зака Северина Наливайки, чьи дерзкие наезды наводили ужас на магнатов.

В 90-х гг. XVI в. в Остроге жили и трудились Христофор Фиалет (Броневський), автор полемического «Апокрисиса», и Ян Лятос, астроном и математик, профессор Краковского университета. У нас также нет никаких оснований связывать их имена с острожской типографией.

Среди прославленных книжников, живших в Остроге и принимавших, будто бы, участие в редактировании оригинала Острожской Библии, нередко называют грека Кирилла Лукариса, впоследствии константинопольского патриарха[45]. Это наверняка исключается, ибо Лукарис родился 13 ноября 1572 г. — в момент печатания Библии ему было 9 лет. В Острог ученый грек приехал лишь в 1594 г. и оставался здесь до 1596 г., затем он жил в Остроге с июля 1599 по март 1601 г.[46] Поэтому из числа редакторов Библии его нужно исключить.

Не мог принимать участия в подготовке издания и другой ученый грек, живший некоторое время в Остроге, — Никифор, ибо он попал сюда лишь в самом конце XVI в.

Отсюда напрашивается вывод о том, что Острожской Академии в начале 80-х гг. XVI в. еще не существовало и что не деятельность Академии предшествовала созданию типографии, а наоборот — труды Ивана Федорова и его ближайших соратников создали почву для возникновения ученого собрания в Острожском замке.

В Дермани. Верстах в 20 на запад от Острога лежит небольшое село Дермань. И сегодня еще можно видеть здесь стены славного когда-то Дерманского Свято-Троицкого монастыря, а на высоком холме над селом развалины загородного дворца князей Острожских. С этим селом связана одна из неспокойных страниц в биографии первопечатника Ивана Федорова.

Дерманский монастырь был основан в первой половине XV в. князем Василием Федоровичем Острожским-Красным, который здесь «церковь и звоницу муровал и сам на закладаню был»[47]. В XVI в. монастырь был обнесен высокой стеной, на которой установили орудия. Защитой от татарских набегов, в ту пору нередких, служил и глубокий ров, воду в который подавали из пруда с колоритным названием «Мних»[48]. Через ров вел подъемный мост к воротам сторожевой башни. Во владении монастыря находились окрестные села Дермань, Кунино, Коршев, Мизоч, Глинск...

При монастыре издавна была богатая библиотека, составившаяся из пожертвований. Еще в 20-х гг. текущего столетия здесь хранилась, например, рукопись с избранными поучениями, а также Евангелие, подаренные в 1499 г. Константином Ивановичем Острожским[49]. Кроме князей Острожских вклады в монастырь делали и живущие поблизости шляхтичи. Описан, например, Апостол, положенный «в обители великия лавры Дермани» в 1538 г. неким Данилой[50]. В 70-х гг. прошлого века С. Голубев обнаружил в Дер-

мани 42 польские и латинские рукописи, 108 томов латинских, 12 томов греческих, 78 томов польских печатных книг[51]. Были здесь и немецкие, французские, итальянские, еврейские книги и даже одно издание, напечатанное глаголическим шрифтом. Большинство этих книг происходило, видимо, из библиотеки знаменитого Мелетия Смотрицкого, который в 1628—1633 гг. был здесь игуменом, но некоторые из них бытовали в монастыре и в ту пору, когда сюда приехал Иван Федоров.

Предыстория этого приезда такова.

В 1571 г. король Сигизмунд Август послал на Волынь «для ревидованья имений нашых острозских» кастеляна Черского и старосту Варшавского Жигмонта Вольского. Ревизор в чем-то оговорил игумена монастыря Иоанна Стефановича и тот, «сетуя в кривде своей», поехал в Варшаву жаловаться королю, причем, не думая вернуться живым из столь далекого путешествия, 15 февраля 1571 г. составил завещание, внесенное в Луцкие гродские книги[52]. Нового игумена Федора Яковича Жигмонт Вольский заставил «добровольно» отказаться от монастыря. 13 июня 1571 г. он выхлопотал у короля «наданье» на монастырь для своего ставленника Михаила Игнатьевича Дчусы. Князь Острожский не смог спокойно отнестись к столь откровенному нарушению его феодальных прав. 2 марта 1575 г. он прислал в монастырь своего служебника Романа Рымейского с письмом, в котором требовал, чтобы Дчуса передал монастырь и крестьян, «которые до того монастыря належат, зо всими их повинностями... до рук Ивану Федоровичу, которого над тим монастырем приложил»[53]. Дчуса, видимо, не послушался. Тогда князь «з многими слугами своими и з розным оружьем» приехал в монастырь и, не обратив внимания на показанную ему Дчусой королевскую привилегию, выгнал его из монастыря.

6 марта 1575 г. Дчуса явился в Луцкий гродский суд с жалобой на князя, поставившего в монастыре игуменом Ивана Федоровича[54]. Из дальнейшего развития событий явствует, что это был наш первопечатник, оказавшийся по воле судьбы в центре феодальных распрей, бушевавших на Волыни.

Неподалеку от монастыря было село Спасово, принадлежавшее вдове гетмана Г А. Ходкевича, урожденной княжне Вишневецкой. Между спасовцами и крестьянами деревни Кунино, принадлежавшей Дерманскому монастырю, была стародавняя вражда. Спасовцы отличались буйным нравом. В феврале 1564 г. они напали на отряд московских детей боярских, перешедших вместе с А. Курбским на службу к великому князю литовскому. Руководитель отряда Василий Богданович Шашкевич впоследствии жаловался, что многих его подчиненных спасовцы избили до полусмерти и ограбили[55]. Чувствуя поддержку в лице своего всемогущего принципала — великого гетмана Григория Александровича Ходкевича, спасовцы не очень церемонились с соседями. Наезды, ограбления, поджоги были обычным делом.

После смерти Ходкевича соседи стремились взять реванш.

Особенно активны были крестьяне села Кунино, в прошлом не раз страдавшие от спасовцев. Они опирались на моральную, а иногда и фактическую поддержку князя Острожского, который как раз в это время сменил в своих владениях навязанных ему ранее служебников польской или литовской ориентации. В марте 1575 г. он выгнал из Дерманского монастыря Михаила Дчусу[56]. А 5 апреля 1576 г. в Луцкий гродский суд обратился князь Владислав Збаражский с жалобой на то, что Константин Константинович Острожский отнял у него должность справцы Киевского воеводства, пожалованную ему королем Сигизмундом Августом, и назначил на эту должность своего сына Януша[57]. Князь Острожский явно чувствовал себя полным хозяином на Киевщине и Волыни.

Судьба села Кунино с марта 1575 г. находилась в руках нового управителя Дерманского монастыря Ивана Федорова Москвитина. 23 мая 1575 г. спасовцы обратились в Луцкий гродский суд с жалобой на то, что кунинцы заняли поле одного из спасовских крестьян[58]. Имя Ивана Федорова не упоминалось. Мы встречаем его в следующем документе, рассказывающем о распре двух соседних сел.

8 августа 1575 г. возный Луцкого повета Юрий Рогачовский, побывав в Спасове, засвидетельствовал, что видел «на кгрунте их Спасовском, на врочищу у Волхова луга, сено в двадцати местах попалено и знат, же у копицах стояло; а в другом местцу на покосе стояло»[59]. Сделали это, по словам спасовских крестьян, кунинцы. Они же и «двох подданных наших спасовских Ермака и Сидора... позбивали и поранили». Ермака кунинцы ограбили — взяли у него 20 грошей, две косы, две сермяги и клячу с возом и хомутом. Сделали же все это кунинский атаман Иван Шишка и служебник Миколай. Спасовцы тут же «для прошеня справедливости» обратились «до Ивана Друкара, справцы монастыря Дерманского».

Справца монастыря Иван Федоров назван уже по своей профессии «друкарем»; у нас нет решительно никаких оснований не отождествлять его с нашим первопечатником.

6 августа 1575 г., видно, тотчас же после наезда, «Иван Друкар, справца монастыря Дерманского, клячу на рукоемство до права дати приобецал, а о иншия ся деи речи припытати и тые вернуты обецал» — т. е. пообещал вернуть лошадь, а об остальных награбленных вещах обещал узнать и также вернуть их спасовцам. Зачинщиков же наезда — Ивана Шишку и Миколая — обещал примерно наказать.

Такое, как мы бы сказали, «либеральное» поведение не понравилось князю Острожскому, он требовал от своих слуг быть непримиримыми к феодальным соперникам. Следующий наезд на спасовцев был совершен уже по прямому указанию князя — «за властным росказанем его милости князя воеводы Киевского», как свидетельствуют документы Луцкого гродского суда. И принять участие в этом наезде пришлось Ивану Федорову. 2 апреля 1576 г. Иван Друкарь, справца монастыря Дерманского, «маючи при собе

помочниками боярина Дерманского Наума Гарабурду, Ивана Рубаника, атамана Белашовского, а Мартина Кораневича, атамана Куневского, и инших слуг, бояр, подданных монастырских немало», наехал «моцно, кгвалтом» на имение спасовских панов Есифа и Василия Малиновичей; «самых панов и подданных их... позбивали и поранили», увели с собой «быдла рогатого двадцатеро одно, овец двадцатеро и двое», забрали «сермяг пять, плахту одну, кожухов два, поясов з мошнами два, в которых мошнах было готовых грошей десять, шапки две»[60]. 6 апреля 1576 г. наместник Муравицкий и Княгининский Семен Захариевич Симоновский обратился в суд.

Наум Гарабурда, видимо, состоял в родственных связях с уже известным нам Михаилом Гарабурдой. Сын Наума, Федор, в 1584 г. вместе с Тимофеем Анничем, «дьяком школы русской Острожской», положил в Дерманский монастырь Евангелие, напечатанное в 1575 г. в Вильне Петром Мстиславцем[61].

26 июня 1576 г. наезд на Спасово был повторен. На этот раз Иван Друкарь наехал на село «кгвалтом з слугами и с поддаными своими кунинскими». В жалобе, принесенной 2 июля 1576 г. в Луцкий гродский суд молодым спасовским паном Иваном — сыном Василия Малиновича, подробно перечислены понесенные спасовцами убытки: «у Мартинца а в сынов его Ждана и в Тимоша сермяг три, поясов три з ножами, з мошнами и з грошами, а шапок три отняли; и во Ивана Федоринича сермягу, шапку, пояс з ножами, з мошною и з грошами» и т. д. и т. п.[62] Из села кунинцы поехали на пастбища и здесь захватили богатую добычу: 21 коня, 11 яловых коров, 33 овцы — «и то все з собою отпровадили».

Еще один наезд был совершен 31 августа 1576 г. 5 сентября 1576 г. возный Луцкого повета Марко Збранный свидетельствовал ранения, нанесенные спасовцам: «у пана Олехна Федоровича Спасовъского на левой руце палец середини мало не оттят, у подданного пана Василия Спасовъского Мацька Чеботара над левым оком у брови рана штыковая» и т. д.[63]

В акте о наезде опять упомянут «пан Иван Друкар». У него потребовали отдать увезенное, но он «отдати не хотел и не отдал».

Все это, надо думать, не очень нравилось Ивану Федорову. Не исключено, что наезды кунинцев прикрывались именем первопечатника, а сам он в них не участвовал. Об этом говорит такой факт. 6 августа 1575 г., как мы уже рассказывали, «Иван Друкар, справца монастыря Дерманского» обещал вернуть спасовцам захваченные атаманом Иваном Шишкой вещи. 9 августа дело о наезде рассматривалось Луцким гродским судом. А 16 августа Иван Федоров уже во Львове. Запись в актовых книгах свидетельствует, что «почтенный Иван, типограф русских книг», явился в войтовское правление и подал жалобу на Ивана Шпака, мещанина из Коломыи, который вовремя не заплатил ему долг — 20 талеров[64].

От Острога до Львова не менее 200 верст. Можно, конечно, допустить, что Иван Федоров, не дождавшись решения Луцкого суда,

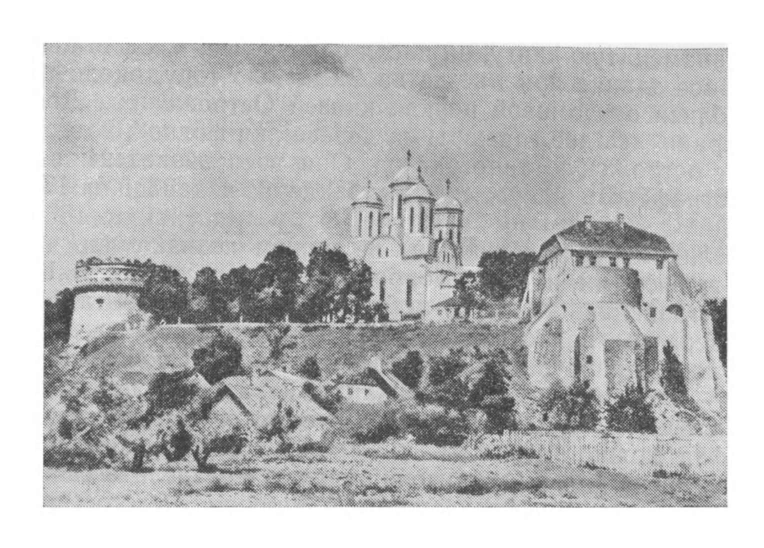
вскочил на коня и поскакал во Львов улаживать свои личные дела. Но очень уж это выглядит неправдоподобно.

После сентября 1576 г. имя Ивана Друкаря в документации, относящейся к Дерманскому монастырю, не упоминается. Князь, внимая просьбам первопечатника, освободил его от хлопотной должности. Свары между кунинцами и спасовцами продолжались. Так, 17 июня 1577 г. суд рассматривал дело о нападении на дом крестьянина Дерманского монастыря Федора Мотика слуг князя Жеславского[65]. А 11 августа 1577 г. Екатерина Ходкевич подала жалобу о наезде «земянина» князя Острожского Григория Цурковского на село Спасово[66].

Острог и Острожская типография. Поздней осенью 1576 г. Иван Федоров перебрался в Острог. Дорога была недолгой. Типограф и его спутники переехали реку Збитенку, миновали село Межирич с древней Троицкой церковью и вскоре на высоком левом берегу заросшей камышом реки Вилии увидели над Замковой горой купола церкви Богоявления и высокий шпиль с боевыми часами, поднимавшийся над замком. Неподалеку от замка над потонувшими в зелени белыми хатами предместья возвышалась недавно построенная Круглая башня, прорезанная бойницами и увенчанная высоким аттиком с зубчатым парапетом[67]. Город был окружен крепостной стеной[68]. Попасть в него можно было через строго охраняемые ворота: Замковые, Деревянные, Луцкие и Татарские. Многочисленные улицы — Греческая, Предзамковая, Луцкая... сбегались к Рынку — торговому и, как бы мы сказали сейчас, информационному центру города. Еще в 1528 г. король Сигизмунд Старый даровал Острогу магдебургское право. В 1577 г. здесь было около 100 домов, хозяева которых занимались исключительно ремеслом[69]. Ремесленники объединялись в цеха кузнечный, портновский, плотничий, гончарный, седлярный и другие. Всего же в городе к началу XVII в. было около 5000 жителей. Над домами возвышались купола пяти церквей.

Замок имел два этажа с глубокими подземельями. В девяти подземных склепах хранились несметные сокровища князей Острожских. Опись 1624 г. упоминает о бочках с золотыми и серебряными слитками, сундуках со звонкой монетой, панцирях и сбруе, осыпанных жемчугом и драгоценными камнями[70]. Нам показались бы бедными строгие в своей простоте интерьеры жилища самого богатого магната Польши. Скудность мебели и убранства уравновешивалась великолепием одежды и пышностью церемоний. Придворных было около двух тысяч. Старые польские историки рассказывают, что князь Константин Константинович Острожский имел собственного маршала двора и платил ему 70 тысяч злотых за одно лишь то, что маршал два раза в год участвовал в торжественных церемониях[71].

В замке была большая библиотека рукописных и печатных книг, которой, несомненно, пользовался и Иван Федоров. Судьба библиотеки неизвестна. Можно рассказать лишь об отдельных кни-

Острог. Фотография Г. Н. Логвина

гах, когда-то находившихся в Острожском замке. Интересно, что здесь были рукописи московского происхождения. Среди них Беседы Иоанна Златоуста на евангелие от Матфея в переводе 1524 г. ученика Максима Грека — Силуяна[72]. Рукопись сам князь положил в Дерманский монастырь, справцей которого был Иван Федоров. По свидетельству Исаии Камянчанина Михаил Гарабурда еще в 1560 г. в Москве «доставал купити» «Беседы евангельски столкованы Иоанном Златоустом», которые перевел ученик «некоторого мниха именем Максима Грека Философа»[73]. Как утверждает Исаия, купить книгу Гарабурде не удалось. Пребывание списка Бесед в Остроге, а затем — в Дерманском монастыре как будто доказывает обратное. А может быть, рукопись привез из Москвы Иван Федоров. К сожалению, мы сейчас не знаем, где находится этот список.

Среди латинских книг назовем «Космографию» Себастиана Мюнстера в базельском издании 1550 г. Книга была подарена князю неким Матвеем 22 августа 1580 г. Ныне этот экземпляр находится в Библиотеке им. Оссолиньских во Вроцлаве[74].

В польских библиотеках, вне всякого сомнения, хранится немало книг, когда-то принадлежавших К. К. Острожскому. Было бы очень интересно выявить их, описать дарственные и владельческие записи в них. Возможно, это дало бы важные дополнительные материалы для характеристики деятельности Ивана Федорова в Остроге.

Где находилась острожская типография, как выглядела она?

В 1930 г. некто Александр Новитний опубликовал во львовской газете «Неделя» статью к 350-летию со дня выхода в свет Острожской Библии. О местонахождении типографии, напечатав-

шей эту знаменитую книгу, он писал следующее: «...было построено специальное здание при въезде на Замковую гору, около главных ворот, вблизи от домовой церкви князей Острожских... До наших дней сохранились две гравюры на дереве „ин фолио", которые изображают острожскую типографию. Они воспроизведены в „Истории типографского искусства" Рехбандера, изданной в 1775 г. в Вене»[75].

К великому сожалению, мы не можем познакомить читателя с этими гравюрами, ибо они попросту... не существуют. В 1775 г. в Вене не издавались книги по истории книгопечатания, а фамилию «Рехбандер» мы, несмотря на долгие и упорные поиски, в библиографических справочниках отыскать не могли. Сообщение А. Новитного — не более чем мистификация, каких, впрочем, в историографии нашего предмета немало. Вместе с тем об острожской типографии можно отыскать и вполне достоверные сведения. В 1603 г., когда князь Острожский задумал разделить свои владения между сыновьями Александром и Янушем, был составлен акт о разделе.

На одной из страниц акта читаем: «Конюшня в Подзамче, с подворьем, при ней друкарня и школа»[76]. Двор, на котором находились типография и школа, назывался «Булсардиновым» — он стоял на Замковой улице у подножия Замковой горы, неподалеку от костела Вознесения, построенного в XV в., Успенского собора и Николаевской церкви. Здание типографии было цело еще в середине прошлого столетия; ныне оно уже не существует.

Взаимоотношения с Мартином Сенником. Издательские планы князя Острожского были грандиозными — он задумал выпустить в свет первую полную славянскую Библию. Для этого нужно было позаботиться о многом — разработать рисунки и отлить по ним новые шрифты, выгравировать доски заставок и запастись большим количеством бумаги. Последнее было едва ли не самым трудным. Той бумаги, которую купцы привозили на острожскую ярмарку, для издания было явно недостаточно. Поэтому Иван Федоров решил завязать связи непосредственно с бумагоделательными мастерскими.

Многие тетради Библии 1580—1581 гг. напечатаны на бумаге с филигранью «Топор». Это филигрань бумагоделательных мельниц Тенчиньских в Кжешовицах и в Тенчинке неподалеку от Кракова. В 40-х гг. мастером в Кжешовицах работал Ульрих Прокоп[77]. Позднее его сменил Вавжинец Линчовский, впервые упоминаемый в 1573 г.[78] Ивана Федорова познакомил с Вавжинцем, или Лаврентием, Мартин Сенник — известный краковский врач второй половины XVI в.

Сенник не был чужд литературной деятельности; он поддерживал связи с типографами и изготовителями бумаги. В 1564 г. Лазарь Андрисовиц выпустил в свет его книгу «Испытанные лекарства»[79]. Четыре года спустя Миколай Шарфенберг печатает толстый том «Гербарий, или Описание здешних, иностранных и замор-

ских трав, какую силу они имеют и как ими пользоваться»[80]. В книгу был включен и трактат итальянца А. Педемонтана «О тайных и скрытых лекарствах», который содержал ряд технических разделов. Один из них был посвящен технике литья и мог заинтересовать Ивана Федорова.

14 мая 1577 г. Мартин Сенник написал во Львов ремесленнику Власу Замочнику письмо: «Дорогой и милый пан Влас! Желаю Вашей милости всего доброго и при том ставлю Вас в известность, что Влас, писарь пани Халлембергговой в Кракове известил меня о полученном им во Львове ясном и справедливом известии: пан Иван Федорович еще перед пасхой передал Вашей милости и Сеньке Седляру 600 злотых, чтобы Ваша милость мне их в Краков послала. Вероятно он знал, что я на Святого Станислава, теперь уже прошедшего, должен был принимать гостей, которые по его надобности приехали из немцев на ту ярмарку. А так как посланная мне сумма от пана Ивана не дошла, а гости сами по моей просьбе и полагаясь на мое слово приехали, должен был я их за собственный счет вознаградить, и в том понес немалый убыток, для чего мне никто иной причины не дал, нежели Ваша милость, ибо Ваша милость доверенной Вам суммы не выдала верным людям, которым я то поручил... А те 50 злотых, о которых Ваша милость признала, что они еще в марте у Вашей милости были, и Ваша милость мне их с верной оказией послать не хотела. Поэтому думаю, что где те 50 злотых остались, там при них и 600 злотых должны быть. Прошу Вашу милость не оставлять меня еще долго в том рассоле лежать и послать спрашиваемое пану Томашу из Люблина, которого я о том уже известил. Вынужден буду сам заняться этим или попросить другого поручителя, если по доброй воле от Вашей милости не получу. Я о том верное известие имею, что пан Иван в добром здоровье и в мире еще в середине постной недели из Львова вернулся домой. А так и те 600 злотых, не мешкая, еще перед пасхой к Вашей милости послал. Прошу Вашу милость не чинить мне более трудностей и волнений. С тем себя Вашей милости и поручаю. Дано в Кракове 14 мая лета от рождества господня 1577 г. Во всем к Вашей милости благосклонный Мартин Сенник, у форта святой Анны в Кракове»[81].

Какие купцы приезжали к Сеннику по делу, относящемуся к Ивану Федорову? Были ли это изготовители бумаги? Сейчас сказать трудно. Известно лишь, что 7 июня 1577 г. Влас Замочник и Влас Герник явились в Львовскую городскую лаву и заявили, что никаких дел с Сенником они никогда не имели и что тот порочит их доброе имя. Неделю спустя, 15 июня 1577 г., дело рассматривалось вторично. На этот раз в суд были вызваны Иван Федоров и Семен Седляр. Допрашивал их лавник Ян Крушецкий. Иван Федоров показал под присягой, что он передал Семену Седляру 50 злотых для пересылки их бумагоделательному мастеру Лаврентию через Мартина Сенника. Однако деньги эти до сих пор не переданы по причине татарских наездов. О 600 злотых он с удив-

лением узнал из письма Сенника; никаких купцов из Германии он не приглашал и денег Сеннику не обещал[82]. То же показал и Семен Седляр, добавив, что сам он Сенника никогда не встречал.

На том дело и кончилось. О его продолжении никаких известий в львовских архивах не сохранилось. Действительно ли Иван Федоров ничего не знал о немецких купцах, приезжавших в Краков, или какие-то важные причины заставили его отказаться от ранее данного Сеннику слова?

В. С. Прибытков недавно высказал предположение о причинах конфликта между Иваном Федоровым и Мартином Сенником. По его мнению, Сенник и Федоров договорились печатать на латинском языке произведения гуманистов и, в частности, Эразма Роттердамского. Для этого были приглашены в Краков немецкие купцы, которые должны были финансировать предприятие. Дело расстроилось из-за того, что Федоров убоялся обвинения в еретичестве и поспешил от всего отказаться[83].

Автор беллетризированной биографии имеет право на художественный вымысел, но лишь в том случае, если домыслы не противоречат исторической правде. Эразм Роттердамский в XVI в. издавался неоднократно, в том числе и в Польше. Немецким купцам обращаться для этой цели к Ивану Федорову было не к чему. Кроме того, и об этом нельзя не пожалеть, версия В. С. Прибыткова представляет нашего первопечатника не в очень-то приглядном свете.

В актовой документации сохранились сведения о взаимоотношениях Ивана Федорова с бумагоделательной мастерской, находившейся неподалеку от Львова — в городе Буске. Мастерскую основал в 1578 г. некий Лорин. После смерти Лорина его сын Лука отдал мастерскую за долги львовскому купцу Бартоломею[84]. Этот Бартоломей, или Варфоломей, остался должен Ивану Федорову 100 злотых, которые уже после смерти типографа взыскивал через Львовский гродский суд его сын Иван Переплетчик[85].

Бумагоделательная мастерская была и в самом Остроге; в литературе иногда утверждается, что ее основал около 1580 г. Константин Константинович Острожский[86]. Мастерская, по-видимому, появилась в более позднее время; она упоминается в описи 1603 г. рядом с пороходельней[87].

Кредиторы и должники. Работая в Остроге, Иван Федоров в 1578—1581 гг. зачастую покидает город, ездит во Львов, Луцк, а возможно и Краков по делам, связанным с приобретением бумаги и типографских принадлежностей. Немало сил отнимали у него непростые отношения с кредиторами и должниками.

5 марта 1578 г. Иван Федоров явился в Луцкий гродский суд к подстаросте Андрею Киверецкому, чтобы оформить доверенность на имя своего друга Тимофея Михайловича, который именуется в документах служебником «его милости пана Михаила Гарабурды, писаря его королевской милости». Доверенность нужна была,

чтобы получить долг — 262 коп литовских грошей с виленского мещанина Якова Максимовича — долг, как сказал Иван Федоров, «за книги, которые у меня для распроданья до рук своих побрал»[88]. Максимович выдал типографу расписку, указав срок отдачи долга, но срок этот давно прошел — «и роки в тых листех записех его, меновате записание, давно прошли». «Яков Максимович, — жаловался Иван Федоров, — оное сумы пенязей и до сих часов мне не отдал и не заплатил». Нужно было ехать в Вильну судиться. Но начиналась работа над Острожской Библией, и у Ивана Федорова не было времени — «за велико важными и пилно потребными справами», как сказал он. Тогда-то он и попросил поехать в Вильну Тимофея Михайловича, дав ему все необходимые полномочия — «моц зуполную».

11 злотых должен был Ивану Федорову львовский мещанин Филипп Остапкович. Об этом долге шла речь в львовской Лаве 2 марта 1579 г. В протоколе, записанном в городских книгах, типограф назван «Иваном Ходоровичем, печатником книг, служебником воеводы Киевского»[89].

Какие-то дела были у Ивана Федоровича и с сербом Иваном из Сочавы. 22 октября 1579 г. серб заявил в Лаве, что он отказывается от претензий к «Ивану Федоровичу», которые были у него в Валахии и Турции[90] Этот документ позволил С. Л Пташицкому предположить, что Иван Федоров тотчас же после выпуска в свет львовского Апостола «побывал в турецкой земле и уже оттуда отправился к князю Острожскому»[91]. Впоследствии, когда были найдены документы о пребывании Ивана Федорова в Дермани, поездку эту перенесли на более поздний срок и связали с поручением князя Острожского достать южнославянские списки Библии[92]. Мнение аргументировали и тем, что с 15 июня 1577 г. по 2 марта 1579 г. имя типографа не встречается в львовских актах. Однако 5 марта 1578 г. Иван Федоров был в Луцке и выдал доверенность Тимофею Михайловичу. А день — 18 июня 1578 г. — указан как дата выхода в свет острожской Азбуки, недавно найденной в Готе. На путешествие в Валахию и Турцию типографу, таким образом, остается 8 с половиной месяцев. Срок достаточный, однако утверждать, что это путешествие было совершено, у нас никаких оснований нет. Иван Сербин из Сочавы, видимо, постоянно жил во Львове; имя его не раз упоминается в актах[93] Более того, документ от 22 октября 1579 г. может и не относиться к Ивану Федорову; помянутый здесь «Иван Федорович» ни типографом, ни служебником князя Острожского не назван. Во Львове в эту пору жил и другой Иван Федорович, который упоминается в документации и в 1585 г. — после смерти первопечатника[94].

Никаких сомнений не вызывает акт от 29 октября 1579 г. В этот день «Иван Федорович, типограф и служебник его милости Константина князя Острожского», явился в Львовский гродский суд и подал протест против неправильного взыскания с него 2 злотых «за ремесло»[95], которые он как служебник князя платить

не должен. Акт этот доказывает, что какое-то типографское оборудование оставалось у Ивана Федорова во Львове и что в этой мастерской шли какие-то работы, быть может, допечатывался тираж львовского Апостола. Эту мастерскую, а также 140 «книг на русском языке» Иван Федоров в 1579 г. заложил Израилю Якубовичу за 411 злотых [96].

Сын первопечатника. Иван Федоров был женат, но супруга его, по-видимому, умерла еще до того, как он поселился во Львове. Имущественные отношения в этом городе были таковы, что жена Ивана Федорова, будь она жива, непременно должна была упоминаться в актах о его долгах, ссудах и выплатах. Между тем ни одного такого упоминания мы не знаем. С сыном первопечатника мы встречаемся первый раз 2 марта 1579 г.: Иван Федоров дает ему доверенность на получение долга — 11 злотых — с некоего Филиппа Остапковича [97]. В акте сын назван Иваном. Он молод и, видимо, только что стал дееспособным; раньше его имя в актах не называлось. Отныне же мы будем встречать его достаточно часто. Иван с указанием его профессии — «Переплетчик» — назван в документах о залоге львовской мастерской Ивана Федорова Израилю Якубовичу.

В 1579 г. или 1580 г. Иван Переплетчик женился. Избранницей его стала Татьяна из украинской семьи Анципорковичей, жившей в собственном доме в Краковском предместье, напротив церкви св. Георгия. 22 августа 1580 г. брат Татьяны Федор Анципоркович со своей женой Ксенией и она сама с мужем Иваном Переплетчиком явились в магистрат, чтобы засвидетельствовать совершенную ими сделку. Брат и сестра продали унаследованные ими после смерти матери, Анны Анципорковны, части дома. Татьяна за свою часть получила 7 злотых [98]. Остальной частью дома, видимо, владели сестры покойной Анны — Марухна Анципорковна, бывшая замужем за богатым купцом Иваном Бильдягой, и Марфа Анципорковна, вдова Станислава Скорняка. Свою часть наследства они реализовали еще раньше — в 1579 г. [99]

Иван Переплетчик с женой в 1580 г., видимо, переехал в Острог. В документах от 5 сентября 1582 г. сын типографа назван «Иваном Друкаревичем из Острога» [100]. Вне всякого сомнения, сын помогал отцу в типографии, где как раз в это время печаталась Острожская Библия. Кроме этого знаменитого издания Иван Федоров напечатал в Остроге и несколько других. Познакомимся с ними.

АЗБУКА 1578 г.

В начале 1960-х гг. немецкий славяновед доктор Гельмут Клаус обнаружил в библиотеке тюрингского города Готы (ГДР) Азбуку, напечатанную Иваном Федоровым в 1578 г. в Остроге. Тогда же это неизвестное издание русского первопечатника было упомянуто на страницах составленного Г. Клаусом каталога сла-

вянских книг библиотеки Готы[101]. Каталог вышел в свет небольшим тиражом, и сведения об Азбуке не были замечены советскими и зарубежными историками книгопечатания. Первые публикации появились лишь в 1968 г.[102] В 1969 г. Академия наук ГДР факсимильно воспроизвела издание, сопроводив публикацию подробным научным комментарием Г. Грассхофа, Дж. Симмонса и Г. Клауса[103].

Автор этих строк летом 1968 г. посетил Готу, чтобы познакомиться с Азбукой 1578 г. и рассказать об этом выдающемся памятнике культуры русского и украинского народов[104].

История экземпляра. Исторические судьбы уникальной Азбуки 1578 г., ныне находящейся в Готе, изучены Г. Клаусом[105]. О первом хозяине книги рассказывает владельческая запись, сделанная на форзаце в 1583 г. Элиасом Хуттером (1553 — ок. 1606 г.), известным немецким востоковедом и полиглотом[106]. В 1583 г. Хуттер жил в Дрездене при дворе саксонского курфюрста Августа, которому преподавал древнееврейский язык. Не исключено, что Хуттер получил книгу от самого Ивана Федорова. В том же 1583 г. Хуттер покинул Дрезден и перебрался в Любек, а затем жил в Нюрнберге, где готовил к изданию многоязычную Библию, в которой, по некоторым сведениям, был и славянский текст.

В Нюрнберге у Хуттера брал уроки еврейского, халдейского и арабского языков Даниель Швентер (1585—1636), впоследствии известный филолог и математик[107]. Он-то и стал вторым владельцем Азбуки 1578 г. Заметок на полях книги Швентер не оставил. О том, что Азбука принадлежала ему, мы знаем со слов Иоганна Швабе, пастора из Ревеля (Таллина), 18 октября 1665 г. защищавшего на теологическом факультете Иенского университета диссертацию о религии «московитов». В диссертации, которая тогда же была напечатана, Швабе не раз ссылается на «московский катехизис» из Острога, который в прошлом находился в библиотеках профессоров Хуттера и Швентера, а в его время принадлежал профессору Иоганну Эрнсту Герхарду[108]. И. Э. Герхард (1621—1668) учился в академической гимназии в Альтдорфе, в которой ранее был профессором еврейского языка Даниель Швентер. Герхард приобрел книгу в Альтдорфе в августе 1641 г. — об этом рассказывает владельческая запись на титульном листе экземпляра из Готы. На форзаце приклеен экслибрис библиотеки «Герхардина», основу которой заложил еще отец Иоганна Эрнста — лютеранский теолог Иоганн Герхард[109]. Сам И. Э. Герхард был профессором и ректором Иенского университета. Не без его влияния в университете был защищен ряд диссертаций славяноведческой и востоковедческой тематики и среди них работа Иоганна Швабе. Диссертанты широко пользовались библиотекой своего наставника.

После смерти профессора «Герхардина» была куплена в 1678 г. Фридрихом I, герцогом Заксен-Гота-Альтенбургским, и перевезена из Иены в его замок Фриденштайн в Готе. Здесь Азбука 1578 г.

находится по сей день. На обороте титульного листа книги — печать библиотеки с датой «1799».

Общее описание. Экземпляр, хранящийся в Готе, представляет собой небольшой томик — 54 листа, заключенные в переплет из деревянных досок, соединенных кожаным корешком. Переплет, несомненно, изготовлен в сравнительно позднее время и уж во всяком случае никак не раньше второй половины XVII в. Точно так же переплетен находящийся в Готе экземпляр могилевского Букваря 1648 г. К слову, это тоже уникум, описанный лишь недавно.

Размер страницы Азбуки 1578 г. — 95×158 мм. Формат полосы набора большинства страниц — 65×128 мм (включая выносные элементы шрифта верхней и нижней строк). Книжный блок составлен из 7 тетрадей. В первых трех из них — по 8 листов, в четвертой — 6, в пятой — 8, в шестой — 7, в седьмой — 9. По нашему мнению, в первоначальном своем виде Букварь включал шесть 8-листных и одну 10-листную тетрадь и имел 58 листов.

Шрифты. В Азбуке Иван Федоров использовал 6 различных шрифтов: четыре славянских и два греческих. Большая часть книги набрана хорошо известным московским шрифтом, который первопечатник применял во всех своих изданиях. Высота 10 строк текста, набранного этим шрифтом, — 84—85 мм. Титульный лист, а также тексты первой тетради набраны шрифтом, высота 10 строк которого составляет 50—51 мм. Этим же шрифтом воспроизведены несколько строк на л. 9 и 13 книги (2-я тетрадь). Совсем мелкий шрифт, с высотой 10 строк, равной 40 мм, встречаем на л. 8 — здесь им набраны 4 концевые строки. Мелкие шрифты, впервые примененные в Азбуке 1578 г., широко использовались первопечатником в его острожских изданиях — Библии и Новом Завете. Четвертый славянский шрифт Азбуки 1578 г. — прописной: высота одной литеры равна 7мм. Шрифт использовался и в львовской Азбуке 1574 г.

Греческие шрифты книги — строчной и прописной — также использовались в Острожской Библии; высота 10 строк этого шрифта — 50—51 мм.

В нашей литературе считалось, что мелкие острожские шрифты были отлиты лишь в начале 80-х гг. XVI в.[110] Сейчас мы можем утверждать, что они существовали уже в июне 1578 г., когда вышла в свет Азбука.

Графика острожских шрифтов несколько отличается от строгого в своей законченности и во всех отношениях прекрасного московского шрифта. Острожские шрифты светлее, легче, ближе к рукописным почеркам. Впечатление курсивности (да простится нам еще один новый термин) создает слабый наклон вправо вертикальных штрихов букв, далеко не одинаковый в различных буквах. Так, штрихи литер «б», «н», «п» более приближаются к вертикали, чем штрихи литер «т», «ш» и др. Вертикальные штрихи некоторых литер немного изогнуты — в верхней части их наклон больше.

Своеобразный рукописный колорит придают тексту и вторые начертания букв «т», «ѣ» и «ъ». Выносные элементы этих литер подняты над верхней линией строки и смещены влево: они как бы нависают над соседними буквами. Отливать эти литеры приходилось на удлиненной фигурной ножке, напоминающей в плане зеркальное изображение буквы «г». Вертикальный штамб литер имеет сильный наклон, а верхние поперечины изогнуты.

А. П. Запаско, вслед за П. Клименко, находит в графике острожского шрифта влияние «местной традиции книжной культуры, традиции украинского рукописного полуустава» [111]. Это влияние, по его мнению, особенно чувствуется в литерах, по рисунку отличных от московского шрифта. Как примеры для заимствования приводятся «Печерский патерик» 1554 г., «Скитский патерик», «Кормчая» и «Октоих» второй половины XVI в.[112] Мы, со своей стороны, можем указать, что точно такие же формы литер «т», «ѣ», «ъ», наиболее характерных для острожской графики, встречаются в московском узкошрифтном Четвероевангелии. Их рукописные прототипы, также в московской книжности, мы уже указывали [113]. Таким образом, настаивать на исключительно украинских истоках графики острожских шрифтов вряд ли правильно.

Состав. Книгу открывает титульный лист, на котором в рамке из наборного орнамента напечатано: «Всесильною десницею вышняго бога, умышлением и промышлением благочестиваго князя Коньстяньтина Коньстянтиновича княжати Острозскаго, воеводы Киевъскаго, маршалка земли Волыньское, старосты Володимерьскаго повелевшу ему устроити дом на дело книг печатных. К тому же еще дом и детем к научению в своем отчизном и славном граде Острозе, еже есть лежащий в земли Волыньстей. И избравши мужей в божественном писании искусных, в греческом язьще и в латиньском паче же и в руском и пристави их детищному училищу. И сея ради вины напечатана сия книжка по греческия „Альфа вита", а по рускии „Аз буки" перваго ради научения детскаго многогрешным Иоанном Феодоровичем».

Это первое известное нам сообщение об основанной князем Константином Острожским школе, позднее названной «триязычным лицеем». Считалось, что школа была основана в 1581 г. Сейчас мы можем утверждать, что она работала уже летом 1578 г. Первым учебником, который начинали изучать в школе, была книга, напечатанная Иваном Федоровым.

Учебники, обнаруженные в послевоенные годы в зарубежных книгохранилищах, в нашей литературе называют по-разному, ибо ни в одном из них титульного листа не было. Их именовали «Азбуками», «Грамматиками», «Букварями». Теперь мы знаем, что правильно первое название — Иван Федоров называл свою книгу «Азбукой».

На обороте титульного листа — герб князя Константина Острожского. Над гербом — сведения о дате издания книги: «в лето от създания миру 7086, а от воплощения господа нашего Исуса

Христа 1578 месяца июня 18». Азбука, таким образом, вышла в свет 18 июня 1578 г.

На втором листе книги — греческий алфавит. Сверху 24 прописные литеры, затем русские названия греческих букв и под каждым из них изображения строчных литер, далее — 24 строчные литеры. В конце листа — последовательный ряд строчных литер греческого алфавита; многие буквы даны в нескольких начертаниях: «альфа» и «бета» — в двух, «омега» — в трех и т. д.

На л. 2 об. — 8 даны параллельные греко-славянские тексты — пособие для ученика, приступающего к изучению греческого языка. Этот раздел книги свидетельствует о том, что Иван Федоров полностью заслужил тот титул, которым он в 1583 г. подписал свое письмо саксонскому курфюрсту Августу, недавно найденное в Дрезденском архиве: «Иван Федоров Москвитин, типограф греческий и славянский».

На обороте л. 8 — гравюра, изображающая типографский знак Ивана Федорова. Здесь же — написанные от руки киноварью буквы «к» и «ц», смысл которых не вполне ясен. Быть может, они означают слова «конец»: первая тетрадка книги могла рассматриваться и как самостоятельное издание.

Со 2-й тетради начинается славянская азбука, озаглавленная так: «Начало учения детемь, хотящим разумети писание...» Текст и набор этой части книги идентичны экземпляру недатированной Азбуки, обнаруженной в 1956 г. в Королевской библиотеке Копенгагена. Экземпляр был в 1958 г. описан по микрофильму А. С. Зерновой [114].

Копенгагенская Азбука может быть неполным экземпляром издания 1578 г., но может быть и повторением его. Окончательный ответ даст лишь изучение бумаги копенгагенского экземпляра, которое по сей день не проведено.

Состав 2—4-й тетрадей Азбуки из Готы полностью аналогичен 1—3-й тетрадям львовской Азбуки 1574 г. Последним листом (л. 30) раздела «По ортографии» (это 6-й лист 4-й тетради) упомянутая тетрадь экземпляра из Готы заканчивается. Легко установить, что первоначально она имела 8 листов, ибо первые два листа тетради вклеены отдельно. Значит, существовали и последние два листа, которые печатались одновременно с первыми двумя. Эти листы (л. 31—32) сохранились в копенгагенском экземпляре. На них помещен азбучный акростих того же состава, что и в львовском издании. Идентичны со львовским изданием и 5-я и 6-я тетради книги. Здесь собраны различные тексты, с помощью которых учащиеся должны были осваивать грамоту (л. 33—47 об.). Последний лист раздела (л. 47) — это 7-й лист 6-й тетради книги. По экземпляру, который нами изучен, можно установить, что первый лист 6-й тетради приклеен к последнему листу предыдущей, 5-й тетради. 8-й лист 6-й тетради, который, несомненно, существовал, не сохранился. Возможно, он был пустым.

Седьмая тетрадь книги занята «Сказанием» об изобретении

славянской азбуки Кириллом Философом. В этой тетради — 9 листов. Последний, 10-й лист не сохранился. Не исключено, что и он был пустым.

Возможна и другая версия. Текста «Сказания» в львовской Азбуке 1574 г. нет. Можно предположить, что Иван Федоров, исходя из разных читательских интересов, печатал Азбуку в нескольких вариантах. Для этой цели отдельные разделы книги были четко размещены в пределах определенного числа тетрадей. В максимально полном варианте 1-я тетрадь была отведена параллельным русско-греческим текстам, тетради 2—4-я — азбуке «Начало учения детям», тетради 5—6-я — различным текстам для усвоения грамоты и последняя, 7-я тетрадь — «Сказанию» об изобретении славянской азбуки.

Если Азбука печаталась без первой и последней тетрадей, как например в 1574 г. во Львове, последний лист 6-й тетради занимали послесловие и типографский знак Ивана Федорова. Если же первая тетрадь с греческими текстами отсутствовала, а последняя тетрадь со сказанием входила в состав книги (как в копенгагенском экземпляре), последний, 10-й лист 7-й тетради мог быть занят послесловием. К сожалению, оно не сохранилось ни в одной из известных в настоящее время Азбук. В полном виде, как уже говорилось, книга содержала 58 листов. Ни пагинации (нумерации листов), ни сигнатуры (нумерации тетрадей) Азбука не имела. Это позволило Ивану Федорову выпускать ее в нескольких вариантах.

Редакционные изменения. Изучая Азбуку 1578 г. по микрофильму копенгагенского экземпляра, А. С. Зернова назвала эту книгу «вторым изданием Букваря Ивана Федорова»[115]. Вполне возможно, что это третье или четвертое издание. Но в главном А. С. Зернова права: наборщик Азбуки 1578 г. держал перед собой Азбуку 1574 г. и именно по этому изданию осуществлял набор. Он тщательно копировал львовскую Азбуку, повторял ее строкоделение, ставил те же самые титла и ударения.

Главное отличие острожской Азбуки от львовской — «Сказание» Черноризца Храбра, которого в издании 1574 г. нет.

В остальном тексте — лишь несколько незначительных изменений и добавлений. На л. 20 об. добавлены два варианта сокращенного написания слова «боги», а также «не вполне понятная», по словам А. С. Зерновой[116], форма «бого». В последней мы видим форму звательного падежа, образованную по аналогии с такими же формами других слов, которых в Азбуке приведено множество: «аггло», «дхо», «двдо» и т. д. На л. 25 в примерах на букву «м» добавлено слово «мудрость» в именительном и родительном падежах. На л. 8—32 об. убрана нумерация параграфов, а на л. 32 об. — перечень кирилловских чисел в конце страницы. Можно согласиться с А. С. Зерновой, что этот прием, придуманный для обучения учащихся цифрам, «не особенно удачен» — Иван Федоров решил отказаться от него[117].

Набор книги, по-видимому, Иван Федоров поручил ученикам.

Один из них, набиравший первые листы книги, был невнимателен и сделал много ошибок. Он набирает «истииствует» вместо «инстинствует» (л. 14 об.), «избаевляева» вместо «избавляева» (л. 14 об.), «кретсива» вместо «крестива» (л. 15). Много ошибок в простановке титл и ударений.

Во второй части книги, напротив, чаще встречаются исправления ошибок 1-го издания; новые ошибки встречаются реже — это работа другого наборщика. Новый мастеровой правит слово «члким» на «члчским» (л. 31), вставляет пропущенный союз «и» в строке 6-й на л. 33 об., правит ошибочное «преваюши» на «преспевающих» (л. 39 об.). Некоторые исправления можно было бы посчитать доказательством диалектных воздействий родного для наборщика украинского языка. Таковы, например, «тобе» вместо «тебе» на л. 33, замена «ять» на «е» и особенно — на «и» («призрѣ» — «призри», л. 38), а также замена редуцированных гласных на полногласные «въ единого» — «во единого» (л. 34 об.), «сътворена» — «сотворена» (л. 35), «събора» — «собора» (л. 34 об. и 35 об.). Однако на страницах книги можно найти, хотя значительно реже, и обратные случаи, например, замену «о» на «ъ» («во вся» — «въ вся» — л. 42 об.). На л. 43 наборщик вместо «надежда» набирает «надежа», а на л. 44 и 44 об. оставляет это слово без изменений.

«Сказание» Черноризца Храбра. На л. 48—56 острожской Азбуки Иван Федоров впервые публикует замечательный памятник старой болгарской литературы «Сказание, како состави святый Кирил Философ азбуку по языку словеньску и книги преведе от греческих на словеньский язык». «Сказание», по мнению новейших исследователей, было создано в конце IX в. Этому прославленному литературному произведению и его автору — Черноризцу Храбру — недавно посвятил капитальное монографическое исследование болгарский историк Куйо М. Куев[118]. Он опубликовал все известные редакции «Сказания» по многочисленным спискам, древнейший из которых — Лаврентиевский — относится к 1348 г.[119] Напечатал К. М. Куев и редакцию острожской Азбуки, которую он воспроизвел по копенгагенскому экземпляру, не зная о существовании полного экземпляра из Готы[120]. Поэтому болгарский исследователь датирует текст не 1578 г., а 1580—1581 гг. К. М. Куев различает 7 редакций «Сказания». Текст из острожской Азбуки, названный им Копенгагенским списком, он относит к русской редакции. Старейший список этой редакции сохранился в сборнике XV в.[121] По сравнению с этим списком острожская Азбука имеет ряд отличий, впрочем не существенных.

В болгарских и сербских списках «Сказание» обычно именуется: «О писменех Черноризца Храбра». Русские списки имя автора опускают. В старейшем из них название текста таково: «Сказание, како състави святы Кирил словеном писмена, противоу языкоу». Название, аналогичное Азбуке 1578 г., мы встречаем впервые в списке XVI в. из Собрания Кирилло-Белозерского мона-

стыря[122]. Несколько иную редакцию названия предлагают белорусские и украинские списки. В одном из них, имеющем владельческую запись 1549 г., сделанную в Ковеле Козьмой Васильевичем, священником церкви Успения богородицы, «Сказание» названо так: «Сътворение о писменехъ черноризца Кирила философа, како книгы преведе от греческих на словенский язык»[123]. Это как будто бы свидетельствует о том, что Иван Федоров печатал «Сказание» по русскому списку. Можно, однако, назвать русские списки, имеющие другие названия (например, «О свитци книг» в сборнике начала XVI в. Троице-Сергиева монастыря[124]) или же совсем без названий.

Окончательного вывода о происхождении оригинала «Сказания» из Азбуки 1578 г. мы сейчас не сделаем, как не сделал его и К. М. Куев. Вопрос этот требует дополнительных разысканий и тщательного текстологического изучения всех сохранившихся списков. Пока же можно констатировать, что острожская редакция имеет ряд отличительных особенностей, не находящих параллелей ни в одном из известных науке списков.

Художественное убранство. В острожской Азбуке 1578 г. — 2 гравюры, 7 заставок, 5 концовок, один гравированный на дереве инициал и наборная рамка титульного листа.

Наиболее интересна первая из гравюр — герб князя Острожского. Гербовый щит на обороте титула разделен на четыре равных поля. В левом нижнем поле — стрела с полукружием на конце, полумесяц и шестиконечная звезда. Это родовой герб Острожских. В правом нижнем поле — стрела с поперечиной и полукружием на конце. В верхнем левом поле изображен Георгий Победоносец, в правом — всадник с обнаженной саблей. Навершие щита — рыцарский шлем с опущенным забралом, от него по обеим сторонам щита спускается буйная акантовая листва. В дальнейшем, в других острожских изданиях, Иван Федоров сделает изображение того же герба более лаконичным, убрав растительное обрамление.

Вторая гравюра книги — типографский знак первопечатника — отпечатана с той же самой доски, что и в Азбуке 1574 г.

Семь заставок оттиснуты с четырех досок. Все они ранее использовались в львовском издании. Оттуда же попали в Острог и три доски концовок — с них в Азбуке 1578 г. сделано четыре отпечатка. Пятая концовка — комбинация двух политипажей-листиков, широко распространенных в польских изданиях XVI в. Политипажами являются и раппорты наборной орнаментики, из которых составлена рамка титульного листа. Инициал «П» отпечатан с доски, ранее использовавшейся в заблудовской Псалтыри с Часословцем.

Художественное убранство Азбуки 1578 г. потребовало от Ивана Федорова минимальных усилий. Единственной новой гравюрой, изготовленной специально для этого издания, был герб князя Острожского.

Бумага. Рассказывая о бумаге, на которой напечатана Азбука

лии. На бумаге с этим знаком напечатана 1-я тетрадь экземпляра из Готы. Отдельные фрагменты знака обнаружены нами на л. 2, 3 (в верхнем правом углу), 6 и 7.

2. Топор с полумесяцем над ним (Мац. 62—64, 68—71; Лауц. 1680/1). Знак мельницы Тенчиньских в Кжешовицах. Особенно часто он встречается в Острожской Библии. На бумаге с этим знаком напечатаны 2-я, 3-я и 5-я тетради экземпляра из Готы. Мы обнаружили его на л. 12, 13, 16, 18, 22, 23, 33, 37, 40.

3. Подкова с четырехконечным крестом внутри — герб «Тупая подкова». (Мац. 92; Лауц. 2668). Встречается в Учительном евангелии 1569 г., Апостоле 1574 г., Острожской Библии. На бумаге с этим знаком напечатана 7-я тетрадь Азбуки 1578 г. Мы обнаружили филигрань на л. 49 и 56.

4. Знак неустановленного рисунка. Возможно, это нижняя часть филиграни «Одноглавый орел» (Мац. 98), которая встречается в Острожской Библии. На бумаге со знаком напечатана 4-я тетрадь Азбуки.

5. Знаки неустановленного рисунка. На л. 41 филигрань похожа на знаки 1-й тетради. На л. 44 и 45 она напоминает приземистый кувшин, сверху — крест и какие-то литеры.

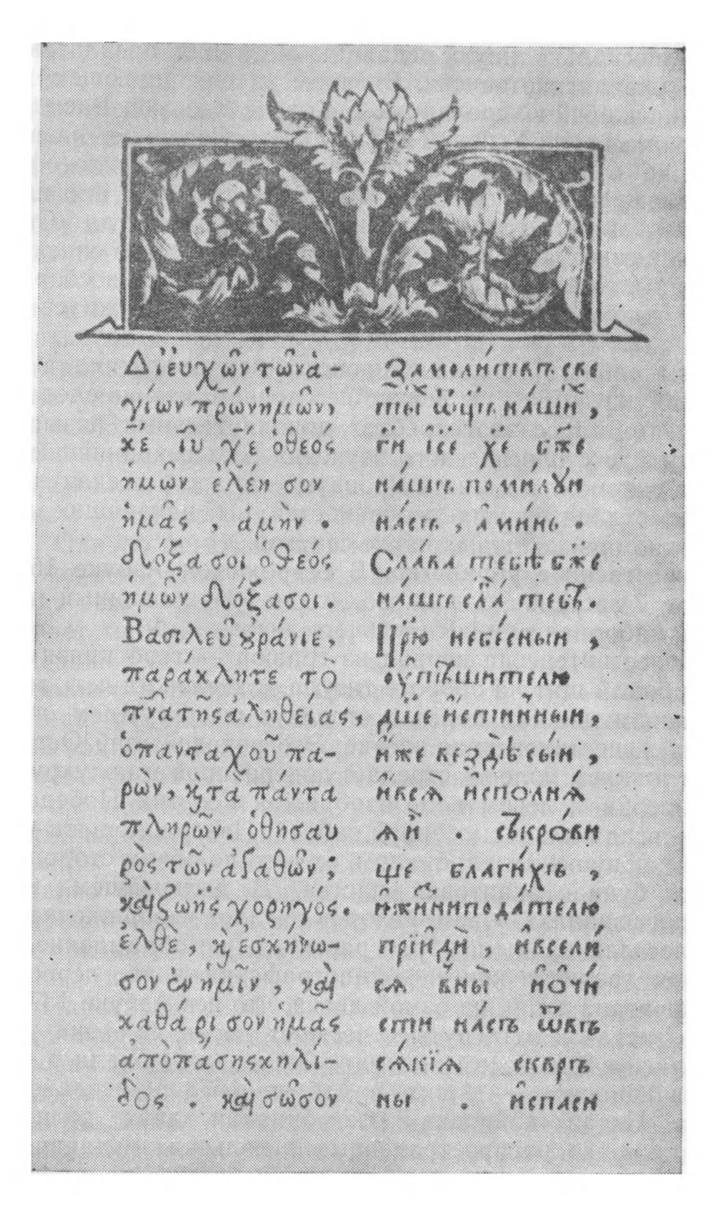
Линии бумаги в Азбуке идут по вертикали. Расстояние между ними по замерам Грассгофа и Симмонса в первой тетради — 28 мм, а в остальных тетрадях — 30 мм [125]. Это один из главных их доводов в пользу того, что первая тетрадь — самостоятельное издание «Греко-русско-церковнославянская книга для чтения 1578 г.» Мы этой гипотезы не поддерживаем. По нашим замерам, расстояние между линиями на различных листах всех тетрадей книги различно — от 27 до 30 мм. При этом большие интервалы можно встретить в 1-й тетради (30 мм на л. 5) и меньшие — в последних тетрадях (28 мм на л. 55).

Не доказывает тезиса Грассгофа и Симмонса и распределение филиграней. Почти все тетради (за исключением 2-й, 3-й и 5-й) напечатаны на разносортной бумаге.

К сожалению, мы не имеем никаких сведений о бумаге копенгагенского экземпляра.

Первопечатные учебники. Азбуки 1574 и 1578 гг. — выдающиеся памятники русской и украинской культуры. Они лишний раз свидетельствуют о том, что издание учебников не было чем-то эпизодическим в деятельности первопечатника Ивана Федорова. Он издавал Азбуки на протяжении всей своей жизни, начав работу над ними, возможно, еще в Москве, в 50-х гг. XVI в. Эти первые московские Азбуки долго искали и ищут до сих пор. Некоторые ученые идентифицируют их с теми анонимными изданиями — без указания времени и места выхода в свет, — которые в последние десятилетия были найдены за рубежом.

Среди них — Азбука, экземпляр которой находится ныне в библиотеке колледжа «Тринити» в Кембридже. Впервые упомянул о ней еще в 1847 г. русский академик И. Х. Гамель [126]. Под-

Δι' εὐχῶν τῶν ἁ-
γίων πρωνημῶν,
χὲ ἰῦ χὲ ὁ θεὸς
ἡμῶν ἐλέη σον
ἡμᾶς, ἀμήν.
Δόξα σοι ὁ θεὸς
ἡμῶν δόξα σοι.
Βασιλεῦ οὐράνιε,
παράκλητε τὸ
πνα τῆς ἀληθείας,
ὁ πανταχοῦ πα-
ρὼν, καὶ τὰ πάντα
πληρῶν. ὁ θησαυ
ρὸς τῶν ἀγαθῶν,
καὶ ζωῆς χορηγός.
ἐλθὲ, καὶ ἐσκήνω-
σον ἐν ἡμῖν, καὶ
καθάρισον ἡμᾶς
ἀπὸ πάσης κηλί-
δος. καὶ σῶσον

Замолитвъ свѧ-
тыхъ ѿцъ нашихъ,
гн҃и іс҃е хс҃е бж҃е
нашъ, помилꙋи
насъ, аминь.
Слава тебѣ бж҃е
нашъ слава тебѣ.
Црю нбс҃ный,
оутѣшителю
дше истинный,
иже вездѣ сый,
и всѧ исполнѧ-
ѧй. сокровн-
ще благихъ,
и жизни подателю
прійди, и всели-
сѧ въ ны, и очи-
сти насъ ѿ всѧ-
кіѧ скверъ-
ны. и спаси

Азбука 1578 г., лист 2-й об.

1578 г., мы пользуемся данными, опубликованными Г Грассгофом и Дж. Симмонсом, а также нашими собственными наблюдениями. В экземпляре, который ныне находится в Готе, удалось обнаружить следующие знаки:

1. Лента в форме латинского «W» на гербовом щите — герб «Абданк» — встречается в Апостоле 1574 г. и в Острожской Биб-

робно описали ее в 1938 г. Дж. Д. А. Барникот[127] и в 1951 г. — Дж. Д. А. Барникот и Дж. С. Г. Симмонс[128]. В книге 52 листа формата 105×65 мм. На полосе — 13 строк. Шрифт копирует московский шрифт Ивана Федорова. Содержание книги то же, что и в Азбуке 1578 г., но в ней нет 1-й тетради с параллельными славянскими и греческими текстами. В экземпляре колледжа «Тринити» один из пустых листов занят рукописным перечнем книг, которые Томас Хотри, один из участников путешествия в Россию Ричарда Ченслера в 1555 г., поручил сохранить для него некоему Вильяму Смиту; в последнем английские исследователи видят агента британской Китайской компании, утонувшего в 1577 г. Одна из упомянутых в списке книг известна в единственном издании 1563 г. Перечень, таким образом, не мог быть составлен ранее этой даты. Это позволило Дж. Барникоту и Дж. Симмонсу датировать Азбуку 1563—1577 гг.[129] Аргументация их полностью принята Г И. Колядой[130]. Серьезные возражения против нее выдвинула А. С. Зернова[131]. Она основывалась прежде всего на предпринятом В. А. Джексоном[132] микроскопическом исследовании шрифта Азбуки из «Тринити»; американский исследователь доказал, что шрифт этот и московский шрифт Ивана Федорова отлиты с различных матриц. А. С. Зернова обратила внимание и на то, что набор книги сделан неквалифицированным типографом, а литеры шрифта не держат линии. Что же касается В. Смита, то этим человеком мог быть совсем не тот агент, который утонул в 1577 г. Вывод А. С. Зерновой: Азбука из колледжа «Тринити» была напечатана в Остроге после 1580 г. Версия в настоящее время является общепринятой.

Второй экземпляр Азбуки, близкий к экземпляру из «Тринити», но имеющий некоторые отличия, был обнаружен Дж. Барникотом и Дж. Симмонсом в Бодлеянской библиотеке Оксфорда. В книге — записи Ричарда Джеймса, побывавшего в России в 1618—1620 гг.[133]

П. Атанасов посчитал московским изданием первой половины 60-х гг. XVI в. экземпляр Азбуки, найденный им в Народной библиотеке им. Кирилла и Мефодия в Софии[134] в составе того конволюта, о котором шла речь выше — в главе об Азбуке 1574 г. По содержанию софийский экземпляр идентичен учебникам Ивана Федорова. Правописание в нем, однако, более архаично: широко применяются юсы (как большой, так и малый), вместо «о» часто употребляется «омега». В одном из заглавий сделана опечатка «Прорфографии» вместо «По ортографии». В книге — две заставки, причем одна из них напечатана с той же доски, что и в Острожской Библии. Та же заставка — и в экземпляре из «Тринити». В отличие от последнего экземпляра в софийской Азбуке нет сигнатур, как и в других изданиях Ивана Федорова. Если посчитать наличие сигнатуры более поздним признаком, софийский экземпляр можно поставить где-то между изданием 1578 г. и экземпляром из «Тринити».

Украинские исследователи Я. Д. Исаевич и А. П. Запаско склоняются к тому, что софийская Азбука была напечатана в Остроге самим Иваном Федоровым или его учениками по крайней мере до 1598 г.[135] Мы не считаем издание делом рук Ивана Федорова. Первопечатник никогда не употреблял столь часто «юсы», да и не мог выпустить книгу со столь грубой ошибкой, о которой шла речь выше.

Во многом загадочной остается по сей день славянская старопечатная Азбука, которая в прошлом веке находилась в библиотеке графа Ностица в Праге. В первой четверти XIX в. ее обнаружил Й. Добровский. В Азбуке напечатано «Сказание» Черноризца Храбра, которое Добровский использовал для своих разысканий о начале славянской письменности[136]. По его мнению, Азбука напечатана в 1575—1580 гг. в Вильне. С пражским экземпляром, очевидно, познакомился и О. Бодянский в Праге в 1855 г.[137] Где этот экземпляр в настоящее время, мы не знаем.

Вывод таков. По сей день мы не вправе утверждать, что львовскому изданию Азбуки 1574 г. предшествовали более ранние московские издания. Это лишь гипотеза, ибо ни один из известных анонимных экземпляров Азбуки нельзя посчитать более ранним изданием, чем львовский первопечатный учебник.

Очевидно, однако, что Азбука, составленная Иваном Федоровым, после его кончины неоднократно перепечатывалась и дала начало устойчивой традиции, существовавшей на протяжении всего XVII в. В 1596 г. Азбука была издана вместе с Часовником в Вильне[138]. В виленской типографии Мамоничей напечатана и недатированная Азбука, экземпляр которой в 1635 г. подарен Бодлеянской библиотеке архиепископом Лаудом[139]. В той же библиотеке хранится Азбука, напечатанная в Остроге в 1598 г.[140] В. С. Люблинский обнаружил фрагмент недатированной виленской Азбуки в ГПБ; А. С. Зернова датировала этот фрагмент серединой или второй половиной 1590-х гг.[141] В XVII в. Азбуки печатаются в Москве и Вильне, во Львове и Могилеве. Все они, в большей или в меньшей степени, восходят к первопечатному учебнику, созданному Иваном Федоровым. Этот труд типографа позволяет нам с полным правом говорить о педагогической деятельности Ивана Федорова — высокообразованного человека, который под стать титанам западноевропейского Возрождения.

ПСАЛТЫРЬ И НОВЫЙ ЗАВЕТ 1580 ГОДА

В предисловии этой изящной, небольшой по формату книги утверждается, что она «первый овощь от дому печатного... острозского». Мы сейчас знаем, что это не так. И все же Иван Федоров был по своему прав. Азбука 1578 г., а возможно и другие не дошедшие до нас издания — не более чем опыты только-только создавшейся печатной мастерской. Псалтырь и Новый завет — первое полнообъемное издание, которым уже можно было гордиться: именно в этом смысле и «первый овощь».

История изучения и известные в настоящее время экземпляры. Псалтырь и Новый завет 1580 г. были известны уже одному из первых русских библиографов — Дмитрию Семенову-Рудневу [Дамаскину (1737—1795)]. В его рукописной «Библиотеке российской» упомянут «Новый завет в Островии без стихов 1581, в 8 долю» [142]. Дата ошибочная. Однако, судя по формату, это именно интересующее нас издание.

Честь первого печатного упоминания о Псалтыри и Новом завете досталась В. С. Сопикову, кратко описавшему книгу в 1813 г. в 1-м томе «Опыта российской библиографии»[143]. В 1821 г. в 5-м томе этого труда было помещено более подробное описание, а также напечатаны предисловие и послесловие книги. Ни одного конкретного экземпляра издания Сопиков, однако, не указал. Это сделал в 1813 г. К. Ф. Калайдович, которому был известен экземпляр, принадлежавший И. Ф. Ферапонтову [144].

В 1825 г. П. И. Кеппену были известны 2 экземпляра Псалтыри и Нового завета, находящиеся в библиотеке Н. П. Румянцева [145]. По крайней мере один из них ныне хранится в ЛБ (№ 6841). Четыре года спустя, в 1829 г., П. М. Строев подробно описал острожское издание по «довольно чистому» экземпляру из собрания Ф. А. Толстого, а также полностью опубликовал предисловие к книге [146]. Экземпляр ныне находится в ГПБ (I.5.37^{б}). Имел книгу и А. С. Ширяев [147], этот экземпляр впоследствии поступил в Российскую Академию. В «Росписи книгам и рукописям имп. Российской академии», изданной в 1840 г., упомянуты «Новый завет, в Остроге» и «Псалтырь, в Остроге» [148]. Эти две части острожского издания, отдельно переплетенные, по сей день находятся в БАН (37.8.24^{а} и 37.8.24^{б}).

Экземпляр И. Н. Царского, описанный П. М. Строевым в 1836 г. [149], находится сейчас в ГИМ (Цар. А23). Упомянул книгу и А. Д. Чертков в каталоге своего собрания — «Всеобщая библиотека России, или Каталог книг для изучения нашего отечества во всех отношениях и подробностях» (М., 1838) [150]. Экземпляр ныне находится в ГИМ (Чертк. 486).

В 1845 г. П. М. Строев описал отдельно переплетенный Апостол из острожской Псалтыри и Нового завета 1580 г.; экземпляр хранился в Библиотеке Общества истории и древностей российских [151]. Где он сейчас, мы не знаем. Три новых экземпляра — из собраний А. И. Кастерина, И. П. Каратаева и М. П. Погодина — были в 1848 г. учтены В. М. Ундольским[152]. Ныне книги находятся в ГПБ (I.5.27^{а} — экз. Каратаева, I.5.37^{в} — экз. Погодина и I.5.37^{г} — предположительно экз. Кастерина).

На страницах «Хронологической росписи славяно-русской библиографии» И. П. Сахарова (Спб., 1849) учтено 9 экземпляров Псалтыри и Нового завета 1580 г., но лишь один из них ранее не был описан [153]. Это экземпляр из собрания Яковлева, его сегодняшнее местонахождение неизвестно. В 1849 г. М. А. Максимович мимоходом упомянул Псалтырь и Новый завет из собрания

И. Я. Лукашевича, находившегося в селе Кононовке Пирятинского уезда [154]. Коллекция в 1870 г. поступила в Московский Публичный и Румянцевский музеи [155]. Рукописное описание коллекции, сделанное А. Е. Викторовым и сохранившееся в его архиве, содержит достаточно полные сведения об экземпляре [156], что позволяет идентифицировать его с экземпляром ЛБ, № 1713.

Новый экземпляр острожского издания был учтен в 1867 г. на страницах каталога библиотеки Петербургского университета [157]. В дальнейшем книга была утеряна [158].

В «Отчете Московского Публичного и Румянцевского музеев» за 1866 г. упомянут экземпляр Псалтыри и Нового завета 1580 г. из собрания В. М. Ундольского [159]. Однако печатание отчета почему-то задержалось — он вышел в свет лишь в 1898 г. Поэтому первые упоминания об экземпляре Ундольского были сделаны на страницах других изданий. Ныне он находится в ЛБ, предположительно № 1712.

В 1872 г. А. Попов описал Псалтырь и Новый завет библиотеки А. И. Хлудова [160] (ГИМ, Хлуд. 22) [161].

В первом издании «Описания славяно-русских книг, напечатанных кирилловскими буквами» И. П. Каратаева (Спб., 1878) учтено уже 12 экземпляров книги — лишь один из них нам не известен. Это экземпляр П. В. Щапова, впоследствии поступивший в ГИМ (Щап. 117) [162].

Во втором издании «Описания» (Спб., 1883) — еще один новый экземпляр, в ту пору он принадлежал Московской синодальной типографии [163]. Ныне книга находится в ЦГАДА (ф. 1251, № 26). Сохранился один лишь Новый завет — Псалтыри в этом экземпляре нет.

В 1888 г. в «Ставропигийском заведении» во Львове состоялась Археологическо-библиографическая выставка. Каталог старопечатных и рукописных книг, представленных на ней, составил А. С. Петрушевич. Был упомянут им и экземпляр Псалтыри и Нового завета из библиотеки Перемышльского епископского капитула [164]. Ныне книга в Национальной библиотеке Варшавы (XVI. 0.684). [165].

В 1908 г. был зарегистрирован экземпляр Псалтыри и Нового завета из «древлехранилища» при св. Владимирском братстве в городе Владимире Волынском [166].

В каталоге книг Церковного музея во Львове, составленном в 1908 г. И. С. Свенцицким, описаны два экземпляра Псалтыри и Нового завета — оба они были приобретены в России у букинистов, один у Большакова, второй у Шибанова [167]. Один из них в настоящее время находится в МУИ (Q 417).

Всего в предреволюционные годы был учтен 21 экземпляр Псалтыри и Нового завета 1580 г.

В 1928 г. Ю. А. Кузнецова кратко упомянула о четырех экземплярах Псалтыри и Нового завета из собрания Научной библиотеки Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского [168]. Один из них, как явствует из рукописного каталога собра-

ния, был описан в 1932 г. Ознакомление с тремя оставшимися позволяет утверждать, что это один экземпляр, переплетенный в три тома (СГУ, № 856/35, 857/36, 858/37). Книга в прошлом принадлежала Д. И. Образцову.

Следующий экземпляр, описанный после революции, был включен в 1933 г. в антикварный каталог «Международной книги»[169]. Судьба книги не известна. В 1954 г. была кратко упомянута Псалтырь из острожского издания 1580 г., находившаяся в Ивановском областном краеведческом музее (№ 4489)[170]. Т. Н. Протасьева в 1959 г. рассказала об экземпляре МГУ (2.А.Д.79), интересном многочисленными записями на полях, которые были сделаны в XVII в. подъячим приказа Большого дворца Иваном Григорьевым[171].

В 1961 г. Псалтырь и Новый завет были упомянуты Н. М. Фурман в кратком обзоре редких изданий Государственной исторической библиотеки УССР[172]. Этот экземпляр ранее принадлежал В. М. Флоринскому — его экслибрис сохранился на обороте верхней крышки книги. По-видимому, Флоринским сделана запись на переплетных листах: «Куплена мною в С.-Петербурге в 1874 г. у букиниста на Вознесенском просп. против Максименск. переулка». В дальнейшем книга принадлежала ЛБ[173], в послевоенные годы передана в Киев.

Один из экземпляров острожской Псалтыри и Нового завета неведомыми путями попал за океан — в 1961 г. он был описан в составе большого собрания по истории книгопечатания, составленного Джоном М. Уингом и ныне находящегося в библиотеке «Ньюберри» в Бостоне (США)[174]. Ранее книга принадлежала А. А. Агапову — его экслибрис наклеен на обороте верхней крышки переплета. Экземпляр почти полон — в нем нет лишь л. 248 и 465. В Бостон книга попала, по-видимому, уже в XX в. Значительно раньше, скорее всего в XVII столетии, за рубежом оказался экземпляр, принадлежавший епископу Нарциссу Маршу (1638—1713), библиотека которого находится в Дублине (Эйре). Экземпляр, описанный в 1963 г. Дж. С. Г Симмонсом, заключен в пергаментный переплет западноевропейской работы. На его полях — русская запись 1591—1592 гг. В книге нет 4 первых ненумерованных листов, л. 1—10 и 454—490[175].

В том же 1963 г. Я. Д. Исаевич кратко упомянул о четырех экземплярах Нового завета и Псалтыри польских книгохранилищ: библиотеки Варшавского университета, библиотеки Польской академии наук в Кракове, библиотеки краковского Национального музея и Национальной библиотеки в Варшаве[176]. Экземпляр Польской академии при проверке оказался Библией 1581 г.

В 1965 г. известный энтузиаст-археограф В. И. Малышев ввел на страницы науки два экземпляра Псалтыри и Нового завета, находившиеся тогда в частных московских собраниях — В. О. Витта и А. И. Маркушевича[177] Первый из них затем попал в ГПБ УССР (колл. Витт, № 6). В 1966 г. был упомянут еще один

экземпляр — из частной коллекции академика М. Н. Тихомирова; ныне в библиотеке Сибирского отделения АН СССР [178].

Новый зарубежный экземпляр был в 1968 г. найден неутомимым Дж. С. Г. Симмонсом в Королевской библиотеке в Ла-Валлетта (Мальта) [179].

Возможности новых находок изданий Ивана Федорова в нашей стране также далеко не исчерпаны. Об этом свидетельствует, в частности, находка Псалтыри и Нового завета археографической экспедицией Ленинградского университета. Экземпляр был упомянут в печати в 1970 г.[180] В 1972 г. автор этих строк опубликовал сведения об экземпляре, занесенном в рукописный каталог Королевской библиотеки в Берлине (ныне Государственная библиотека ГДР) [181]. Где книга находится сейчас, мы не знаем.

В 1973 г. экземпляр Псалтыри и Нового завета был приобретен ЛБ; краткие упоминания об этом появились на страницах газет. Сообщалось и об экземпляре, найденном экспедицией СО АН СССР [182].

Таким образом, к 21 экземпляру Псалтыри и Нового завета 1580 г., описанным до революции, после 1917 г. прибавились еще 18. Из учтенных в литературе 39 экземпляров в настоящее время можно точно указать местонахождение 31. Мы не знаем ныне, где находятся 2-й экземпляр из собрания Н. П. Румянцева, экземпляры Владимирского братства, Общества истории и древностей российских, Яковлева, Петербургского университета, один из экземпляров Саратовского университета, экземпляр, учтенный в каталоге «Международной книги», и экземпляр Берлинской библиотеки.

К 39 описанным в литературе экземплярам острожской Псалтыри и Нового завета мы можем прибавить сведения о 17 экземплярах, которые по сей день никем и никогда не упоминались. Три экземпляра — из ЛБ. Происхождение двух из них (№ 1711 и 1714) не ясно. Третий (№ 6840) в мае 1935 г. поступил в Отдел рукописей. Достаточно полный экземпляр книги, заключенный в металлический переплет с изображением орудий страстей на верхней крышке, сохранился в ГПИБ (№ 7/1066214). В книгу вплетены миниатюры с изображением евангелистов. Псалтырь и Новый завет 1580 г. есть и в собрании «Меньших» (ГИМ, Меньш. 1094). Среди пяти по сей день не упоминавшихся в печати экземпляров ЛГНБ один (Ст. 54050) принадлежал митрополиту Андрею Шептицкому, а затем — библиотеке «Студион», второй (Ст. 54162) — Центральной Василиянской библиотеке во Львове, а затем — Библиотеке Русского народного дома во Львове, третий (Ст. 24278) — Библиотеке графа Баворовского; происхождение двух других (Ст. 54297 и 138 АСП ок. ф.) не ясно. Экземпляр Льв. ГУ (№ I.141793) ранее принадлежал Рогожскому кладбищу, а затем — ЛБ. Другой экземпляр из дублетного фонда ЛБ был передан в ХГУ (№ 146120). Книга, как о том свидетельствует сделанная на ней А. Е. Викторовым запись, поступила в Румянцевский музей в

феврале 1875 г. от А. Т. Бахрушина из Зарайска. Очень неполный экземпляр Псалтыри и Нового завета имеется также в ГНБ им. В. Г. Короленко в Харькове (№ 816566) — он содержит лишь л. 106—261. Более полон экземпляр Горьковской областной библиотеки (с. 76), который начинается листом 94-м. Недавно экземпляр Псалтыри и Нового завета был найден Археографической экспедицией МГУ и передан в библиотеку университета (№ 12012-2-65). Назовем в заключение второй экземпляр из собрания А. И. Маркушевича, ранее принадлежавший А. А. Сидорову, а также неполный экземпляр коллекции А. А. Сидорова.

Подведем итоги. Мы упомянули в общей сложности 56 экземпляров Псалтыри и Нового завета. В настоящее время можно указать местонахождение 48 экземпляров.

Семь экземпляров книги находятся в ЛБ, по пяти — в ЛГНБ и ГИМ, четыре — в ГПБ, по два — в МУИ во Львове, Научной библиотеке МГУ, библиотеке СО АН СССР и в собрании А. И. Маркушевича, по одному — в БАН, Научных библиотеках ЛГУ, СГУ, Льв. ГУ, ХГУ, ГПИБ, в Государственной исторической библиотеке УССР, БАН УССР, Центральном государственном архиве древних актов, Ивановском областном краеведческом музее, ГНБ им. В. Г. Короленко и Харькове, Горьковской областной библиотеке, а также в собрании А. А. Сидорова. За рубежом — 6 экземпляров книги (Библиотека Варшавского Университета, Краковский национальный музей, Варшавская национальная библиотека, Библиотека архиепископа Марша в Дублине, Королевская библиотека в Ла-Валлетта и Библиотека «Ньюберри» в Бостоне — США).

Владельческие и вкладные записи. Псалтырь и Новый завет 1580 г. — издание небольшого формата. Пустых полос в книге не было, а скупые поля ее узки для многословных вкладных записей. Да и покупали книгу для себя и своей семьи, а не для вклада. Именно поэтому сохранившиеся экземпляры Псалтыри и Нового завета почти не содержат записей, о чем нельзя не пожалеть.

Об одном из экземпляров, однако, стоит рассказать подробнее. На титульном листе внизу греческими буквами написано имя: Иван Козмин Рогатинский [183]. Вместе с Псалтырью и Новым заветом в одних и тех же досках, обволоченных красным бархатом, переплетена «Книжка собрание вещей нужнейших» — указатель к Новому завету. На последнем листе «Книжки» киноварная полууставная запись XVI в.: «Сия книга Нового завета, в ней же напред псалмы блаженного Давида пророка и царя и песни Моисеовы и евангелие 4 евангелиста Матфей, Марк, Лука, Иоанн и деяния апостольская и посланий соборных 7 и посланий Павловых 14 и апокалипсис Иоанна Богослова, сиречь откровение». Далее — несколько строк тайнописи.

В книгу вплетены миниатюры — царь Давид и четыре евангелиста. Первая из миниатюр склеена с листом послесловия, миниатюры, видимо, современны переплету.

На полях книги — многочисленные пометы, сделанные кино-

варью ее первым владельцем. Имя его — Иван Козмин Рогатинский — мы читаем на титуле. Имя это хорошо знали во Львове в конце XVI — начале XVII в. Знал его и Иван Федоров. Потому-то экземпляр представляет для нас немалый интерес. Не исключено, что он был подарен Рогатинцу самим типографом.

Братья Иван и Юрий Рогатинцы в 1586 г. названы в числе первых двенадцати «фундатирив» — основателей Львовского Успенского братства[184], которое, по словам новейшего исследователя, «стало достойным продолжателем дела Федорова»[185]. Принадлежали они к средним слоям городского населения — были ремесленниками, седлярами. Но не чуждались и книжной науки. В борьбе Львовского братства со своеволием епископа Гедеона Балабана братья принимали активное участие. 30 апреля 1586 г. епископ отлучил их от церкви, обвинив в том, что Рогатинцы «сомущение чинят в людех... многии соблазни якимис новыми науками»[186].

Отлучение не смутило братьев. Вместе с другим руководителем братства Юрием Красовским они «вошли во церковь Успения пречистое богородицы... во время скончания службы» «з воплем немалым», скрутили священника и стащили его с амвона; «безчестие хвале божией и кгвалт церкви святой учинили»[187]. Тщетно Гедеон взывал к константинопольскому патриарху Иеремии. Братья продолжали руководить Львовским братством. Еще в начале XVII в. униатский митрополит Ипатий Потий возмущался неверием львовских горожан и их независимостью как от униатских митрополитов, так и от православных епископов: «Рогатинець там — патриарх и доктор. Що він наказе, то попи плетуть на проповідях»[188].

В одном из экземпляров Псалтыри и Нового завета 1580 г. на титульном листе читаем запись: «1639 май 30. Петр Могила архиепископ митрополит киевский рукою власною»[189]. Книга принадлежала Петру Семеновичу Могиле (1596—1647) — автору многих полемических и богословских трудов, оставившему заметный след в истории украинского книгопечатания. Будучи архимандритом Киево-Печерской лавры, Могила много внимания уделял монастырской типографии, которая в эти годы переживает период расцвета[190]. Был он человеком большой культуры, свободно читал и писал на нескольких языках. Его библиотека была поистине колоссальной. Еще в конце XVIII в. в Киевской духовной академии находилась 2131 книга из этого собрания. С. Т. Голубев, попытавшийся 100 лет спустя найти эти книги, обнаружил в академии лишь три из них. Кроме того, ему удалось отыскать еще 7 книг, когда-то принадлежавших митрополиту-библиофилу. Опубликовал Голубев и большие списки книг, преимущественно латинских и польских, купленных Могилой в 1632 г. в Варшаве и в 1633 г. в Кракове[191]. В Софийском соборе Киева украинский историк отыскал принадлежавшую митрополиту небольшую книжку «Лекарство на оспалый умысл чоловичий», выпущенную в Остроге в 1607 г. Могила при-

обрел ее 30 мая 1639 г. — в тот же самый день, что и описываемый нами экземпляр Нового завета. Можно только догадываться, были ли тогда же куплены и другие острожские издания и среди них прославленная Библия 1581 г. Нет никакого сомнения, что Библия эта у Могилы была; по-видимому, она не сохранилась.

Приведем еще одну, более позднюю запись, по-видимому, XVIII в.: «Сия книга черньца Варфоломея благословение старца Елеазара строителя Анзерския пустыни»[192].

Общее описание. Псалтырь и Новый завет 1580 г. напечатаны в восьмую долю листа. В книге — одна 4-листная, 60 8-листных и одна 10-листная тетради. Общий объем — 494 листа. Отношение между высотой и шириной полосы, по обмерам А. П. Запаско, 2,17 — полоса как бы вытянута по вертикали[193].

Первые четыре листа не имеют нумерации. В основном тексте — регулярная пагинация (от 1 до 490) на каждом листе вверху справа. Проставлены и сигнатуры — на первом листе каждой тетради внизу справа.

Полный набор полосы содержит 30 строк текста.

Книга отпечатана малым острожским шрифтом, высота 10 строк равна 40 мм. Тот же шрифт в Азбуке 1578 г. Крупным острожским шрифтом набран текст на обороте титульного листа, а московским шрифтом — название книги. Большая часть книги отпечатана одной краской. Вторая краска — киноварь — лишь на титульном листе, на первых листах Псалтыри, всех четырех евангелий, Апостола и Апокалипсиса, а также в месяцеслове и других справочных разделах в конце книги (л. 470—490).

Состав. Вслед за титульным листом (с гербом князя Острожского на обороте) на ненумерованных листах 2—4 напечатано предисловие. Обращено оно к князю, а написано, видимо, Иваном Федоровым. Начинается предисловие цитатами из евангелия, источник которых (отсылки на одно из четырех евангелий и зачало) отмечен индексами на внешнем поле полосы. Далее идет речь о «достохвальном желании» благочестивого князя — очевидно, о создании славянской типографии. Подчеркивается значение этого события — «паче же в нынешнее время посреде рода строптива и развращенна». Мысль автора подкрепляется многочисленными цитатами — на этот раз из Апостола.

По словам Ивана Федорова, князь «понуди» его взяться за печатание книги; он же сам считал себя неподготовленным к такому делу — «аз же есмь человек грешен и немощен, бояхся начати таковая». Это признание нельзя принимать буквально. Типограф следовал своеобразному литературному штампу по примеру многочисленных послесловий рукописных книг. Боялся Иван Федоров также последовать примеру евангельского героя — «реченнаго съкрывшому талант». Тут напрашивается параллель с послесловием львовского Апостола 1574 г.

В предисловии говорится о содержании книги, даются любопытные аннотации Псалтыри, Четвероевангелия, Апостола и Апо-

калипсиса. В заключение типограф обращается к князю с просьбой принять его «рукоделие» как «прьвый овощь от дому печатнаго своего Острозскаго».

Сразу же за предисловием Иван Федоров печатает текст 30 традиционных кафизм Псалтыри (л. 1—85), содержащих 150 псалмов и, кроме того, один псалом «особ писан и вне числа». Порядковые номера кафизм вынесены в колонтитулы на лицевой стороне каждого листа. В самом тексте начало новой кафизмы не выделено никак. Название и порядковый номер псалма напечатаны тем же самым шрифтом, что и остальной текст, но начало подчеркнуто литым инициалом высотой в две с половиной строки.

Распространенных аннотаций — «надписаний», как в заблудовской Псалтыри и Часословце, в острожском издании нет.

Заключают Псалтырь избранные «песни» (л. 85 об. — 93 об.). Здесь также нет «надписаний». Однако состав раздѐла тот же, что и в других Псалтырях; он содержит 10 песен. В заблудовской Псалтыри вслед за «песнями» Иван Федоров печатал «Многомилостивое певаемое на праздники», Псалтырь острожского издания на «песнях» кончается.

Далее — традиционный текст четырех евангелий с оглавлениями и предисловиями (л. 93 об. — 262), деяний и посланий апостолов (л. 262—447 об.), Апокалипсиса (л. 448—469 об.). Заключают книгу справочные разделы — «Соборник 12 месяцам» (л. 470—481 об.), «Сказание главам евангельским» и различные указатели чтений (л. 482—489 об.). На последнем листе — краткое послесловие с указанием места («в богоспасаемом граде... Острозе») и времени («в лето от создания миру 7000 от воплощения же спасителя нашего... 1580») печатания. В переводе дат с одного летоисчисления на другое допущена ошибка, ибо 1580 г. — это 7088 г. от «сотворения мира».

Титульный лист. Именно в Псалтыри и Новом завете у Ивана Федорова впервые появляется тот элемент единого и цельного организма книги, который мы называем титульным листом. Нечто вроде титула было уже в заблудовском Учительном евангелии 1569 г. или в Азбуке 1578 г. Однако и тут и там скорее не титул, а развернутые в предисловие выходные сведения. Текст, правда, подчеркнут графическими средствами: в Учительном евангелии — заставкой, а в Азбуке — наборной рамкой. Но текст многословен и набран на тот же формат, что основной материал книги.

В Псалтыри и Новом завете текст титула — не более чем лаконичное заглавие: «Книга Новаго завета. В ней же напреди Псалмы блаженнаго Давыда пророка и царя». Текст помещен в гравированной рамке. Подобной мы еще не встречали в славянской печатной книге. Рамку впервые репродуцировал еще в 1889 г. Ф. И. Булгаков[194], не сказав, однако, о ней ни слова. Много лет спустя А. И. Некрасов уподобил рамку архитектурному сооружению «в стиле Ренессанса, переходящего в барокко, с фронтоном, вазами, картушами и с изображениями слева ягненка и справа

тов, увенчанные вазами. Снизу — незаполненный гербовый щит, по сторонам его — лежащие единорог (а не ягненок, как указывал А. И. Некрасов) и олень.

В «оконном проеме» — шестистрочное название книги и ниже — сердцевидный политипаж, гармонично завершающий текст.

Композиция самой рамки стройна и закончена. На высоте и чисто техническая сторона дела. Мы не можем согласиться с А. П. Запаско, который считает, что «техникой исполнения рамка Нового завета значительно уступает рамке фронтисписа Апостола» [197].

Поиски композиционных и сюжетных истоков рамки опять подтверждают тезис о почти энциклопедической образованности Ивана Федорова, о превосходном знании им западноевропейской книги. А. А. Сидоров установил прототип, лежавший перед глазами мастера, когда он думал о художественном убранстве Нового завета [198]. Это титульное обрамление «Книги поучений Сираховых», изданной в Виттенберге Георгом Рау впервые в 1533 г. и повторно два года спустя [199]. Перед нами все тот же круг лютеровских изданий, из которых Иван Федоров почерпнул мотивы для рамки своего московского Апостола. Это тем более интересно, что сам Иван Федоров реформационному движению никогда не сочувствовал.

Иван Федоров не просто копирует зарубежный оригинал, а, как мы сказали бы сейчас, творчески перерабатывает его. Виттенбергский гравер сажает на капитель колонны обезьянку, играющую со щенком. Персонажи эти явно неуместны в славянской богослужебной книге. Русский мастер заменяет их вазой. Убирает он и выглядывающих из-за колонн ангелочков-путти.

Художественное убранство. Фигурных гравюр в Псалтыри и Новом завете нет [200]. Первые владельцы книги нередко восполняли их миниатюрами. Перед Псалтырью в экземпляре Лукашевича вплетена миниатюра — царь Давид [201]. Лучше украшен экземпляр, происходящий, возможно, из собрания В. М. Ундольского. Кроме Давида мы встречаем здесь изображения четырех евангелистов, вклеенные перед каждым из евангелий [202]. Миниатюры с евангелистами — и в экземпляре Флоринского, который ныне находится в Киеве [203]. Более поздние (XVIII в.) миниатюры — в одном из экземпляров ЛБ [204].

Назовем, наконец, роскошный экземпляр в окладном металлическом переплете и с семью миниатюрами — изображают они царя Давида (перед Псалтырью), четырех евангелистов (перед евангелиями), апостолов Луку (перед Апостолом) и Иоанна (перед Апокалипсисом) [205]. Интересны миниатюры в экземпляре Ивана Рогатинца — они, наверное, сделаны во Львове в XVI в., может быть — при жизни Ивана Федорова [206].

На обороте титульного листа книги — гравюра на дереве — герб князя Константина Острожского. Отпечатан он не с той доски, что в Азбуке 1578 г. Убрана буйная акантовая листва, обрамляющая гербовый щит. Перед нами лаконичный овал, обвитый лавром.

Книга новаго за
вѣта • в немже
напреди ѱалмы
блаженнаго
двда пррка
ицрѧ •

Псалтырь и Новый завет 1580 г. Титульный лист

оленя»[195]. Серьезный и подробный искусствоведческий анализ гравюры был дан впервые в 1951 г. А. А. Сидоровым[196], выводы которого мы всецело используем.

Рамка — размером 12,7×7,2 см — представляет собой как бы обрамление оконной ниши. По бокам — колонны из пяти элемен-

Под гербом четырехконечная розетка — широко распространенный в польских изданиях XVI в. политипаж.

На обороте последнего листа книги (л. 490 2-го счета) — типографский знак Ивана Федорова, он также отпечатан с новой доски. Рука держит гербовый щит за кольцо в верхней части щита.

В Псалтыри и Новом завете 35 заставок — с 6 досок, 38 концовок — с 9 досок и 28 буквиц — с 13 досок.

Перед основными разделами книги — Псалтырью, четырьмя евангелиями, Апостолом, Апокалипсисом, «Соборником» — помещены большие заставки (8 с 3 досок). Заставки выполнены белым по черному, черное явно преобладает. Буйная акантовая листва московской старопечатной орнаментики уступает место тонким неторопливо изгибающимся стеблям, лишь кое-где украшенным листьями и бутонами. Вторая особенность острожского орнамента — геометрические элементы, иногда довольно причудливые, с барочными завитушками и отверстиями, через которые пропущены стебли.

Бумага. Псалтырь и Новый завет отпечатаны в восьмую долю листа. При фальцовке листа филиграни попадают в верхнюю или нижнюю часть корешкового сгиба, частично уничтожаются при трехсторонней обрезке блока. Изучение филиграней в таких изданиях всегда затруднено. О. Я. Мацюк обнаружил во втором острожском издании лишь отдельные фрагменты водяных знаков, идентифицировать их ему не удалось [207].

«КНИЖКА СОБРАНИЕ ВЕЩЕЙ НУЖНЕЙШИХ...»

После Псалтыри и Нового завета Иван Федоров издал в Остроге небольшую книжицу, имеющую длинное название и странную судьбу. Название таково: «Книжка собрание вещей нужнейших въкратце скораго ради обретения в книзе Новаго завета, по словесем азбуки всем благочестно верующим в святую живоначальную Троицу отца и сына и святаго духа зело есть полезна. Напечатана в богоспасаемом граде Острозе Иоанном Федоровичем». На первой странице читаем: «Собрание вещей нужнейших скораго ради обретения в книзе сей Новаго завета, по словесем азбуки, многогрешным Тимофеем Михайловичем лета от создания миру 7089, а от нарожения спасителя нашего Исуса Христа 1580».

Странно, что все наши библиографы, издавна зная о книге, не считали ее отдельным изданием и описывали совместно с Псалтырью и Новым заветом.

История изучения и известные в настоящее время экземпляры. Впервые о «Книжке собрание вещей нужнейших...» узнали в 1817 г., когда Петербургская Публичная библиотека приобрела «Собрание книг и древностей г. обер-берггауптмана 5 класса Фролова» [208]. Возможно, именно этот экземпляр был впоследствии вплетен в один из экземпляров Псалтыри и Нового завета (ГПБ, I.5.37г). Следующий экземпляр был описан почти 20 лет спустя — в «Опи-

сании старопечатных книг... Ивана Никитича Царского», изданном в 1836 г. П. М. Строевым[209]. «Книжка» включена в Псалтырь и Новый завет — в настоящее время она находится в ГИМ (Цар. А23). И. П. Сахаров полностью перепечатал текст титульного листа и заголовка первой страницы[210] Впоследствии издание было описано И. П. Каратаевым (по экземпляру Публичной библиотеки)[211] и Т. Н. Протасьевой (по экземпляру Царского)[212].

И. П. Каратаев в 1878 г. упомянул о своем экземпляре Псалтыри и Нового завета, который «с дополнением алфавитного указателя в покупке обошелся 75 рубл.»[213]. Ныне он в ГПБ (I.5.37[а]).

В 1954 г. были опубликованы сведения о том, что «алфавитный указатель к Евангелию и Псалтыри печати Ивана Федорова» имеется в Ярославском краеведческом музее[214].

Всего, таким образом, шла речь лишь о четырех экземплярах «Книжки». Не удивительно, что считалась она почти уникальной. И. П. Каратаев заметил: «Алфавитный указатель очень редок, он один без Псалтыри и Нового завета стоит 25 руб.»[215]. Писалось это в 70-х гг. прошлого столетия, когда, например, львовский Апостол 1574 г., по словам того же Каратаева, стоил 30—35 руб.

На самом деле «Книжка собрание вещей нужнейших» хоть и редка, но не уникальна. К описанным экземплярам мы можем прибавить сведения еще о десяти. Три из них — в ЛБ (№ 1711, 1712, 6841), по одному в ГПБ (I.5.37[в/2]), Научной библиотеке МГУ (№ 12012-2-65), ЛГНБ (Ст. 54192), ГИМ (Щап. 117), в собрании А. И. Маркушевича, в Национальной библиотеке Варшавы (XVI.0.684) и в Национальном музее в Кракове (XVI.551).

Общее описание. Из 14 известных нам экземпляров 10 вплетены в Псалтырь и Новый завет и четыре переплетены отдельно. Однако, как мы знаем, например по экземпляру Фролова, оба острожские издания переплетали вместе уже в XIX в. Так что это не дает ответа на больной для библиографов вопрос: является ли «Книжка» одной из частей Псалтыри и Нового завета или же самостоятельным изданием?

Мы склоняемся к последнему. «Книжка собрание вещей нужнейших...» имеет отдельную, начинающуюся с единицы пагинацию, и отдельный счет тетрадей. Это, впрочем, еще не решает дела. В первопечатных книгах мы уже встречали нумерацию листов и тетрадей в два, а иногда и в три счета.

Решающим нам кажется наличие отдельного титульного листа, кстати лишенного пагинации. Ни одна из самостоятельных частей Псалтыри и Нового завета не имеет отдельных титульных листов. Псалтырь ничем не отделена от Четвероевангелия, Четвероевангелие — от Апостола, Апостол — от Апокалипсиса. Титульные листы во всех этих случаях гораздо уместнее, чем перед предметным указателем, которым по сути дела и является наша книга.

На обороте титульного листа «Книжки собрание вещей нужнейших...» помещен герб князя Острожского и текст «Коньстянтин Коньстянтиновичь нареченый в святом крещении Василие» и ниже

«княжа Острозское воевода Киевский староста Владимирский и прочаа». Полностью аналогичный герб и тексты — на обороте титульного листа Псалтыри и Нового завета. Надо думать, что Иван Федоров не стал бы помещать два совершенно идентичных текста в одной книге. Не стал бы он и на титульном листе «Книжки...» указывать «... напечатана... Иоанном Федоровичем», ибо то же самое читатель уже узнал из послесловия Псалтыри и Нового завета.

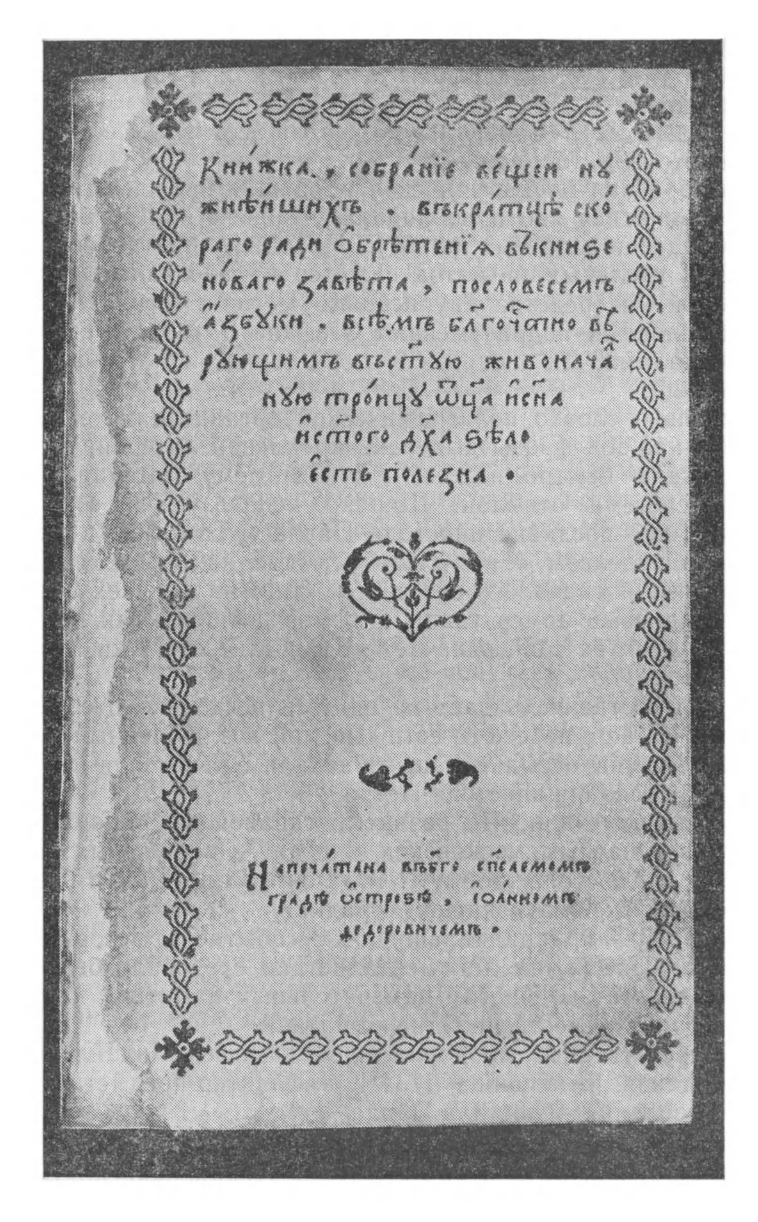
Важно, наконец, то, что «Книжка собрание вещей нужнейших...» встречается реже Псалтыри и Нового завета. Из 6 экземпляров ЛБ «Книжка...» имеется лишь в трех[216], причем в двух случаях она вплетена в конец книги, а в одном — между предисловием и Псалтырью (№ 1711).

С другой стороны, известны экземпляры «Книжки...», не приплетенные к Псалтыри и Новому завету, существующие отдельно, сами по себе.

Все это, нам думается, доказывает, что «Книжка собрание вещей нужнейших...» — самостоятельное издание. Неправомочно, следовательно, включать его в Псалтырь и Новый завет, как это делала, например, А. С. Зернова, которая даже листовой состав Псалтыри и Нового завета указывала следующим образом: 4 ннм. л., 490 л., 1 тит. л., 52 л.[217]. Последние два числа относятся к «Книжке...». Точно так же указывал листовой состав и А. И. Миловидов[218].

Состав. «Книжка собрание вещей нужнейших» — это алфавитно-предметный указатель, первый в истории русской библиографии и документалистики. В указателе собраны фразы и словосочетания из Псалтыри и Нового завета с отсылками к конкретным главам, зачалам, кафизмам текста. Фразы размещены в алфавите ключевых слов, которые чаще всего начинают словосочетание. Встречаются, однако, случаи, когда ключевое слово находится внутри фразы, например: «Пот Павлов исцеляет недужныя» (л. 37 об.); фраза помещена на слово «Павел».

Принципы отбора материала для указателя своеобразны. С одной стороны, автор учитывает имена героев Ветхого и Нового заветов, названия упоминаемых в них животных, растений, предметов («Агнец Христов» — л. 1 об., «Анна пророчица» — л. 2, «Блаженый муж» — л. 4, «Ревека жена Исаакова» — л. 29 об. В этом случае он наиболее близок к требованиям современных алфавитно-предметных указателей. Однако границы эти узки для составителя указателя Тимофея Михайловича. Он вводит в свою «Книжку...» фразы, рассказывающие и о новозаветных событиях. Например: «Август кесарь повеле написати всю вселенную» (л. 1 об. — 2). О ведущих «героях» повествования рассказывает целая подборка фраз; каждая из них имеет отсылку к тексту. Так, например, рассказывая об апостоле Павле и его деяниях, составитель указателя выделяет события: «Павел с звери борется в Ефесе», «Павел хвалится в бедах», «Павел хощет оумрети», «Пот Павлов исцеляет недужныя» и т. д.

Книжка, собраніє вєщєи нꙋжнѣишихъ, вькратцѣ ско-
рого ради обрѣтєнія вь книзѣ
нового завѣта, по словєсємь
азбуки. вь нємь благочєстно вѣ-
рующимь вь святую живоначал-
ную троицу отца и сына
и святого духа зѣло
єсть полєзна.

Напєчатана вь богоспасаємомь
градѣ Острозѣ, Іоанномь
Дєдоровичємь.

Тимофей Михайлович. Книжка собрание вещей нужнейших (1580 г.) Титульный лист

В. П. Адрианова-Перетц недавно рассказала о бытовании библейских афоризмов в речи и письме древнерусских книжников, откуда они уже попали в современную литературную практику [219]. Судьбы этого источника русского образного языка помогает про-

следить «Книжка...» Тимофей Михайлович выделил и поместил в свой указатель многие крылатые слова Библии. Например: «Блажени нищии духом яко тех есть царство небесное» (л. 4), «Око за око» (л. 31 об.), «Сребролюбие корень всем злым есть» (л. 42), «Человек что сеет, то и пожнет».

Своеобразная москвофильская тенденция проявилась во фразе «Царю повинитися яко преобладающу князем яко от бога посланом в отмщение злодеем» (л. 51). Подобное противопоставление государя и удельных магнатов кажется парадоксальным в книге, выпущенной на средства крупнейшего магната Речи Посполитой. Ясно, что слова не подразумевают Стефана Батория и его отношения с феодалами. Да и царь в ту пору был один — Иван Васильевич Грозный.

Несколько слов о полиграфической организации текста. Первая буква каждой фразы выделена прописной литерой, что позволяет читателю быстро находить нужный ему материал. Унифицирована система отсылок. Широко используются сокращения. Так, например, послание апостола Павла к Тимофею в указателе обозначено индексом «Тим». При ссылках на определенные разделы евангелия сначала указывается одно из четырех евангелий, затем порядковый номер главы и номер зачала. Так, например, индекс «Лу^к, б. за^ч, б». означает «Евангелие от Луки, глава 2-я, зачало 2-е».

Иногда составитель дает не одну, а несколько отсылок. Так, при фразе «Глас с небесе се есть сын мой возлюбленный о нем же благоволих» даны отсылки к шести зачалам Евангелия и к одному зачалу 2-го послания апостола Петра.

Мы уже отмечали, что развитый справочный аппарат имелся уже в первопечатных московских книгах — анонимных Четвероевангелиях и Апостоле 1564 г.[220] Туда он был перенесен без каких-либо изменений из рукописной традиции. «Книжка...» Тимофея Михайловича — принципиально новое событие в истории нашей словесности. Историкам документалистики следовало бы обратить внимание на этот во многом замечательный памятник и начинать с него летопись отечественной информатики.

Непосредственным продолжателем Тимофея Михайловича был А. И. Богданов, издавший в 1734 г. алфавитно-предметный указатель к 14 посланиям апостола Павла[221].

Тимофей Михайлович Аннич. О составителе книги — пионере нашей справочной литературы — мы, к сожалению, почти ничего не знаем. Бытует мнение, что был он воспитанником Острожской Академии, участником «острожского кружка»[222]. Сохранилась доверенность, которую Иван Федоров 5 марта 1578 г. дал Тимофею Михайловичу на получение у виленского мещанина Якова Максимовича 262 коп литовских грошей за проданные последнему книги[223]. В доверенности Тимофей назван слугой королевского писаря Михаила Гарабурды. Таким образом, знакомство с будущим автором «Книжки...» у Ивана Федорова было давнее, еще до переезда

его в Острог, Тимофей Михайлович был, видимо, из тех просвещенных кругов белорусской интеллигенции, которые всячески содействовали созданию в Великом княжестве Литовском, а затем и на отошедшей к полякам Волыни славянской типографии кирилловского шрифта. Вспомним, что Михаил Гарабурда привез из Москвы исправный список Библии, послуживший оригиналом для прославленного острожского издания.

Для биографии Тимофея Михайловича важна вкладная запись в Евангелии, напечатанном в 1575 г. в Вильне Петром Мстиславцем (экземпляр еще в конце прошлого века находился в Дерманском монастыре): «Аз Тимофей Аннич диак школы русской Острозской и аз Федор Наумович Гарабурда, боярин дерманский, в лето 7092 индикт 12 круг солнечный 80, а луны 5 месяцев мая 6 в среду 10 недели по пасце по старому... купивши сию книгу евангелие тетр придали есмо и на престол положили у храма пречистыя и живоначальныя троици монастиря Дерманского ради памяти своея вечно и непорушно... Римляном же тогда пишущим от по плоти рождения господня 1584 и по их мая 16 по отщепенстве же их от нас в праздниках денских и святыя пасхи 2»[224]. Колоритно объяснение датировки по новому календарю, вокруг которого тогда велись большие споры.

Тимофей Аннич, как нам кажется, может быть отождествлен с Тимофеем Михайловичем. Тогда мы получаем полное право именовать его учеником, а впоследствии и учителем острожской школы. Близость Тимофея Михайловича к семейству Гарабурда уже известна нам. Федор Гарабурда, с которым он вместе купил и положил в Дерманский монастырь Евангелие, сын того самого Наума Гарабурды, который в 1575 г. вместе с Иваном Федоровым участвовал в наездах кунинцев на Спасово.

Художественное убранство. Титульный лист сохранился в немногих экземплярах[225]. В 1964 г. он был впервые репродуцирован Н. П. Киселевым[226]. Все убранство титула — наборный орнамент с четырьмя элементами-раппортами. Лист заключен в рамку из цепочки перекрещивающихся ветвей с сучками. Этот же элемент впоследствии встречается в Острожской Библии, по подсчетам Н. П. Киселева, — 28 раз. В углах рамки — «четырехконечный крест с трехлопастными концами и белым кружком с точкой посредине» (определение Н. П. Киселева). Этот элемент, как указывал Н. П. Киселев, встречается в Острожской Библии 57 раз и в листовке «Хронология» — 4 раза.

Центральная часть титульного листа орнаментирована двумя виньетками. Одна из них — арабесковый узор, вторая — два листика, расположенных зеркально друг к другу. Листики эти в Острожской Библии повторены 31 раз.

Нет никакого сомнения, что наборный орнамент не изготовлен самим Иваном Федоровым — типограф приобрел его в одной из польских типографий. Подобные наборные элементы в ту пору были широко распространены почти во всех странах Европы.

«ХРОНОЛОГИЯ» АНДРЕЯ РЫМШИ

О продукции старых типографий мы судим преимущественно по большим и толстым фолиантам, горделиво стоящим на полках библиотек. Между тем в продукции этой, вне всякого сомнения, преобладали брошюры, листовки, выпуск которых диктовался злобой дня, коммерческой необходимостью или прихотью мецената. На таких однодневках оттачивалось мастерство типографа, которое в полном и законченном виде проявлялось в объемных изданиях.

К великому сожалению, мы очень мало знаем о текущей продукции старых типографий. Все эти брошюрки и листовки зачитывались, рвались и выбрасывались. Лишь немногие из них каким-то чудом сохранились.

Печатал листовки и Иван Федоров. Но знаем из них мы только одну — «Хронологию», составленную Андреем Рымшей и напечатанную 5 мая 1581 г. в Остроге.

Уникальный экземпляр листовки был приобретен за 17 руб., где и когда — неизвестно, А. И. Кастериным. Первое описание листовки составил И. П. Сахаров. Оно должно было войти в «Каталог собрания старопечатных книг А. И. Кастерина», который, однако, в свет не вышел [227]. О «Хронологии» библиограф пишет: «Наш экземпляр единственный и доселе не было о нем известно ни в русских, ни в иностранных библиографиях» [228].

В свет вышел каталог кастеринского собрания, составленный В. М. Ундольским. Именно здесь в 1848 г. была впервые упомянута в печати «Хронология» Андрея Рымши [229]. В дальнейшем листовку учитывали многие библиографы [230]. И. П. Каратаев в 1878 г. полностью опубликовал ее текст [231].

В том же самом году «Хронология» Андрея Рымши стала собственностью Петербургской Публичной библиотеки — вместе со всем собранием А. И. Кастерина. В 1895 г. единственная сохранившаяся листовка типографии Ивана Федорова была факсимильно воспроизведена С. Л. Пташицким [232]. Текст «Хронологии» впоследствии публиковали В. Н. Перетц и В. Ластовский [233].

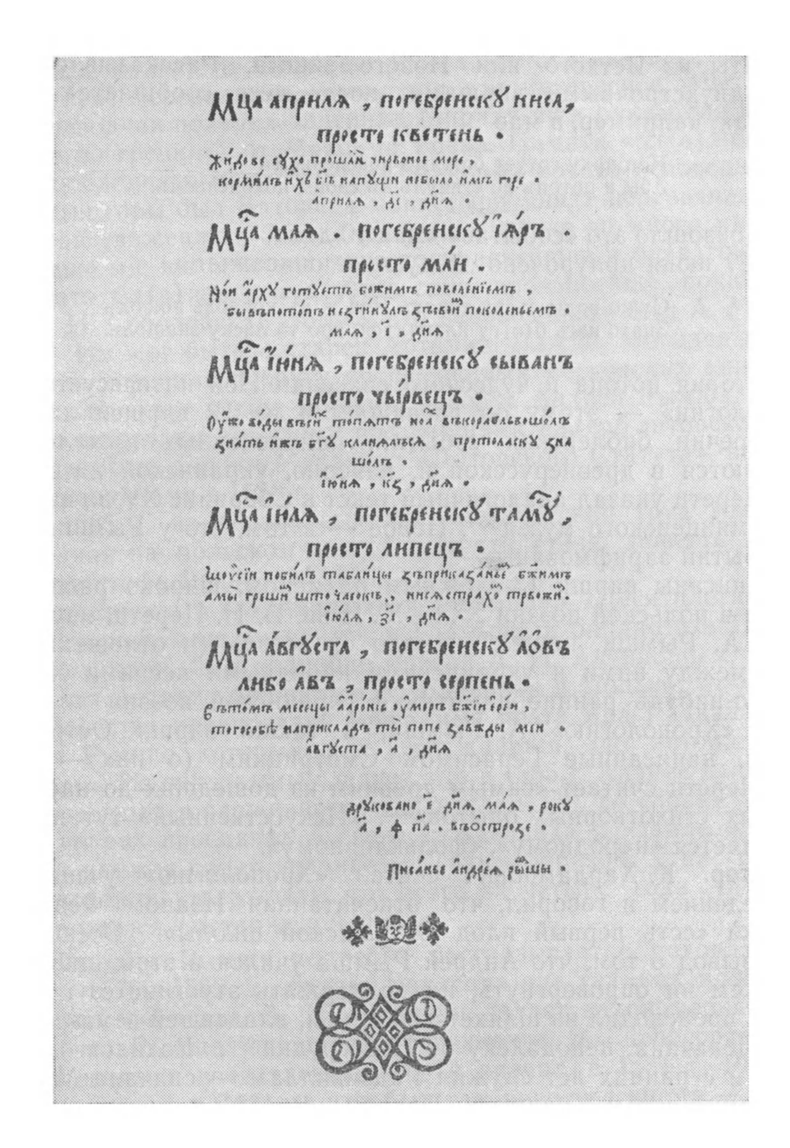
Общее описание. Ныне уникальный экземпляр «Хронологии» находится в ГПБ (1.2.3, инв. № 96). Он заключен в новый ледериновый переплет.

Листовка напечатана на бумаге с филигранью «Тупая подкова» (типа Каманин, 12). Это фрагмент герба «Ястжембец». Такая бумага часто встречается в Острожской Библии.

Оформлена листовка скромно, но со вкусом. Текст завершен наборной орнаментикой: головка с крылышками между двух четырехконечных розеток. Ниже — гравированная на дереве концовка.

И наборный орнамент и концовка ранее использовались в Псалтыри и Новом завете.

Отпечатана листовка двумя шрифтами — применявшимся

Мца априля, погебренску ниса, просто квѣтень.

Жидове сухо прошли чирвоное море, кормилъ ихъ бгъ манною небыло имъ горе.

априля, ді, дня.

Мца маа. погебренску іяръ. просто маи.

Нои архув готуеть божиимъ поведѣниемъ, было потопъ и не згинулъ з всимъ поколѣниемъ.

маа, і, дня

Мца іюня, погебренску сыванъ просто чырвецъ.

іюня, кѕ, дня.

Мца іюля, погебренску тамузъ, просто липецъ.

іюля, зі, дня.

Мца августа, погебренску аовъ либо авъ, просто серпень.

августа, а, дня

Друковано є дня маа, року а, ф па. въ Острозе.

Писанье Андрея Рымшы.

Андрей Рымша. Хронология. 1581 г. ГПБ

еще в Москве (высота 10 строк — 85 мм) и изготовленным уже в Остроге (высота 10 строк — 51 мм).

Текст. «Хронология» представляет собой перечень 12 месяцев — с сентября по август; даны их латинские, еврейские и украинские названия. Например: «м (е) с (я) ца неембриа по гебреиску марге оусам, просто груден». Вслед за названием каждого месяца упомянуто наиболее важное, по мнению автора «Хронологии», событие, происшедшее в этом месяце. «События», естествен-

но, взяты из Ветхого или Нового завета. Рассказывается же о них двухстрочными виршами, после чего сообщается точная дата. Так, например, в мае

> Нои арху готует божимъ повелениемъ
> Абы в потопъ не сгинулъ зъ своим поколеньемъ.

Произошло это «событие» «мая 10 дня».

К 27 июня приурочено следующее описание:

> Оужо воды съсих топятъ Ноа ж въ корабль вошолъ
> Знать ижъ б(о)гу кланялъся, про то ласку знашолъ.

История потопа и чудесного спасения Ноя интересует автора «Хронологии» — этому он посвящает 4 из 12 виршей листовки.

Перечни библейских событий, приуроченных к календарю, встречаются в древнерусской и, наверно, украинской литературе. В. Н. Перетц указал аналогичный текст в Сборнике XV в., из собрания Румянцевского музея[234]. Новое — в том, что у Рымши описания событий зарифмованы.

Написаны вирши 13-сложным размером, широко распространенным в польской поэзии XVI—XVII вв. В. Н. Перетц, изучавший вирши А. Рымши, нашел «немало сходства» (в отношении размера) между ними и украинскими народными песнями XVIII в. Сколько-нибудь ранние памятники украинской поэзии до нас не дошли. «Хронологию» А. Рымши, а также вирши Острожской Библии, написанные Герасимом Смотрицким (о них — ниже), В. Н. Перетц считает «самым древним из дошедших до нас искусственных стихотворных опытов»[235]. «Искусственный» тут противопоставляется «народному», «фольклорному».

Автор. К. Харлампович считал «Хронологию» ученическим произведением и говорил, что отпечатанная Иваном Федоровым листовка «есть первый плод Острожской школы». Отсюда следовал вывод о том, что Андрей Рымша учился в этой школе. Мы не можем ни опровергнуть, ни поддержать эту гипотезу. Андрей Рымша происходил из шляхетской семьи, владевшей землями в деревне Пеньчина, неподалеку от Новогрудка[236]. Родился он около 1550 г. и с ранних лет служил Радзивиллам — сначала Миколаю Красному, затем Криштофу Перуну. В 1581 г. он сопровождал Криштофа в походе под Псков. В 1582 г. мы встречаем Рымшу в Дзевенишках Ошмянского повета, а позднее — в Биржах, где он исполняет обязанности подстаросты. В 1585 г. из типографии Мамоничей выходит Сборник, которому предпосланы стихи «На герб ясне вельможного пана пана Остафея Воловича, пана Виленского и прочихъ»[237], написанные Андреем Рымшей. В Сборник вошли «Диалог, или Беседование» константинопольского патриарха Геннадия Скулариса, «Гадание христианина с сарацином» Иоанна Дамаскина и «Слово о терпении» Иоанна Златоуста. Сборник 1585 г. можно считать первым в нашей стране печатным изданием переводной литературы (если, конечно, опустить Библию и бого-

служебные книги). В Сборнике 1585 г., также впервые, помещено предисловие переводчика, очень для нас интересное. Мы узнаем, что переводчик получил оригинал («приде ми к рукам сия книжка, писаная по грецки») от Максима Грека. Памяти «бл(а)женнаго и превозлюбленнаго моего учителя Максима новаго исповедника яж от Святыя горы был Ватопеда монастыря мних» переводчик посвятил слова уважения и благодарности, «понеже он много многажды ползоваше мя, яко цветы неякие прекраснейшие и бл(а)гоюханные от памяти бл(а)женныя д(у)ша свое произносяще показовавше ми». А. И. Соболевский считал, что переводчиком был А. М. Курбский [238]. Им мог быть и старец Артемий. Важно, что идея издания Сборника возникла в кругу просвещенных московских эмигрантов и что в этот круг вошел молодой белорус Андрей Рымша.

Мы встречаем это имя и под виршами на герб литовского вице-канцлера Льва Сапеги в издании «Литовского Статута», выпущенного Мамоничами в 1588 г.

В 1585 г. из печати выходит прозаический труд Рымши — написанная на польском языке «Десятилетняя повесть военных дел» Криштофа Радзивилла[239].

Единственный сохранившийся экземпляр «Десятилетней повести», который ныне находится в Гданьске в библиотеке Польской Академии наук, был подробно описан А. И. Анушкиным [240]. Текст «Повести» недавно полностью опубликован в Польше.

«Повести» предпослана эпиграмма поэта Яна Радвана, посвященная Рымше, который, как утверждается, «до автора добрый приятель». Из эпиграммы следует, что в 1585 г. Андрей Рымша был уже известным и сложившимся писателем. Он, по словам Радвана, «небо не раз прославил в своих суждениях» и «земле прекрасно служил книжек своих изданием». Таким образом, у нас вроде бы нет оснований утверждать, что всего за четыре года пред этим Рымша учился в острожской школе.

«Повесть» Рымши подробно рассказывает о походах Радзивилла в 1579—1582 гг., причем написана она так, как может написать лишь очевидец. А. И. Анушкин делает закономерный вывод о том, что Рымша «писал свое сочинение по непосредственным наблюдениям и впечатлениям» [241]. А значит, в 1581 г. Рымша не мог находиться в Остроге или был там недолгое время — в гостях или проездом.

В 1591 г. в Апостоле, напечатанном Мамоничами, мы читаем подпись «А. Р. Литвин» под стихами на герб новгородского воеводы Федора Скумина-Тышкевича. Это, бесспорно, Андрей Рымша, который за подписью «Андрей Рымша Литвин» в 1595 г. выпустил свой перевод с латыни на польский язык книги Ансельма Поляка «Хорография, или Топография, или... описание земли святой» [242]. Сохранилось два экземпляра книги. Один из них — в Ягеллонской библиотеке, второй — в Национальном музее Кракова.

ОСТРОЖСКАЯ БИБЛИЯ 1580—1581 гг.

Во всей славянской старопечатной книжности нет, пожалуй, ни одного столь прославленного издания, как Острожская Библия. Закарпатский писатель XVII в. М. Андрелла-Оросвиговский утверждал, что «един листок» этой книги он «не дал бы за всю Прагу, Англию, немецкую веру...»[243] И Андрелла в полемическом задоре перечислил с добрый десяток стран, городов, народов. Основоположник современного славяноведения, великий чешский ученый Йозеф Добровский в конце XVIII столетия писал своему другу, словацкому библиофилу Иржи Рыбаю: «Я отдал бы половину своей библиотеки за Острожскую Библию»[244]. Мечта его не осуществилась. Уже на закате своего жизненного пути Й. Добровский писал австрийскому слависту Б. Копитару, сообщившему ему о возможности сравнительно недорого приобрести экземпляр острожского издания: «Пришлите мне эту Библию. Если я могу рассчитывать на долгую жизнь и здоровье, я еще сумею найти хорошее применение этой книге»[245].

Острожская Библия чаще всего представляет русскую и украинскую книгу за рубежом. Иван Грозный дарит ее английскому послу Джону Горсею. Экземпляры Острожской Библии можно найти в собрании кардинала Ф. Барберини в Ватикане, в шотландском университете Сент-Эндрю, в библиотеках Гамбурга, Геттингена и Штутгарта. Известен экземпляр, принадлежавший шведскому королю Густаву II Адольфу (1594—1632).

При всей популярности Острожской Библии это прославленное издание по сей день почти совершенно не изучено.

История изучения и описанные в литературе экземпляры. Тираж Острожской Библии был для своего времени поражающе велик. Это хорошо знали современники и ближайшие потомки.

Один из них, который в 1636 г. «на севере близ студеного моря акиана, земли Двинские, града Колмогорского» пополнил свой экземпляр многими текстами, писал об Острожской Библии: «напечатаны быша множество книг сих не единым заводом и привезены быша Великия Росии в царствующий град Москву... и разсеяшася во вся грады и держатся и до сих времен»[246]. О большом тираже свидетельствует и обилие описанных в литературе экземпляров. Книгу нельзя признать редкой. Это хорошо известно специалистам. Однако в литературе для широкого читателя сплошь и рядом встречаются утверждения об «уникальности» книги[247], как великая сенсация преподносятся сведения об «открытых» или «обнаруженных» экземплярах[248].

В литературе описано не менее 250 экземпляров Острожской Библии; известно и сегодняшнее местонахождение большинства из них. С большой долей вероятности можно утверждать, что тираж книги был 1000—1200 экз.

Выпуск в свет первой полной славянской Библии не мог пройти незамеченным в тогдашнем мире. Летом 1583 г. каноник из

Тарнува, секретарь Януша Острожского Криштоф Казимирский, выполняя просьбу князя Константина Константиновича, передал экземпляры Библии нунцию А. Болоньетти и польскому послу А. Поссевино[249]. Один экземпляр был послан папе Григорию XIII; 15 декабря 1583 г. книгу демонстрировали главе римско-католической церкви во время аудиенции кардинала Санта Северина[250]

Летом 1583 г. экземпляр Острожской Библии находился в другом конце Европы — в Дрездене в доме известного востоковеда Элиаса Хуттера — первого владельца Азбуки 1578 г. Хуттер познакомил с книгой словенских просветителей Адама Богорича и Юрия Далматина, которые в ту пору путешествовали по немецким городам — искали печатника для воспроизведения словенской Библии (книгу напечатал в 1584 г. Иоганн Крафт старший в Виттенберге). В своем письме Хуттеру от 31 июля 1583 г. Богорич упоминает русскую Библию, которую в свое время показывал ему ученый[251].

Острожская Библия очень рано появилась на полках крупнейших европейских книгохранилищ. Уже в 1620 г. на страницах печатного каталога Бодлеянской библиотеки в Оксфорде была зарегистрирована «Московская библия»[252]. Каталог той же библиотеки, изданный в 1674 г., уточняет, что это издание 1581 г.[253]. Запись в каталоге 1620 г. — первое печатное упоминание об Острожской Библии.

В 1626 г. экземпляр первой славянской Библии был завещан колледжу «Пемброук» в Кембридже епископом Винчестерским Ланселотом Андрюсом[254].

Уже в 1663 г. Острожская Библия имелась в библиотеке и другого кембриджского колледжа — «Тринити»[255].

Знаменитое издание Ивана Федорова было известно и во Франции, где хранилось в Парижской королевской библиотеке. В начале XVIII в. этот экземпляр был описан историком и библиографом Жаком Лелонгом (1665—1721)[256], который опубликовал в переводе на латынь выдержки из послесловия Ивана Федорова.

Острожскую Библию хорошо знали в Московской Руси. Часть тиража, по-видимому, вскоре после выхода книги была отослана князем Острожским царю Ивану Васильевичу Грозному. Один из экземпляров царь подарил английскому послу Дж. Горсею — экземпляр по сей день хранится в библиотеке Британского музея.

Острожская Библия часто упоминается в рукописных описях монастырских библиотек XVI—XVII вв. По описи библиотеки Антониева-Сийского монастыря 1597 г. числятся «Книга Библия, печатная, в десть, волочена кожею черною», «Книга Библия, печать литовская, в десть»[257]. Это, несомненно, острожское издание, ибо других славянских печатных библий, напечатанных «в десть» (в лист), в конце XVI в. еще не было. Опись того же монастыря, составленная в 1692 г., конкретизирует: «Книга Библия острожской печати, в десть». Второй экземпляр упомянут в перечне «книг отсталых от старца Иосифа казанца».

Бытовала Острожская Библия и в частных руках. Была она, например, в 70-х гг. XVII в. в библиотеке воеводы Ивана Мещеринова, состав которой недавно восстановлен С. П. Лупповым[258].

Не удивительно, что острожский текст был положен в основу второго по счету издания полной славянской Библии, выпущенного в Москве в 1663 г. В предисловии книги как одна из причин нового издания указано, что со временем Острожская Библия уже стала редкой: «вмале же и едва где уже печатным Острозским обрестися, им же от многа времени оскудети». Однако текстологическая работа, проведенная в свое время в Остроге, по-прежнему считалась образцовой. Внимая советам «преосвященных митрополитов, и архиепископов, и епископов, и всего освященного собора», царь Алексей Михайлович решил печатать Библию «с готоваго перевода князя Константина Острозскаго... неизменно, кроме орфографии и неких вмале имен и речений нужднейших, явственных погрешений»[259].

Воздали должное труду острожских текстологов и издатели третьего по счету издания славянской Библии, выпущенного в Москве в 1756 г. По их мнению, высказанному в обширном предисловии к книге, Библия 1663 г. «едва не до слова с Острожской перепечатана»[260]. В издании 1756 г. мы найдем и обширные выдержки из предисловия князя Острожского к Библии 1581 г.

Первую полную славянскую Библию, напечатанную русским и украинским первотипографом, хорошо знали народы славянских стран. По сей день эта прославленная книга достаточно часто встречается в библиотеках Болгарии, Польши, Югославии...

Еще в 1640 г. католический епископ Петр Богдан поведал о распространении Острожской Библии в Болгарии — он видел один экземпляр книги у православного монаха, а второй купил для себя у человека, пришедшего из России[261]. В 1647 г. Милешко Николин подарил Острожскую Библию церкви св. Николы в Софии; позже этот экземпляр находился в софийской церкви св. Параскевы[262]. Русские археографы, посещавшие в XIX в. южнославянские и греческие монастыри, неизменно упоминают о находившихся в их библиотеках экземплярах Библии 1580—1581 гг. Три таких экземпляра видел в 1847 г. в Рыльском монастыре В. И. Григорович[263], два экземпляра обнаружил в 70-х гг. прошлого века в Хиландарском монастыре Л. А. Кавелин[264]. «Стоит пересмотреть церковное собрание книг почти всякой сербской или болгарской церкви, — писал в 1914 г. М. Н. Сперанский, — и там, где собрание не было расхищено или увезено в какую-либо библиотеку... часто найдем редкий у нас экземпляр Библии, печатанной в 1580 и 1581 годах в Остроге Иваном Федоровым»[265]. Сам Сперанский еще в 1892 г. нашел «в Пожаревце, в Помазе, селах Будимской епархии (около Пешта)... отличный экземпляр Библии 1580 г. у попа Георгия Голуба вместе с замечательной Псалтырью московской XVII в.»

В 1905 г. проф. Л. Милетич обнаружил Острожскую Библию в церкви села Брестовица Пловдивского округа[266].

Ныне в Болгарии, как установил П. Атанасов, находится по крайней мере 7 экземпляров Острожской Библии [267].

Часто встречается книга и в западнославянских странах. В Польше на рубеже XIX и XX столетий находилось не менее 16 экземпляров Острожской Библии [268]. Есть книга в Западной Европе и в Америке. В Великобритании выявлено 10 экз.[269].

И все же большая часть тиража осела в книгохранилищах России, Украины и Белоруссии. Мы не можем учесть все упоминания об отдельных экземплярах Острожской Библии, как это сделано для других изданий Ивана Федорова, не можем и описать все сохранившиеся экземпляры — их слишком много.

Список собраний, в которых в XIX—XX вв. хранились экземпляры Острожской Библии, занял бы несколько страниц. Все же перечислим некоторые из них: Петербургская Публичная библиотека, Российская академия, Московский Публичный и Румянцевский музей, Общество истории и древностей российских, Исторический музей в Москве, библиотеки Московского, Петербургского, Гельсингфорсского, Киевского университетов, Московская епархиальная библиотека, библиотека Синода, библиотеки Московской, Петербургской, Киевской духовных академий, Волынской, Литовской духовных семинарий, Московский главный архив Министерства иностранных дел, Московская Синодальная типография, Волынское епархальное древлехранилище, библиотека Генерального штаба [270].

Достаточно часто можно было встретить Острожскую Библию и в монастырских книжных собраниях. Среди монастырей, владевших этим сокровищем старой печати, назовем Киево-Печерскую и Троице-Сергиеву лавру, монастыри Выдубицкий, Соловецкий, Суздальский Спасо-Евфимиев, Краснобродский, Крупицкий, Почаевский, Пустынно-Никольский, Ярославский Спасо-Преображенский, Харьковский Покровский [271].

Издавна пытались заполучить Острожскую Библию библиофилы-любители старопечатной книги. Это издание Ивана Федорова имелось в собраниях В. И. Актовой, Н. Н. Бирукова, Н. С. Всеволожского, Е. Е. Егорова, И. П. Каратаева, А. И. Кастерина, Д. Ф. Кобеко, А. К. Кочуева, А. А. Котельникова, Н. С. Маклакова, А. С. Норова, М. А. Оболенского, А. И. Озерского, В. А. Пивоварова, М. П. Погодина, Г. М. Прянишникова, А. Ф. Соколовского, А. И. Тихоцкого, Ф. А. Толстого, Е. В. Трехлетова, В. М. Ундольского, В. А. Харитоненко, А. И. Хлудова, И. Н. Царского, А. Д. Черткова, Ф. В. Чижова, А. С. Ширяева, А. Ш. Шихматова, П. В. Щапова, И. Т. Яковлева и некоторых других владельцев частных библиотек [272].

Прославленное издание Ивана Федорова есть во многих наших государственных библиотеках. По приблизительным подсчетам число сохранившихся экземпляров Острожской Библии приближается к 250. В свое время А. С. Зернова изучила варианты набора в 29 экз. ЛБ [273]. В ГПБ в настоящее время 13 экз. [274], в ГИМ —

10 экз.[275], в БАН УССР — 16 экз.[276], в ЛГНБ — 14 экз.[277], в БАН — 6 экз.[278]. По одному или несколько экземпляров книги имеют Музей им. Андрея Рублева, ГПИБ, ЦГАДА, Государственный Эрмитаж, ГИМ во Львове, научные библиотеки Московского, Ленинградского, Киевского, Львовского, Саратовского, Вильнюсского, Симферопольского, Тартуского, Харьковского университетов, Музей истории религии и атеизма в Ленинграде, Одесская ГНБ им. М. Горького, Закарпатский краеведческий музей, Ивановский областной краеведческий музей, Хабаровская научная библиотека, Государственный краеведческий музей Татарской АССР, Узбекская публичная библиотека, Харьковская ГНБ им. В. Г Короленко и ряд других книгохранилищ и архивохранилищ[279]. Есть книга в частных собраниях А. И. Маркушевича, П Д. Корина, М. И. Чуванова, С. Н. Быстрова и некоторых других библиофилов.

Об Острожской Библии писали много, как у нас, так и за рубежом, однако главным образом в богословском аспекте. Знаменитым изданием интересовался член Петербургской Академии наук Иоганн Коль еще в первой четверти XVIII в.[280]. В XIX—XX вв. появились работы С. М. Сольского, И. Е. Евсеева, польского богослова Яна Коровицкого, в которых по-прежнему сильно теологическое начало[281]. Текстологическое, искусствоведческое, лингвистическое, филологическое изучение Острожской Библии по сей день сколько-нибудь серьезно не проводилось. Можно назвать лишь небольшую статью И. Франко, статью П. Клименко о шрифте Острожской Библии, а также небольшой раздел в недавней книге А. П. Запаско[282]. Необходимо упомянуть книговедческие разыскания С. Л. Пташицкого и особенно А. С. Зерновой, которая подробно изучила варианты набора и впервые убедительно доказала, что двух отдельных изданий Острожской Библии (1580 и 1581 гг.) на самом деле не существовало[283]. Назовем, наконец, немногие юбилейные и популярные статьи[284].

Острожская Библия сыграла исключительно большую роль в истории культуры восточнославянских народов. В свое время она явилась для Запада своеобразным свидетельством идеологической и нравственной зрелости русских, украинцев, белорусов. Перевод Библии на национальный язык и издание ее на этом языке говорили о росте национального самосознания, укреплении позиций родного языка в его извечной борьбе с латинизмом католической экспансии. Острожская Библия — важная веха в борьбе восточнославянских народов с окатоличиванием и ополячиванием.

Для тщательного изучения Острожской Библии необходимо предварительное издание текста знаменитой книги — лучше всего факсимильное, во всем подобное тем, которые недавно выпустили румынские исследователи[285].

Острожскую Библию пытались репродуцировать лишь однажды: в 1914 г. ее выпустила Московская старообрядческая книгопечатня[286]. Это «роскошное» издание, далекое от научности. Превосходные иллюстрации воспроизводят (частично — в цвете)

миниатюры лицевого летописного свода. Но порядок послесловий перепутан, пропущены некоторые тексты, модернизировано правописание.

Вкладные и владельческие записи. Публикация всех известных нам записей на сохранившихся экземплярах Острожской Библии заняла бы чересчур много места. Мы приведем только древнейшие записи XVI в., а из более поздних — лишь наиболее интересные.

Одна из старейших записей относится к 1592 г.: «Книга Библия печатная Кирилова монастыря лета 7100 (1592 г.)»[287]. Это, вне сомнения, Кирилловo-Белозерский монастырь.

Два года спустя, в 1594 г., «Василей сын Иванов Зеньковича» оставил пометы в экземпляре, который в XVIII в. принадлежал Жировицкому монастырю, а в дальнейшем попал в Киевский университет[288].

Интересна запись в Острожской Библии, которая в начале нашего века находилась в усыпальнице Стремоухова в селе Лебяжьем Змиевского уезда. Экземпляр купил за 30 злотых молдаванин Думитр в годы правления молдавского господаря Петра, поддерживавшего оживленные сношения с львовским Успенским братством и жертвовавшего немалые суммы на постройку Успенской церкви[289].

Одна из старейших записей — в превосходно сохранившемся экземпляре, заключенном в роскошный переплет из красного аксамита с серебряными наугольниками; экземпляр находится в Историческом музее Львова. Книгу эту священник львовской Успенской церкви Василий Боярский в конце XVI в. унаследовал от отца, также Василия[290]. Боярский подарил книгу Успенской церкви: «Сию книгу рекомую Библию словенскую часы вечными отдаю, дарую храму Оуспения пр(е)святой владычицы нашей Богородицы присно девы Марии, во граде Лвове в самом муре, за отпущение грехов своих и во память преставльшихся и ту положеных сынов моих Петра, Феофана, Василия, Стефана, Григория, Василия возлюбленного сына моего. Которую то книгу непорушено часы вечными месцу тому святому отдаю. А кто бы смел порушити еи от месца святого того, или переносити, нехай на него приидет клятва святых богоносных отец 300, 8, 18, иже в Никеи. И я теж суд буду мети з ним пред страшным и нелицемерным судиею. Деялося во Лвове року г(оспо)дня 1626 дня 9 м(еся)ца септеврия»[291].

В каталоге библиотеки Успенской церкви, составленном в 1619 г. и насчитывающем 200 книг на славянском, греческом, латинском, польском и чешском языках[292], записана «Библия Острозского друку в червоном аксамите, осмами нарожницами, двома клавзулами срибными украшена, тую дал за спасение свое отец Василий Боярский, настоятел нашой церкви, при погребе сына».

В пределах Московского государства издавна находился экземпляр, который ныне хранится в Музее истории религии и

атеизма в Ленинграде. Старейшая запись была сделана в 1618 г.: «126 (1618 г.) августа в 19 день продал сию книгу Библию Терентейко Петров сын Помазаницын подъячему Петру Самсонову сыну. Подписал я Терентейко своею рукою»[293]. Во второй половине века книга принадлежала семье Шпилькиных, оставившей на ее страницах следующие записи: «Сия книга Библия дьяка Василия Григорьева сына Шпилькина благословил ею при жизни своей сына своего Михайла Шпилькина лета 7176 (1668 г.) августа 17 день»; «Сего маия в 8 числа сию книгу Библию продал Барашковой слободы Петр Васильев сын Милютин зачисто иноземскому сыну Федора Матфееву... А та книга дяди моево родного бывшаго дьяка Василия Шпилькина да сына ево Михайла».

Интересен экземпляр, который в начале XVII в. попал на север Московского государства — в Холмогоры[294]. Неизвестный нам по имени книжник[295] дополнил Библию многочисленными миниатюрами и рукописными вставками. Печатный текст он предварил рассказом «О преведении книги сия глаголемая Библия». Любопытны сведения о тираже Библии и о распространении ее в пределах Московского государства. Евангелию предпослана рукописная копия алфавитно-предметного указателя, составленного Тимофеем Михайловичем. К слову, нам известен и другой экземпляр Острожской Библии с рукописной копией «Книжки собрание вещей нужнейших»[296]. В кратком предисловии к указателю отмечено, что список изготовлен «великаго российского государства в прилежащей части на севере близ студенаго моря акиана, земли Двинские, града Холмогорского... в лето 7144 (1636) генваря».

Экземпляр с интересной судьбой хранится в Закарпатском государственном краеведческом музее. Во второй половине XVII в. книгой владел Михаил Андрелла-Оросвиговский, униатский священник, который в 1669 г. перешел в православие и стал убежденным противником католицизма и униатства[297]. Его сажали в тюрьму, преследовали, но он ни на шаг не отступил от своих убеждений и, переходя из одного села в другое, страстно обличал «волков римских».

Всюду в этих странствиях его сопровождала Острожская Библия. «Един листок» этой книги, утверждал Андрелла, он «не дал бы за всю Прагу, Англию, немецкую веру, и за Литву, Прусы, Гелвецы, Поляци, Мураву, Тоты, Чехи, Сведы, Фландры, Ливоны, Бургунды, Европы и Индианы с прочими поганами»[298].

На экземпляр Андреллы, который в 20-х гг. нашего столетия стал собственностью товарищества «Просвита» в Ужгороде, впервые обратил внимание И. Панькевич[299]. В последние годы его изучил В. Л. Микитась, полностью опубликовавший в 1964 г. сделанные на его полях записи[300]. Андрелла доверял любимой книге свои раздумья. «Благочестивыи не может ся именовати унеят... — писал он, — унеатове суть сынове диаволу». Сохранились на полях книги и заметки о его трудной жизни: «Оставих не по воли парахию, жену и чада плотския моя у Лучках, при граде Мука-

чове, вторицею избегох от римлян да не будет унеатами душею и телом... бегаю, утекаю раз и другии бывши раз, раз умерти и стати на суд».

В последние годы жизни Андрелла передал книгу одному из своих последователей — Симеону Бедевлянскому. В 1712 г. Острожская Библия стала собственностью Степана Терлуского, а в 1726 г. — Феофилакта Кинтуса, после смерти которого в 1765 г. книгу купил другой последователь Андреллы — Гаврила Бандоляк.

Бандоляк собрал библиотеку, в которой было 27 книг; их список находим на обороте л. 462 Библии. В записи на другом листе Бандоляк завещал своим сыновьям Ивану, Петру и Матвею беречь книгу и особенно рукописные пометы в ней: «Читаючи книгу сию, внимайте опасно, где найдете в ней рукопис, где кол век не единому священику в руках была, як ся прежде нас духовным хранили от римских волков» [301].

На полях экземпляра Библии 1581 г., принадлежавшей в свое время Волынскому епархиальному древлехранилищу, сохранилось много приписок и помет неизвестного украинского вольнодумца XVII в. [302]. Пометы дерзки и откровенны. Например, к проклятию библейского пророка Иосии «даждь им утробу неплодящуся и съсци сухи», сделана приписка: «и дал церкви руской неплодной быти, то ест не толко же бы еще из иньих народила, але и своих поморила чем усхлье бо перси мает, не мает чим кормити и своих, то ест науки у попех правдивой...» Вольнодумец наш был книголюбом и к словам в конце Экклезиаста «сыне мой, храни книги многи» сделал приписку о том, что слова эти «треба... всегда на памяти мети».

Приведем сведения о стоимости Острожской Библии на протяжении неполных четырех столетий с момента выхода ее в свет. В конце XVI — начале XVII в. в Речи Посполитой книгу продавали за 30—35 злотых [303]. В описи имущества виленского бургомистра Степана Лебедича, составленной в 1649 г., она оценена в 10 злотых [304]. В 1635 г. на территории Польши Острожская Библия была куплена за 55 злотых, в 1722 г. — за 30 злотых, а в 1754 г. — 60 злотых [305]. В 1639 г. Библия была продана в Енисейском остроге за 20 руб. [306]. В 1681 г. цена упала до 4 руб., видимо, как следствие выпуска в свет московской Библии 1663 г. [307]. Цены на Острожскую Библию резко возросли в начале XIX в., когда начали комплектоваться первые библиофильские собрания старопечатных книг. В 1819 и в 1822 г. экземпляры книги были куплены за 200 руб., в середине столетия цена возросла до 250 руб. [308]. Книгу продавали также за 50—65 руб. серебром [309]. И. П. Каратаев в 1878 г. оценивал экземпляр с выходом 1580 г. в 100—150 руб., а с выходом 1581 г. — в 75 руб. [310]. В 1910 г. книга стоила 150 руб. В 30-х гг. XX в. Острожская Библия продавалась в букинистических магазинах за 300 руб., в 1946 г. — за 750 руб. [311] В настоящее время ее стоимость — около 300 руб. Любопытны

цены на Острожскую Библию на международном книжном рынке: 400 талеров (Берлин, 1869 г.), 500 австрийских крон (1911 г.), 60 долларов (1930 г.), 150 долларов (1931 г.) [312].

Общее описание. Острожская Библия многократно описана библиографами [313]. Книга отпечатана «в лист» (тетради составлены из сфальцованных пополам листов). Первые 8 листов книги пагинации не имеют. На всех остальных она проставлена вверху справа. В отдельных разделах книги своя нумерация; таким образом, последовательной пагинации — от первого и до последнего листа — в книге нет. В нумерации первого счета (ненумерованные листы) — 8 листов, второго счета — 276, третьего — 180, четвертого — 30, пятого — 56, шестого — 78. Всего листов — 628 (1256 страниц).

В Новом завете и Псалтыри 1580 г. кроме пагинации была проставлена и сигнатура. В Библии сигнатуры нет.

Набор в две колонки — в каждой до 50 строк. Высота полосы набора — 25 см, ширина — 14 см [314].

В отличие от всех других крупноформатных изданий Ивана Федорова, Библия составлена не из 8-листных, но из 6-листных тетрадей. Общее количество тетрадей — 104. Лишь в двух из них (1-й и 91-й) по 8 листов, во всех остальных — по 6.

Формула листового состава книги выглядит следующим образом $[1]^8[2]^6$ — $[90]^6[91]^8[92]^6$ — $[104]^6$ = 8 ннм. л., 1—276, 1—180, 1—30, 1—56, 1—78 = 628 л. [315].

В книге шесть различных шрифтов. Московским шрифтом Ивана Федорова напечатан титульный лист. Острожским шрифтом (высота 10 строк — 51 мм) — основной текст книги. Более мелким острожским шрифтом (высота 10 строк — 40 мм), который мы уже встречали в Новом завете 1580 г., в Библии напечатаны примечания. Кроме того, в книге использованы крупный кирилловский шрифт (высота 10 строк — 135 мм) и два греческих (высота 10 строк — 40 и 51 мм), которыми напечатаны греческие тексты предисловия и послесловия.

Источники и состав. Иезуит Антонио Поссевино в одном из своих писем кардиналу Птоломео Галли утверждал, что Острожская Библия — «дочь» славянской Библии, привезенной из Ватикана архиепископом Дионисием Палеологом [316]. Версия широко распространена, особенно в польской литературе [317]. Много гадали о том, какую именно Библию привез Дионисий. Одни видели в ней перевод, исполненный чуть ли не самим славянским первоучителем Мефодием. Другие утверждали, что Дионисий привез печатную славянскую Библию, хотя такой в ту пору не существовало (если не считать незаконченного перевода Франциска Скорины) [318].

Между тем, в самом предисловии Острожской Библии даны сведения об основном источнике издания. В предисловии этом, написанном от имени князя Острожского, говорится, что поиски оригинала для печатания Библии «в всех странах роду нашего,

Библїа сирѣч книгъ
ветхаго и новаго завѣ-
та, по языку словенску.
Ѿ еврейска, въ еллинскiи языкъ,
седми десятъ и двѣма, богому-
дрыми преводникы. прежде воплощe-
нiя Габа и спса нашего Іс Ха, т и
лѣта, на желаемое повелѣнiе Птоло-
меа Филадельфа цря египетска.
преведенаго з вод сътщанiемъ,
и прилѣжанiемъ елико мощно,
помощiю бжiею послѣдовася, и и-
справися. въ лѣто, по воплощенiи
Га Бга и спса нашего Іс Ха.

҂аф па.

Острожская Библия 1580—1581 гг. Титульный лист

языка словенскаго» успеха не принесли — «ниже едина обретеся съвръшена». И далее: «Токмо от благочестива и в православии изрядно сиятелна государя и великаго князя Иоанна Васильевича, Московскаго и прочая, ...с прилежным молением испрошенную сподобихомся приати съвръшеную Библию». Библия была привезена из Москвы «богоизбранным мужем Михаилом Гарабурдою, писарем Великаго князства Литовского». В книге, привезенной Гарабурдой, современные исследователи единодушно видят список прославленной Геннадиевской Библии 1499 г.[319]. Близость, а иногда и тождественность состава, редакции, даже орфографии перевода, сделанного по инициативе новгородского архиепископа Геннадия, и Острожской Библии установлена исследованиями А. В. Горского и К. И. Невоструева[320].

Это не означает, что список, присланный из Москвы, был единственным источником для острожских редакторов и издателей. Источников было несколько. В Остроге собрали различные списки и издания Библии. Привозили их посланцы, разосланные князем во все стороны света. Посланцы эти, как сообщается в предисловии книги, «много стран далеких вселенныя проходя, яко Римския пределы, тако и Кандийския островы, паче же много монастырей грецких, сербьских и болгарских, даже и до самого апостолом наместника... пречестнаго Иеремия, архиепископа Константинаграда».

Поездка Дионисия Палеолога в Рим, о которой говорится в письмах Поссевино, Болоньетти и других агентов римского папы, действительно состоялась. Дионисий привез в Острог славянский список Библии, однако этот список, вместе с многими другими списками и печатными изданиями, послужил лишь для уточнения основной редакции, базирующейся на Геннадиевской Библии.

Знали острожские издатели и пражскую Библию Скорины. Но нам кажется неоправданным утверждение У. В. Ониченко о том, что «Плач Иеремии» и «Книга Юдифь» в переводе Скорины полностью включены в Острожскую Библию[321].

Неоднократно указывалось, что в руках острожских текстологов были и чешские издания Библии. Они использованы, например, при редактировании текста третьей книги Маккавеев. Библии на чешском языке бытовали в белорусской и украинской среде. Экземпляр Библии в издании Лингарта Михталера 1540 г., когда-то принадлежавший Радзивиллам, а ныне находящийся в библиотеке Папского Восточного института в Риме, примечателен тем, что на его полях киноварью сделаны пометы кирилловским письмом, указывающие индексы зачал[322].

Окончательно выяснить происхождение и редакцию отдельных разделов Острожской Библии можно лишь после тщательного текстологического исследования этого замечательного памятника восточнославянской культуры. Пока же мы можем повторить, что в основу текста положен список Геннадиевской Библии, выправ-

ленный и дополненный по различным спискам и изданиям славянского, латинского и греческого происхождения.

Очень коротко — о составе острожского издания.

На обороте титула — герб князя Острожского и вирши на этот герб, составленные Герасимом Даниловичем Смотрицким. В новое время вирши эти изучали и перепечатывали С. Т. Голубев и В. Н. Перетц[323]. Вирши продолжали своеобразную традицию стихотворного истолкования непосредственно на страницах книги гербов меценатов, финансировавших издание.

Книга открывается большим предисловием, написанным от имени князя Острожского. Предисловие напечатано на двух языках — славянском и греческом. Прежде всего князь возносит благодарственную молитву богу, «благоволением и щедротами» которого он «сподобился видети свершение» задуманного им дела. О деле этом — выпуске в свет полной славянской Библии — князь «с любовию» извещает своих соплеменников, рассказывает об этом «братии возлюбленной не токмо еже по плоти, но и по духу». Указывается место печатания — «в богоспасаемом и домоначальном граде моем Острозе, в земли Волынской», а также время выхода книги в свет — «в лето от создания мира 7089, от воплощения же от духа свята и Мария девы вочеловечения Христа спаса нашего 1581 месяца августа 12 дня».

Далее — рассказ о причинах, побудивших князя взяться за издание Библии, рассказ многословный, с обильными ссылками на Псалтырь и Евангелие. Источники цитат указаны на полях книги. Предисловие знакомит читателя и с историей издания.

Второе предисловие и вирши к нему сочинены Г. Д. Смотрицким. Это «предсловная сказания» в новое время в извлечениях публиковалось Ф. И. Буслаевым и полностью — С. А. Щегловой[324].

Вслед за виршами напечатано оглавление — «Последует сице рядовый чин его же съдръжить книга Библия ветхаго и новаго завета». Всего перечислено 76 библейских книг. Порядковые номера их вынесены на внешнее поле столбца: в левом столбце — слева, а в правом — справа. Указывается количество глав в каждой книге, а для Нового завета — и количество зачал. Аналогичные разделы с тем же самым названием можно встретить в рукописных московских списках 1558 г. и второй половины XVI в. (ГИМ, Син. 21 и Син. 30), однако острожские издатели опустили еврейские названия библейских книг, приведенные в этих списках.

Текст Ветхого завета открывается Пятикнижием Моисеевым (л. 1—97 2-го счета), переведенным на славянский язык в глубокой древности. А. Горский и К. Невоструев показали, что Пятикнижие печаталось в Остроге по одному из списков Геннадиевской Библии — в издании те же пропуски и те же ошибки, что и в списках Синодальной библиотеки[325].

Тексты и остальных библейских книг в острожском издании

следуют в основном Геннадиевской Библии. Редакторы книги внесли немало исправлений в присланный из Москвы список, корректируя его по латинским и греческим изданиям, восходящим к так называемому Ватиканскому списку. Весьма характерные примеры исправлений «Книги Иисуса Навина», «Книги судей» и «Книги Руфь» приведены А. Горским и К. Невоструевым[326].

Печатая четыре «Книги царств», острожские издатели восполнили ряд пропусков, имевшихся в московских списках. Некоторым библейским книгам (например, «Книгам Паралипоменон») в рукописных списках обычно предшествовали различные «прологи» и «предисловия» блаженного Иеронима. Их можно встретить и во многих латинских изданиях Библии. Острожские редакторы сочли возможным опустить эти тексты. В конце «Книг Паралипоменон» в издании 1580—1581 гг. помещена молитва Манассии, которую Иван Федоров печатал в Часовнике 1565 г. и в Азбуках 1574 и 1578 г.

Завершают Острожскую Библию традиционные справочные разделы во главе с «Соборником», а также послесловие Ивана Федорова, известное в двух редакциях.

Варианты набора. О различных вариантах Острожской Библии писал еще со слов Б. Копитара Й. Добровский. Он утверждал, что л. 276 книги «был перепечатан, ибо Иов, гл. XLI в последней строке экземпляра Императорской библиотеки читается «срдца» без последующего слога «мо», коим в экземпляре шотландских бенедиктинцев заключается строка»[327]. В 1903 г. С. Л. Пташицкий описал значительные варианты набора л. 1 и 6 об. 2-го счета Острожской Библии, найденные им в экземпляре БАН, 7.4.1, отличающемся от всех остальных известных ему экземпляров[328]. Более или менее подробно различные варианты набора Острожской Библии были изучены уже в наши дни А. С. Зерновой[329]. Всего таких вариантов ею было обнаружено 29, включая варианты, найденные Б. Копитаром и С. Пташицким. Она систематизировала и опубликовала все встречающиеся в тексте книги разночтения, а также указала, в каком из рассмотренных ею экземпляров ЛБ они были зарегистрированы.

«Виленские листы». В 1849 г. в своем «Обозрении славяно-русской библиографии», описывая Острожскую Библию, И. П. Сахаров упомянул, что в известном ему экземпляре из собрания И. Н. Царского л. 133—145 и 163—180 напечатаны «совершенно другими буквами, не острожской типографии, а более виленской, Мамонича»[330].

В. М. Ундольский приобрел для своей библиотеки фрагмент из Библии — книги пророка Иезекииля (с 18-й главы), пророка Даниила и 12 малых пророков. Фрагмент был дословной копией тех же страниц Острожской Библии, но напечатан более мелким шрифтом. В. М. Ундольский предположил, что он владеет фрагментом никому не известной виленской Библии, напечатанной при-

мерно в то же время, что и Острожская[331]. Фрагмент впоследствии попал в Румянцевский музей[332].

Версия В. М. Ундольского о виленской Библии не подтвердилась. Отвергал ее еще И. П. Каратаев, по мнению которого фрагмент Ундольского и листы из экземпляра Царского были напечатаны в острожской типографии, где имелись «два мелких шрифта»[333].

Летом 1902 г. С. Л. Пташицкий обнаружил в Варшавском университете Острожскую Библию с л. 133—180, отпечатанными тем же шрифтом, что и в фрагменте Ундольского и в экземпляре Царского[334]. Имелись и отличия — другая концовка на л. 180. По мнению Пташицкого, листы эти, впоследствии названные «виленскими», были напечатаны уже после смерти Ивана Федорова, чтобы восполнить пробелы в некомплектных экземплярах.

С этим выводом полностью согласилась А. С. Зернова, которая провела обмеры шрифта «виленских листов» и описала его характерные особенности[335]. Исследовательнице были известны три экземпляра листов: в ГИМ (экземпляр И. Н. Царского), в библиотеке Варшавского университета и в ЛБ (фрагмент В. М. Ундольского). Новых экземпляров она не вводила. Между тем еще в 1928 г. Ю. Кузнецова указала, что два экземпляра Острожской Библии с «виленскими листами» находились в библиотеке Саратовского университета[336]. Одна из этих книг впоследствии попала в Научную библиотеку Львовского университета (Льв. ГУ, III.14224). Местонахождение второй нам неизвестно.

Можно, таким образом, говорить о пяти описанных в печати экземплярах «виленских листов».

Сколько было изданий Острожской Библии? На титульном листе Острожской Библии указана дата выхода книги в свет — 1581 г. Та же дата — в предисловии князя Острожского. Третий раз она повторена в выходных сведениях на последнем листе книги: «Сущиа же богоприатныя и д(у)шеправительныа книги, ветхаго и новаго завета, напечаташас(ь) мною многогрешным Іоанном Феодоровым сыном з Москвы, в б(о)гохранимом граде Острозе в лето от созданиа мира 7089 от воплощения ж г(оспод)а б(ог)а и сп(а)са нашего Іс(уса) Х(рист)а 1581 м(е)с(я)ца августа 12 дня».

Однако еще в 1825 г. П. И. Кеппен описал экземпляр с датой выхода 1580 г.[337]. Позднее стали известны и другие аналогичные экземпляры. На титульном листе их и в предисловии князя Острожского указывался 1581 г., а выходные сведения были иные: «Изволением отца и сътоспешением с(ы)на, и съвершением с(вя)т(о)го д(у)ха повелением бл(а)гочестиваго кн(я)зя Василиа Конъстентиновича Острозъскаго, воеводы Киевскаго, маршалка земли Волынския, старосты Владимирьскаго и прочая, напечатана бысть сия книга гл(агол)емая Библия, еже ес(ть) Ветхии и новыи завет в б(о)госп(а)саемом граде его отчизном Острозе многогрешным и недостоиным рабом Иваном Феодоровым сыном

Москвитином в лето от создания миру 7088 а от воплощения г(оспод)а б(ог)а и сп(а)са нашего Іс(уса) Х(рист)а 1580 м(е)с(я)ца июля 12 д(е)нь».

С. Пиотровский в 20-х гг. XIX в. полагал, что было два издания Острожской Библии, причем первое из них, неоконченное, печаталось еще до того, как Михаил Гарабурда привез из Москвы исправный список[338]. И. П. Каратаев в 1878 г. спрашивал: «Не известно было ли два издания этой Библии, или только один выходной лист перепечатан к одному и тому же изданию?»[339]. Он же отметил «некоторую разницу» между экземплярами с выходными листами 1580 и 1581 гг. — в экземплярах 1581 г. «не употреблено несколько мелких украшений, а также в начале второго послесловия некоторые слова напечатаны другим шрифтом». Главное же отличие — экземпляры с датой 1581 имеют послесловие Ивана Федорова на славянском и греческом языках.

Впоследствии, когда были обнаружены варианты набора Острожской Библии, уже известные читателю, стали говорить о двух изданиях этой книги[340]. Заслуга А. С. Зерновой в том, что она, тщательно изучив 34 экземпляра Библии, установила: комбинация вариантов «совершенно случайна» и «лист с исправлением или без исправления может одинаково попасть как в экземпляр с выходными сведениями 1580, так и 1581 г.»[341]. Это позволило исследовательнице сделать закономерный вывод: «Изданий Острожской Библии было одно, а не два»[342].

Аналогичный вывод был в 1938 г. сделан Дж. Барникотом, который нашел и описал экземпляры Острожской Библии с двумя выходными листами — как 1580 г., так и 1581 г.[343] Ему было известно два таких экземпляра: один — из Британского музея, второй — из Бодлеянской библиотеки. Впоследствии Дж. Барникот и Дж. Симмонс описали еще один экземпляр с двумя выходными листами — из библиотеки колледжа «Ламбет Пэлис»[344].

Мы можем указать еще несколько экземпляров с двумя выходными листами. Это экземпляры Киевского университета, Библиотеки Русского народного дома во Львове, митрополита А. Шептицкого, В. Д. Потуржицкого, Печерского монастыря, Народной библиотеки им. Кирилла и Мефодия (София), собрания А. И. Маркушевича[345].

Дж. Барникот и Дж. Симмонс установили, что лист с датой 1581 г. в экземпляр «Ламбет Пэлис» вклеен позднее. Они предположили, что эти листы вклеивали на фальц от предварительно изъятого из книги листа с датой 1580[346]. Этот вывод подтверждается и нашими наблюдениями. В некоторых случаях лист с ранней датой позабыли вырезать — так пошли гулять по свету экземпляры с двумя выходными листами.

Весьма любопытный вариант — по сей день не описанный экземпляр с двумя выходными листами 1581 г.[347] Ради казуса отметим экземпляр с совершенно неожиданной датой — 1571 г.[348] Это искусная рукописная копия с писарской ошибкой.

Художественное убранство. Острожская Библия оформлена строго и просто. По замечанию А. А. Сидорова, «в ней все достоинства — типографские, наборные»[349].

Фигурных гравюр в книге нет. Для титульного листа использована рамка московского и львовского Апостолов. На обороте титула — герб князя Константина Острожского, близкий по рисунку к гербу из Псалтыри и Нового завета 1580 г., но отпечатанный с другой, несколько большей доски. Завершает книгу типографский знак Ивана Федорова; тот же оттиск встречался в Новом завете.

Орнаментальное убранство представлено, по подсчетам А. П. Запаско, 80 заставками (с 16 досок), 70 концовками (с 17 досок), большим количеством буквиц, а также композициями наборного орнамента. Г И. Коляда и А. А. Сидоров приводят другие цифры: 81 заставка с 16 досок, 68 концовок с 18 досок и 1339 инициалов, по крайней мере со 116 досок[350].

Текст книги открывается большой П-образной заставкой, отпечатанной с доски Зерн. 66 московского Апостола 1564 г., несколько увеличенной путем присоединения к ней по бокам симметрично установленных Г-образных дощечек, заполненных акантовым вьюнком[351]. Большая заставка на 1-м листе 2-го счета — единственная в книге, которая перекрывает два столбца текста. Все остальные заставки по ширине равны размерам одного столбца.

Инициалы заключены в прямоугольные, вытянутые по вертикали рамки. Они, как отмечалось многими исследователями, напоминают буквицы виленских изданий Франциска Скорины[352].

Наборный орнамент книги изучен Н. П. Киселевым[353].

Скромность художественного убранства Библии 1580—1581 гг. побуждала некоторых читателей «украшать» свои экземпляры, вклеивая или вплетая в них гравюры и миниатюры. Чаще всего книгу дополняли изображениями царя Давида (перед Псалтырью), четырех евангелистов (перед каждым из евангелий) и апостола Луки (перед Апостолом)[354]. В одном из экземпляров, который ныне находится в Симферополе, — миниатюры, имитирующие ксилографии (одна из них — грубая копия Луки из львовского Апостола), а также множество печатных концовок, вырезанных из более поздних печатных изданий и наклеенных на страницы книги[355].

Бумага. О. Я. Мацюк, тщательно изучив бумагу находящихся ныне во Львове и Киеве примерно 20 экземпляров Острожской Библии, установил, что в издании использована бумага по крайней мере 18 различных бумагоделательных мастерских польско-украинского происхождения[356]. Всего им найдено в книге 50 водяных знаков. Большинство из них нам знакомо по другим изданиям Ивана Федорова. Это герб «Элита» — мастерской украинского села Ливчицы (Мац. 54—59); герб «Топор», характерный для мастерской Тенчиньских близ Кракова (Мац. 60—71); герб «Аб-

данк» — мастерской в Могиле близ Кракова (Мац. 76—78); Известен нам водяной знак мастерской, издавна находившейся в краковском монастыре св. Духа — польский герб «Свенчиц» (Мац. 84—85), а также филигрань «Тупая подкова», происхождение которой пока не установлено (Мац. 89—93). Среди новых, еще не встречавшихся нам знаков — филиграни «Лебедь» (Мац. 72—75), «Козел» (Мац. 94—97), польские гербы «Гербурт» (Мац. 79—81), «Новина» (Мац. 86—87), «Юноша» (Мац. 88). В некоторых экземплярах О. Я. Мацюк нашел бумагу голландского и венгерского происхождения.

Было бы очень важно изучить распределение бумаги в отдельных экземплярах Острожской Библии. Не исключено, что это позволит установить последовательность печатания отдельных разделов книги.

В КОНЦЕ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ

Вскоре после окончания работы над Острожской Библией Иван Федоров покинул Острог и, как писал впоследствии львовский епископ Гедеон Балабан, «зближился был зо всеми варстати (т. е. станками. — *Е. Н.*) своими до места славного Львова»[1]. Почему и когда это произошло? Объяснить это историки по сей день не могут. Среди причин чаще всего фигурирует ссора с князем Острожским. Утверждают, что переезд состоялся в конце 1582 г. (по М. Гембаровичу — в марте 1582 г.). Ни тот, ни другой ответ не кажутся нам справедливыми.

СНОВА ВО ЛЬВОВЕ

Постараемся прежде всего выяснить, когда Иван Федоров покинул Острог.

Иван Федоров часто бывает во Львове в течение всего 1582 г. Однако в документации он все еще фигурирует как «житель Острога». Так, 3 февраля 1582 г. Бартоломей Шембек ссудил на один месяц 100 злотых и 10 грошей «Ивану русскому типографу, жителю Острога» и Миколаю Дасковицу, проживавшему на львовском Подзамчье[2]. Шембек, богатый краковский купец, вел торговые дела во Львове[3] и держал здесь постоянного поверенного — Валентина Газа. Газ 5 марта 1582 г. удостоверил в городской Раде, что «Иван типограф» и Миколай Дасковиц вернули долг в срок и что никаких претензий к ним Шембек не имеет[4]. Сын Ивана Федорова, одолживший 5 сентября 1582 г. некоему Ивану Минцевичу (или Минецу) под залог 106 «месинских шкурок» 95 злотых, назван в документации «Иваном Друкаровичем из Острога»[5].

В документе львовского Гродского суда 26 февраля 1583 г., связанном с урегулированием претензий между Иваном Федоровым и его учеником Гринем Ивановичем, первопечатник все еще именуется типографом князя Константина Острожского[6]. Правда, делом занимался Гродский суд. Это как будто бы говорит, что его участники жили на львовском Подзамчье или в каком-либо ином городском предместье, подсудном Замку, а не магистрату. Недав-

но стало известно, что Иван Федоров действительно жил на Подзамчье — в доме Семена Седляра[7]. Документ, рассказывающий об этом, правда, точной даты не сообщает. Но в годы первого своего пребывания во Львове в 1572—1575 гг. Иван Федоров жил на Краковской улице. Остается предположить, что у Седляра он останавливался во время частых своих наездов во Львов из Дермани и Острога и что в этот же дом, хозяин которого умер в 1580 г., он заехал и в начале 1583 г.

Прекращение деятельности острожской типографии. Почему же все-таки Иван Федоров покинул Острог? В чем причина прекращения деятельности острожской типографии? Историки говорят о ссоре между первопечатником и князем[8]. Мнения о причинах ее различны. И. П. Крипъякевич утверждал, что князь Острожский «прекратил типографские работы на три года... когда увидел, каких больших средств требует издательское дело». Князь, видимо, оказался «не таким уж щедрым меценатом»[9]. И. И. Огиенко считал, что причиной ссоры был «незаконный» вывоз Иваном Федоровым большого количества экземпляров Острожской Библии[10]. С. Ю. Бендасюк полагал, что «распря» вышла «из-за дележа и продажи всего завода напечатанных экземпляров Библии»[11]. К этому мнению склоняются и некоторые современные историки, например А. П. Запаско.

На чем оно основано? Единственным основанием могут служить документы об аресте, наложенном Петром Риндфлейшем, служебником князя Острожского, на имущество «покойного Ивана Москвитина» и, прежде всего, на «русские книги», находившиеся в подвале дома львовского купца Ивана Бильдяги[12]. А. С. Зернова без всяких к тому оснований утверждала, что арест был наложен в 1583 г., еще при жизни Ивана Федорова[13]. На самом деле арест был наложен князем Острожским 11 декабря 1584 г. — уже после смерти первопечатника[14], когда на его наследство стали претендовать Сенько Корунко и Сачко Сенькович — наследники Семена Седляра, долг которому не был погашен Иваном Федоровым еще с 70-х гг.

Действительные причины прекращения деятельности острожской типографии, как нам кажется, следует искать глубже.

Князь Константин Острожский был человеком тщеславным. Даже имя свое Василий, полученное при крещении, он заменил более звучным, вызывавшим ассоциации, с одной стороны, с византийским императором Константином и, с другой, с просветителем славян Константином — Кириллом Философом. Одно время волынский магнат надеялся учредить в Остроге православную патриархию, распространить ее влияние на украинско-белорусские земли и Москву. Этот утопический проект поддерживал живший в Остроге архиепископ Дионисий Палеолог, который ради того, чтобы стать патриархом, готов был пойти на поклон к римской курии.

Князь Острожский не был столь тверд в вопросах веры, как

это любила изображать охранительная историография. Он с большим интересом относился к реформационным и даже к еретическим течениям. С католиками князь поддерживал наилучшие отношения, хотя в них бывали периоды подъема и спада.

В годы пребывания в Остроге Ивана Федорова немалым влиянием при дворе Острожского пользовалась проримская группировка, активнейшую роль в которой играли три грека. Один из них — учитель младших детей Острожского, Константина и Александра, — Евстахий Натаниель в 1579 г. в письме кардиналу Сирлето говорил о своих католических симпатиях, жалуясь на отсутствие их у князя, которого он называл «великим схизматиком»[15]. Евстахий, по-видимому, принимал какое-то участие в подготовке к изданию Острожской Библии. В письме к Сирлето он сообщал, что корректирует греческие библейские тексты.

Архиепископ Дионисий Палеолог старался казаться столпом православия. Однако он поддерживал дружеские отношения с иезуитом Антонию Поссевино, с которым познакомился много лет назад во Франции. С нунцием Альберто Болоньетти Дионисий вел тайную переписку. Он всячески старался внушить нунцию, что учреждение в Остроге патриархии под его, Дионисия, главенством — лучший путь к подчинению православной церкви Риму[16]. Проримской ориентации придерживался и живший в Остроге Эммануель Мосхопулос, получивший образование в Риме.

Константин Острожский, стремившийся расширить Острожскую школу, чтобы в ней могли учиться 40—50 учеников, не без влияния ученых греков решил обратиться за помощью... к католикам. 5 и 8 июля 1583 г. он беседовал об этом с Болоньетти в Кракове. Нунций впоследствии доносил в Рим, что князь хотел бы пригласить в Острог «дидаскалов» из греческой коллегии св. Афанасия в Риме[17]. В дальнейшем Острожский обратился с аналогичной просьбой к папе Григорию XIII. Глава римско-католической церкви обещал прислать на Волынь квалифицированных учителей[18]. Однако в Риме не нашлось желающих отправиться в далекое путешествие.

Не отвергал Острожский и проект основания в Кракове типографии, которая должна была печатать кирилловским шрифтом сочинения, пропагандирующие католицизм. О такой типографии Антонию Поссевино думал давно. В дальнейшем он выдвинул грандиозный проект — создать в Кракове типографию, которая бы печатала «книги на немецком языке для Пруссии, Ливонии, Трансильвании, на шведском — для Шведского королевства... на венгерском языке для Венгрии и Трансильвании, а также на русском языке — для всей Руси и всей Московии»[19]. Здесь же должны были печататься греческие и латинские книги. 13 января 1583 г. Поссевино просил кардинала Птоломео Галли прислать ему кирилловский шрифт, созданный в Риме несколько лет назад искусным мастером Роберто Грансоном[20]. Однако, сравнив изданный в Риме славянский катехизис с Острожской Библией,

а возможно и с другими изданиями Ивана Федорова, Поссевино обнаружил, что латинизированный шрифт, отлитый в Риме, очень далек от графических форм, распространенных в Московском и Польско-Литовском государствах. Поссевино понял, что русские и украинцы книг, напечатанных римским шрифтом, не примут. Он обратился за консультацией к князю Острожскому. Тот предложил отправить в Рим специалиста-печатника и рисовальщика шрифтов, чтобы на месте помочь ватиканским мастерам создать новый кирилловский шрифт [21].

Позже волынский магнат предлагал это и в письме к нунцию Болоньетти.

20 июля 1583 г. Болоньетти писал кардиналу Птоломео Галли: «Шесть дней назад с одним итальянцем, который поехал в Венецию, я послал Вашему Преосвященству русскую Библию, которую мне передал князь Константин Острожский старший. Князь просил меня дать знать монсеньору (т. е. папе. — *Е. Н.*) его мнение о том, что буквы русского шрифта этой книги сильно отличаются от обычно употребляемых (в Риме). Князь предоставил в распоряжение Его Святейшества своего очень знающего типографа, чтобы оказать ему в этом деле посильную помощь, подобно тому, как сам он получил от Его Святейшества помощь в напечатании этой Библии; как говорят, она была перепечатана с той, которую привез из Рима Палеолог... Зная, каким образом можно было бы установить ту разницу в литерах, о которой говорил князь, я счел за благо послать Библию Его Святейшеству. Преподобный отец Поссевино, который в этом частном деле, как и во всей своей деятельности по обращению схизматиков, проявил величайшую проницательность, сказал мне, что был бы рад узнать, кто именно этот типограф, которого князь предоставил в распоряжение (папы)» [22].

Кто же был тот типограф, которого князь Острожский предоставил (или собирался предоставить?) в распоряжение папы и имя которого тщетно добивался узнать Поссевино? Нас это имя интересует не меньше, чем иезуита. Доступные нам источники об этом, к великому сожалению, молчат. В письме идет речь об «очень знающем» типографе. Так как будто бы можно было сказать лишь об Иване Федорове. Ниже мы узнаем, что в июле 1583 г., когда Болоньетти писал свое письмо Птоломео Галли, первопечатник находился в Вене, лежавшей на полдороге между Краковом и Римом.

Традиционный облик первопечатника, гуманиста и просветителя, патриота родного языка и воспринятой с молоком матери веры, никак не вяжется с делом, целью которого были в конечном счете борьба с гуманизмом и просвещением, уничтожение украинского и белорусского языков, подчинение греко-католической церкви Ватикану.

По мнению некоторых историков типографом — консультантом ватиканских словолитчиков был ученик Ивана Федорова

Гринь Иванович[23]. О Грине мы почти ничего не знаем — он упоминается лишь в двух документах.

Гринь Иванович. 19 марта 1582 г. Иван Федоров со своим другом художником Лаврином Пилиповичем явился в Совет города Львова, где заявил, что от него «убежал и пропал, без какой-либо видимой причины, тайком» его ученик Гринь Иванович[24]. Пилипович показал, что он, по просьбе типографа, два года обучал Гриня художническому ремеслу и что Иван Федоров сполна заплатил ему за это. Типограф потребовал, чтобы в городских книгах было засвидетельствовано его право преследовать Гриня и наказать его.

Беглец объявился почти год спустя. 26 февраля 1583 г. Иван Федоров и Гринь Иванович явились в львовский Гродский суд, чтобы заключить мировую. Вместе с ними пришли посредники, как сказано в протоколе, «приятели славные» Михал Дашкович, художник Лаврин, в котором мы узнаем Лаврентия Пилиповича, Ян Ячкович Мороховский и Яцко, портной-сафьяник[25].

Иван Федоров и Гринь прежде всего изложили суть дела. Несколько лет назад Иван Федоров на свои средства отдал Гриня, которого привез с собой из Заблудова, учиться. Гринь постиг науку «малярства (т. е. живописи), столярства, форшнайдерства и на стали литер и других предметов резьбы, а также и друкарства». Когда Гринь изучил все эти ремесла, он торжественно обещал первопечатнику без его разрешения «нигде и никому... литер для печатания не делать», а также не работать в какой-либо другой типографии. Правда, Иван Федоров позволил ему исполнять на стороне работы по столярному делу, живописи, резьбе по стали, кроме резьбы пунсонов («литер ко друку», как сказано в акте).

Обещание было скреплено договором, подписанным в присутствии наиболее уважаемых людей Острога: протопопа Терентия Ивановского, острожского писаря пана Василия и шорника Антошка Семашковича.

Гринь, однако, вскоре нарушил обещание. Он уехал в Вильну, к давнему сопернику и конкуренту Ивана Федорова Кузьме Мамоничу и сделал ему два комплекта шрифтов.

В Вильне Гринь оставался недолго. Он вернулся к первопечатнику и «просил пана Ивана пред людьми добрыми, чтобы ему тот его поступок отпустил»[26]. Иван Федоров простил ученику «как молодому человеку». Тогда-то первопечатник и ученик явились в львовский Гродский суд, чтобы при свидетелях скрепить достигнутое соглашение. Суд приговорил, что если Гринь в дальнейшем изготовит для кого-либо «литеры или шрифт для печатания» или будет трудиться в какой-либо типографии без разрешения Ивана Федорова, он должен будет заплатить штраф 500 злотых и, кроме того, возместить ущерб, причиненный Ивану Федорову, передав ему еще 500 злотых. Гринь обещал также докончить работу над шрифтом, который он начал делать для Ива-

на Федорова, — за эту работу первопечатник должен был заплатить ученику 100 злотых.

Иван Федоров, в свою очередь, обязался не давать этой работы никому другому, кроме Гриня. В противном случае он должен был заплатить ученику отступные — 200 злотых. При нарушении соглашения по вине Ивана Федорова на него накладывался штраф в том же размере, что и на Гриня.

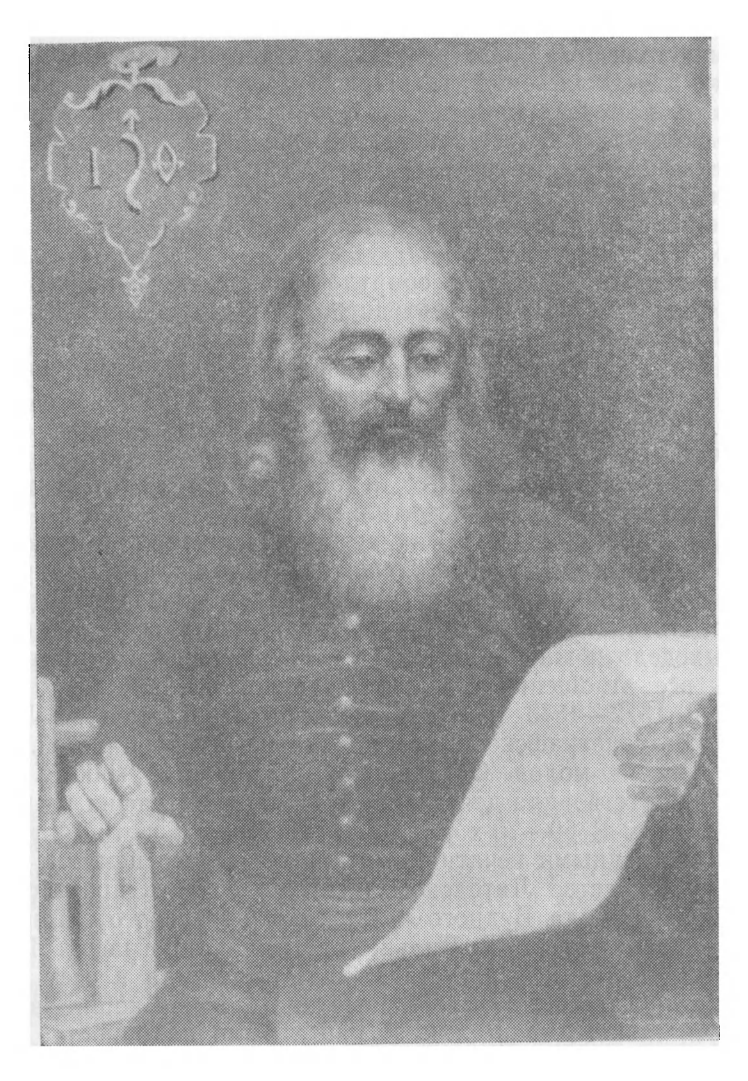
Вот и все, что мы знаем о Грине Ивановиче. Думается, что Константин Острожский не стал бы именовать молодого человека, совсем недавно освоившего тайны мастерства, «очень знающим типографом». Впоследствии, после смерти Ивана Федорова, Гринь Иванович никак и нигде не проявил себя — имя его после 1583 г. в известных нам документах не встречается.

Попытка возобновить типографию во Львове. Документы, называющие Ивана Федорова «служебником» князя в 1582 и в 1583 гг., как будто бы свидетельствуют, что «распри» между Константином Острожским и Иваном Федоровым не было и первопечатник продолжал оставаться на службе у волынского магната. Показательно, что «книгопечатником князя Острожского, воеводы Киевского» называют Ивана Федорова даже те документы, которые были составлены после его смерти, например акты от 17 декабря 1584 г.[27] Мечислав Гембарович недавно предположил, что Иван Федоров, уже порвав с князем, активно поддерживал версию о продолжении службы у волынского магната; это позволило типографу не платить королевские подати[28]. Но это предположение о заведомой нечестности Ивана Федорова ничем не доказано.

Если Иван Федоров остался на службе у князя, то как сочетать с этим сведения о его финансовой активности в 1582—1583 гг., что свидетельствовало, скорее всего, о его желании основать во Львове новую типографию? Да и Гедеон Балабан, епископ львовский, в своем послании от 8 ноября 1585 г. утверждал, что печатник «зближился... до места славного Лвова» с целью «болше книг ремесла своего друкарского на потребу церквам святым... выдати»[29].

Факты, однако, не противоречат только что высказанной гипотезе. Дело в том, что Иван Федоров имел не одну, а несколько типографских мастерских. Одну из своих львовских типографий вместе со 140 «русскими книгами» он еще в 1579 г. заложил за 411 злотых Израилю Якубовичу[30]. С. Л. Пташицкий полагал, что эта типография была заложена лишь формально и находилась в работе, причем трудился в ней сын печатника Иван Иванович[31]. Так или иначе, но Якубович не торопился взыскивать долги с Ивана Федорова — он предъявил свои претензии лишь через год после смерти типографа — 3 декабря 1584 г., почти одновременно с князем Константином Острожским.

Были еще две мастерские, одна из них, как свидетельствует акт от 9 сентября 1585 г., «со всеми инструментами и литерами,

Иван Федоров. Портрет работы неизвестного мастера. Государственный исторический музей во Львове.

другая же — без всяких принадлежностей». Они были заложены Иваном Федоровым краковскому купцу Фольтыну Бертольдо, уполномоченным которого выступал во Львове аптекарь Иероним Виттембергер [32]. 2 октября 1585 г. была составлена опись мастерских, хранившихся в подвале каменного дома Бильдяги [33]. Вот эта опись: «Во первых — вся столярная работа, то есть печатный стан со всеми принадлежностями из дерева — в 90 польских злотых. Далее — большой литой медный винт с гайкой и с медной пластиной, которую кладут под литеры, а также с пластиной, которой

прижимают литеры, и с рамой, в которую помещают литеры. Всего же 5 медных вещей, весящих 8 камней и 7 безменов[34]. Если считать за камень с работой по 6 злотых, вся сумма составляет 52 польских злотых и 6 грошей. Там же 120 полных Библий... по 4 польских злотых, а также 80 неполных Библий по 2 злотых и 15 грошей. Литер оловянных не было найдено, за исключением заключенных в раме на один печатный лист, что не подвергалось оценке».

Какое-то типографское оборудование и инструменты оставались в Остроге. И эта мастерская была на ходу. В 1583—1584 гг. здесь были напечатаны «Послания» константинопольского патриарха Иеремии, полемические сочинения «О единой истинной православной вере и св. соборной апостольской церкви» и «О крестном знамении»[35], а возможно и те недатированные Азбуки, которые недавно были обнаружены в Болгарии и Англии. Мастерскую эту нельзя смешивать со львовскими: те в этот период еще находились в залоге у Якубовича и Бертольдо.

Предложение поехать в Рим не могло прийтись по душе Ивану Федорову, видевшему свое призвание в том, чтобы «духовные семена по вселенной рассевати». Десять лет назад он отказался последовать совету Г. А. Ходкевича оставить свое «художество наручных дел» и жить земледелием. Ныне решиться на то, чтобы порвать все отношения с князем, первопечатнику было не так просто. В 1572—1573 гг. Иван Федоров отправился во Львов и завел здесь типографское дело, правда не без трудностей. Теперь он был уже не молод. Обстановка на книжном рынке в 1582 г. не благоприятствовала деятельности новой типографии на коммерческой основе. В 60—70-х гг. Иван Федоров и Петр Мстиславец были единственными печатниками кирилловского шрифта во всем Великом княжестве Литовском (если не считать протестантские типографии Симона Будного и Василия Тяпинского). Теперь положение изменилось. В Вильне работала типография Василия Гарабурды, которая 4 августа 1582 г. выпустила в свет Октоих. По-видимому, здесь же была напечатана близкая копия заблудовского Учительного евангелия. В книге была надобность, и Иван Федоров мог бы сам перепечатать ее. «Пиратское» издание Гарабурды сильно нарушило его интересы. В 1582 г. возобновили печатание славянских книг богатые виленские купцы Кузьма и Лука Мамоничи. Их типографскую деятельность защищала королевская привилегия 1576 г. Продолжала работать и острожская типография.

Конкурировать с Мамоничами и Гарабурдой Ивану Федорову было нелегко. Он отлично понимал это и тем не менее решил попытать счастья, не порывая окончательно с князем Острожским. Прежде всего ему нужно было стать материально независимым от князя.

Типограф перебрался во Львов скорее всего в самом начале 1583 г. До этого он часто бывал в городе, подготовляя переезд, —

его пребывание во Львове зарегистрировано 3 февраля, 5 марта, 19 марта и 10 мая 1582 г.

Следовало позаботиться о создании, а точнее — о возобновлении типографии, которую печатник думал поставить достаточно широко. Прежде всего он старается подыскать хороших и верных помощников: вспомним о примирении с Гринем Ивановичем. Заботы о помощнике нельзя связывать со старостью Ивана Федорова или немощами в эти последние годы его жизни. Печатник все еще был крепок и силен и мог при необходимости постоять за свои интересы. Так, 10 мая 1582 г. в львовский Гродский суд явился некто Яков — суконник с львовского Подзамчья и показал две раны, которые нанес ему «друкарь»[36]. Имя «друкаря», правда, не названо. Но С. Пташицкий не без основания предположил, что им был Иван Федоров.

Денег, полученных у заимодавцев, на все затраты по возобновлению типографии, видимо, не хватило. Некоторыми средствами ссудили печатника его львовские приятели. Так, отец Леонтий отдал ему 80 злотых, принадлежавших монастырю св. Онуфрия. Впоследствии, после смерти Ивана Федорова, он взял в обеспечение этой суммы 40 печатных Апостолов[37].

Пытаясь преодолеть финансовые затруднения, Иван Федоров вспомнил о ремесле, начатками которого он овладел, по-видимому, еще в Москве.

ЛИТЕЙНЫЙ МАСТЕР

Характеризуя эпоху Возрождения как «величайший прогрессивный переворот из всех пережитых до того человечеством», Фридрих Энгельс писал, что эта эпоха «нуждалась в титанах и... породила титанов по силе мысли, страсти и характеру, по многосторонности и учености». «Тогда, — продолжает Энгельс, — не было почти ни одного крупного человека, который не совершил бы далеких путешествий, не говорил бы на четырех или пяти языках, не блистал бы в нескольких областях творчества»[38]. Думается, что к числу таких людей мы с полным правом можем отнести и Ивана Федорова.

Поездка в Краков. В январе 1583 г. мы встречаем первопечатника в Кракове. Его сопровождают львовский пушкарь Данила Круль, или Киниг, а также Сачко Сенькович — сын его стародавнего приятеля Семена Седляра. Путешественники остановились на Страдомском предместье в доме местного лавника Андрея Сливки. Здесь при поручительстве Сачко Сеньковича Данила одолжил Ивану Федорову 136 злотых[39]. Данила, видимо, не раз выручал печатника. В другой раз он через того же Сачко одолжил типографу 71 злотый и два золотых кольца стоимостью в десять венгерских червонцев[40].

Какова была цель поездки в Краков?

Ответ находим в любопытнейших записях, сохранившихся на

страницах так называемых подскарбийских (казначейских) книг, в которых регистрировались различные выплаты, произведенные повелением короля Стефана Батория. Записи сделаны между 9 и 12 января 1583 г.: «Ивану Федоровичу друкарю Москвитину посланному Его Королевским Величеством во Львов по делу отливки малой войсковой пушки, на путевые расходы выплачено 45 злотых. Ему же на медь и на другие расходы, связанные с литьем малого орудия по образцу, хранящемуся у львовского старосты, в соответствии с квитанцией ассигновано 70 злотых и 50 денаров»[41].

Мы не видим ничего удивительного в том, что Иван Федоров, который, конечно же, владел техникой литейного производства, взялся за изготовление пушки. Стал же впоследствии его ученик Анисим Михайлов Радишевский, учившийся в острожской типографии, главным пушкарским мастером Московского государства.

Нам думается, нет нужды считать Ивана Федорова лишь подставным лицом, как это делает, например, М. Гембарович, полагающий, что заказ Стефана Батория предназначался для Данилы Пушкаря[42]. Имя последнего было хорошо известно в военных кругах Польско-Литовского государства; прикрываться именем типографа, до того времени с литьем пушек не связанного, Даниле было ни к чему.

Данила Круль Пушкарь. Человек с таким именем уже в 1579 г. упоминается как городской пушкарь Львова[43]. Знакомство с Иваном Федоровым у него могло завязаться с 1580 г., когда он выполнял заказ князя Острожского на изготовление 63 пищалей для Дубно. В 1582 г. город Львов соорудил для Данилы специальную литейную мастерскую, вменив ему в обязанность отливку пушек и колоколов, изготовление пороха, фейерверков, наблюдение за правильностью городских весов. В 1584 г. Круль отлил для Львова пушку весом в 17 центнеров.

Интересы Данилы Круля не ограничивались литейным делом. Он участвовал в самых различных финансовых и торговых операциях, имя его не раз упоминается в львовских актах[44]. Документы, собранные М. Гембаровичем, свидетельствуют, что Круль поддерживал торговые отношения с силезскими промышленниками, у которых он закупал медь. В Силезию Круль вывозил свинец и соленую рыбу.

Предприниматель столь широкого размаха не нуждался в том, чтобы получать заказы через подставное лицо. Поэтому-то мы не можем связать с Данилой Крулем и второе «пушкарское» предприятие Ивана Федорова.

Письмо саксонскому курфюрсту. В 1964 г. польский историк техники В. Губицкий обнаружил в фонде «Тайный архив» Архива земли Саксония документ, исключительно важный для нашей темы. Мы считаем необходимым привести его здесь целиком в переводе на русский язык (оригинал написан по-латыни).

«Светлейший, всемогущественнейший и августейший князь, достойнейший и мудрейший электор Священной Римской империи,

дважды милосерднейший государь. О вечном спасении Вашем и неизменном во всем счастии Вашем покорно молю всемилостивого и всемогущего господа бога.

Многие превосходные знатоки военного искусства, как практики, так и теоретики, о светлейший и могущественнейший, достойнейший электор Священной Римской империи, благорассудным уговором склонили меня, недостойного, к тому, что я осмеливаюсь писать Вашему светлейшему Величеству. Покоренные славой Вашего светлейшего Величества, сияние которой распространяется по всему миру, они своими словами побудили меня написать это письмо.

Молва гласит, что Ваше светлейшее Величество великодушен в своей благосклонности не только к тем, кто создал основы военного искусства, но также и к тем, кто хорошо владеет этим искусством. С божьей помощью я долгие годы и много занимался такой военной практикой, а посему я решил ниспосланные мне богом дары в этой области изложить перед Вашим светлейшим Величеством не на словах, а на деле.

Пусть вольно мне будет откровенно признаться, что поразмыслив и не щадя сил своих, я прибыл из далекого края в Вену, чтобы представить способ практического использования изобретения, которого до сих пор никто из людей не видел, но некоторые вводили меня в заблуждение одними только посулами и одной только надеждой на выгоду, никакой платы не обещая, хотя и старались подсмотреть и раскрыть мое изобретение. Я решил, что лучше вернуться домой, нежели столь важное для каждой провинции и для каждого государства изобретение выявить всем, без всякой для этого личной пользы. Коль скоро я узнал, однако, что Ваше светлейшее Величество благоволит к таким людям (к которым я принадлежу), я решил в этом письме мое изобретение изложить и описать его красноречиво.

Итак, когда я, о светлейший и достойнейший князь, мудрейший электор Священной Римской империи, прибыл к Вашему императорскому Величеству с моим изобретением, которое позволяет из отдельных частей составлять пушки, кои разрушают и уничтожают самые большие крепости и хорошо укрепленные поселения, меньшие же объекты взрывают в воздух, разносят на все стороны и сравнивают с землей, — я уже тогда на собственные деньги изготовил одну такого рода сложенную из частей пушку. Вес ее составляет три гири, которые называют центнерами. Этот образец пушки осматривали Его императорское Величество, а также эрцгерцоги, и они очень хвалили его. Когда же они хотели разузнать секрет обращения с ней и сущность ее действия, я был готов открыть им секрет моего изобретения, поставив им определенные условия, на которые они не согласились. Поскольку не было достигнуто такое соглашение, которое удовлетворило бы мои требования, я решил прибыть к Вам, Ваше Величество, и предложить мое секретное изобретение, по-

слав сначала сие письмо, если перед тем получу милостивый и положительный ответ от Вашего светлейшего Величества.

Итак, я владею искусством изготовления складных пушек. Оно заключается в том, — я не буду занимать времени Вашего Величества перечислением подробностей, — что каждую без исключения такого рода пушку, практическое назначение которой зависит от ее размеров, можно разбирать на отдельные, строго определенные составные части, а именно на пятьдесят, сто и даже, если потребуется, на двести частей, в зависимости от установленной величины и калибра каждой пушки.

Ежели бы такого рода орудие собирать и монтировать в безопасном и удобном месте, и ежели войско будет иметь его с собой в походе, чтобы разрушить или взять какую-то крепость либо завоевать государство, то части или частицы такой пушки, пригодной для стрельбы, можно доделать и восполнить до числа пятидесяти за три дня и три ночи. Ежели бы, однако, такая пушка по какой-либо внезапной причине разорвалась, то только одна ее часть может быть повреждена, а не все орудие. Но такую малую составную часть можно доделать и присоединить за один день, конечно, если есть для этого необходимый опыт и знание. На обратном пути после победы над врагом можно такие пушки опять разобрать на части. Но если бы нужда была большая и неприятель очень теснил, то такого рода пушки за один день можно разобрать на части и разместить их отдельно. Кроме того, для подвоза и проверки такого орудия не требуются ни ящики, ни повозки на колесах, укрепленных железом. Стало быть, их можно легко привести в действие как на колесах, так и без колес.

При всем этом, милостивый князь, я сделал изобретение в деле ручных бомбард. Сто моих бомбард могут причинить неприятелю столько же вреда, сколько четыреста (используемых до сих пор). Я могу доказать это (на опыте) Вашему светлейшему Величеству. Поэтому, прочитав внимательно мое письмо, соблаговолите, Ваше светлейшее Величество, не пренебречь моими услугами, но рассмотреть их и изучить. Я уповаю на Ваше светлейшее Величество, что Вы окажете мне эту милость, я, как раб, ревностно готов исполнить любые услуги, если такой ремесленник и человек, имеющий опыт в военных делах, нужен Вашему светлейшему Величеству.

Заканчивая письмо, я горячо и искренне желаю Вашему светлейшему Величеству, моему повелителю и милостивому князю долгих лет доброго здоровья.

Написано в Вене 23 июля 1583 года.

Вашего светлейшего Величества
покорный слуга
Иван Федорович Москвитин
Типограф греческий и славянский»[45].

Находка польского ученого внесла ряд недостающих штрихов в биографию человека, труды и дни которого глубоко интересуют

и волнуют нас. Напомним, что ни одной строки, написанной Иваном Федоровым, известно не было. Человек, подаривший России и Украине книгопечатание, не оставил потомству автографа, словно он был неграмотным. Может быть, отсюда и родилась версия, популярная в старом книгознании. Утверждалось, что Иван Федоров был всего лишь ремесленником, техническим исполнителем идей просвещенных владетельных особ — Ивана Грозного, Г. А. Ходкевича, К. К. Острожского...

Советская наука распростилась с этой точкой зрения. Но автографа все же не было... Впрочем, автограф ли найден в дрезденском «Гехаймархиве»? Почерк письма тверд и хорошо отработан, выделения воспроизведены четкими капительными буквами — чувствуется, что писал каллиграф-профессионал. Не писарская ли это копия? Письмо проштемпелевано личной печаткой Ивана Федорова с изображением его типографского знака (или герба). Но ведь он мог запечатать и письмо, продиктованное писарю. Остается подождать других находок — мы верим, что они будут, — и лишь тогда судить, является ли автографом письмо от 23 июля 1583 г.

Письмо написано в Вене. Как попал туда Иван Федоров? Что заставило его отправиться в далекий путь ко двору императора Рудольфа II? Применить свои знания пушечного дела он мог и при дворе Стефана Батория.

Мы расстались с первопечатником в январе 1583 г., когда он, получив у польского короля заказ на малую войсковую пушку, отправился во Львов выполнять этот заказ. 26 февраля в Львовском Гродском суде Иван Федоров заключил мировую с Гринем Ивановичем. Что было дальше, мы не знаем. В промежуток между 26 февраля и 23 июля 1583 г. Иван Федоров проделал далекое и нелегкое по тем временам путешествие из Львова в Вену, где успел побывать у императора Рудольфа и продемонстрировать ему и эрцгерцогам изобретенную им пушку.

Здесь самое время вспомнить о предложении князя Острожского римскому папе. Мы узнали о нем из письма Болоньетти от 20 июля 1583 г. Иван Федоров не мог одобрить заигрывания князя с Ватиканом. Однако отказаться от поручения он не решился — материальная основа для возобновления типографии во Львове еще не была создана. Поэтому первопечатник отправляется в далекое путешествие, но, как мы увидим в дальнейшем, не торопится. Конечно, это не более чем рабочая гипотеза. Во всяком случае, до Рима Иван Федоров так и не доехал, ибо мы не знаем ни одного ватиканского издания, напечатанного кирилловским шрифтом, сколько-нибудь напоминающим московский или острожский шрифты Ивана Федорова.

Сделав остановку в Вене, Иван Федоров воспользовался ею, чтобы познакомить императора Рудольфа со своим изобретением в пушечном деле. В случае успеха это помогло бы ему стать материально независимым от князя Острожского.

Почему же все-таки Иван Федоров не обратился к Стефану Баторию? Можно предположить, что первопечатник не хотел давать в руки польскому королю мощное оружие для борьбы с Московским государством, убежденным противником которого Баторий оставался до своего последнего дня. Как же тогда он принял заказ короля на малую войсковую пушку в январе 1583 г.? Такая пушка имела лишь оборонительное значение и за пределы Львова, скорее всего, вывезена не была.

Многоствольные орудия. Император Рудольф II, в противоположность Баторию, был другом Москвы — в тогдашнем мире хорошо знали об этом. В 80-х гг. XVI в. намечалась военная коалиция Москвы и Вены. Поэтому-то Иван Федоров мог предложить свое изобретение императору с чистым сердцем. Познакомимся с этим изобретением. О нем в письме говорится глухо — Иван Федоров не хотел полностью раскрывать карты. Это открытие, по его мнению, должно было совершить революцию в военной технике: многоствольное орудие с взаимозаменяемыми частями. Если в процессе эксплуатации какая-либо из частей была бы повреждена, это не отражалось на работоспособности всего устройства. Орудие хранилось в разобранном виде, а перед походом его можно было собрать «за три дня и три ночи».

Многоствольные орудия появились во второй половине XIV в. Историки артиллерии относят первые упоминания о них к 1387 г. [46]

В Государственном артиллерийском историческом музее хранится многоствольное орудие, составленное из 7 ружейных стволов калибром 1,78 см. Стволы размещены на широкой доске, закрепленной на двухколесной повозке. Затравки всех стволов соединены общим железным желобом. По преданию, орудие участвовало в походе славного казачьего атамана Ермака Тимофеевича на сибирского хана Кучума, почему и получило название «Ермаковой пушки» [47].

Многоствольные орудия, составленные из ружейных стволов, в Московском государстве назывались «сороками», «сороковыми пищалями». Описи артиллерийского наряда различных городов, сохранившиеся в архивах, свидетельствуют, что этот вид вооружения был весьма распространен и вместе с полковыми, полуторными и затинными пищалями составлял основу крепостной артиллерии.

Иван Федоров, в бытность свою в Москве, конечно же, был знаком с мастерами Московского Пушечного двора. Значительный шаг вперед в истории многоствольных орудий связан с именем работавшего здесь замечательного орудийного мастера Андрея Чохова (ум. 1629 г.).

Поляк Самуил Маскевич, побывавший в Москве в начале XVII столетия, удивляясь силе и мощи русской артиллерии, рассказывал о «бесчисленном множестве осадных и других огнестрельных орудий на башнях, на стенах, при воротах» московского

Кремля, Китай-города, Белого города. «Там, между прочим, — свидетельствует Маскевич, — я видел одно орудие, которое заряжается сотнею пуль и столько же дает выстрелов; оно так высоко, что мне будет по плечо, а пули его с гусиные яйца»[48]. Это стоствольное орудие представляет собой несомненную и весьма любопытную параллель к изобретению Ивана Федорова. Оно описано и в весьма интересном документе — «сказке» пушечных литцов Алексея Якимова, Михаила Иванова и Никифора Баранова, которые 7 сентября 1641 г. осмотрели лежавшую на Московском Пушечном дворе «под навесом пищаль меденую, что в ней сто зарядов»[49].

Стоствольная пушка сконструирована и изготовлена Андреем Чоховым в 1588 г., через два года после того, как мастер отлил знаменитую «Царь-пушку», и через 5 лет после демонстрации в Вене орудия Ивана Федорова. Быть может, первопечатник как-то передал в Москву сведения о своем изобретении?

В Дрездене? «Я решил прибыть к Вам, Ваше величество», — писал Иван Федоров саксонскому курфюрсту Августу 23 июля 1583 г. Итак, вместо Рима первопечатник собирался отправиться в Дрезден. Побывал ли он в столице Саксонии? Выяснить это нам сейчас не удастся. В «Тайном архиве» курфюрстов, где было обнаружено письмо Ивана Федорова, не нашлось ни ответа на это письмо, ни каких-либо других бумаг, с ним связанных.

Все же кое-что может быть сказано. Читатель знаком с экземпляром острожской Азбуки 1578 г., найденным в Готе. В экземпляре — владельческая запись немецкого востоковеда Элиаса Хуттера, датированная 1583 г. С 1579 по 1583 г. Хуттер жил при дворе курфюрста Августа. Сохранилось письмо славянского просветителя Адама Богорича от 31 июля 1583 г., из которого явствует, что в распоряжении Хуттера в это время уже находилась «русская или московитская Библия»[50]. По некоторым намекам в письме можно догадаться, что речь шла не о рукописи, но о печатной книге. Название «русская или московитская» вряд ли можно отнести к Библии Франциска Скорины. Более вероятно, что Хуттер владел Острожской Библией.

Это можно было бы установить точно. В конце XVI в. Э. Хуттер в Нюрнберге издал многоязычную Библию в 4 вариантах. В каждом из них были представлены пять «основных» языков (еврейский, халдейский, греческий, латинский и немецкий) и один язык по выбору покупателя (французский, нижнесаксонский, итальянский или славянский). По сей день ни одного экземпляра со славянским текстом найти не удалось. Немецкий славяновед Х. Кунстман, тщетно искавший этот экземпляр, разослал запросы о нем в 50 библиотек, но нигде его не нашлось. По старому каталогу Гамбургской государственной и университетской библиотеки Кунстману удалось установить, что экземпляр со славянским текстом имелся здесь, но, видимо, пропал в годы последней войны[51].

Как к Хуттеру летом 1583 г. попали Азбука 1578 г. и Острожская Библия? Вспомнив о намерении Ивана Федорова приехать в Дрезден, можно как будто бы предположить, что книги были переданы немецкому ученому лично первопечатником. И все же мы пока не решаемся настаивать на этой версии.

КОГДА УМЕР И ГДЕ ПОХОРОНЕН ИВАН ФЕДОРОВ?

Письмо Ивана Федорова из Вены написано 23 июля 1583 г. В начале декабря того же года типограф скончался во Львове. Как протекала его жизнь в августе—ноябре 1583 г., что явилось причиной его смерти? Ответа пока нет. Остается надеяться на новые находки, которые за последние годы прямо-таки избаловали историков.

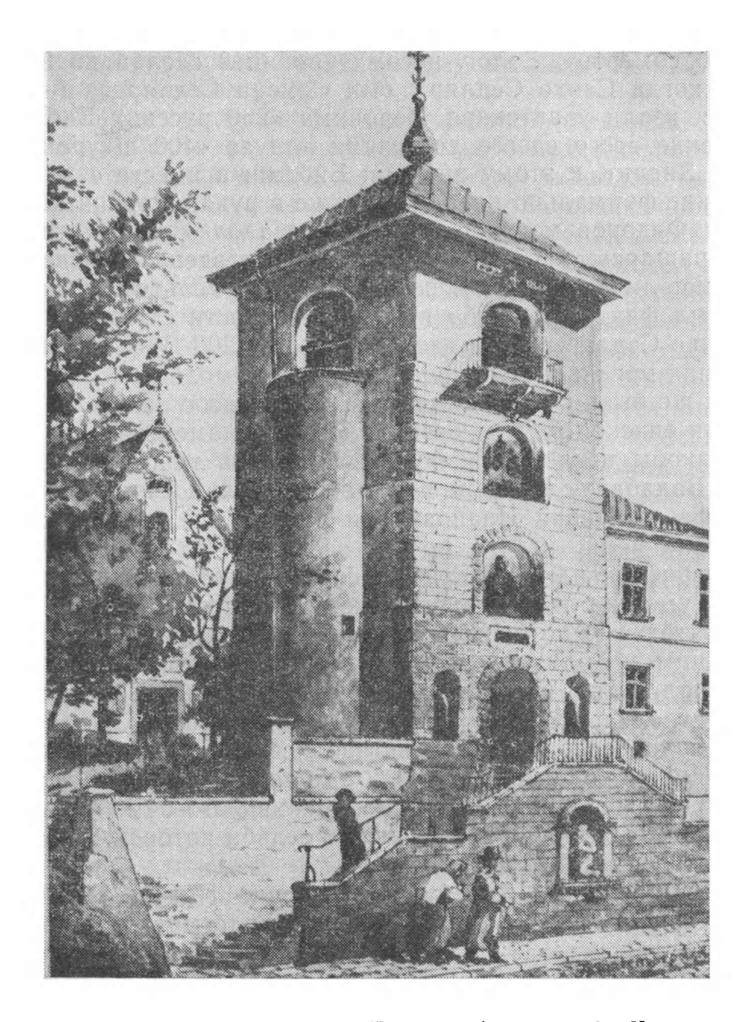
Примерно через два года после кончины Ивана Федорова, 8 ноября 1585 г., львовский епископ Гедеон Балабан обратился с пастырским листом «ко всем православным христианам», предлагая им жертвовать деньги на выкуп типографии, заложенной у ростовщиков. В листе говорилось о том, что «Иван друкарь... впадши в болезнь ко сомерти... варстати усе зо всеми належачими штуками заставил в згиненое имя до жидов в суме не малой, в полторы тысячи золотых, щого тыж и долги свои платил»[52].

Считалось, что этот заклад был сделан Израилю Якубовичу, у которого будто бы впоследствии Успенское ставропигийское братство выкупило типографию: выписка из решения львовского еврейского суда о закладе сохранилась в архиве Ставропигии[53].

И все же согласиться с этим мнением нельзя. Заклад Ивана Федорова Якубовичу был сделан на значительно меньшую сумму — не на 1500, а на 411 злотых. Кроме того, заложена была не типография в целом, а лишь отдельные инструменты («материал, шрифт, формы и некоторые иные инструменты, относящиеся к изготовлению или печатанию книг») и главным образом книги.

Исходя из этого, И. П. Крипъякевич предположил, что заклад, впоследствии выкупленный Успенским братством, был сделан не Якубовичу, а каким-то «неведомым евреям»[54]. С этим залогом львовский историк не связывал те две мастерские Ивана Федорова, которые после его смерти хранились в подвале дома Ивана Бильдяги; он считал, что они оставались собственностью Ивана Федорова.

Ныне, однако, мы знаем, что эти мастерские, а также 200 экземпляров Библии (120 комплектных и 80 — неполных) были заложены краковскому купцу Фольтыну Бертольдо при посредстве аптекаря Иеронима Виттемберга. Залог был сделан на значительно меньшую сумму чем 1500 злотых — на 200 злотых[55]. Иван Федоров не мог заложить «неведомым евреям» еще одну типографию, кроме тех, которые уже были заложены Якубовичу и Бертольдо. В актовой документации не сохранилось никаких сведений о том, что у первопечатника имелась еще одна, четвертая

Онуфриевский монастырь во Львове. Акварель Ф. Ковалишина. XIX в.

по счету и превосходно оборудованная типография. Если типография существовала и находилась в залоге, на нее неизбежно был бы наложен арест после смерти Ивана Федорова, а лица, взявшие залог, должны были доказывать в суде свое право на арестованное имущество, как это было с мастерскими, заложенными Якубовичу и Бертольдо.

Решение может быть только одно: в пастырском листе Гедеона Балабана идет речь о типографиях, заложенных Ф. Бертольдо, а позднее перекупленных Сачко Сеньковичем. Сумма залога явно преувеличена.

Когда был сделан залог? По словам Балабана, это случилось в пору предсмертной болезни Ивана Федорова — «впадши в бо-

лезнь ко сомерти». Залог, несомненно, был сделан до 3 августа 1583 г., когда Сачко Седляр, сын Семена Седляра, и жена его Евфимия взяли у аптекаря Иеронима «200 русских Библий» под обеспечение всего своего достояния или за «400 шкурок московских»[56]. Значит, к этому времени Библии, а вместе с ними и две мастерские формально находились уже в руках Иеронима. О залоге Иван Федоров мог договориться незадолго перед этим, когда он, возвращаясь во Львов из Вены или Дрездена, побывал в Кракове и мог лично обо всем переговорить с Фольтыном Бертольдо. Залог был фиктивным, ибо по договоренности с Иваном Федоровым Сачко Седляр тут же взял у аптекаря 200 Библий, чтобы первопечатник мог их постепенно реализовать.

Как же быть с показаниями Г Балабана о залоге в 1500 злотых? Или епископ был не осведомлен, или намеренно преувеличил сумму, якобы предназначенную для выкупа типографии. Вообще говоря, Балабану, который два года спустя посадил в яму сына типографа — Ивана Ивановича и уморил его, верить не приходится.

Надгробная плита. Иван Федоров, как стало известно совсем недавно, умер на львовском предместье Подзамчье в доме некоего «пана Антоха»[57], которого пока еще мы не можем отождествить ни с одним из близких друзей первопечатника. Перед смертью он подарил детям Семена Седляра 150 злотых. Этот дар свидетельствует, в частности, о том, что с Сачко Сеньковичем у Ивана Федорова до последних дней оставались хорошие отношения.

Иван Федоров был похоронен на кладбище при Онуфриевском монастыре, а возможно и в самой церкви этого монастыря. Над прахом положили надгробную плиту, судьба которой была поистине драматической[58].

Впервые о плите упомянул Гавриил Попель, написавший в 1771 г. рукописную «Книгу истории монастыря львовского святого Онуфриевского». В этой хронике под 1583 г. он указал: «Дня 5 декабря был погребен при церкви святого Онуфриевского львовский какой-то друкарь, называемый Московицким — свидетельствует его каменное надгробие, использованное затем для настилки пола под алтарем матери божией; необходимо сохранить для доказательства (существования) основанной здесь друкарни»[59].

В 1817 г. ректор университета и прокуратор Онуфриевского монастыря Модест Гриневецкий на полях хроники зарисовал герб типографа, воспроизведенный на его надгробии, а также попытался прочитать надпись на плите: «На том надгробии русская притертая надпись: ...ичъ Друкарь Москвитин который своим тщаніемъ друкованіе занедбалое обновилъ. Преставися въ Львове року АФПГ (1583) декемр Е (5)». В средней части над гербом стерто «оупокоенія», а далее видно «воскресенія изъ мертвыхъ чаю». Ниже под гербом есть еще достаточно читаемая (надпись) «Друкаръ книг предтымъ невиданныхъ»[60].

В том же 1817 г. Гриневецкий тщательно зарисовал плиту;

рисунок, подаренный им варшавскому коллекционеру А. Лессерову, был опубликован в 1884 г.[61]

В России о надгробной плите Ивана Федорова впервые узнали в 1822 г. из письма польского археолога и историка З. Я. Доленга-Ходаковского к членам так называемого «Румянцевского кружка». Один из них, К. Ф. Калайдович, попросил собиравшегося в ту пору во Львов археографа П. И. Кеппена посетить церковь и зарисовать надгробие. П. И. Кеппен приехал во Львов в конце января 1822 г. Церковь св. Онуфрия принадлежала василианскому монастырю — «чину св. Василия Великого». Прокуратор василиан д-р Модест Гриневецкий радушно встретил русского археографа, ознакомил с богатой монастырской библиотекой и показал надгробную плиту первопечатника[62]. Вернувшись в Россию, П. И. Кеппен описал плиту и опубликовал текст надписей на ней, правда не без ошибок[63]. Ошибки эти были вскоре же поправлены К. Ф. Калайдовичем, который опубликовал и рисунок Кеппена[64].

На рисунке изображен вытянутый по вертикали прямоугольник. В центре его угадывается изображение типографского знака Ивана Федорова. Над знаком и под ним трехстрочные надписи. Сверху: «оупокоенія воскресенія из мертвых чаю». Снизу: «друкарь книгь пред тымь невиданныхь». По краю камня идет надпись из четырех строк — двух вертикальных и двух горизонтальных. Верхнюю горизонтальную строку П. И. Кеппен прочитать не смог, и на рисунке ее нет. То, что было им воспроизведено, читается так: «...іч друкарь Москвитинь которыі своимь тщаніемь друковане злиедбалое ѡбновиль преставися в Лвове року АФПГ (т. е. 1583 г.) декевр...»

Публикуя надпись, К. Ф. Калайдович внес отдельные исправления в нее и, в частности, указал, что вместо «злиедбалое» нужно читать «занедбалое».

В 20-х гг. XIX в. во Львове побывал А. Глаголев. В книге своей, изданной в 1837 г., он приводит текст надписи на надгробной плите Ивана Федорова, всецело следуя транскрипции П. И. Кеппена[65]. А. Глаголев, по-видимому, не знал, что за год перед этим, в 1836 г., западноукраинский историк Д. И. Зубрицкий внес в транскрипцию надписи существенное дополнение[66]. В своем исследовании «Исторические изыскания о русско-славянских типографиях в Галиции» Д. И. Зубрицкий полного текста надписи не привел, но, ссылаясь на нее, указал дату смерти первопечатника — 5 декабря 1583 г.

Между л. 72 и 73 рукописной хроники Онуфриевского монастыря, составленной в 1771 г. Г Попелем, вклеен листок с записью на латинском языке о посещении монастыря 20 октября 1835 г. группой русских ученых, которые тут же поименованы: «Профессор истории Погодин. Профессор археологии Надеждин. Директор Княжевич. Актуариус Киреевский. Князь Кропоткин»[67]. Гости познакомились с надгробной плитой Ивана Федорова.

М. П. Погодин обратил внимание на то, что плита близка к разрушению, и попросил прокуратора монастыря В. Компаневича вмуровать камень в стену церкви для лучшей сохранности. Вернувшись в Москву, он 12 октября 1837 г. написал В. Компаневичу письмо, в котором спрашивал: «Прошу Вас покорнейше уведомить меня, исполнена ли моя просьба о переставлении камня над могилою типографщика Федорова из пола в стену» [68]. К сожалению, просьба эта так и не была выполнена.

В 1860 г. плита все еще лежала на прежнем месте. В этом же году ее осматривал Я. Ф. Головацкий, оставивший описание ее: «Я осматривал праве оуже забытый тот памятник. Он лежит по правой стороне от входа в церковь св. Онуфрия под лавками на нем стоящими, вставленный в каменный пол. Состоит из четырехугольной плиты песчанника полтретья аршина долгой, а $1^1/_5$ аршина широкой, на которой з лицевой стороны во двох параллельных обводках выкована врезная круговая надпись. Сторона от запада совсем истерта, що неможно отчитати ничего, от севера читается: вичь друкарь Москви(ти)нь которыи своимь тщаниемь дру (з восточной стороны) кование занедбалое (далее з южной стороны) обновиль, преставися въ Л(вов)и року АФПГ (1583) Де. Наконец еще заходит надпись на западную сторону: Дех. М. прочее вытерто или вытоптано ногами. В середине герб, схожий с изображенным в конце Острожской Библии, выпукло выделенный с буквами по бокам вырезанными IѲ. Верху него над узловатым украшением якаясь надпись, из которой только отчитать можно во второй строце «ыними», в третьей «зъ мертвых чаю». Ниже герба подобным же узлом вырезаны следующие слова — 1 строка: Друкарь книгъ. 2-я строка: Предь тымь не ви, 3-я строка: даных. Буквы надписи... по обыкновению лапидарного почерка часто соединены по две и три. Понеже камень разломаный на середине, то некоторыи буквы надписи выкрушились» [69]. Итак, в 1860 г. надгробная плита Ивана Федорова уже была разломана пополам, а также истерта до такой степени, что часть надписи не читалась.

Прошло еще 13 лет. В 1873 г. Львов посетил председатель Московского археологического общества А. С. Уваров. Побывал он и в Онуфриевском монастыре, чтобы повидать надгробие Ивана Федорова. Уваров, по словам М. Мациевского, автора «Истории монастыря чина св. Василия Великого», «вельми урадовався, ще еще подпись на камены не была совершенно зтерта». Он срисовал плиту, а также заказал ее гипсовый слепок, который, как утверждает тот же Мациевский, «художники львовские изделали» [70].

Слепок был увезен в Москву и здесь передан в Московскую Синодальную типографию. Его вделали в торец шкафа Типографской библиотеки. Снимок слепка неоднократно воспроизводился [71]. Надпись на нем читается совершенно четко. По периферии: «Іоан Ѳеодоровичъ друкарь Москвитинъ которыи своимъ тща-

ниемь друкованіе занедбалое ѡбновилъ преставися въ Львовѣ АФПГ року (1583) декемвр S. (6). В центре: «Оупокоенія въскрснія из мертвых чаю друкаръ книгъ пред тымъ невиданныхъ».

Последним видел плиту западноукраинский историк А. С. Петрушевич, который побывал в Онуфриевском монастыре 14 августа 1883 г. «Надгробный камень, — рассказывал он, — почти один сажень долготою находится ныне в церкви св. Онуфрия в притворе близ главных дверей, с правой стороны под стеною, закрыт теперь скамейками. Камень сей некогда находился извне церкви и сюда позднее употреблен был для вымощения пола в притворе» [72].

Несколько месяцев спустя надгробная плита исчезла при весьма таинственных обстоятельствах. 1 декабря 1883 г. О. А. Мончаловский на страницах львовской газеты «Слово» обвинил игумена Онуфриевского монастыря Климента Сарницкого в преднамеренном уничтожении надгробия [73]. Обвинение было подхвачено русской реакционной прессой. «Новое время» утверждало, что «этот случай показывает, до какой степени фанатизма и изуверства доходит ненависть к русской народности в Галиции» [74].

Оправдываясь, К. Сарницкий 9 декабря 1883 г. в присутствии 6 свидетелей составил протокол о том, что камень рассыпался, когда его приподняли, ремонтируя пол церкви [75]. С. Л. Пташицкий, бывший в ту пору во Львове, описывал этот прискорбный случай в следующих словах: «Осенью... производился ремонт всей церкви, сделана перестилка пола и положен новый асфальтовый. Старые камни убирались, но не археологами, а простыми рабочими, под присмотром монастырской братии. Лом каменщиков коснулся и камня Федорова. Отец игумен свидетельствует, что песчаник, выветрившийся через 300 лет, не выдержал напора лома и рассыпался в кусочки. Не удалось их собрать в единое целое и, таким образом, единственный наглядный памятник волею непостижимой судьбы исчез с лица земли» [76].

На этом можно было бы поставить точку. Однако 18 лет спустя, в 1901 г., во Львове побывал русский археолог Г. А. Воробьев, утверждавший впоследствии, что он видел надгробие Ивана Федорова «недалеко от главного входа... под лавками» и сумел даже прочитать надпись на нем [77]. Удалось повидать плиту и журналисту А. Ходоровскому (Ардову), побывавшему во Львове в 1914 г. Плиту эту будто бы показывал ему игумен монастыря — «не очень старый иеромонах в типичном для василианцев подряснике и маленькой скуфейке». Находилась плита не в церкви, а во дворе. «С левой стороны у старинной тяжелой железной двери монастырской часовни, — рассказывал Ходоровский, — я действительно замечаю грязную, порядочно стертую плиту. Она вделана в стену. Вделана примитивно, без защиты или прикрытия. От этого плита все время подвергается действию влаги, размывающей вырубленную надпись. Прочесть надпись на плите сейчас

уже невозможно. Если встать подальше, можно еще разобрать два-три слова»[78].

Специальная печать комментировала сообщение А. Ходоровского как «радостную весть»[79]. Стали даже собирать деньги на перенос плиты в Москву. Однако побывавший вскоре во Львове искусствовед и любитель редкой книги В. Верещагин на страницах журнала «Старые годы» написал совершенно противоположное: «Время этой плиты не пощадило»[80]. Противоречие было замечено. «Где же правда?» — вопрошал журнал «Наборщик и печатный мир»[81]. В своем письме в редакцию журнала В. Верещагин еще раз высказал твердое убеждение, что надгробие Ивана Федорова больше не существует[82].

Прошло несколько лет. 8 ноября 1923 г. луцкий епископ Иосиф, ссылаясь на игумена Онуфриевского монастыря Мелетия Лончину, составил новый протокол, посвященный судьбе надгробной плиты. Утверждалось, что плита замурована около алтаря правой боковой часовни Онуфриевской церкви.

В феврале 1924 г., когда отмечалось 350-летие украинского книгопечатания, И. Кревецький отправился к Мелетию Лончине, чтобы разобраться во всех этих противоречивых свидетельствах. Лончина заявил, что еще в 1887 г. он осматривал Онуфриевскую церковь вместе с тогдашним игуменом Климентом Сарницким. Последний показал ему на плиту не более метра длиной, которая была замурована в пол часовни слева от престола: «Вот плита первого русского друкаря Ивана Федорова»[83]. В 1903 г. церковь снова ремонтировалась. Тогда-то, по словам Лончины, архитектор Ив. Левинский возвел новую стену, закрывшую надгробие первопечатника. И. Кревецький опубликовал чертеж, указывающий место, где должна была находиться плита. Пытаясь примирить две разноречивые версии Сарницкого, он утверждал, что в 1883 г. игумен говорил об уничтожении лишь части плиты. Уцелевший фрагмент ее будто бы был вмурован в пол, а затем закрыт стеной. Фрагмент этот неоднократно искали, в том числе и в послевоенные годы, но по сей день не нашли.

Дата кончины. В посвященной Ивану Федорову литературе немало противоречий. Противоречивы и сведения о дате кончины первопечатника. Некоторые авторы утверждают, что Иван Федоров умер 5 декабря 1583 г.[84], другие — 6 декабря 1583 г.[85] Переводя эти даты на новый стиль, исследователи утверждают, что первопечатник скончался 5(14)[86], 5(15)[87], 6(16)[88] и 6(17)[89] декабря 1583 г. Две из этих дат можно сразу же отмести как неправильные. В XVI в. разница между «старым» и «новым» стилем составляла 10 суток.

Нам, таким образом, предстоит выяснить справедливость одной из двух дат — 5(15) декабря или 6(16) декабря 1583 г. Любопытно, что в прошлом столетии склонялись преимущественно к первой дате. 5 декабря 1883 г. отмечали 300-летие со дня кон-

чины первопечатника[90]. 75 лет спустя, в 1958 г., юбилейную дату передвинули на 16/6 декабря[91].

14 декабря 1583 г. седляр Сачко Сенькович явился в войтовское правление Львова и наложил арест на все движимое и недвижимое имущество «предусмотрительного Ивана Мосха, типографа русских книг»[92]. Слова, которым акты обычно сопровождают имя покойного, в этом документе нет. Значит, Иван Федоров еще был жив. Первое упоминание о нем как о покойном встречается лишь 3 февраля 1584 г.[93] В промежуток между этими двумя датами первопечатник умер.

Более точную дату кончины устанавливают обычно по записи на надгробной плите. Все первые авторы, писавшие о плите, называют дату 5 декабря 1583 г.: Г. Попель (1771 г.), М. Гриневецкий (1817 г.), Д. Зубрицкий (1836 г.), В. Компаневич (1837 г.). Ту же дату указывает и М. П. Погодин, посетивший Львов в 1835 г.

Лишь в 1874 г. появляется новая дата: 6 декабря 1583 г. Ее предлагает А. С. Петрушевич. То же число совершенно ясно читается на слепке А. С. Уварова. Кому же из перечисленных нами очевидцев, людей почтенных и уважаемых, верить?

Противоречие заметил еще в 1893 г. С. Т. Голубев. По его мнению, все ранние авторы читали запись на надгробии ошибочно — они принимали кирилловскую цифру S (6) за арабскую — 5[94]. Мы принять этот довод не можем. Наивно было бы полагать, что Д. Зубрицкий или М. Погодин не знали кирилловской нумерации.

Отметим, наконец, что на ранних рисунках плиты, сделанных М. Гриневецким в 1817 г. и П. Кеппеном в 1822 г., верхней правой части с датой смерти первопечатника нет — авторы рисунков не смогли прочитать этой части надписи, хотя в рукописной транскрипции М. Гриневецкий воспроизвел ее. Лишь на рисунке со слепка А. С. Уварова надпись читается совершенно отчетливо. Каким образом смог А. С. Уваров прочитать надпись в 1873 г., если на полвека ранее П. И. Кеппен не сумел этого сделать? Как удалось А. С. Уварову воспроизвести ее в полном виде, если еще в 1860 г. Я. Ф. Головацкий указывал: «Сторона от запада совсем истерта, что неможно отчитати ничего»? По-видимому, уваровский слепок был скорее реконструкцией, нежели точной копией оригинала. А. С. Уваров частично осовременил и русифицировал правописание надписи. Так, в окончаниях он везде ставит «ъ» вместо «ь»: «своимъ» вместо «своимь», «обновилъ» вместо «обновиль» и даже «друкаръ» вместо «друкарь» (в средней части надписи).

Все это дает нам право думать, что на слепке могла быть искажена и дата кончины первопечатника и что вопреки общепринятой в последнее время версии точной датой следует считать 5(15) декабря 1583 г.

В пользу этого свидетельствует и надпись, сделанная украин-

ской скорописью XVIII в. на экземпляре Апостола 1574 г., принадлежавшем Онуфриевскому монастырю. Надпись эту мы полностью опубликовали в 1964 г.[95]; в этой книге она была приведена выше. Для нас важно, что в ней точно указана дата смерти Ивана Федорова; «АФПГ (1583 г.) дня. Е (5) декембр...». Дата приведена в кирилловской транскрипции, что позволяет опровергнуть версию С. Т. Голубева. Кроме того, она оканчивается словами, свидетельствующими, что автор ее собственными глазами видел надгробие Ивана Федорова и именно оттуда списал дату. Каждый, подчеркивает он, кто сомневается, что типограф похоронен в Онуфриевской церкви, может взять Апостол 1574 г. в монастырской библиотеке, отнести его в церковь и сравнить изображения типографских знаков в книге и на надгробии: «...кийждо сия снести и сравнити может».

Резюмируя, еще раз подчеркнем: первопечатник Иван Федоров скончался 5(15) декабря 1583 г.

Место захоронения. Издавна считалось, что Иван Федоров был похоронен на кладбище при Онуфриевском монастыре. Уже в хронике Г. Попеля 1771 г. указывается, что плита с могилы впоследствии пошла на перестилку пола в церкви. Мнение получило широкое распространение, но оно — не единственное. М. Мациевский, автор «Истории монастыря чина св. Василия Великого», спрашивал: «Чи Москвичь в церкве погребен, где его надгробный камень знаходится?»[96]. Автор записи XVIII в. в экземпляре Апостола 1574 г., принадлежавшем Онуфриевскому монастырю, давал на этот вопрос положительный ответ. Если это так, то останки первопечатника следует искать там, где когда-то находилась плита: «пред олтарем пресвятыя богородицы».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наследство первопечатника!

О нем можно говорить как в прямом, так и в переносном смысле. Наследником Ивана Федорова в прямом смысле был его сын Иван Иванович. Еще в ту пору, когда он был несовершеннолетним, типограф назначил опекуном своих детей и распорядителем имущества в случае его преждевременной смерти «рурмайстера» Юрия — того самого водопроводчика, который поселился в «Кулганкивской каменице», где в 1573—1574 гг. жил Иван Федоров. В документе говорится именно о детях Ивана Федорова — во множественном числе. Однако ни об одном из них, кроме Ивана Ивановича, у нас никаких сведений нет.

Юрий, или Георгий, был близким другом семьи Ивана Федорова. 2 апреля 1584 г. он явился в Гродский суд и заявил, что не может больше исполнять обязанности опекуна, ибо старший сын покойного типографа уже совершеннолетний. Ему-то Юрий и передал свои обязанности [1].

Прежде всего старший сын типографа попытался собрать долги, которых было немало. Иван Федоров в последний год жизни находился в стесненных денежных обстоятельствах. Однако он был весьма далек от той крайней степени нищеты, о которой обычно повествуют авторы популярных книг и статей. Факты свидетельствуют, что и в этот тяжелый год через руки первопечатника проходили большие суммы денег. Да и должников у него было немало. 3 февраля 1584 г. Иван Иванович выдал Ганушу из Острога доверенность на получение долга с заблудовского протопопа Нестора в размере 15 коп литовских грошей [2]. Нестор, служивший в заблудовской церкви Успения богородицы, по-видимому, принимал участие в распространении книг, напечатанных Иваном Федоровым. Сохранились экземпляры Апостола 1564 г. и Апостола 1574 г. с вкладными записями, сделанными рукой Нестора в 1578 и 1602 гг. [3] 27 марта 1584 г. сын печатника уполномочил Мартина Голубниковича взыскать долг — 100 злотых с владельца бумажной мельницы в Буске Варфоломея [4]. 27 ноября 1584 г.

Иван Иванович, явившись в Городскую лаву, засвидетельствовал, что он продает за 380 злотых и 10 грошей книжную лавку, приобретенную для него ранее Мартином Голубниковичем у киевского мещанина Ивана Лозни[5]. В тот же день он уполномочил Голубниковича вести все его дела, гарантировав возможные убытки суммой в 500 злотых[6].

Чтобы читатель мог понять, насколько велики все эти суммы, скажем, что бык в ту пору стоил во Львове 4 злотых и что сам Иван Иванович за несколько лет пред этим продал принадлежащую ему часть дома и сад за 7 злотых.

Ивану Ивановичу не пришлось продолжить дело отца. Последний раз имя его упоминается в актах под 4 декабря 1584 г.[7] 9 февраля 1585 г. его уже не было в живых; деловые взаимоотношения улаживала его жена Татьяна[8]. Разгадку столь ранней гибели сына первопечатника находим в жалобе 1592 г. львовского братства на епископа Гедеона Балабана. Здесь рассказывается и о том, как властолюбивый владыка, разгневанный за что-то на «Ивана сына друкаря», посадил его в яму и «на смерть уморил»[9].

В марте 1588 г. Татьяна продала Ивану Седляру за 6 злотых «два обжимных инструмента, именуемых „прассы“ и относящихся к переплетному ремеслу, из которых один — для обжимки бумаги, а второй — для обрезки книг» — последнее, что осталось у семьи от некогда превосходно оборудованной типографии Ивана Федорова[10].

Мастерские, заложенные Иваном Федоровым краковскому купцу Фольтыну Бертольдо, как уже известно читателю, хранились во Львове, в доме Ивана Бильдяги. Стремясь заполучить типографию и книги, Сачко Сенькович Седляр 7 февраля 1584 г. заплатил аптекарю Иерониму, поверенному Бертольдо, 300 злотых[11]. Аптекарь передал Сачко «русские Библии». 9 сентября 1585 г. Сачко Сенькович, его мать Анна и отчим Сенько Корунко засвидетельствовали в львовском Гродском суде, что «некий Фольтын Бертольдо, краковский горожанин, при посредстве Иеронима аптекаря, передал им 200 книг, а именно — русских Библий, частично неполных, а также две мастерские для [изготовления] подобных книг»[12].

Для оценки наследства Совет города Львова создал комиссию, в которую вошли викарий Успенской церкви Григорий, священник Иосиф из церкви св. Федора на львовском Подзамчье, а также мастера столярного цеха Фома Сикст и Иван Кавка[13]. 2 октября 1585 г. комиссия посетила подвал дома Бильдяги и составила опись имущества, выдержки из которой мы приводили выше. Дальнейшая судьба типографского имущества первопечатника освещена И. П. Крипъякевичем и М. Гембаровичем[14].

Значительно больший интерес представляет для нас судьба духовного наследия первопечатника.

Дело, которому посвятил жизнь Иван Федоров, восторжествовало. После короткого перерыва книгопечатание возобновилось

в Москве и с тех пор уже существовало здесь постоянно. Столетие спустя поэт и издатель Симеон Полоцкий мог уже с полным основанием заявить, что «Россия славу расширяет не мечом токмо, но и скоротечным типом, чрез книги сущим многовечным». Став на ноги и окрепнув, русское книгопечатание подарило миру много замечательных книг, по праву вошедших в сокровищницу мировой культуры.

Иван Федоров был подлинным героем и начального периода истории белорусского книгопечатания. Он развил и умножил лучшие традиции Франциска Скорины. Он внес в белорусское книжное дело свежую струю, обогатив его опытом московских мастеров. Отныне книгопечатная деятельность на белорусских землях уже не прекращалась. Эстафету подхватил Петр Мстиславец, Василий Гарабурда, Мамоничи, Спиридон Соболь, мастера Виленской, Кутеинской, Могилевской, Супрасльской типографий...[15]

Так и на Украине. Семена, посеянные здесь Иваном Федоровым, дали особенно богатые всходы. Типографское оборудование первопечатника легло в основу Ставропигийской братской типографии, которая в течение трех с лишним столетий снабжала Украину и соседние страны печатным словом[16]. Работали здесь на первых порах ученики Ивана Федорова. А ученики его учеников привезли печатный станок в Киев.

Продолжалась типографская деятельность на Волыни. И здесь работали ученики Ивана Федорова. Мы знаем даже их имена, упомянутые в описи 1603 г.: Иван, Тишко и Федор[17]. Один из волынских друкарей, освоивших ремесло в острожской типографии Ивана Федорова, — Анисим Михайлов Радишевский — пришел в Москву и стал здесь сначала переплетчиком, затем печатником и, наконец, техническим руководителем Пушкарского приказа, первым русским инженером, автором прославленного «Устава ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки»[18].

Дело и жизнь Ивана Федорова дороги нам и потому, что они являют собой пример дружественных связей русского, украинского и белорусского народов — связей, ставших столь плодотворными в наши дни. Поэтому-то праздник 400-летия украинского книгопечатания дорог сердцу всех народов нашей многонациональной Родины.

12—839

СОКРАЩЕНИЯ

АЕ — Археографический ежегодник за... год. М., 1962—1971
АЗР — Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 1—5. Спб., 1846—1853
АрхЮЗР — Архив Юго-Западной России, издаваемый Комиссией для разбора древних актов, состоящей при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Ч. 1—8 (34 т.). Киев, 1859—1914
АС — Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. Т. 1—14. Вильна, 1867—1904
АЮЗР — Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 1—15. Киев, 1863—1892
БАН — Библиотека Академии наук СССР (Ленинград)
БАН ЛССР — Библиотека Академии наук Литовской ССР (Вильнюс)
БАН УССР — Центральная научная библиотека Академии наук УССР (Киев)
БВ — Бібліологичні вісти. Київ, 1923—1929
ВГУ — Научная библиотека Вильнюсского государственного университета (Вильнюс)
ГИБ УССР — Государственная историческая библиотека УССР (Киев)
ГИМ — Государственный исторический музей (Москва)
ГПИБ — Государственная публичная историческая библиотека (Москва)
ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград)
ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения. Спб., 1834—1917
ЗНТШ — Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Т. 1—155. Львів, 1892—1937
ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. 1—32. Спб. (Л.), 1896—1927
ИРЛИ — Институт русской литературы Академии наук СССР
К — Книга. Исследования и материалы. Сб. 1—26. М., 1959—1973
ЛГУ — Научная библиотека им. М. Горького Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова (Ленинград)
ЛБ — Отдел редких книг Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (Москва)
ЛГИМ — Государственный исторический музей (Львов)
ЛГНБ — Государственная научная библиотека Министерства культуры УССР (Львов)
Льв.ГУ — Научная библиотека Львовского государственного университета
МГУ — Научная библиотека им. М. Горького Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва)
МИР — Музей истории религии и атеизма (Ленинград)
МУИ — Музей украинского искусства (Львов)
ОГНБ — Государственная научная библиотека им. М. Горького (Одесса)

ОРЛБ — Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (Москва)
ПДП — Памятники древней письменности. Т. 1—190. Спб. (Л.), 1878—1925
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. Т. 1—31. Спб. (М.—Л.), 1846—1868
РИБ — Русская историческая библиотека. Т. 1—39. Спб. (Л.), 1872—1927
Сб.РИО — Сборник Русского исторического общества. Т. 1—148. Спб., 1867—1916
СГУ — Научная библиотека Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского
СОРЯС — Сборник отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. 1—101. Спб. (Л.), 1867—1928
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы Академии наук СССР. Т. 1—26. М.—Л., 1934—1971
ХГУ — Центральная научная библиотека Харьковского государственного университета
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов (Москва)
ЦГИА УССР — Центральный государственный исторический архив УССР (Киев)
ЦГИА УССР во Львове — Центральный государственный исторический архив УССР (Львов)
ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1846—1918
ЮИЛСБ — Юбилейное издание в память 300-летия основания Львовского Ставропигийского братства. Львов, 1886

AGZ — Akta grodzkie i ziemskie. T. 1—25. Lwów, 1868—1935
EWK — Encyklopedia wiedzy o książce. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1971
MCSL — Monumenta Confraternitatis Stauropigianae Leopoliensis. T. 1—2. Leopolis, 1895
MPV — Monumenta Poloniae Vaticana. T. 6. Cracoviae, 1938
ZD — Źródła dziejowe. T. 9. Księgi podskarbińske z czasów St. Batorego. 1576—1586, cz. 2. Wydal Adolf Pawiński. Warszawa, 1881

СПИСОК ЧАСТО УПОТРЕБЛЯЕМЫХ СОКРАЩЕННЫХ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ОТСЫЛОК

Анушкин — Анушкин А. И. На заре книгопечатания в Литве. Вильнюс, 1970.

Брике — см. Briquet.

Горский, Невоструев — Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной (патриаршей) библиотеки, т. 1—6. М., 1855—1917.

Горфункель — Горфункель А. Х. Каталог книг кирилловской печати 16—17 вв. Л., 1970. (Научная библиотека им. М. Горького Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова).

Запаско, I — Запаско Я. П. Орнаментальне оформлення української рукописної книги. Київ, 1960.

Запаско, II — Запаско Я. Першодрукар Іван Федоров. Нарис. Львів, 1964.

Запаско, III — Запаско Я. П. Мистецтво книги на Україні в XVI—XVIII вв. Львів, 1971.

Зернова, I — Зернова А. С. Начало книгопечатания в Москве и на Украине. М., 1947.

Зернова, II — Зернова А. С. Орнаментика книг московской печати XVI—XVII вв. М., 1952 (в отсылках на рисунки альбома дается сокращенное обозначение и порядковый номер рисунка, например: Зерн. 25).

Зернова, III — Зернова А. С. Книги кирилловской печати, хранящиеся в заграничных библиотеках и неизвестные в русской библиографии. — «Труды Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина», 1958, т. 2, с. 5—37.

Зернова, IV — Зернова А. С. Второе издание Букваря Ивана Федорова. — «Труды Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина», 1959, т. 3, с. 189—194.

Исаевич, I — Исаевич Я. Д. Кирилловские старопечатные книги в коллекциях Польской Народной Республики. — «Книга. Исследования и материалы», 1963, вып. 8, с. 291—296.

Исаевич, II — Исаевич Я. Д. Львовский Апостол Ивана Федорова 1574 г. — «Книга. Исследования и материалы», 1964, вып. 9, с. 54—68.

Исаевич, III — Ісаевич Я. Д. Першодрукар Іван Федоров на Україні. Київ, 1964.

Исаевич, IV — Ісаевич Я. Д. Братства та їх роль в розвитку української культури XVI—XVIII ст. Київ, 1966.

Исаевич, V — Ісаевич Я. Д. Львівскі видання XVI—XVIII ст. Каталог. Львів, 1970.

Калайдович, I — Калайдович К. Иоанн Федоров, первой московской типографщик. — «Вестник Европы», 1813, № 18, с. 93—123.

Калайдович, II — Калайдович К. Записка об Иоанне Федорове. — «Вестник Европы», 1822, № 11, с. 294—302.

Калайдович, III — Калайдович К. Библиографическое известие о Евангелии учительном, напечатанном в Заблудове. 1569 года первыми московскими типографщиками. — «Северный архив», 1823, № 4, с. 318—326.

Каратаев, I — Каратаев И. Хронологическая роспись славянских книг, напечатанных кирилловскими буквами. 1491—1730. Спб., 1861.
Каратаев, II — Каратаев И. Описание славяно-русских книг, напечатанных кирилловскими буквами. 1491—1730. Вып. 1. С 1491 по 1600 г. Спб., 1878.
Каратаев, III — Каратаев И. Описание славяно-русских книг, напечатанных кирилловскими буквами, т. 1. С 1491 по 1652 г. Спб., 1883.
Кашпржак — Кашпржак Е. И. Первопечатник Иван Федоров. М., 1964.
Кеппен — Кеппен П. И. Хронологическая роспись первопечатным славянским книгам. — «Библиографические листы», 1825, № 1, с. 9—12; № 6, с. 77—84; № 11, с. 149—156; № 16, с. 221—228; № 21, с. 293—300.
Киселев, I — Киселев Н. П. Наборные украшения в изданиях Ивана Федорова. — «Книга. Исследования и материалы», 1964, вып. 9, с. 69—76.
Киселев, II — Киселев Н. П. Происхождение московского старопечатного орнамента. — «Книга. Исследования и материалы», 1965, вып. 11, с. 167—198.
Книга і друкарство — Книга і друкарство на Україні. Київ, 1965.
Ковальский — Ковальский М. П. Джерела про початковий етап друкарства на Україні. (Діяльність першодрукаря Івана Федорова в 70-х — на початку 80-х рр. XVI ст.). Дніпропетровськ, 1972 (Дніпропетровський державний університет).
Коляда, I — Коляда Г. И. «Грамматикия» Ивана Федорова. — «Вестник истории мировой культуры», 1959, № 3, с. 135—145.
Коляда, II — Коляда Г. И. Работа Ивана Федорова над текстами Апостола и Часовника и вопрос о его уходе в Литву. — ТОДРЛ, т. 17. М.—Л., 1961, с. 225—254.
Коляда, III — Коляда Г. И. Иван Федоров первопечатник (Московский период деятельности). Автореф. дис. на соиск. учен. степени д-ра филологич. наук. М., 1961.
Коляда, IV — Коляда Г. И. Труды и дни «друкаря книг пред тым невиданных». — «Научные труды Ташкентского государственного университета им. В. И. Ленина», 1964, вып. 260, с. 12—49.
Коляда, V — Коляда Г. І. Друкарський знак Івана Федорова. — В кн.: Українська книга. Київ — Харьків, 1965, с. 185—193.
Крипъякевич — Крип'якевич І. П. Зв'язки Західної України з Росією до середини XVII ст. Нариси. Київ, 1953.
Лауцявичюс — см. Laucevičius.
Лихачев — Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. Ч. 1—3. Спб., 1892.
Лукьяненко — Лукьяненко В. И. Азбука Ивана Федорова, ее источники и видовые особенности. — ТОДРЛ. Т. 16. М.—Л., 1960, с. 208—229.
Макаренко — Макаренко М. Орнаментація української книжки XVI—XVII ст. — В кн.: Українська книга XVI—XVIII ст. Київ, 1926.
Мацюк — Мацюк О. Водяні знаки на папері друків Івана Федорова. — «Науково-інформаційний бюлетень Архівного управління УРСР», 1964, № 3, с. 37—46.
Миловидов — Миловидов А. И. Описание славяно-русских старопечатных книг Виленской публичной библиотеки. Вильна, 1908.
Немировский, I — Немировский Е. Л. Документальные материалы львовских архивов о последнем периоде жизни и деятельности Ивана Федорова. — «Исторический архив», 1961, № 4, с. 229—235.
Немировский, II — Немировский Е. Л. Очерки историографии русского первопечатания. — «Книга. Исследования и материалы», 1963, вып. 8, с. 5—42.
Немировский, III — Немировский Е. Л. Труды по истории русского первопечатания во второй половине XIX — XX вв. — «Книга. Исследования и материалы», 1964, вып. 9, с. 389—437.
Немировский, IV — Немировский Е. Л. Первопечатник Иван Федоров. Жизнь и деятельность. — «Полиграфия», 1964, № 3, с. 5—13.
Немировский, V — Немировский Е. Л. Возникновение книгопечатания в Москве. Иван Федоров. М., 1964.
Немировский, VI — Немировский Е. Л. Первопечатник Иван Федоров в Краковском университете. — «Советское славяноведение», 1969, № 1, с. 49—56.

Немировский, VII — Немировский Е. Л. Начало славянского книгопечатания. М., 1971.
Огиенко — Огієнко Ів. Історія українського друкарства, т. 1. Львів, 1925.
Отчет МПРМ — Отчет Московского публичного и Румянцевского музеев за... год. М., 1864—1917.
Отчет ИПБ — Отчет имп. Публичной библиотеки за... год. Спб., 1813—1917.
Петров — Петров С. О., Бирюк Я. Д., Золотарь Т. П. Славянские книги кирилловской печати, хранящиеся в Государственной публичной библиотеке УССР. Киев, 1958.
Петрушевич — Петрушевич А. С. Каталог церковно-славянских рукописей и старопечатных книг кирилловского письма, находящихся на Археологическо-библиографической выставце в Ставропигийском заведении. Львов, 1888.
Пичета — Пичета В. И. Белоруссия и Литва XV—XVI вв. (исследования по истории социально-экономического, политического и культурного развития). М., 1961.
Попов П. — Попов П. Н. Слов'янски инкунабули київських бібліотек. — «Бібліолотичні вісти», 1924, № 1—3, с. 150—165.
Попов — Попов А. Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М., 1872.
Протасьева — Протасьева Т. Н. Описание первопечатных русских книг. — В кн.: У истоков русского книгопечатания. М., 1959, с. 155—196.
Пташицкий, I — Пташицкий С. Л. Иван Федоров, московский первопечатник. Пребывание его во Львове. 1573—1583 гг. — «Русская старина», 1884, т. 151, № 3, с. 461—478.
Пташицкий, II — Пташицкий С. Л. Иван Федоров. Издания Острожской Библии в связи с новыми данными о последних годах его жизни. — «Печатное искусство», 1903, июль — август, с. 291—307.
Родосский — Родосский А. Полное описание старопечатных церковно-славянских книг, хранящихся в Библиотеке Спб. Духовной академии. Спб., 1884.
Романовский — Романовський В. Друкар Іван Федоров, його життя та діяльність. — В кн.: Українська книга XVI — XVII — XVIII ст. Київ, 1926, с. 1—55.
Сахаров — (Сахаров И. П.) Обозрение славяно-русской библиографии, т. 1, кн. 2. Хронологическая роспись славяно-русской библиографии. Спб., 1849.
Свенцицкий, I — Свенцицкий И. Каталог книг церковно-славянской печати. Жовква, 1908 (Церковный музей во Львове).
Свенцицкий, II — Свенцицкий И. Опись музея Ставропигийского института во Львове. Львов, 1908.
Свенцицкий, III — Свенцицкий І. Початки книгопечатаня на землях України. Жовква, 1924.
Сидоров, I — Сидоров А. А. История оформления русской книги. М., 1946. То же. М., 1964.
Сидоров, II — Сидоров А. А. Древнерусская книжная гравюра. М., 1951.
Сидоров, III — Сидоров А. А. Книга и жизнь. М., 1972.
Сичинский — Січинський В. Історія українського граверства. Львів, 1937.
Сопиков — Сопиков В. Опыт российской библиографии, ч. 1—5. Спб., 1813—1821.
Строев, I — Строев П. Обстоятельное описание старопечатных книг славянских и российских, хранящихся в библиотеке... Федора Андреевича Толстова. М., 1829.
Строев, II — Строев П. Описание старопечатных книг славянских, находящихся в библиотеке... Ивана Никитича Царского. М., 1836.
Строев, III — Строев П. Описание старопечатных книг славянских, служащее дополнением к описаниям библиотек графа Ф. А. Толстова и купца И. Н. Царского. М., 1841.
Строев, IV — Строев П. Библиотека имп. Общества истории и древностей российских. М., 1845.
Тихомиров, I — Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962.
Тихомиров, II — Тихомиров М. Н. Русская культура X—XVIII вв. М., 1968.

Ундольский, I — Ундольский В. М. Каталог славяно-русских книг церковной печати библиотеки А. И. Кастерина. М., 1848.

Ундольский, II — Ундольский В. М. Очерк славяно-русской библиографии. Хронологический указатель славяно-русских книг церковной печати с 1491-го по 1864-й годы. М., 1871.

Чертков — (Чертков А. Д.) Всеобщая библиотека России, или Каталог книг для изучения нашего отечества во всех отношениях и подробностях. М., 1838; То же. Прибавление второе. М., 1845.

Ширяев — Реестр старопечатных славянских книг, находящихся в библиотеке А. С. Ширяева. М., 1833.

Щепкина, Протасьева — Щепкина М. В., Протасьева Т. Н. Сокровища древней письменности и старой печати. Обзор рукописей русских, славянских, греческих, а также книг старой печати Государственного Исторического музея. — «Труды ГИМ», 1958, вып. 30.

Barnicot and Simmons — Barnicot J. D. A. and Simmons J. S. G. Some unrecorded early-printed slavonic books in english libraries. — «Oxford Slavonic Papers», 1951, vol. 2, p. 98—118.

Bohonos — Bohonos M. Katalog starych druków Biblioteki Zakładu Narodowego im. Ossolińskich. Polonica wieku XVI. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1965.

Bostel — Bostel F. Przyczynek do dziejów pierwszej ruskiej drukarni we Lwowie. — «Pamiętnik literacki», 1902, z. 2, s. 294—303.

Briquet — Briquet C. M. Les filigranes. Dictionnaire historique des marques du papier dès leur apparition vers 1282 jusqu'en 1600. Vol. 1—4. Genève, 1907; То же. A facsimile of the 1907 edition with supplementary material contributed by a number of scholars. General editor J. S. G. Simmons. Amsterdam, 1968.

Charewiczowa — Charewiczowa L. Lwowskie organizacje zawodowe za czasów Polski przedrozbiorowej. Lwów, 1929.

Drukarze — Drukarze dawnej Polski od XV do XVIII wieku. Z. 5. Wielkie Księstwo Litewskie. Wrocław — Kraków, 1959. Z. 6. Malopolska — Ziemie Ruskie. Wrocław — Kraków, 1960.

Gębarowicz — Gębarowicz M. Iwan Fedorow i jego działność w latach 1569—1583 na tle epoki. — «Roczniki biblioteczne», rok XIII, z. 1—2, Wrocław — Warszawa, 1969, s. 5—95; z. 3—4, Wrocław — Warszawa, 1969, s. 393—481.

Grasshoff und Simmons — Grasshoff H. und Simmons J. S. G. Iwan Fedorovs griechisch — russisch/kirchenslawisches Lesebuch von 1578 und der Gothaer Bukvar' von 1578/1580. Berlin, 1969 (Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst. Jg. 1969. № 2).

Jakobson — Jakobson R. Iwan Fedorov's Primer. — «Harvard Library Bulletin». Vol. 9. Cambridge — Massachusetss, 1955, p. 5—45.

Jędrzejowska — Jędrzejowska A. Książka polska we Lwowie. Lwów — Warszawa, 1928.

Laucevičius — Laucevičius E. Popierius Lietuvoje XV—XVIIIa, т. 1—2. Vilnius, 1967.

Ptaśnik — Ptaśnik J. Cracovia impressorum XV et XVI saec. Leopoli, 1922.

Ptaszycki — Ptaszycki St. Iwan Fedorowicz, drukarz ruski we Lwowie z konca XVI wieku. «Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń wydziału filologicznego Akademii Umiejetnosci», т. 9. Kraków, 1886, s. 1—43.

Zubrzycki — Zubrzycki D. Historyczne badania o drukarniach rusko-slowiańskich w Galicyi. Lwów, 1836.

Примечания

ЛЬВОВСКАЯ ТИПОГРАФИЯ ИВАНА ФЕДОРОВА

[1] Древности. Труды имп. Московского археологического общества. 1914, т. 23, с. 119.
[2] Машталір Р. М. До питання про соціально-економічні передумови виникнення друкарського виробництва на Україні. — В кн.: Наукові записки, т. 15. Львів, 1962, с. 77 (Український полиграфічний інститут).
[3] Сб. РИО, т. 71. Спб., 1892, с. 676.
[4] См.: Королюк В. Д. Ливонская война. Из истории внешней политики Русского централизованного государства во второй половине XVI в. М., 1954, с. 76—77.
[5] Там же, с. 85.
[6] Бевзо О. А. Львівський літопис и Острозький літописець. Київ, 1971, с. 128.
[7] АС, т. 4. Вильна, 1867, с. 18—19.
[8] См.: Винтер Э. Натиск контрреформации на Россию и польские королевские выборы 1575 и 1587 гг. — В кн.: Международные связи России до XVII в. М., 1961, с. 400—418.
[9] См.: Пичета, с. 585.
[10] См.: Samsonowicz H. Historia Polski do roku 1795. Warszawa, 1967, s. 161.
[11] Королюк В. Д. Ливонская война. М., 1954, с. 108.
[12] Цит. по: Bednarski S. Geneza Akademji Wileńskiej. Księga pamiątkowa ku uczczeniu 350 rocznicy założenia Universytetu Wileńskiego, t. 1. Wilno, 1919, s. 12—14.
[13] См.: Шмурло Е. Ф. Опись польской нунциатуры XVI в. — В кн.: Россия и Италия. Сб. ист. материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией, т. 2, вып. 1—2. Спб., 1908—1913.
[14] См.: Caligarii J. A., nuntii apostolae epistolae et acta 1578—1581. Ed. dr. Boratyński. Kraków, 1915 (MPV, t. 4); Theiner A. Annales ecclesiastici, t. 1—3. Roma, 1856.
[15] Pierling P. La Roussie et le Saint-Siège, études diplomatiques, t. 1. Paris, 1896, p. 400—401; Вержбовский Т. Отношения России и Польши. ЖМНП, 1882, август, с. 238.
[16] См.: Caligarii J. A., nuntii apostolici in Polonia epistolae et acta 1578—1581. Kraków, 1915 (MPV, t. 4).
[17] Об А. Поссевино см.: Pierling P. Bathory et Possevino. Paris, 1887; его же. Antonio Possevino. Missio Moscovitica. Paris, 1882.
[18] См.: Дополнения к актам историческим, относящимся к России. Собраны в иностранных архивах и библиотеках. Спб., 1848, с. 39—41.
[19] О П. Скарге см.: Berga A. Pierre Skarga. Paris, 1916; Tretiak J. Piotr Skarga w dziejach unii brzeskiej. Kraków, 1912; Tazbir J. Piotr Skarga. Warszawa, 1962.
[20] Цит. по: Яновский Л. Политическая деятельность Петра Скарги. Киев, 1907, с. 162.
[21] См.: Шумей Ю. Таемниця Онуфріївского монастыря. — «Вільна Україна»

(Львів), 1968, 28 ноября; его же. Преступление во Львове. — «Горьковский рабочий», 1967, 11 декабря.

22 См.: Chodynicki K. Kościół pravosławny a Rzéczpospolita Polska. Warszawa, 1934, s. 211.

23 См.: Skarga P. O jedności Kościoła Bożego pod jednym pasterzem i o greckiem od tej jedności odstąpieniu. Wilno, 1577; то же. Wilno, 1590. Перепечатка см.: РИБ, т. 7. Спб., 1882, с. 223—526.

24 Здесь и ниже цит. по: РИБ, т. 7. Спб., 1882, с. 485—486.

25 АЗР, т. 2, № 185, 197. Дополнения к актам историческим, относящимся к России. Спб., 1848, с. 140—143, № 53, 55.

26 Балабаны — шляхетский род с гербом «Корчак». См.: Kossakowski S. K. Monografie historyczno-genealogiczne niektórych rodzin polskich, t. 1. Warszawa, 1859, s. 200.

27 См.: Зубрицкий Д. Галицкая Русь в XVI столетии. ЧОИДР, 1862, кн. 3, отд. III, с. 44. Дополнения к актам историческим, относящимся к России. Спб., 1848, с. 147, № 58.

28 См.: MCSL, № 45, с. 46—47.

29 См.: MCSL, № 46, с. 47—48.

30 См.: MCSL, № 58, с. 70—71.

31 О Г Балабане см.: Гедеон Балабан, епископ львовский. — «Вестник Юго-Западной и Западной России», 1864, июль, с. 1—22; август, с. 34—43; Гильтебрандт П. Балабан Гедеон и его три книги. — РИБ, т. 19. Спб., 1903, с. 1—48.

32 См.: Огиенко, с. 136—144; Свенцицкий, III, с. 31—32; Книга і друкарство, с. 51—57.

33 ЛГИМ, Г—4218, Г—4307/9. Ср.: Львів у колекції графіки. Анотований каталог, вип. 1. Львів, 1960, с. 15. Рисунок Пассароти был гравирован на меди Ф. Гогенбергером.

34 См.: Roxolania Sebastiani Sulmyrcensis Acerni. Cracoviae, 1584 (см.: Bohonos, № 1283). О С. Ф. Клоновице и его поэме «Роксолания» см.: Голенищев-Кутузов И. Итальянское Возрождение и славянские литературы XV—XVI вв. М., 1963, с. 295—296; Стороженко А. Польско-латинский поэт С. Кленович. — «Университетские известия» (Киев), 1881, № 9.

35 См.: Островский Г. С. Львов. Художественные памятники. М., 1965, с. 23—24.

36 См.: Соціальна боротьба в місті Львові в XVI—XVIII ст. Збірник документів. Львів, 1961, с. 4.

37 ЮИЛСБ, с. 9.

38 См.: Срібний Ф. Студії з історії Львівської Ставропігії. ЗНТШ, т. 3. Львів, 1894, с. 8, 15; Alnpeck J. Opisanie miasta Lwowa. — «Pamiętnik Lwowski», 1816, t. 1, № 2, s. 103.

39 См.: Исаевич, IV, с. 13.

40 См.: Учреждения Западной Украины до воссоединения ее в едином Украинском Советском Социалистическом государстве. Справочник. Львов, 1955, с. 23.

41 ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, № 19, с. 1.

42 См.: Charewiczowa L. Handel średniowiecznego Lwowa. Lwów, 1925.

43 См.: Крипъякевич, с. 11—14.

44 См.: Бантыш-Каменский Н. И. Переписка между Россией и Польшей, т. 1. М., 1862, с. 133; Крипъякевич, с. 13—14. О торговых связях между Россией и Украиной см.: Мишко Д. І. Українсько-російські зв'язки в XIV—XVI ст. Київ, 1959.

45 См.: Charewiczowa L. Historiografia i miłośnictwo Lwowa. Lwów, 1938 (Biblioteka lwowska, t. 37).

46 Łoziński W. Patrycyat i mieszczaństwo Lwowskie w XVI i XVII wieku. Lwów, 1890, s. 225, 229.

47 См.: Charewiczowa L. Handel średniowiecznego Lwowa. Lwów, 1925, s. 115.

48 О «Марухне Анципорковне» — жене Бильдяги см.: ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, № 17, с. 1086—1087; ф. 9, № 48, с. 659.

49 MCSL, № 53, p. 57.

50 MCSL, № 57.

[51] Там же, № 63 (21 июня 1578 г.).
[52] Нариси історії Львова. Львів, 1956, с. 35.
[53] Там же, с. 33.
[54] См.: Машталір Р. М. До питання про соціально-економічні передумови виникнення друкарського виробництва на Україні. — В кн.: Наукови записки, т. 15. Львів, 1962, с. 81 (Український поліграфічний інститут).
[55] AGZ, t. 3. № 5. Ср.: Charewiczowa, s. 20.
[56] АрхЮЗР, ч. 1, т. 10. Киев, 1904.
[57] См.: Нариси історії Львова. Львів, 1956, с. 71.
[58] См.: Zimorowicz J. B. Opera quibus res gestae urbis Leopolis illustrantur. Leopoli, 1899.
[59] Фактографически исключительно богатые работы польского историка Люции Харевичовой устарели методологически. См.: Charewiczowa L. Lwowskie organizacje zawodowe za czasów Polski przedrozbiorowej. Lwów, 1929; ее же. Handel średniowiecznego Lwowa. Lwów, 1925.
[60] См.: Charewiczowa L. Lwów na przełomie XVII i XVIII wieku. — W. Studia z historju spolecznej i gospodarczej poświęcone prof. dr. F. Bujakowi. Lwów, 1931, s. 392—394.
[61] См.: Chazewiczowa, s. 153.
[62] См.: Łoziński W. Złotnictwo lwowskie w dawnych wiekach. 1384—1640. Lwów, 1889, s. 49.
[63] Репродукцию см. в цитированной выше книге В. Лозиньского (с. 60).
[64] См.; Розов Н. Н. Русская рукописная книга. Этюды и характеристики. Л., 1971, с. 20—28.
[65] Элементы старопечатного стиля можно найти в Евангелии из Здвиженя. См.: Свенціцкий І. Прикраси галицьких рукописів XVI в., вып. 2. Жовква, 1922, таб. 477. Одна из заставок рукописи использует мотивы гравированного на меди листа Г. З. Бехама, которые встречаются и в Апостоле 1574 г. Ивана Федорова.
[66] ЛГИМ, № 1, запись на л. 4—14.
[67] См.: Микитась В. Л. Давні рукописи і стародруки. Опис і каталог. Ужгород, 1961, с. 34—36.
[68] См.: Немировский, V, с. 253.
[69] См.: Запаско Я. П. Орнаментовані рукописи XI—XVI ст. в книгосховищах Української РСР. — В кн.: Матеріали з етнографії та художнього промислу. Київ, 1957, с. 150; Описание рукописей библиотеки историко-филологического института кн. Безбородко в г. Нежине. М., 1900.
[70] Огиенко, с. 369.
[71] См.: Запаско, II, с. 84; Запаско, III, с. 61.
[72] Ср.: Рогов А. И. Сведения о небольших собраниях славянско-русских рукописей в СССР. М., 1962, с. 27—31.
[73] Репродукции см.: Бугославский Г. К. Волынские рукописные евангелия и апостолы. — В кн.: Труды 9-го Археологического съезда в Вильне 1893 г., т. 2. М., 1897, табл. 25—26. По мнению Бугославского Евангелие написано в Галиции.
[74] Репродукцию в цвете см. там же, табл. 24.
[75] БАН УССР, № 15512.
[76] См.: Донесение г. министру народного просвещения магистра Московского университета Иосифа Бодянского из Праги от 23 марта 1838 г. — ЖМНП, 1838, № 5, с. 392—400.
[77] См.: Думитрашко Н. Замечательная рукопись Полтавской семинарии Пересопницкое Евангелие. — «Полтавские епархиальные ведомости», 1874, № 8, с. 271—282; № 9, с. 314—327 (есть оттиск); Житецкий П. И. О пересопницкой рукописи. — В кн.: Труды III Археологического съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 года, т. 2. Киев, 1878, с. 221—230; его же. Текст евангелия Луки из пересопницкой рукописи. Там же. Приложения, с. 43—111; Грузинский А. С. Пересопницкое евангелие как памятник искусства эпохи Возрождения в южной России в XVI в. — «Искусство», 1911, № 1, с. 1—48 (есть оттиск: Киев, 1911); его же. Палеографические и критические заметки о Пересопницком евангелии. — ЖМНП, новая серия, т. 38, 1912, № 4, с. 320—

335; № 6, с. 332—341 (оттиск: Спб., 1912); Павлуцкий Г. Г. Орнамент Пересопницкого евангелия. «Искусство», 1911, № 2, с. 83—92; Запаско, I, с. 78—84.

[78] См. подтвердительную жалованную грамоту Сигизмунда I на Пересопницкий монастырь. — АрхЮЗР, ч. 1, т. 1. Киев, 1859, с. 3—5.

[79] Репродукции см.: Свенціцкий І. Прикраси галицьких рукописів XVI в., вып. 1. Жовква, 1922, табл. 4176.

[80] Там же, вып. 2. Жовква, 1922, табл. 4174.

[81] МУИ, № 13778. Репродукции в указанном выше альбоме И. Свенцицкого.

[82] См.: Слуховский М. И. Библиотечное дело в России до XVIII в. М., 1968.

[83] См.: Немировский, I, с. 233—235.

[84] Ісаевич Я. Д. Бібліотека Львівского братства. — В кн.: Бібліотекознавство та бібліографія, сб. 3. Харьків, 1966, с. 126.

[85] См.: Zubrzycki, s. 63—68; Голубев С. Т. Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники, т. 1. Киев, 1883. Приложения, с. 167—171.

[86] См.: Крип'якевич І. Каталог бібліотеки Львівської Ставропігії з 1619. — «Українська книга», 1937, № 7—8, с. 157—166.

[87] ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, № 246, с. 157—158.

[88] ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, № 337, с. 597.

[89] ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, № 337, с. 5.

[90] См.: Wystawa lwowskiej książki polskiej. Katalog. Lwów, 1928, s. 100—101; Bohonos, № 577b, 1020a.

[91] Loziński W. Patrycjat i mieszczaństwo lwowskie w XVI i XVII w. Lwów, 1892, s. 118.

[92] ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, № 337, с. 485—487.

[93] См.: EWK, s. 30.

[94] См.: Wystawa lwowskiej książki polskiej. Lwów, 1928, s. 102.

[95] См.: Polidorus Vergilius. De rcrum inventoribus. Basiliae, 1540.

[96] По мнению А. Енджейовской, большую часть библиотеки Павла Щербица унаследовал Доминиканский монастырь в Кракове, где она, по-видимому, и погибла во время пожара в начале XIX в. Несколько книг попало в Доминиканский монастырь в Познани, откуда они в 1656 г. были вывезены в Швецию; в настоящее время они хранятся в Учиверситетской библиотеке в Упсале (см.: Birkenmajer A. Książka O. Waldego o szwedzkich zdobyczach bibliotecznych. «Exlibris», 1924, № 5, s. 72; Barwinski E., Birkenmajer A., Łos J. Sprawozdanie z poszukiwań w Szwecji. Kraków, 1914, s. 164—165. А. Енджейовская описывает две книги, принадлежавшие Щербицу, которые находятся в Ягеллонской библиотеке, и две книги, попавшие в библиотеку им. Оссолиньских (см.: Jędrzejowska, s. 102—103). Недавно была описана еще одна книга из собрания П. Щербица (см. Bohonos, № 2114).

[97] См.: Jędrzejowska, s. 92.

[98] ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, № 337, с. 289.

[99] ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, № 337, с. 122.

[100] См.: Jędrzejowska.

[101] См.: Loziński W. Leopolitana. — «Kwartalnik Historyczny», t. 4. Lwów, 1890, s. 452; Jędrzejowska, s. 58.

[102] См.: Hase O. Die Koberger. Leipzig, 1885, S. 352, 430; Jędrzejowska, s. 58.

[103] ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, № 345, с. 101, 205.

[104] ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, № 345, с. 937—948.

[105] Jędrzejowska, s. 68—72.

[106] См.: Benis A. Materjały do historji drukarstwa i księgarstwa w Polsce. — W: Archiwum do dziejów literatury i oświaty w Polsce, t. 7. Kraków, 1892, s. 6—38.

[107] Jędrzejowska, s. 64.

[108] ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, № 382, с. 71—72. См.: Ptaszycki, № 5a.

[109] ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, № 382, с. 198—199, 251. См.: Ptaszycki, № 5b, 6.

[110] ЦГИА УССР в Киеве, ф. 25, № 18 (2052), л. 99 об.

[111] Bibliografja polskich druków lwowskich XVI—XVIII w. Lwów, 1928, s. 1—2.

[112] См.: Kochanowski, Jan. Dryas Zamchana Polonice et Latinae. Pan Zamchanus Latinae. Leopoli, 1578. Ср.: Kawecka-Gryczowa A. Dzieje «Drukarni Latającej».— W: Rocznik Biblioteki Narodowej. T. 7, Warszawa, 1971, s. 355—376.

113 Ziembicki, Witołd. Uwagi w sprawie «Dryas Zamchana» Jana Kochanowskiego.— W: «Pamiętnik Trzeciego Zjazdu bibliofilów polskich». Lwów, 1929, s. 130—133.
114 О Я. Кохановском см.: Глокке Н. Э. Я. Кохановский и его значение в истории польской образованности XIV в. Киев, 1898; Разумовская Л. В., Стахеев Б. Ф. Ян Кохановский. — В кн.: История польской литературы, т. 1. М., 1968, с. 61—76; Nehring Wl. Jan Kochanowski. Spb., 1900; Windakiewicz St. Jan Kochanowski. Warszawa, 1947 и мн. др.
115 Кохановский Я. Избранные произведения. М.—Л., 1960.
116 См.: Kochanowski, Jan. Zuzanna. Kraków, ok. 1562.
117 См.: Kochanowski, Jan. Psalterz Dawidów. Kraków, 1579; то же. Kraków, 1586; Kraków, 1587.
118 Репродукцию см.: Krzyżanowski, Julian. Historia literatury polskiej. Warszawa, 1964, s. 181.
119 См.: Stanislai Socolovii Concio de Vestitu et Fructu Haereseon. Leopoli, 1578; Stanislai Socolovii Concionatoris Regii Conciones Duae. Leopoli, 1578. О С. Соколовском см.: Starowolski Sz. Setnik pisarzów polskich. Warszawa, 1970, s. 163—165.
120 Репродукцию см.: Jędrzejowska, s. 9.
121 О П. Щербице см.: Kalinka W. Zywot i dziela Pawla Szczerbica. — «Dwutygodnik Literacki», 1845, t. 2, s. 261—270, 302—320; Drukarze, z. 6, s. 217—222.
122 Ср.: Немировский, VII, с. 206.
123 См.: Нариси історії Львова. Львів, 1956, с. 63—64.
124 См.: Szczerbis, Pawel. Spekulum Saxonum albo Prawo Saskie y Magdeburskie. Lwów, 1581; его же. Jus Municipale to jest Prawo Mieyskie Magdeburskie. Lwów, 1581.
125 См.: Bibliografia polskich druków lwowskich XVI—XVIII wieku. Lwów, 1928, s. 1, № 2—3.
126 См.: Bohonos, с. 685, № 2497—2498.
127 Drukowano we Lwowie kosztem y nakladem tegoż Pawla Szczerbica wlasnym MDLXXXI.
128 Ptaśnik, s. 59.
129 См.: Kawecka-Gryczowa A. Op. cit., s. 373—375.
130 Jędzejowska, s. 17.
131 Там же, с. 20.
132 См.: Richter J. B. — «Pamiętnik Literacki», 1928, s. 509—514. Ответ автора см. там же, с. 689—691.
133 Drukarze, z. 6, s. 219 («...sua itidem opera et simptibus typis excudere»).
134 См.: Ptaśnik, s. 42—43.
135 См.: Acta officii consistorialis leopoliensis ed. G. Rolny, vol. 1. Lwów, 1927, p. 192, 194, 225.
136 См.: Jędrzejowska, s. 78.
137 См.: Acta officii consistorialis leopoliensis, vol. 1. Lwów, 1927, s. 345.
138 Там же, с. 306—307. О. Я. Мацюк ошибочно называет М. Дропана переплетчиком и считает его «членом семьи» легендарного Степана Дропана, которому приписывается изобретение книгопечатания. — См.: «Архіви України», 1968, № 2, с. 10.
139 См.: Ptaśnik, № 34 и 35.
140 См.: Ptaśnik, № 212, 300, 337, 366, 400, 412.
141 См.: Piekarski K. Z dziejów introligatorstwa. — «Silva Rerum», 1927, s. 104.
142 ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, № 7, с. 677, № 1004.
143 ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, № 12, с. 120, 332; № 13, с. 570, 746.
144 См.: Wystawa lwowskiej książki polskiej. Lwów, 1928, s. 97.
145 См.: Jędrzejowska, s. 81.
146 ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, № 384, с. 813; Немировский, IV, с. 13.
147 См.: Łoziński W. O malarzach lwowskich. — «Sprawozdania Komisiji do badania historyi sztuki w Polsce». (Kraków), 1889, t. 3; Bostel F. Z dziejów malarstwa lwowskiego. Там же, т. 5, z. 3. Kraków, 1893, s. 155—161; Mańkowski T. Lwowski cech malarzy w XVI i XVII w. Lwów, 1935.
148 См.: Jędrzejowska.

149 См.: Свенціцкий І. Іконопись Галицької України XV—XVI вв. Львів, 1928, с. 95.
150 ЦГИА УССР во Львове, ф. 9, № 326, с. 730; № 9, с. 414 и др.
151 ЮИЛСБ, с. 16, № 19.
152 Mańkowski T. Lwowski cech malarzy w XVI i XVII wieku. Lwów, 1935, s. 10.
153 См.: Piotrowski J. Przywileje z XVI w. dla bractwa i cech malarzy katolickich we Lwowie. «Lamus», t. 2. Kraków, s. 261.
154 ЦГИА УССР во Львове, ф. 52.
155 ЦГИА УССР во Львове, ф. 9, № 326, с. 299; № 35, с. 936.
156 ЦГИА УССР во Львове, ф. 9, № 50, с. 884; № 53, с. 1094; № 54, с. 18; № 208, с. 3062; № 209, с. 58; ф. 52, № 384, с. 21—22.
157 ЦГИА УССР во Львове, ф. 9, № 52, с. 298; № 207, с. 2350; № 350, с. 540; № 355, с. 1299.
158 Т. Маньковский упоминает одного сына Пилиповича, называя его Василием. См.: Mańkowski T. Lwowski cech malarzy w XVI i XVII wieku. Lwów, 1935, s. 33.
159 См.: Огиенко, с. 126.
160 См.: MCSL, t. 1, s. 56—57.
161 ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, № 16, с. 901, 1143, 1434, 1592, 1773; № 17, с. 923; № 18, с. 806; № 19, с. 225 (упомянута жена Савы украинка Евфимия Богатыревна, дочь Ивана Богатыря) и мн. др.
162 См.: Крипъякевич, с. 13—14.
163 ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, № 337, с. 39 и сл.
164 В. Лозиньский указывает упоминания о Корнякте в актовых книгах 1551 г. См.: Loziński W. Patrycyat i mieszczaństwo lwowskie w XVI i XVII wieku. Lwów, 1890.
165 ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, № 16, с. 369. См.. Ptaszicki, № 4.
166 См.: Пташицкий, II, с. 297; Крипъякевич, с. 44.
167 ЦГИА УССР во Львове, ф. 9, № 42, с. 809—811, 1008; № 336, с. 867—868 и мн. др.
168 ЦГИА УССР во Львове, ф. 9, № 42, с. 762, 812—813; ф. 52, № 384, с. 813.
169 См.: Ptaszycki, № 7, 8.
170 Здесь и ниже цит. по: Сочинения князя Курбского, т. 1. Спб., 1914, с. 469—470.
171 См.: Крипъякевич, с. 59, прим. 1.
172 Бас И. Иван Федоров. М., 1940, с. 155. Ср.: Березов П. Первопечатник Иван Федоров. М., 1952, с. 168 («...один из львовских ростовщиков Сенька Седельник в мае 1574 г. выдал Ивану Федорову на кабальных условиях семьсот польских злотых»). У В. Прибыткова «Сенька-седельник» называет Ивана Федорова «еретиком» и обвиняет его в том, что он «ладил» печатать «нечестивые книги». См.: Прибытков В. Иван Федоров. М., 1964, с. 272.
173 MCSL, с. 112.
174 Там же, с. 165. Ср.: Исаевич, IV, с. 178 (документ ошибочно датируется 2 июля 1588 г.).
175 См.: Diplomata statuaria. Lwów, 1895, s. 45.
176 MCSL, с. 416—417.
177 Немировский, I, с. 235.
178 MCSL, s. 223.
179 См.: Ружицький Е. До біографії Івана Федорова. — «Архіви України», 1971, № 4, с. 81—83.
180 ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, оп. 2, № 770, л. 120.
181 Там же, л. 137.
182 См.: Крип'якевич І., Львівська Русь в першій половині XVI в. — ЗНТШ, т. 79, с. 9.
183 См.: Ptaszycki, № 1; ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, № 15, с. 1202.
184 О М. Зибенайхере см.: Ptaśnik, s. 70—72, EWK, s. 2153—2154.
185 В краковских списках налогоплательщиков 1564 г. упомянут «Nicolaus impressor Brzezina», живший на Широкой улице. См.: Ptaśnik, s. 303.
186 ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, оп. 3, № 15, с. 1213; Ptaszycki, № 2; Ptaśnik, s. 303—304, № 645; Ковальский, № 2.

187 ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, оп. 3, № 16, с. 28—29; публикации см.: Ptaszycki, № 3; Ptaśnik, s. 304; Ковальский, № 3; Соціальна боротьба в місті Львові в XVI—XVIII ст. Збірник документів. Львів, 1961, с. 33—36 (в предисловии ошибочно утверждается, что документ публикуется впервые).
188 ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, № 382, с. 71—72. Ptaszycki, № 5а.
189 ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, № 382, с. 198—199. Ptaszycki, № 6; Ковальский, № 5.
190 ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, № 382, с. 251; Ptaszycki, № 5b.
191 ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, № 16, с. 541. Ptaszycki, № 4.
192 См.: Исаевич Я. Д. Иван Федоров во Львове. — «Полиграфия», 1964, № 3, с. 18; Его же. Деякі питання бібліографії видань братств. — «Архіви України», 1970, № 6, с. 11.
193 См.: Калайдович, I, с. 104—112.
194 См. Кеппен, с. 295, № 238.
195 Отчет по Моск. публичному музею... до 1 января 1864 г. СПб., 1864, с. 31.
196 См.: Книги и рукописи, не оказавшиеся на лицо, ...о которых в музеуме никаких сведений не имеется, но в каталогах музеума значатся под след. №№. ОРЛБ, ф. 51, карт. 5, № 42.
197 См.: Сахаров, с. 17, № 55.
198 См.: Роспись российским книгам... из библиотеки Александра Смирдина... Ч. 1. Спб., 1828, с. 2, № 10.
199 См.: Строев, I, с. 32—46, № 18.
200 См.: Ширяев, с. 7, № 7; Роспись книгам и рукописям Рос. Академии. Спб., 1840, с. 2, № 23.
201 См. Строев, II, с. 14, № 19.
202 См.: Чертков, с. 433, № 4.
203 Zubrzicki D. Historyczne badania o drukarniach russko-slowiańskich w Galicij. Lwów, 1836.Русский перевод см.: ЖМНП, 1838, ч. 19, № 9, с. 560—585.
204 См.: Строев, IV, с. 151, № 8.
205 См.: Ундольский, I, с. 2, № 23.
206 В этот экземпляр ныне вложен фронтиспис с гербом Г. Ходкевича, на обороте которого имеется дарственная запись, сделанная П. Доброхотовым в 1853 г. Ранее этот лист находился в экз. ГПБ, I. 1. 21г.
207 См.: Токмаков И. Ф. Хронологический каталог славяно-русских книг церковной печати с 1517 по 1821 г. библиотеки Московского главного архива Министерства иностранных дел. — «Летопись занятий Археографической комиссии», 1888, вып. 8, с. 5, № 5.
208 См.: Сахаров, с. 17—18, № 55.
209 См.: Библиотека Авраама Сергеевича Норова. Ч. 1, Спб., 1868, с. 25, № 171.
210 ОРЛБ, ф. 310, № 1381, л. 410 и сл.
211 В рукописном «Описании частных библиотек и некоторых книг в них» А. Е. Викторова указано: «Около половины книг, составляющих библиотеку Хлудова, указаны... под именем Озерского, которому прежде принадлежали они». ОРЛБ, ф. 51, карт. 5, № 22, л. 24—25.
212 См.: Попов, с. 3, № 19.
213 См.: Барсов, Е. Описание рукописей и книг, хранящихся в Выголексинской библиотеке. Спб., 1874, с. 82, № 1.
214 Ср.: Рогов А. И. Сведения о небольших славяно-русских собраниях рукописей в СССР. М., 1962, с. 103—104.
215 Леонид, архим. Славяно-сербские книгохранилища на св. Афонской горе, в монастырях Хилендаре и св. Павла. — ЧОИДР, 1875, кн. 1, отд. V, с. 20, № 11.
216 См.: Отчет ИПБ за 1873 г. Спб., 1875, с. 22.
217 ОРЛБ, ф. 5, карт. 5, № 22, л. 23.
218 См.: Каратаев, II, с. 164—166, № 74.
219 См.: Родосский, с. 30, № 14.
220 См.: Будилович А. Апостол львовской первопечати Ивана Федорова Москвитина. — В кн.: Памятники русской старины в западных губерниях, вып. 7. Спб., 1885, с. 113—123.
221 См.: Теодорович Н. И. Историко-статистическое описание церквей и прихо-

дов Волынской епархии, т. 2. Почаев, 1889, с. 478; Абрамович Д. И. Несколько слов о рукописных и старопечатных собраниях Волынской губ. — «Христианское чтение», 1903, т. 216, июль, с. 116.

222 См.: Краткий перечень рукописей и старопечатных книг на выставке XI-го Археологического съезда, составленный И. М. Каманиным. — В кн.: Каталог выставки XI-го Археологического съезда в Киеве. Киев, 1899, с. 10.

223 См.: Каталог выставки XII Археологического съезда в г. Харькове. Отдел старопечатных книг. Харьков, 1902, с. 136, № 397(6).

224 Ср.: Рогов А. И. Сведения о небольших собраниях славяно-русских рукописей в СССР. М., 1962, с. 258.

225 См.: Свенцицкий, I, с. 8—9, № 20 (75—76).

226 См.: Свенцицкий, II, с. 51, № 21 (149) и 22 (124).

227 ЛГНБ, Ст. 54669. См.: Немировский, V, с. 275.

228 См.: Миловидов, с. 16—17, № 8.

229 О пребывании экземпляра в ЛБ свидетельствует карандашная помета А. С. Зерновой: «8 экз».

230 См.: Грушевский М. Українськи стародруки. — «Книга», (Вена), 1918, ч. 1, с. 2.

231 См. Попов П., с. 162—163, № 23.

232 См.: Перетц В. Українські і білоруські стародруки в бібліотеце Ленінградського університету. — БВ, 1924, № 1—3, с. 168.

233 См.: Дорошенко В. Перша книжка надрукована на Україні. — «Стара Україна» (Львов), 1924, № 2—5, с. 41.

234 См.: Кузнецова Ю. Українські та білоруські виддання XVI—XVII вв. в бібліотеце Саратовського Університету. — БВ, 1928, № 1, с. 33.

235 Ср.: Исаевич, II, с. 61.

236 См.: Малышев В. И. К вопросу об обследовании частных собраний рукописей. — ТОДРЛ, 1954, т. 10, с. 453.

237 См.: Harvard Library Bulletin, 1955, t. 9, № 1, p. 41.

238 См.: Щепкина, Протасьева, с. 82.

239 Петров, с. 19—21, № 21.

240 См.: Kjellberg L. Catalogue des imprimés slavons... Uppsala, 1951, № 5; Trypućko J. Polonica Vetera Upsaliensia. Catalogue des imprimés polonais... Uppsala, 1958, p. 4, № 72.

241 См.: Исаевич, I, с. 292—293.

242 Tyrrell E. P., Simmons J. S. G. Slavonic books before 1700 in Cambridge libraries. «Transactions of the Cambridge Bibliographical Society», 1963, vol. 3, № 5, p. 389, № 5.

243 См.: Найден «Апостол». — «Известия», 1963, 26 сентября; Демкова Н., Дробленкова Н. Странствия львовского «Апостола». — «Литературная газета», 1963, 14 ноября; Феллер М. Д. Новий примірник «Апостола». — «Вільна Україна», 1963, 2 жовтня; Малышев В. И. Древнерусские рукописи Пушкинского дома. М.—Л., 1965, с. 193.

244 См.: Немировский, V, с. 400.

245 См.: Кубанська-Попова М. М. Киево-Печерський державний історико-культурний заповідник. Стародруки XIV—XVIII ст. Каталог. Київ, 1971, с. 19, № 1.

246 См.: Исаевич, II.

247 См.: Ісаевич Я. Д. Нові знахідки видань Івана Федорова. — «Радянське літературознавство», 1966, № 12, с. 75—76.

248 См.: Черны В. Русские сокровища. — «Неделя», 1965, № 4, с. 16.

249 См.: Рогов А. И., Покровский Н. Н. Собрание рукописей акад. М. Н. Тихомирова, переданное Сибирскому отделению АН СССР. — В кн.: АЕ за 1965 год. М., 1966, с. 171.

250 См.: Атанасов П. Лвовският апостол на Иван Федоров в България. — В кн.: Известия на Народна библиотека «Кирил и Методий», т. 7. София, 1967, с. 540—543; Цонев Б. Словянски ръкописи и старопечатни книги на Народната библиотека в Пловдив. София, 1920, № 148/6; Атанасов П. 400 години руска печатна книга. — «Народна култура» (София), 1964, 28 февр., № 9, с. 4.

251 См.: Krajcar J. Early-printed Slavonic Books in the Library of the Pontifical

Oriental Institute. — «Orientalia Christiana Periodica». (Roma), 1968, vol. 34, fasc. 1, p. 109, № 7.

252 Горфункель, с. 79, № 2 (239); Горфункель А. Х. Находки старопечатных книг. — В кн.: Рукописное наследие древней Руси. Л., 1972, с. 391.

253 См.: Выдашенко М. Еще один экземпляр «Апостола». — «Книжное обозрение», 1968, 27 июля.

254 См.: Немировский Е. Л. Заметки о славянском книгопечатании. — В кн.: «Гравюра и книга». М., 1972, с. 100.

255 См.: Немировский, V, с. 271—275.

256 БАН УССР, Кир. 696, л. 166 об.

257 Полный текст вкладной см.: Попов П., с. 163.

258 Цит. по: Kossakowski S. K. Monografie historyczno-genealogiczne, t. 3. Warszawa, 1859.

259 БАН УССР, Кир. 575, л. 3—36 (по нижнему полю); след. запись: л. 56, 58—62, 64, 68—72, 74—78, 80—82.

260 СГУ, № 14/26, л. 4—7.

261 БАН, 7.5.11 (инв. № 22), на первых листах 2-го счета.

262 Здесь и ниже: ГПБ, XVII.11.11, инж. № 4354, л. 3—9, 10—16, 149 об. 2-го счета.

263 ЛБ, № 4357, л. 3 и сл. (по нижнему полю).

264 См.: Немировский, V, с. 276.

265 Здесь и ниже цит. записи из экз. ЛБ, № 1355.

266 ГПБ, XXII.1.12, № 62, л. 4—10 (2-го счета).

267 Государственная научная библиотека им. В. Г. Короленко в Харькове, № 816273, л. 40—41, 132 об. — 133 2-го счета.

268 БАН УССР, Кир. 574, л. 26 и сл. (2-го счета).

269 ЛьвГУ, III.13069, л. 227 об. 2-го счета.

270 ЛГНБ, Ст. 1АСП, л. 2—4 об. 1-го счета. Ср.: Исаевич, II, с. 63.

271 БАН, 18.5.7, инв. № 5519, л. 1 об. 1-го счета.

272 См.: Тихомиров, I, с. 131, 160.

273 БАН, 18.5.7., инв. № 5519, л. 158, 173 об., 198 об. 2-го счета.

274 МУИ, № 76. Ср. Свенцицкий, I, с. 9.

275 СГУ, № 14/26, л. 4—7 2-го счета.

276 Исаевич, II, с. 65.

277 МУИ, № 27/280703. Ср.: Свенцицкий, I, с. 8.

278 См.: Исаевич, II, с. 60.

279 МУИ, № 27/280703, л. 6 1-го счета. Ср.: Свенцицкий, I, с. 8.

280 ГИМ, Чертк. 402, л. 3—85 по нижнему полю.

281 ГПБ, I.1.21[а], л. 33—52 2-го счета.

282 См.: Тихомиров, I, с. 162.

283 ЦГАДА, ф. 1251, № 45, л. 55 об. 2-го счета.

284 ЛГНБ, Ст. 54010, л. 5 1-го счета, вклеенный между листами 112 и 113 2-го счета. Ср.: Исаевич, II, с. 64.

285 Там же, л. 2 1-го счета — л. 1 об. 2-го счета. Близкую по содержанию запись см. л. 260—264 2-го счета.

286 См.: Немировский Е. Л. Когда умер и где похоронен первопечатник Иван Федоров. — «Вопросы истории», 1964, № 6, с. 213—215.

287 ГИМ, Цар. А 19 а, л. 3—31 2-го счета по нижнему полю.

288 Экз. ИРЛИ, л. 3 2-го счета и сл.

289 Там же, л. 15 2-го счета и сл.; л. 198 об. 2-го счета.

290 ГПБ, I.1.21[г], инв. № 58, л. 2 2-го счета.

291 ГИМ, Меньш. 1432, л. 2 ннм.; след. запись — лл. 3—6 ннм., 4—9.

292 См.: Огиенко, с. 272.

293 ЛГНБ, Ст. 53316, л. 113, 227 об. 2-го счета. Ср.: Исаевич, II, с. 61—63.

294 Будилович А. Апостол львовской первопечати Ивана Федорова Москвитина.— В кн.: Памятники русской старины в западных губерниях, вып. 7 (Холмская Русь). Спб., 1885, с. 121—123.

295 ГПБ, I.1.21[б], инв. № 56, л. 3 и сл. 2-го счета; л. 2—3 1-го счета.

296 ЦГАДА, ф. 1250, № 5, л. 1, 6 1-го счета, л. 259 об. — 260 2-го счета.

297 Возможно, что «король Иоанн» — это Ян Казимир, правивший в 1648—1668 гг.

298 БАН УССР, Кир. 839, инв. № 12209, л. 2 1-го счета — л. 2 2-го счета.
299 ЛБ, № 1349.
300 ГПБ, I.1.21д, инв. № 59.
301 ГПБ, I.1.21е, инв. № 60.
302 См.: Строев, I, с. 32—41, № 18; Строев, II, с. 14, № 19; Ундольский, I, с. 2, № 23; Каратаев, II, с. 164—166; № 74.
303 См.: Будилович А. Апостол львовской первопечати Ивана Федорова Москвитина. — В кн.: Памятники русской старины в западных губерниях, вып. 7. Спб., 1885, с. 113—123.
304 См.: Исаевич, II, с. 54—68; Протасьева, с. 187—188.
305 См.: Зернова, I, с. 53.
306 См.: Прослава на Кирил и Методий. София, 1963.
307 См.: Мирчев К., Кодов Хр. Енински Апостол. Старобългарски паметник от XI в. София, 1965.
308 См.: ГПБ, F. п. I. 101 и 101а; ОРЛБ, собр. Григоровича, № 14/М; БАН, 24.4.6; БАН УССР, ДА/II.25. Ср.: Ильинский Г. А. Слепченский Апостол XII в. М., 1913.
309 ЛГИМ, Рук. 39; БАН УССР, М. 3/22. Ср. Свенцицкий, II, с. 13, № 39.
310 См.: ОРЛБ, собр. Григоровича, № 15/М. 1697.I.
311 ГИМ, Син. 722. См.: АЕ за 1964 г. М., 1965, с. 165—166.
312 ГИМ, Син. 15. См.: АЕ за 1964 г. М., 1965, с. 167—168.
313 ОРЛБ, ф. 304, № 8653.
314 См.: Немировский, V, с. 278—282.
315 БАН, I.Б.8; I.Б.11. Ср.: Охранная опись рукописного отделения Библиотеки имп. Академии наук, т. 1. Спб., 1905, с. 25—26, 28—29.
316 См.: Строев, I, с. 32—40.
317 См.: Щепкина М. В. Переводы предисловий и послесловий первопечатных книг. — В кн.: У истоков русского книгопечатания. М., 1959, с. 234—247.
318 См.: Демин А. С. Послесловие к первопечатному Апостолу Ивана Федорова 1564 г. как литературный памятник. — ТОДРЛ, т. 26. Л., 1971, с. 267.
319 См.: Немировский Е. Л. Слово первопечатника. — «В мире книг», 1964, № 2, с. 46—47.
320 См.: Кревецький Ів. Спомини Ів. Федоровича про початки друкарства на Україні. — «Стара Україна», 1924, № 2—5, с. 35—37; Крип'якевич Ів. Мемуари українців XVI—XVIII ст. — Там же, № 9—10, с. 126.
321 См.: Сапунов Б. В. Первопечатник Иван Федоров как писатель. — ТОДРЛ, т. 14. М.—Л., 1958, с. 268—271.
322 ПСРЛ, т. 13, вып. 2, с. 378.
323 Цит. по: Каратаев, II, с. 47. Ср. аналогичную формулу в Руянском Четвероевангелии 1537 г., в милешевской Псалтыри с восследованием 1544 г. и др.
324 См.: Немировский, V, с. 336.
325 См.: Прошин Г. Г. Введение книгопечатания в России и православная церковь. — В кн.: Вопросы преодоления религиозных пережитков в СССР. М.—Л., 1966, с. 210—211.
326 Защита диссертации И. В. Новосадского. — «Труды Института книги, документа, письма», 1935, т. 5, с. 203.
327 Gębarowicz, s. 432.
328 См.: Пичета, с. 192.
329 См.: Сидоров, III, с. 106.
330 См.: Огиенко, с. 42.
331 Переписка князя А. М. Курбского с царем Иоанном Грозным. П., 1914, с. 3.
332 Тихомиров, II, с. 339. Здесь же М. Н. Тихомиров утверждает, что нет никаких оснований «говорить о связи Курбского с Константином Острожским». Сохранившиеся письма Курбского к Острожскому говорят о противном.
333 Цит. по: Каратаев, II, с. 44.
334 См.: Коляда, II, с. 229—238; Коляда, III, с. 23—29; Немировский, Ц, с. 285—288.
335 Строев, I, с. 40.
336 См.: Книга і друкарство, с. 29; Коляда Г. И. Нове в мові першодрукованого Апостола. — «Slavia», 1966, № 1, s. 58.

[337] См.: Немировский, V, с. 287.
[338] Подробный искусствоведческий анализ обрамления московского фронтисписа, а также детальный обзор высказываний различных авторов, исследовавших этот вопрос, см.: Сидоров, II, с. 72—79. Ср.: Немировский, V, с. 289—295. Н. Макаренко ошибочно считал, что рамка в львовском Апостоле напечатана с новой доски. См.: Макаренко, с. 168—169.
[339] См.: Luther J. Die Titeleinfassungen der Reformationszeit. Lif. 1—3. Leipzig, 1909—1913.
[340] См.: Некрасов А. И. Книгопечатание в России в XVI и XVII вв. — В кн.: Книга в России, т. 1. М., 1924, с. 91; его же. Первопечатная русская гравюра. — В кн.: Иван Федоров первопечатник. М.—Л., 1935, с. 88; Макаренко, с. 162—172; Голубець М. Графіка друків Івана Федоровича. — «Стара Україна» (Львів), 1924, № 2—5, с. 42—45; Січинський В. Гравюри українського перводруку. — «Літературно-науковий вісник» (Львів), 1924, кн. 6, с. 150—158; его же. До питання про автора гравюр українського перводруку. — БВ, 1926, № 2, с. 58—61; Берков П. Н. Несколько замечаний о деятельности Ивана Федорова и его предшественников. — В кн.: Иван Федоров первопечатник. М.—Л., 1935, с. 111—115; Сидоров, I, (1964), с. 64; Сидоров, II, с. 98—101; Запаско, II, с. 92—95; Запаско, III, с. 68—69.
[341] См.: Birkenmajer A. Kto ilustrował najstarszy druk słowiański wydany we Lwowie. — In: Congrés international des bibliothécaires et des amis du livre, t. 2. Communications et mémoires. Prague, 1928, s. 54—56. А. С. Зернова через 19 лет после публикации этой статьи писала: «Расшифровка имени гравера до сих пор еще не сделана». См.: Зернова, I, с. 50
[342] Репродукцию см.: Lützow K. Geschichte des deutschen Kupferstiches und Holzschnittes. Berlin, 1891, S. 193.
[343] Сидоров, II, с. 102.
[344] См.: Исаевич, II, с. 56; Кацпржак, с. 62; Drukarze, z. 6, s. 89.
[345] Запаско, III, с. 73.
[346] См.: Гембарович М. Т. Роль Івана Федорова і його художньої спадщини в развитку графіки на Україні в XVI—XVIII ст. — В кн.: Віковічна дружба народів-братів. Київ, 1954, с. 97—98.
[347] См.: Codex diplomaticus Lusatiae superioris. Bd. 5. Die Goerlitzer Bürgerlisten. 1379—1600. Goerlitz, 1928, S. 75.
[348] См.: Rombowski A. Kryspin Scharffenberg — drukarz, księgarz i drzeworytnik śląski XVI w. — W: Zeszyty Naukowy Wyższej Szkoły Pedagogicznej. Opole, 1966.
[349] См.: Birkenmajer A. Nobilitacja Szarfenbergów. Kraków, 1926, s. 15.
[350] Nagler G. K. Die Monogrammisten. Bd. 5. München und Leipzig, O. J., S. 381, № 1901.
[351] См.: Herburt, Jan. Statuta i przyvileie koronne z łacinskiego jezyka na polskie przelozone. Kraków, 1570. Мы познакомились с этой книгой по экз. ВГУ, Pol. III, 193. Ср.: Bohonos, № 1064.
[352] Biblia. Kraków, 1560—1561. Ср.: Bohonos, № 159.
[353] Biblia. Kraków, 1575. Ср.: Bohonos, № 160; Biblia. Kraków, 1577. Ср.: Bohonos, № 161.
[354] Burbianka, Marta. Produkcja typograficzna Szarffenbergów we Wroclawiu. Wroclaw, 1968, tabl. 24.
[355] См.: Зернова, I, приложения 3—5.
[356] См.: Исаевич, II, с. 56.
[357] См.: Запаско, III, с. 41.
[358] См.: Коляда Г. И. Иван Федоров и книгопечатание некоторых стран Восточной Европы. — «Вестник истории мировой культуры», 1958, № 1, с. 43; его же. «Друкарь книг пред тым невиданных» у Львові. — «Радянське літературознавство», 1959, № 6, с. 106.
[359] Репродукции см.: Hollstein F. W. H. German engravings, etchings and woodcuts ca 1400—1700, v. 3. Amsterdam, 1955, p. 142; Wessely J. E. Das Ornament und die Kunstindustrie in ihrer geschichtlichen Entwicklung auf dem Gebiete der Kunstdruckes. Bd. 1. Berlin, 1877, Taf. 89.

360 См.: Сидоров А. А., Коляда Г. И. О научных итогах 400-летнего юбилея русского книгопечатания. — К, сб. 12. М., 1966, с.126.
361 Репродукцию см. на обложке вып. 2 альбома: Свенціцкий І. Прикраси галицьких рукописів XVI в. Жовква, 1922.
362 См.: Киселев, II; Немировский, V, с. 121—134, 295—304.
363 См.: Немировский, V, с. 115—142.
364 См.: Запаско, III, с. 59—61.
365 См.: Запаско, II, с. 88.
366 См.: Hollstein F. W. H. German engravings, etchings and woodcuts ca 1400—1700, v. 2. Amsterdam, o. J., p. 210.
367 См.: Немировский, V, с. 304.
368 См.: Сидоров, II, с. 87.
369 См.: Сидоров А. А., Коляда Г. И. О научных итогах 400-летнего юбилея русского книгопечатания. — К, сб. 12. М., 1966, с. 124—126.
370 См.: Немировский, VI, с. 54.
371 См.: Soltész Z. A magyarországi könyvdíszítés a XVI. században. Budapest, 1961, tabl. 46, № 6; tabl. 53, № 4.
372 См.: Крип'якевич Ів. Папір українських друків Івана Федоровича. — «Стара Україна», 1924, № 2—5, с. 45—46.
373 См.: Исаевич, II; Мацюк, с. 41—43.
374 См.: Piekosiński F. Sredniowieczne znaki wodne. Krakow, 1893, s. 6.
375 См.: Badecki K. Znaki wodne w ksiągach Archiwum miasta Lwowa 1382—1600. Lwów, 1928, s. 16, № 48.
376 См.: Мацюк О. Я. До історії українських папірень XVI ст. та їх водяних знаків. — «Науково-інформаційний бюлетень Архівного управління УРСР», 1962, № 5, с. 13—17.
377 См.: Каманін І., Вітвіцька О. Водяні знаки на папері українських документів XVI і XVII вв. Київ, 1923.
378 См.: Мацюк, с. 42.
379 См.: Сидоров А. А. Грамматика Ивана Федорова. — «Советская культура». 1954, 25 ноября; ср.: Сидоров А. А. Первая печатная русская грамматика. — «Славяне», 1954, № 12, с. 21—22.
380 См.: Сидоров А. А. Новооткрытое издание Ивана Федорова. — «Полиграфическое производство», 1955, № 1, с. 30—31. Отдельные неточности статьи устранены в письме А. А. Сидорова в редакцию, опубликованном в журн. «Полиграфическое производство», 1955, № 3, с. 32.
381 См.: Jakobson.
382 См.: Тихомиров М. Н. Первый русский букварь. — «Новый мир», 1956, № 5, с. 268—272; то же см.: Тихомиров, II, с. 335—341.
383 См.: Люблинский В. С. Выдающийся памятник русской культуры — львовский букварь Ивана Федорова 1574 г. — «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», 1955, № 5, с. 460—468; Быкова Т. А. Место букваря Ивана Федорова среди других начальных учебников. Там же, с. 469—473; Коляда, I; Лукьяненко.
384 См.: Граматика Івана Федорова. Київ, 1964.
385 См.: Тихомиров, II, с. 340.
386 См.: Jackson W. A. Appendix. — In: Ivan Fedorov's Primer of 1574. Facsimile Edition. Cambridge, Mass., 1955, p. 40.
387 См.: Лифарь С. Дягилев и с Дягилевым. Париж, 1939, с. 423; Lifar S. Serge Diaghilev, his life, his work, his legend. New York, 1940, s. 423.
388 См.: Jackson W. A. The Houghton library report of accessions for the year 1952—53. Cambridge, Mass., 1953, p. 5.
389 См.: Мацюк, № 28, 45—47, 89—93.
390 См.: Запаско, III, с. 61.
391 См.: Hollstein F. W. H. German engravings, etchings and woodcuts ca 1400—1700, vol. 3. Hans Sebald Beham. Amsterdam, 1955, p. 135.
392 Букварь. Могилев, 1648, л. 3—4. Уникальный экземпляр — в библиотеке Готы (ГДР).
393 См.: Jakobson, p. 25—26; Лукьяненко, с. 221—222.
394 См.: Тихомиров, II, с. 338.

395 Митюров Б. Н. Развитие педагогической мысли на Украине в XVI—XVII вв. Киев, 1968, с. 165.
396 См.: Ботвинник М. Б. У истоков учебной книги. Минск, 1964, с. 42—43; его же. «Азбука» Ивана Федорова — источник просвещения восточнославянских народов в XVI—XVII вв. — В кн.: Из истории книги, библиотечного дела и библиографии в Белоруссии. Минск, 1970, с. 160—162.
397 См.: Hennig P. Alte Fibeln. — «Zeitschrift für Bücherfreunde», 1908, Bd. 12, S. 1—15.
398 См.: например, указанную Б. И. Лукьяненко Азбуку: ABC-Buch. Lubek, 1565. ГПБ, О.3572.
399 Народная библиотека им. Кирилла и Мефодия, Rц. 609.1.
400 См.: Цонев Б. Опис на ръкописите и старопечатните книги на Народната библиотека в София. София, 1910, с. 520, 592 (209); Kopera F. Druki polskie w Bulgarskiem Muzeum Narodowem w Zofii. — «Wiadomości Numizmatyczno-Archeologiczne», 1901, t. 4, s. 366—368.
401 Elementaria institutio Latini sermonis et piebatis Christianae. Cracovia, 1575.
402 Dla dziątek nauka czytánia pisma... Kraków, 1600.
403 Nauka ku czytaniu Pisma polskiego z figurami. Lwów, 1599.
404 См.: Ягич И. В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. — В кн.: Исследования по русскому языку Отделения языка и словесности Академии наук, т. 1. Спб., 1885—1895, с. 433.
405 Там же, с. 673—686. См.: Лукьяненко, с. 211.
406 См.: Ягич И. В. Указ. соч., с. 732—736.
407 Лукьяненко, с. 213.
408 Публикацию «Азбучной молитвы» по различным спискам и обстоятельный комментарий см.: Куев, Куйо М. Разпространение и сегашно местонахождение на Азбучната молитва. — В кн.: Константин-Кирил Философ. Юбилеен сборник по случай 1100-годишнината от смъртта му. София, 1969, с. 281—308.
409 См.: Ягич И. В. Указ. соч., с. 304.
410 См.: Лукьяненко, с. 217—219; ГПБ, 0.1.1201, л. 367, ГПБ, 0.XVII.177, л. 420.
411 ГПБ, 0.1.1130, л. 295.
412 См.: Лукьяненко, с. 220.
413 См.: Лукьяненко, с. 224—225.
414 См.: Черных П. Я. Историческая грамматика русского языка. М., 1962, с. 247.
415 См.: Медведев Ф. П. Нариси з української історичної граматики. Харків, 1964, с. 211—212.
416 См.: Дурново Н. Очерк истории русского языка. М., 1924, с. 231; Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 1953, с. 207; Черных П. Я. Указ.: соч., с. 250.
417 См.: Винокур Т. Г. Древнерусский язык. М., 1961, с. 85.
418 См.: Медведев Ф. П. Указ.: соч., с. 172.
419 См.: Черных П. Я. Указ.: соч., с. 148.

ОСТРОЖСКАЯ ТИПОГРАФИЯ ИВАНА ФЕДОРОВА

1 См.: [Петров Н. И.] Волынь. Исторические судьбы Юго-Западного края. Спб., 1888.
2 См.: Історія міст і сіл Української РСР. Волинська область. Київ, 1970, с. 13.
3 См.: Баранович А. И. Залюднення України перед Хмельниччиною. Волинське воеводство. Київ, 1931, с. 21.
4 Привилегии Чарторыйским на монастырь, см.: АЗР, т. 1. Спб., 1846, № 212; АрхЮЗР, ч. 1, т. 1. Киев, 1859, с. 3—5.
5 См.: Трипольский Н. Н. Волынское рукописное Евангелие XVI в. — «Волынский историко-археологический сборник», вып. 2. Житомир, 1900, с. 1—114.
6 См.: Теодорович Н. И. Историко-статистическое описание церквей и приходов Волынской епархии, т. 2. Почаев, 1889, с. 478.
7 См.: Добротворский А. Загоровский монастырь, его библиотека и сохранившиеся в ней западно-русские литературные памятники XVII ст. — «Вестник

Юго-Западной и Западной России», 1864, июль, с. 1—17; август, с. 75—115; сентябрь, с. 165—196;

О роде Загоровских см.: Фотинский О. А. Обыкновенные люди старой Волыни. — «Волынский историко-археологический сборник», вып. 2. Житомир, 1900, с. 117—195.

8 См.: Перетц В. Н. Отчет об экскурсии семинария русской филологии в Житомир. — «Университетские известия» (Киев), 1911, № 9, с. 10, 16, 17, 61.

9 АрхЮЗР, ч. 1, с. 1. Киев, 1859, с. 82.

10 Там же, с. 237.

11 О литературной деятельности А. М. Курбского см.: Жизнь кн. А. М. Курбского в Литве и на Волыни. Т. 1—2. Киев, 1849 (актовый материал); Корсакова В. Курбский А. М. Русский биографический словарь, т. «Кнаппе — Кюхельбекер». Спб., 1903, с. 585—600; Ясинский А. Н Сочинения кн. Курбского как исторический материал. Киев, 1889.

12 Сочинения князя Курбского, т. 1. Спб., 1914, с. 417 (РИБ, т. 31).

13 Цит. по: Архангельский А. С. Творения отцов церкви в древнерусской письменности. — ЖМНП, 1888, т. 258, № 8, с. 221.

14 Сочинения князя Курбского, с. 440.

15 Там же, с. 401.

16 Там же, с. 413.

17 Там же, с. 463.

18 Там же, с. 459.

19 Там же, с. 417.

20 См.: Немировский, V, с. 26—27, 265—266.

21 Сочинения князя Курбского, с. 403.

22 См.: Максимович М. Письма о князьях Острожских к графине А. Д. Блудовой. Киев, 1866.

23 См.: Ярушевич А. Ревнитель православия князь Константин Иванович Острожский и православная Литовская Русь в его время. Смоленск, 1897; Романовский Л. М. О Константине Ивановиче князе Острожском. — В кн.: Труды 3-го Археологического съезда в России, т. 2. Киев, 1878, с. 205—209.

24 См.: Лихач Е. Острожский Константин (Василий) Константинович. — Русский биографический словарь, т. «Обезьянинов — Очкин». Спб., с. 461—467. В источниках указывается и другая дата: 1627 г.

25 См.: Тихомиров М. Н. Острожский летописец. — «Исторический архив», 1951, т. 7, с. 236—263. Рукопись см.: ГИМ, Муз. 4007, л. 126—132.

26 Цит. по: Бевзо О. А. Львівський літопис і Острозький літописець. Київ, 1971, с. 126.

27 См.: Шараневич И. Гальшка Острожская. Львов, 1880; Соловьев В. Княжна Острожская. Исторический роман XVI в. Спб., 1903.

28 См.: Равчук Г. Острог і його околиці. Львів, 1960, с. 29. Данные, видимо, преувеличены. По другим сведениям Острожскому принадлежали 25 городов, 10 местечек и 670 сел. См.: Русский биографический словарь, т. «Обезьянинов-Очкин». Спб., 1905, с. 463.

29 См.: Князь Константин Константинович Острожский, ревнитель православия и защитник русской народности в Западной Руси. — «Киевские епархиальные ведомости», 1908, часть неофиц., № 6, с. 135—140; № 7, с. 159—166; № 8, с. 185—193; № 9, с. 214—222; № 10, с. 239—246; Четыркин [Ф. В.] Князь К. К. Острожский как защитник православия в Юго-Западной Руси. — «Странник», 1882, ноябрь, декабрь.

30 Махновець Л. Е. Українські письменники, т. 1. Київ, 1960, с. 436.

31 Бевзо О. А. Львівський літопис и Острозький літописець. Київ, 1971, с. 131.

32 См.: Петров Н. И. Две надгробные надписи конца XVII в. Константину Ивановичу и Константину Константиновичу — князьям Острожским. — «Чтения в Историческом обществе Нестора летописца», 1879, кн. I, с. 79—81; Балабушевич В. О дне смерти князя Василия-Константина Острожского. — «Киевская старина», 1882, т. 4, октябрь, с. 175—177 (датирует кончину князя 21 марта 1608 г.). «Острожский летописец» указывает, что князь умер 23 февраля 1608 г. на 84 году жизни и был похоронен 17 мая в Остроге. См.: Бевзо О. А. Указ. соч., с. 131.

33 АрхЮЗР, ч. 1, т. 7. Киев, 1887, с. XIII—XV.
34 Памятники полемической литературы в Западной России, т. 3. Спб., 1903, с. 1053.
35 Там же, с. 381.
36 АЗР, т. 4, Спб, 1851, с. 206.
37 Susza J. Saulus et Paulus Ruthenae unionis, sive Meletius Smotriscius archiepiscopus Hierapolitanus. Romae, 1666, p. 15—16; Цит. по: Харлампович К. В. Острожская православная школа. — «Киевская старина», 1897, т. 57, № 5, отд. 1, с. 180.
38 Pecalidis S. De Bello Ostrogiano ad Piantcos cum Nisoviis. Cracoviae, 1600 (см.: Bohonos, N 1847).
39 АрхЮЗР, ч. 1, т. 7. Киев, 1887, с. 429.
40 См.: Сахаров, с. 18, № 55; Ундольский, с. 13, № 74.
41 Экз. в БАН УССР и ЛГНБ. См.: Луцик Р. Я. Про один рідкісний друк XVI ст. — В кн.: Скарбниця знань. Львів, 1972, с. 106—108; текст «Ключа царства небесного» полностью перепечатан в АрхЮЗР, ч. 1, т. 7. (Киев, 1887, с. 232—265).
42 См.: АрхЮЗР, ч. 1, т. 7. Киев, 1887, с. 429.
43 См.: Харлампович К. Западнорусские православные школы XVI и начала XVII вв. Казань, 1898, с. 264; Перетц В. Н. Историко-литературные исследования и материалы, т. 1. Спб, 1900, с. 68.
44 См.. Перетц В. Н. Отчет об экскурсии семинария русской филологии в Житомир. — «Университетские известия» (Киев), 1911, № 12, с. 129. Подробное описание рукописи см.: Фотинский О. А., Бурчак-Абрамович Н. М. Краткое описание памятников древности, поступивших в Волынское епархиальное древлехранилище от 1 августа 1894 г. по 1 ноября 1898 г., вып. 3. Почаев, 1899, с. 46—50.
45 Митр. Макарий считал К. Лукариса редактором Острожской Библии. См.: История церкви, т. 9. Спб., 1857—80, т. 472—473. В. Прибытков заставляет Острожского еще в 70-х гг. обсуждать с К. Лукарисом вопрос о создании типографии. См.: Прибытков В. Иван Федоров. М., 1964, с. 261—264.
46 См.: Pichler A. Geschichte des Protestantismus in der orientalischen Kirsche im 17. Jahrhundert, oder: Der Patriarch Cyrillus Lukaris und seine Zeit. München, 1862, s. 66.
47 По записи в «Дерманском Помяннике», который ныне находится в Острожском краеведческом музее. Цит. по: Голубев С. Археологическая заметка о памятниках старины, находящихся в некоторых местностях Волынской епархии. — «Труды Киевской духовной академии», 1876, т. 1, № 3, с. 616; ср. Огиенко, с. 185.
48 См.: [Петров Н. И.] Волынь. Исторические судьбы Юго-Западного края. Спб., 1888, с. 92—93. О монастыре см. также: Историческая записка о Дерманском монастыре. — «Волынские епархиальные ведомости», 1873, № 8.
49 Вкладные записи см.: Памятники, изданные Временной комиссией для разбора древних актов, т. 4. Киев, 1859, с. 34—38, 92—93; подробное описание первой рукописи см.: Фотинский О. А., Бурчак-Абрамович Н. М. Краткое описание памятников древности, поступивших в Волынское епархиальное древлехранилище от 1 августа 1894 по 1 ноября 1898, вып. 3. Почаев, 1899, с. 17—26.
50 См.: Перетц В. Н. Отчет об экскурсии семинария русской филологии в Житомир. — «Университетские известия» (Киев), 1911, № 10, с. 108.
51 См.: Голубев С. Указ. соч., с. 620—621.
52 АрхЮЗР, ч. 1, т. 1. Киев, 1859, с. 30, 40.
53 АрхЮЗР, ч. 1, т. 1. Киев, 1859, с. 48—52.
54 ЦГИА УССР в Киеве, ф. 25, № 15, л. 92—93 .Публикацию см.: АрхЮЗР, ч. 1, т. 1. Киев, 1859, с. 48—52, № 2; Ковальский, № 4.
55 См.: Жизнь кн. Курбского в Литве и на Волыни, т. 2. Киев, 1849, с. 268—272.
56 В актах он упоминается и как «Джуса». ЦГИА УССР в Киеве, ф. 25, № 17, док. № 172; см. также упоминания о его брате Григории Джуса — Там же, № 16, док. № 105, 285, 355, 356 и др.

57 ЦГИА УССР в Киеве, ф. 25, № 16, л. 94.
58 См.: Малышевский И. Новые данные для биографии Ивана Федорова, русского первопечатника. — «Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца», 1894, кн. 7, с. 8—9.
59 ЦГИА УССР в Киеве, ф. 25, № 15, л. 370 об.—371. Публикацию см.: Малышевский И. Указ. соч., с. 18—19.
60 ЦГИА УССР в Киеве, ф. 25, № 16, л. 97. Публикация: Малышевский И. Указ. соч., с. 19—20.
61 См.: Голубев С. Археологическая заметка о памятниках старины, находящихся в некоторых местностях Волынской епархии. — «Труды Киевской духовной академии», 1876, т. 1, № 3, с. 626.
62 ЦГИА УССР в Киеве, ф. 25, № 16, л. 242 об. Публикация: Малышевский И. Указ. соч., с. 20—21.
63 ЦГИА УССР в Киеве, ф. 25, № 16, л. 394. Публикация: Малышевский И. Указ. соч., с. 21—22.
64 ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, № 355/382, л. 251.
65 ЦГИА УССР в Киеве, ф. 25, № 17, л. 385.
66 ЦГИА УССР в Киеве, ф. 25, № 17, л. 534 об.
67 См.: Логвин Г. Н. Замок в Острозі. Київ, 1959.
68 См.: Перлштейн А. Описание города Острога. — ЧОИДР, 1847, № 4, Смесь, с. 137. Локоть — ок. 71 см.
69 См.: ZD, t. 19. Warszawa ,1889, s. 37.
70 См.: Равчук Г. Острог і його околиці. Львів, 1960, с. 91.
71 См.: Herbarz Polski Kaspra Niesieckiego, t. 7. Lipsk, 1846, s. 183.
72 Публикацию предисловия рукописи см.: Волынский историко-археологический сборник, вып. 1. Почаев — Житомир, 1896, с. 19—23.
73 См.: Абрамович Д. И. К литературной деятельности мниха Камянчанина Исаии. Спб., 1913, с. 7—8 (ПДП, № 181).
74 См.: Bohonos, s. 455, № 1647 h.
75 Новітній О. Острозька Біблія. — «Неділя» (Львов, 1930, № 45 (114), с. 4.
76 Цит. по: Kardaszewicz S. Dzieje dawneisze miasta Ostroga. Kraków, 1913, s. 97. Ср.: Перлштейн А. Несколько слов о княжестве Острожском. «Временник имп. Московского общества истории и древностей российских», н. 14, М., 1852, с. 39.
77 См.: Ptaśnik, № 542.
78 См.: Ptaśnik, s. 119, а также № 671, 693, 746.
79 См.: Siennik M. Lekarstwa doświadczone. Kraków, 1564.
80 См.: Siennik H. Herbarz to jest ziol... opisane... Kraków, 1568. Об этом труде, а также отдельные выдержки из него см.: Nowak T. Cztery wieki polskiej książki technicznej. Warszawa, 1961, s. 34—38.
81 ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, № 222/244, с. 547—550. Ptaszycki, № 7; Ptaśnik, № 670.
82 См.: Ptaszycki, N 8; Ptaśnik, N 671.
83 См.: Прибытков В. Иван Федоров. М., 1964, с. 270—276.
84 См.: Площанський В. Буск. Львов, 1872, с. 9.
85 См.: Ptaszycki, № 20.
86 См.: Мацюк, с. 45.
87 См.: Перлштейн А. Несколько слов о княжестве Острожском. — «Временник имп. Московского общества истории и древностей российских», 1852, кн. 14, с. 39.
88 ЦГИА УССР в Киеве, ф. 25, № 2052, л. 99—100; публикация: Романовський, с. 54—55.
89 ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, № 382, с. 859—860; Ptaszycki, № 10.
90 ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, № 383, с. 86; Ptaszycki, № 9.
91 Пташицкий, I, с. 467.
92 См.: Огиенко, с. 46.
93 ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, № 384, с. 15.
94 ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, № 19, с. 1299, 1304.
95 ЦГИА УССР во Львове, ф. 9, № 338, с. 501—502; Ptaszycki, № 12.
96 ЦГИА УССР во Львове, ф. 129, оп. 1, № 60; MCSL, № 74.

97 ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, № 382, с. 859—860; Ptaszycki, № 10.
98 ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, № 18, с. 19—20; Ptaszycki, № 11.
99 ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, № 17, с. 1086—1087.
100 ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, № 18, с. 896—897; Ptaszycki, № 31.
101 Claus H. Slavica-Katalog der Landesbibliothek Gotha. Berlin, 1961, S. 33, № 190.
102 См.: Grasshoff H., Simmons J. S. G. Ein unbekannter Druck Ivan Fedorovs aus dem Jahre 1578. — «Zeitschrift für Slawistik», 1968, Bd. 13, № 4, S. 512—517; Ісаевич Я. Острозький Буквар Івана Федорова. — «Україна», 1968, № 9, с. 8.
103 См.: Grasshoff und Simmons. Ср.: Каменева Т. Н. О некоторых находках кирилловской печати за рубежом. — В кн.: Книга и графика. М., 1972, с. 120—123.
104 См.: Немировский Е. Л. Выдающийся памятник русской и украинской культуры. Неизвестное издание Ивана Федорова. — «Полиграфия», 1968, № 11, с. 41—44.
105 См.: Claus H. Zur Geschichte der deutschen Besitzer des Gothaer Bändchens. — In: Grasshoff und Simmons, S. 26—29.
106 О Э. Хуттере см.: Kunstmann H. Slavisches um die Nürnberger Bibeldrucke Elias Hutters. — «Die Welt der Slaven», 1958, Bd. 3, S. 166 ff.
107 О Д. Швентере см.: Allgemeine Deutsche Biographie. Bd. 33. Leipzig, 1891, S. 413.
108 См.: Schwabe J. Цvpkовь московскiu, sive Dissertatio theologica De religione ritibusque ecclesiasticis Moscovitarum. Jenae, 1665.
109 См.: Claus H. Bibliotheca Gerhardina. Eigenart und Schicksal einer thüringischen Gelehrtenbibliothek des 17. Jahrhunderts. Gotha, 1968.
110 См., например: Зернова, I, с. 55.
111 См. Запаско, III, с. 54; Клименко П. Графіка шрифту Острозької Біблії. — В кн.: «Труди Українського наукового інституту книгознавства», т. 1. Київ, 1926, с. 56—76.
112 БАН УССР, № 270; МУИ № 45, ЛГНБ, ф. василиан, № 79.
113 См.: Немировский, V, с. 204—206.
114 См.: Зернова, III; Зернова, IV.
115 См.: Зернова, IV.
116 См.: Зернова, III, с. 21.
117 См.: Зернова, IV, с. 192.
118 См.: Куев К. М. Черноризец Храбр. София, 1967.
119 ГПБ, Е. I. 376; Куев К. М. Указ. соч., с. 188—191.
120 Куев К. М. Указ. соч., с. 410—404.
121 ГИМ, Чуд. 269. Публикация: Куев К. М. Два нови преписа на Храбровото съчинение. — «Известия на Института за история» (София), 1961, кн. 10, с. 238—241.
122 ГПБ, собр. Кирилло-Белозерского мон., № 21 (1098); Куев К. М. Черноризец Храбр. София, 1967, с. 231—234.
123 Список ныне находится в Венской национальной библиотеке. Публикация: Куев К. М. Указ. соч., с. 234—237.
124 ОРЛБ, ф. 304, № 769; Куев К. М., Указ. соч., с. 223—225.
125 См.: Grasshoff und Simmons, S. 8, 15.
126 См.: Hamel J. England and Russia. London, 1854.
127 См.: Барникот Дж. Неизвестные русские старопечатные книги, найденные в Англии. — «Временник Общества друзей русской книги», т. 4, Париж, 1938, с. 61—80.
128 См.: Barnicot and Simmons, p. 100—102, № 1; Tyrrell E. P., Simmons J. S. G. Slavonic books before 1700 in Cambridge libraries. — «Transactions of the Cambridge Bibliographical Society», 1963, vol. 3, № 5, p. 389, № 8.
129 См.: Немировский Е. Л. Неизвестные русские старопечатные книги в Англии. — «Советская культура», 1952, 24 апреля.
130 См.: Коляда, I.
131 См.: Зернова, III, с. 28—29.
132 См.: Barnicot and Simmons, p. 101—102, 115—117.

133 См. Barnicot and Simmons, p. 100.
134 См.: Атанасов П. Уникален паметник на руската средневековна култура в Народната библиотека «Кирил и Методий». — «Известия на Народната библиотека «Кирил и Методий», т. 12. София, 1971, с. 61—79; его же. Славянската граматика на Иван Федоров в България. — «Народна култура», 1970, 22 августа, № 34; его же. Книги Ивана Федорова в Болгарии. — В кн.: Книга и графика. М., 1972, с.110—114. (В последней статье П. Атанасов снимает свою версию о принадлежности софийского экземпляра Ивану Федорову и говорит о том, что печатал книгу «какой-нибудь ученик Федорова».)
135 См.: Ісаевич Я., Запаско Я. Знахідка болгарського вченого. — «Літературна Україна», 1971, 28 мая, № 43.
136 См.: Добровский Й. Кирилл и Мефодий, словенские первоучители. М., 1825, с. 30.
137 См.: Бодянский О. О времени происхождения славянских письмен. М., 1855, с. 187.
138 См.: Barnicot and Simmons, p. 102—103, № 2.
139 Там же, с. 106, № 6.
140 Там же, с. 105, № 5.
141 См.: Люблинский В. С. Выдающийся памятник русской культуры — львовский Букварь Ивана Федорова 1574 г. — «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», 1955, т. 14, вып. 5, с. 460—468.
142 Дамаскин, еп. Библиотека Российская... Спб., 1881, с. 22 (Памятники древней письменности, XI).
143 Сопиков, ч. 1, с. 44—45; № 703; ч. 5, с. 111—112, № 12984.
144 Калайдович, I, с. 121.
145 См.: Кеппен, с. 297, № 256.
146 См.: Строев, I, с. 45—50.
147 См.: Ширяев, с. 10, № 10.
148 См.: Роспись книгам и рукописям имп. Российской академии. Спб., 1840, с. 4, № 56 и 57.
149 См.: Строев, II, с. 19—20, № 19.
150 Указ. соч., с. 433, № 5.
151 См.: Строев, IV, с. 151, № 11.
152 См.: Ундольский, I, с. 3, № 29.
153 См.: Сахаров, с. 20, № 64.
154 Максимович М. А. Книжная старина южнорусская. — «Временник имп. Московского общества истории и древностей российских», 1849, кн. 4, с. 9.
155 См.: Отчет МПРМ за 1870—1872 г. М., 1873, с. 8.
156 ОРЛБ, ф. 51, карт. 5, № 16.
157 См.: Catalogus Bibliothecae Universitatis Petropolitanae. Spb., 1867.
158 См.: Горфункель, с. 7.
159 См.: Отчет МПРМ за 1866 г. М., 1898, с. 46, № 5.
160 См.: Попов, с. 3, № 22.
161 См.: Щепкина, Протасьева, с. 76.
162 См.: Каратаев, II, с. 188—191, № 87.
163 См.: Каратаев, III, с. 213, № 100.
164 См.: Петрушевич, I, с. 37.
165 См.: Исаевич, I, с. 292.
166 См.: Абрамович Д. И. Несколько слов о рукописных и старопечатных собраниях Волынской епархии. — «Христианское чтение», 1903, т. 216, июль, с. 114.
167 См.: Свенцицкий, I, с. 12, № 31 (417).
168 См.: Кузнецова Ю. Українські та білоруські видання XVI—XVII в бібліотеці Саратовського університету. — БВ, 1928, № 1 (18), с. 33; см. также: Кузнецова Ю. А. Коллекция отдела рукописей, древних и редких книг Научной библиотеки СГУ. — «Ученые записки Саратовского государственного университета», 1947, т. 17, вып. исторический, с. 277.
169 См.: Памятники славяно-русского книгопечатания (старопечатные книги). Антикварный каталог № 29. М., 1933, с. 15, № 1.

170 См.: Рождественский Н. П. Отчет об археографической командировке в г. Иваново. — ТОДРЛ, т. 10. 1954, с. 491.
171 См.: Протасьева, с. 192—193.
172 См.: Фурман Н. М. Рідкісні і цінні видання в фондах Державної історичної бібліотеки УРСР. — В кн.: Науково-методичний збірник, № 1. Київ, 1961, с. 77 (Державна історична бібліотека УРСР).
173 На обороте верхней крышки рукой А. С. Зерновой сделана карандашная запись: «Острог 1580 9-й экз.».
174 См.: Dictionary catalogue of the history of printing from John M. Wing Foundation in the Newberry Library, vol.6.Boston, 1961, p. 5285.
175 См.: Simmons J. S. G. Early-printed cyrillic books in Marsch's Library, Dublin. — In: «The Irish Book», 1963, v. 2, p. 37—42; Симмонс Дж. С. Г. О некоторых старопечатных кириллических книгах в Дублине. — К, сб. 8. М., 1963, с. 247.
176 См.: Исаевич, I, с. 292.
177 См.: Малышев В. И. Москвичи — собиратели письменной и печатной старины. — ТОДРЛ, т. 21. М.—Л., 1965, с. 384, 387.
178 См.: Рогов А. И., Покровский Н. Н. Собрание рукописей акад. М. Н. Тихомирова, переданное Сибирскому отделению АН СССР. — В кн.: АЕ за 1965 год. М., 1966, с. 171.
179 См.: Simmons J. S. G. Early-printed cyrillic Psalters at Lambeth and Valetta. — «Solanus», 1968, № 3, p. 10—11.
180 См.: Горфункель, с. 79. Ср.: Горфункель А. Х. Находки старопечатных книг.— В кн.: Рукописное наследие древней Руси. Л., 1972, с. 391.
181 См.: Немировский Е. Л. Заметки о славянском старопечатании. — В кн.: Гравюра и книга. М., 1972, с. 104.
182 См.: Покровский Н. Н. Книга глаголемая. — «Знание — сила», 1973, № 3, с. 40; Коротков М. Издано Иваном Федоровым. — «Известия», 1973, 23 февраля, с. 6.
183 ГПБ, I. 5. 37г.
184 ЛГИМ, Рук. 135, с. 4.
185 Исаевич, IV, с. 212.
186 MCSL, p. 136, № 86.
187 Там же, с. 170, 196.
188 Цит. по: Исаевич, IV, с. 77.
189 ГИМ, Меньш, 1094.
190 См.: Голубев С. Т. Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники, т. 1—2. Киев, 1883—1898.
191 См.: Голубев С. Т. О составе библиотеки Петра Могилы. — В кн.: Труды Третьего археологического съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 г., т. 2. Киев, 1878, с. 257—268.
192 Нац. б-ка в Варшаве, XVI, 0.684; ЛБ, № 6841, л. 1—9.
193 См. Запаско, III, с. 49.
194 См.: Булгаков Ф. И. Иллюстрированная история книгопечатания и типографского искусства, т. 1. Спб., 1889, с. 261.
195 Некрасов А. И. Первопечатная русская гравюра. — В кн.: Иван Федоров первопечатник. М.—Л., 1935, с. 89.
196 См.: Сидоров, II, с. 106—110.
197 Запаско, III, с. 72.
198 См.: Сидоров, I, с. 67; Сидоров, II, с. 196—110.
199 Репродукцию см.: Schramm A. Die Illustration der Lutherbibel. — In: Festschrift z. Lutherisch Weltkonvent. Leipzig, 1923, Taf. 240, 401.
200 А. П. Запаско относит к фигурным гравюрам рамку титульного листа книги, а также геральдические композиции. Мы понимаем под фигурной гравюрой гравюру, содержащую изображение человека. Маленькие человеческие фигурки на геральдических композициях в счет не идут.
201 ЛБ, № 1713, между л. 4 ннм. и 1 2-го счета.
202 ЛБ, № 1712.
203 ГИБ УССР.
204 ЛБ, № 6840.

205 ГПИБ, 7/1066214.
206 ГПБ, I. 5. 37г.
207 См.: Мацюк, с. 43.
208 Отчет ИПБ за 1817 г. Спб., 1818, с. 61.
209 Строев, II, с. 19—20.
210 Указ. соч., с. 20.
211 См.: Каратаев, II, с. 190—191.
212 См.: Протасьева, с. 191.
213 Каратаев, II, с. 190.
214 См.: Лукьянов В. В. Рукописи Ярославского краеведческого музея. — ТОДРЛ, т. 10. М.—Л., 1954, с. 475.
215 Каратаев, II, с. 191.
216 ЛБ, № 1711, № 1712, № 6841.
217 Зернова, I, с. 55.
218 А. И. Миловидов. Старопечатные славяно-русские издания, вышедшие из западно-русских типографий XVI—XVII вв. — ЧОИДР, 1908, кн. 1, с. 23, № 371,
219 См.: Адрианова-Перетц В. П. Библейские афоризмы и русские пословицы. — ТОДРЛ, т. 26. Л., 1971, с. 8—12.
220 См.: Немировский, V, с. 156—158, 281.
221 См.: Богданов А. Симфония или конкорданция, то есть согласие на четыренадесять посланий святаго апостола Павла. Спб., 1734 (в предисловии: М., 1737). Ср.: Кобленц И. Н. Андрей Иванович Богданов. 1692—1766. М., 1958, с. 117.
222 Ср.: Огиенко, с. 166; Кацпржак, с. 87.
223 ЦГИА УССР в Киеве, ф. 25, № 2052, л. 99 об. — 100.
224 Цит. по: Голубев С. Археологическая заметка о памятниках старины, находящихся в некоторых местностях Волынской епархии. — «Труды Киевской духовной академии», 1876, т. 1, № 3, с. 626.
225 См. ГПБ, I. 5. 37г; ЛБ, № 1712; ГИМ, Щап. 117.
226 См.: Киселев, I, с. 71; ср. Кацпржак, 89.
227 См.: Отчет МПРМ за 1867—1869 гг. М., 1871, с. 36—38, № 964.
228 ОРЛБ, ф. 268, № 964, л. 23.
229 См.: Ундольский, I, с. 3, № 31.
230 См.: Сахаров, с. 21, № 66; Ундольский, II, № 89, Каратаев, I, с. 15, № 83; Протасьева, с. 195.
231 См.: Каратаев, II, с. 196—199, № 90.
232 См.: Пташицкий С. Л. Сборник снимков с славяно-русских старопечатных изданий. Материалы для истории славянского книгопечатания, ч. 1. Спб., 1895.
233 См.: Перетц В. Н. Историко-литературные исследования и материалы, т. 1. Спб., 1900; Ластоускі В. Гісторыя беларускай (крыускай) кнігі. Коуна, 1926, с. 426—427.
234 ОРЛБ, Рум. 2515, л. 16.
235 Перетц В. Н. Историко-литературные исследования и материалы, т. 1. Спб., 1900, с. 65.
236 См.: Sajkowski A. Od Sierotki do Rybeńki. Poznań, 1965, s. 10—21.
237 См.: Каратаев, II, № 99, с. 210—215; Зернова А. С. Типография Мамоничей в Вильне. — К, сб. 1. М., 1959, с.178—181.
238 См.: Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVIII вв. Спб., 1903, с. 279.
239 См.: Rymsza A. Dziesięcioroczne powieści wojennych spraw Krzysztofa Radziwilla. Wilna, 1585.
240 См.: Анушкин, с. 115—117.
241 Там же, с. 115.
242 См.: Reczek J. «Chronologia» Andrzeja Rymszy z 1581 r. i zagadnienie retranslacji tekstowej. — «Sprawozdania z posiedzeń Komisji naukowych». T. 12/1. Kraków, 1969, S. 133—136. См.: Анушкин, с. 105—106.
243 Духовно-полемические сочинения иерея Михаила Оросвиговского-Андреллы против католичества и унии. Тексты. Подготовил О. Петров. Прага, 1932, с. 142; Микитась В. Л. Давні книги Закарпатського державного краезнавчого музею. Львів, 1964, с. 14—15 (об экземпляре Библии, принадлежавшем

Андрелле); его же. Видання Івана Федорова на Закарпатській Україні. — В кн.: Українська книга. Київ — Харьків, 1965, с. 203.

244 Ягич И. В. Новые письма Добровского, Копитара и других юго-западных славян. — СОРЯС, т. 62. Спб., 1897, с. 501—502. (Источники для истории славянской филологии, т. 2); Немировский, II, с. 18.

245 Ягич И. В. Письма Добровского и Копитара в повременном порядке. — СОРЯС, т. 39. Спб., 1885, с. 608; Немировский, II, с. 18.

246 ЛБ, № 1461, рукописный текст в начале книги.

247 «В мире известны всего несколько экземпляров Острожской Библии, один из них — у Михаила Ивановича Чуванова», — утверждают А. Большаков и Е. Турган. См. очерк: «...Живое, говорящее, чудесное». — «Москва», 1964, № 3. с. 159.

248 Так было подано «открытие» И. Е. Баренбаума, который, когда ему показали Острожскую Библию в Хабаровской краевой научной библиотеке, «обратил внимание на титульный лист, выполненный в духе Ивана Федорова». См.: Пайчадзе С., Осипова Э. Выдающийся памятник русского книгопечатания. — «Тихоокеанская звезда», 1971, 16 мая; Пайчадзе С. Выдающийся памятник русского книгопечатания. — «Дальний Восток», 1972, № 3, с. 140—142.

249 См. письмо Болоньетти князю Острожскому. MPV, vol. 6, p. 408.

250 См.: Cardinal Giulio Antonio Santo and the Christian East. Rome, 1966, p. 68.

251 См.: Grasshoff und Simmons, S. 27.

252 См.: Catalogus universalis librorum in Bibliotheca Bodleiana... Oxoniae, 1620, p. 71.

253 См.: Catalogus impressorum librorum Bibliothecae Bodlejanae in Academia Oxoniensi. Oxonii, 1674, p. 88.

254 См.: Tyrrell E. P., Simmons J. S. G. Op. cit., p. 389, № 7.

255 См.: Там же, № 7a.

256 См.: Le Long J. Bibliotheca Sacra in Binos Sillabos Distincta... T. 1. Parisiis, 1723, p. 441.

257 Цит. по: Кукушкина М. В. Описи книг XVI—XVII вв. библиотеки Антониева-Сийского монастыря. — В кн.: Материалы и сообщения по фондам отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. М.—Л., 196[illegible] с. 129, 130, 135, 141.

258 См.: Луппов С. П. Книга в России в XVII в. Л., 1970, с. 99.

259 Цит. по: Строев, I, с. 286, 292.

260 Библия. М., 1756, л. 8 1-го счета.

261 См.: Дуйчев И. България и западная свят през XVII век, кн. 1. София, 1938, с. 121.

262 См.: Гошев И. Стари записки и надписи, св. 3. — «Годишник на Софийския университет. VI. Богословски факултет», 1936, с. 21.

263 См.: Григорович В. Очерк ученого путешествия по Европейской Турции. — «Ученые записки Казанского университета», 1848, кн. 3, с. 186.

264 См.: Леонид, архим. Славяно-сербские книгохранилища на Афонской горе, в монастырях Хилендаре и св. Павла. — ЧОИДР, 1875, кн. 1, отд. 5, с. 20; ср.: Sava Chilandarec. Rukopisy a starotisky Chilandarske. Praha, 1896, s. 87—88, № 71, 72.

265 См.: Сперанский М. Н. Иван Федоров и его потомство. — «Древности. Труды имп. Московского археологического общества», 1914, т. 23, вып. 2, с. 87.

266 См.: Милетич Л. Кесийки от пергаментови кесийки. — «Периодично списание» (София), 1905, кн. 16, св. 5—6, с. 337.

267 См.: Атанасов П. Украинские кириллические старопечатные книги XVI—XVII вв. в Болгарии. (К вопросу о болгарско-украинских культурных связях). — «Советское славяноведение», 1972, № 6, с. 72—83; его же. Книги Ивана Федорова в Болгарии. — В кн.: Книга и графика. М., 1972, с. 107—114 Упомянуты два экземпляра Народной библиотеки им. Кирилла и Мефодия в Софии (ср.: Райков Б. Опис на славянските старопечатни книги от XV и XVI век в Народна библиотека «Кирил и Методий». — «Известия на Народна библиотека «Кирил и Методий» [София], 1967, т. 7, с. 251, № 77, 78); экземпляры Церковного историко-археологического музея в Софии (ср.:

Спространов Е. Опис на ръкописите в библиотеката при св. Синод на българската църква в София. София, 1900, с. 20, № 9, с. 22, № 10 — последний экземпляр утерян), Рыльского монастыря, митрополии в гор. Враца, музеев в гор. Лом и Этрополь.

268 См.: Estreicher, t. 13, s. 38. Ср.: Bohonos, s. 5, № 163.

269 См.: Christian R. F., Sullivan J., Simmons J. S. G. Early-printed Russian books at St. Andrews and their background. — «The Bibliotheck. A Scottish journal of bibliography and allied topics», 1970, Vol. 5, № 7, 8, p 221. В США — 3 экземпляра. См.: Wynar L. R. History of early ukrainian printing. 1491—1600. Denver, 1962, p 78—79.

270 См.: Отчет ИПБ за 1856 г. Спб., 1857, с. 28—29; То же, за 1860 г. Спб., 1861, с. 17; [Исаков Н. В.] Отчет по Московскому публичному музею от времени основания его до 1 января 1864 г. Спб., 1864, с. 31, Отчет МПРМ за 1866 г. М., 1898, с. 46 (экз. с «виленскими листами»), с. 59 (экз. А. Ф. Соколовского); То же, за 1867—1869 гг. М., 1871, с. 12 (экз. А. С. Норова); То же, за 1870—1872 гг. М., 1873, с. 6 (экз. В. М. Ундольского); То же, за 1876—1878 гг. М., 1879, с. 106 (экз. Ф. В. Чижова); То же, за 1879—1882 г. М., 1884, с. 87 (фрагмент из Новоторжского Борисоглебского монастыря); Сопиков, т. 1, с. 14—15, № 109; Кеппен, № 258; Соколов П. Каталог обстоятельный книгам богословским церковной и гражданской печати, находящимся в 1-м отделении библиотеки имп. Академии наук. Спб., 1832, № 2; Роспись книгам и рукописям имп. Российской Академии. Спб., 1840, с. 3, № 43; Сахаров, с. 20—21, № 65 и 67; Ундольский, I, № 30 и 32; Ундольский, II, № 88; Каратаев, II, № 88 и 89; Токмаков И. Ф. Хронологический каталог славяно-русских книг церковной печати с 1517 по 1821 г. библиотеки Московского главного архива Министерства иностранных дел. — В кн.: Летопись занятий Археографической комиссии, 1888, вып. 8, с. 5—6, № 7 (описаны 4 экз. и среди них экз. М. А. Оболенского); Родосский, с. 34—35, № 19 и 20 (один экз. с выходом 1580 г. и два — с выходом 1581 г.); Петрушевич, с. 38; Миловидов, с. 19—20, № 11; Барсуков Н. Список книг церковной печати, хранящихся в библиотеке святейшего правительствующего Синода. Спб., 1871, с. 11, № 3; Систематический каталог книг Московской епархиальной библиотеки, т. 1, вып. 1. М., 1911, с. 3, № 1; Каталог юбилейной выставки в память 200-летия гражданской азбуки. М., 1908, с. 10, №21; Свенцицкий, I, № 2; Свенцицкий, II, № 1—4; Каталог выставки XI Археологического съезда в Киеве. Киев, 1899, с. 12 экз. Киевского университета); Теодорович Н. И. Историко-статистическое описание церквей и приходов Волынской епархии, т. 3. Почаев, 1893, с. 686; Тихомиров И. Систематический каталог книг на церковно-славянском и русском языках фундаментальной библиотеки Волынской духовной семинарии. Почаев, 1889, с. 4, № 5 (три экз.); Требин А. Славяно-русские старопечатные книги древлехранилищ г. Житомира.—ИОРЯС, т. 17, кн. 4. 1912, с. 310; Сильверсван Б. Русские книги Гельсингфорсского университета. — «Временник Общества друзей русской книги», т. 3. Париж, 1932, с. 80.

271 См.: Владимир, иером. Ярославский Спасо-Преображенский монастырь, что ныне Архиерейский дом. М., 1881, с. 114, № 1; Историко-статистическое описание Черниговской епархии, кн. 3. Чернигов, 1873, с. 299 (экз. Крупицкого монастыря); Крупицкий Батуринский третьеклассный мужеский монастырь св. Николая. Чернигов, 1862, с. 39; Каталог выставки XII Археологического съезда в г. Харькове. Отдел старопечатных книг. Харьков, 1902, с. 76—77, № 224 (экз. усыпальницы Стремоуховых села Лебяжье Змиевского уезда); Там же, с. 75—76, № 223 (экз. Софрониевской пустыни Курской губ.); ПДП, вып. 9, Спб., 1880, с. 3 (экз. Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря); БВ, 1926, № 4, с. 26 (два экз. Краснобродского монастыря в Закарпатье); Георгиевский В. Каталог старопечатных книг Церковно-исторического древлехранилища при братстве св. благоверного великого князя Александра Невского. Вязники, 1908, с. 6—7, № 6 (экз. Спасо-Евфимиева монастыря); Попов П., с. 163, № 26 (7 экз. Киево-Печерской лавры, экз. Софийского собора, Пустынно-Николаевского монастыря, Выдубицкого монастыря и др.).

272 См.: Строев, I, № 22; Строев, II, № 24; Ширяев, № 11; Чертков, с. 433, № 6; Попов, № 23 (экз. А. И. Хлудова); Библиотека Авраама Сергеевича Норс-

ва, ч. 1. Спб., 1868, с. 10, № 57; Остроглазов И. Книжные редкости. — «Русский архив», 1891, кн. 2, с. 450; Каталог выставки XII Археологического съезда в г. Харькове. Отдел старопечатных книг. Харьков, 1902, с. 146, № 417 (экз. Н. М. Маклакова). См. также составленное А. Е. Викторовым рукописное «Описание частных библиотек и некоторых книг в них». — ОРЛБ, ф. 51, карт. 5, № 22 (экземпляры И. П. Каратаева, А. С. Норова, С. О. Полторацкого, А. И. Тихоцкого и др.).

273 См.: Зернова, I, с. 97—98. Нам удалось познакомиться с экз. ЛБ, № 1439, 1442, 1443, 1444, 1445, 1446, 1447, 1448, 1449, 1450, 1452, 1453, 1454, 1455, 1456, 1458, 1459, 1460, 1462, 1464, 6271, 6305, 6584, 7540.

274 ГПБ, I.2.1^{а}, I.2.1^{б}, I.2.1^{в}, XXII.5.2 (с выходом 1580 г.); I.2.2^{б}, I.2.2^{в}, I.2.2^{г}, I.2.2^{д}, IV.4.14, XVII.12.6, XXII.5.3^{а}, XXII.5.3^{б} (с выходом 1581 г.), I.2.2^{е} (без выходного листа). Экземпляры Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в самое последнее время описаны Т. А. Быковой. См.: Каталог изданий Острожской типографии и трех передвижных типографий. Л., 1972, с. 16—21 (в каталоге много ошибок).

275 ГИМ, Щап. 47, Чертк. 266, Цар. А24, Хлуд. 23, Меньш. 755, 1128 (Муз.), 1431 (Щук.), 1564, 1605, 1630. См.: Щепкина, Протасьева, с. 76, 77, 79, 82, 83.

276 БАН УССР, № 645, 646, 647, 648, 651, 652, 686, 762, 763, 764, 765, 766, 788, 834, Витт 7, Витт 8.

277 ЛГНБ, Ст. 11425, Ст. 11428, Ст. 18905 (НТШ), Ст. 23254, Ст. 38490, Ст. 53312, Ст. 53313, Ст. 53314, Ст. 53315, Ст. 53404, Ст. 53842, Ст. 54676, Ст. 54700, Ст. 2АСП.

278 БАН, инв. № 9 (7.4.1), 33 (7.4.2), 34 (7.4.3), 35 (39.3.12), 36 (39.3.18), 536 (7.4.34). Ср.: Гуревич М. М., Копанев А. И. Собрание старопечатных книг Библиотеки Академии наук СССР. — В кн.: Сборник статей и материалов Библиотеки Академии наук СССР по книговедению (К 400-летию русского книгопечатания). Л., 1965, с. 285 (упомянуты лишь 3 экз. Острожской Библии).

279 Одесская ГНБ, № 799059, № 799136 (см.: Рапопорт М. Редкие отечественные издания и рукописи. — В кн.: Сокровищница культуры. Сб. статей, вып. 1 Одесса, 1955, с. 50 — упомянут один экз.); МИР, Сл. 719; ЛГИМ, № 1, 3, 4 и 343; БАН ЛССР (см.: Ivaškevičius A. Lietuvos TSR Mokslų akademijos centrinė biblioteka. Vilnius, 1959, S. 17); ЦГАДА, ф. 1250, № 7, № 2919; ф. 1251, № 2, № 149; Льв. ГУ, № 4655-III, № III. 14224; Музей древнерусского искусства им. Андрея Рублева, Яс/П-86 (см.: Алексеев В. Последняя книга Ивана Федорова. — «Веч. Москва», 1964, 4 февраля; МУИ № 27/280209 (82 F°), № 27/280910 (83 F°), № 27/280911 (84 F°) — только Новый завет); Ивановский обл. краеведческий музей № 4490, № 5020 (см.: Рождественский Н. П. Отчет об археографической комачдировке в г. Иваново. — ТОДРЛ, т. 10. М.—Л., 1954, с. 491); Государственный Эрмитаж, Э/ГБ—34; Хабаровская научная библиотека (см.: Пушкарь А. Книга из глубины веков. — «Известия», 1971, 25 мая); ТГУ, № 1941.11510, № 4.III.B.565, № 4.III.B.1169 (см.: Бегунов Ю. К., Панченко А. М. Описание древнерусских рукописных и старопечатных книг научной библиотеки Тартуского государственного университета. — «Труды по русской и славянской филологии». (Тарту), 1960, т. 3, с. 307, № 3 и 4; Кирзель А. Научная библиотека Тартуского государственного университета. Справочник. Тарту, 1966, с. 20, 29); Харьковская ГНБ, № 332018, № 332013, № 528231; ХГУ, № 631491; ГПИБ, № 8, № 9; СГУ, № 39, № 11/42— фрагменты (см.: БВ, 1928, № 1, с. 33, № 6—8; экз. с «виленскими листами» ныне в Льв. ГУ); ЛГУ, A.III.62 (см.: Catalogus librorum Bibliothecae Universitatis Petropolitanae. SPb, 1867— упомянут также экз. с выходом 1580 г., которого в настоящее время в ЛГУ нет; Горфункель, с. 7, 18, № 10); Узбекская публичная библиотека им. Алишера Навои (см.: К 400-летию русской книги. — «Известия», 1964, 3 марта; Кучкаров А. Столетие библиотеки. — «Сов. культура», 1970, 2 июля); Симферопольский государственный университет, № 48272, № 48270 (см.: Анушкин А. Тайны старопечатной книги. Симферополь, 1972, с. 98—100); Киргизская республиканская библиотека; Закарпатский государственный краеведческий музей (см.: Микитась В.Л. Давнi книги Закарпатського державного краезнавчого музею. Львiв, 1964, с. 54—58); На-

учная библиотека Ужгородского государственного университета (см.: Микитась В. Л. Давні рукописи і стародруки. Опис і каталог. Ужгород, 1961, с. 55, № 73-Д); Сибирское отделение АН СССР (см.: Рогов А. И., Покровский Н. Н. Собрание рукописей акад. М. Н. Тихомирова, переданное Сибирскому отделению АН СССР. АЕ за 1965 г. М., 1966, с. 171); Государственный краеведческий музей Татарской АССР и мн. др.

280 См.: Kohlius J. P. Introductio in Historiam et rem literariam slavorum... Altonaviae, 1729, p. 24—25.

281 См.: Сольский С. М. Острожская Библия. — «Труды Киевской духовной академии», 1884, кн. 7, с. 293—320; Korowicki J. Biblia Ostrogska. Warszawa, 1931 (диссертация) (сообщено Ф. Ф. Максименко).

282 См.: Клименко П. Графіка шрифту Острозької Біблії. — В кн.: Труди Українського наукового інституту книгознавства, т. 1. Київ, 1926, с. 56—76; Запаско, III, с. 46-47, 49—50, 54—55, 63—64.

283 См.: Пташицкий, II; Зернова, I, с. 60—62, 92—96.

284 См.: Шляпкин И. Трехсотлетие первопечатной славянорусской Библии, первенца Острожской типографии. — «Древняя и новая Россия», 1881, № 1, с. 180—184; Острожская Библия. — В кн.: Трехсотлетие первого друкаря на Руси Ивана Федорова. 1583—1883. Юбил. изд. журнала печатного дела «Обзор графических искусств». Спб., 1883, с. 19—20.

285 См.: Liturghierul lui Macarie 1508). Bucureşti, 1971; Tetraevanghelul lui Coresi. 1560—1561, Bucureşti, 1963; Evangheliarul slavo-roman de la Sibiu. Bucureşti, 1971.

286 В некоторых библиотеках репродукцию 1914 г. принимают за подлинное издание 1581 г. Такой экземпляр был обнаружен нами, например, в Научной библиотеке при Иркутском государственном университете, № 5530. Ср.: Евсеев И. Острожская Библия в старообрядческой перепечатке. М., 1914 (оттиск из журн. «Церковный вестник»).

287 ГПБ, IV.4.14, на переплетных листах.

288 БАН УССР, № 652, л. 71 Апокалипсиса.

289 Полный текст записи см.: Каталог выставки XII Археологического съезда в г. Харькове. Отдел старопечатных книг. Харьков, 1902, с. 76—77, № 224.

290 ЛГИМ, № 1, титульный лист, л. 3 об. 1-го счета.

291 Там же, л. 1—9 2-го счета.

292 АЮЗР, т. 12, ч. 1, с. 7—14; ср.: Крип'якевич І. Каталог бібліотеки Львівської Ставропігії з 1659 р. — «Українська книга», 1937, № 7—8, с. 157—166.

293 МИР, Сл. 719, по первым листам внизу; на последнем листе внизу; на пустом обороте перед Соборником.

294 ЛБ, № 1461.

295 На полях одной из миниатюр книги есть владельческая запись: «Ивана Кузьмина сына Кузьмина». Но она, видимо, несколько более поздняя.

296 ЛБ, № 1452.

297 См.: Микитась В. Л. Український письменник-полеміст Михайло Андрелла. Ужгород, 1960.

298 Духовно-полемические сочинения иерея Михаила Оросвиговского-Андреллы против католичества и унии. Тексты. Подготовил О. Петров. Прага, 1932, с. 142; Микитась В. Л. Видання Івана Федорова на Закарпатській Україні. — В кн.: Українська книга. Київ — Харьків, 1965, с. 203.

299 См.: Панькевич І. Покрайні записи на підкарпатських церковных книгах, ч. 3. Прага, 1947, с. 32—33; его же. Кілька нових дат до життепису М. Ф. Оросвиговського-Андрелли. — «Подкарпатська Русь», 1931, № 7, с. 162—164

300 См.: Микитась В. Л. Давні книги Закарпатського державного краезнавчого музею. Львів, 1964, с. 54—58.

301 Там же, с. 57.

302 См.: Перетц В. Н. Отчет об экскурсии семинария русской филологии в Житомир 21—26 октября 1910 г. Киев, 1911, с. 49—51.

303 ОГНБ, № 799059; БАН УССР, № 764.

304 См.: Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией, т. 9. Вильна, 1878.

305 БАН, 39.3.12; ЛБ, № 1449; БАН УССР, № 650.
306 ГПБ, I.2.2г.
307 ГПБ, I.2.1в.
308 ГИМ, Чертк. 266; ГИМ, Меньш. 1128; ГИМ, Меньш. 1431; ЛБ, № 1453.
309 ГИМ, Щап. 47; ГИМ, Меньш. 1630; ВГУ.
310 См.: Каратаев, II, с. 193, 196.
311 ХГНБ, № 528231; БАН, 7.4.34.
312 ХГНБ, № 332018; ЛГИМ, № 343; ЛБАН, Ст. 53314.
313 См.: Каратаев, II, с. 191—196; Миловидов, с. 19—20; Протасьева, с. 193—195.
314 См.: Запаско, III, с. 49.
315 Ср.: Christian R. F., Sullivan J., Simmons J. S. G. Early-printed Russian books at St. Andrews and their background. — «The Bibliotheck. A. Scottish journal of bibliography and allied topics», 1970, vol. 5, № 7—8, p. 223.
316 MPV, vol. 6, p. 418, 422, 494.
317 Ср.: Herbarz Polski Kaspra Niesieckiego. T. 7, Lipsk, 1841, S. 184.
318 Ср.: MPV, vol. 6, p. 401.
319 Ср.: Евсеев И. Геннадиевская Библия 1499 г. — В кн.: Труды XV Археологического съезда, т. 2. М., 1916, с. 1—21.
320 См.: Горский, Невоструев, отд. 1. М., 1855.
321 Анічэнка У. В. Скарынінскія традыцыі на Украіне.—В кн.: 450 год беларускага кнігадрукавання. Мінск, 1968, с. 271.
322 См.: Krajcar J. Konstantin Başil Ostrožskij and Rome in 1582—1584. — «Orientalia Christiana Periodica», vol. 35, fasc. 1, Roma, 1969, p. 195.
323 См.: Голубев С. Описание и истолкование дворянских гербов южнорусских фамилий в произведениях духовных писателей XVII в. — «Труды Киевской духовной академии», 1852, № 10, с. 295—382; Перетц В. Н. Малорусские вирши и песни в записях XVI—XVIII вв. — ИОРЯС, т. 4, Спб., 1889, с. 871—873; его же. Историко-литературные исследования и материалы. Т. 1. Спб., 1900, с. 65-67.
324 См.: Буслаев Ф. Историческая хрестоматия. М., 1861, с. 209—210; Перетц В. Н. Отчет об экскурсии семинария русской филологии в Житомир. — «Университетские известия» (Киев), 1911, № 12, с. 116—118.
325 См.: Горский, Невоструев, отд. 1, с. 20—21.
326 Там же, с. 30—31.
327 Добровский Й. Грамматика языка славянского по древнему наречию... ч. 1. Спб., 1833, с. IX.
328 См.: Пташицкий, II, с. 293—296.
329 См.: Зернова, I, с. 92—98.
330 Сахаров, с. 21.
331 См.: Ундольский, II, стлб. 15, № 88.
332 См.: Отчет МПРМ за 1867—69 гг. М., 1871, с. 66; Отчет МПРМ за 1870—72 гг. М., 1873, с. 5.
333 Каратаев, II, с. 194 (примечание).
334 См.: Пташицкий, II, с. 293.
335 См.: Зернова, I, с. 64—65.
336 См.: Кузнецова Ю. Українські та білоруські видання XVI—XVII ст. в Бібліотеці Саратовського університету. — БВ, 1928, № 1, с. 33.
337 См.: Кеппен, с. 297, № 258.
338 См.: Bandtke J. S. Historia drukarn w Krolestwie Polskiem i Wielkiem Xięstwie Litewskiem. T. 2. Kraków, 1826, s. 26—27.
339 Каратаев, II, с. 194.
340 Ср.: Огиенко, с. 171.
341 Зернова, I, с. 60—61.
342 Там же, с. 79.
343 См.: Барникот Дж. Д. А. Неизвестные русские старопечатные книги, найденные в Англии. — «Временник общества друзей русской книги», 1938, вып. 4, с. 62—63.
344 См.: Barnicot and Simmons, p. 118.
345 БАН УССР, № 652; ЛГНБ, Ст. 11428, Ст. 53314, Ст. 54676. Экз. Печерского

монастыря в настоящее время в Национальном музее Кракова (библиотека Чарторыйских. — Cim. 10.III).
346 См.: Barnicot and Simmons, p. 118.
347 ГПБ, I.2.2в.
348 Льв. ГУ, III.14224.
349 Сидоров, II, с. 102.
350 См.: Запаско, III, с. 47; Книга і друкарство, 33—34.
351 См.: Зернова, I, с. 57—59.
352 Ср.: Гравюры Франциска Скорины. Минск, 1972.
353 См.: Киселев, I.
354 Нам известны следующие экземпляры со вплетенными гравюрами; БАН УССР, № 762; ЛБ, № 1453; ЛБ, № 1447.
355 Фундаментальная библиотека Симферопольского государственного университета, № 48272.
356 См.: Мацюк, с. 43—45.

В КОНЦЕ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ

1 MCSL, p. 111.
2 ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, № 18, с. 698; Ptaszycki, № 15; Ковальский, № 9
3 ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, № 17, с. 1366, 1370; № 19, с. 49, 340, 351, 497, 587, 858; № 384, с. 22—23 и мн. др.
4 ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, № 18, с. 723; Ptaszycki, № 16; Ковальский, № 10. В начале 1585 г. В. Газ уже упоминается как покойный — см. ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, № 384, с. 95.
5 ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, № 18, с. 896—897. Ptaszycki, № 31.
6 ЦГИА УССР во Львове, ф. 9, № 46, с. 452—458; АрхЮЗР, ч. 1, т. 10. Киев, 1904, с. 430—433.
7 См.: Ружицький Е. Нові дані про останній період життя та смерть Івана Федорова. — «Архіви України», 1972, № 5, с. 69.
8 Ср.: Зернова, I, с. 62.
9 Крипъякевич, с. 52.
10 См.: Огиенко, с. 172.
11 Бендасюк С. Ю. Общерусский первопечатник Иван Федоров и основанная им Братская Ставропигийская печатня во Львове. Львов, 1934, с. 22. Ср.: Запаско, II, с. 46.
12 См.: Bostel, s. 299—300, № 1; Ковальский, № 18.
13 См.: Зернова, I, с. 63.
14 См.: Gębarowicz, s. 470; Ковальский, № 17.
15 См.: MPV, t. 6, p. 202.
16 См. там же, с. 202, 248, 263—266, 381, 402 и др.
17 См. там же, с. 198, 313, 365—366, 385—387, 514—515, 531—532 и др.
18 Там же, с. 400—401.
19 Письмо Поссевино к кардиналу Птоломео Галли от 26 апреля 1583 г. — См. в кн.: MPV, t. 6, p. 271.
20 MPV, t. 6, p. 21.
21 Там же, с. 418.
22 MPV, t. 6, p. 422.
23 См.: Kraicar J. Konstantin Basil Ostrožskii and Rome in 1582—1584. — «Orientalia Christiana Periodica» (Roma), 1969, vol. 35, fasc. 1, p. 198.
24 ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, № 18, с. 738; Ptaszycki, № 13; Ковальский, № 11.
25 ЦГИА УССР во Львове, ф. 9, № 46, с. 452—458; Ptaszycki, № 14; АрхЮЗР, ч. 1, т. 10. Киев, 1904, № 159, с. 430—433; Ковальский, № 13.
26 АрхЮЗР, ч. 1, т. 10. Киев, 1904, с. 431.
27 ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, № 18, с. 1632—1633; № 33 и 34.
28 См : Gębarowicz, s. 461.
29 MCSL, p. 111.

[30] Там же, с. 103—104.
[31] См.: Пташицкий, I, с. 468.
[32] ЦГИА УССР во Львове, ф. 9, № 48, с. 120—121; ф. 9, № 205, с. 643—644; Немировский, IV, с. 13; Gębarowicz, s. 472.
[33] ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, № 19, с. 233—234; № 2, с. 300; Пташицкий, II, с. 300; Немировский, IV, с. 13; Ковальский, № 19.
[34] В камне 10 безменов, камень равен 32 фунтам (12 800 г).
[35] См.: Каратаев, II, № 94, 96, 97.
[36] ЦГИА УССР во Львове, ф. 9, № 46, с. 119; Ptaszycki, № 17.
[37] См.: ЦГИА УССР во Львове, ф. 129, оп. 1, св. 20, № 1115, л. 2 об.; Немировский, I, с. 235.
[38] Энгельс Ф. Диалектика природы. М., 1953, с. 4.
[39] ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, № 18, с. 1632; Ptaszycki, № 33.
[40] См.: ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, № 383, с. 1163, Ptaszycki, № 32.
[41] См.: ZD, t. 9, s. 119; Ковальский, № 12.
[42] См.: Gębarowicz, s. 480.
[43] Там же, с. 457—458.
[44] См., например: ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, № 17, с. 1487—1488; № 18, с. 1632; № 19, с. 9, 459, 1200—1201 и др.
[45] Hubicki Wl. Pierwszy drukarz Moskwy i Lwowa konstruktorem armat. Nieznany list Fedorowicza. — «Kwartalnik historii nauki i techniki», 1968, № 1, s. 3—12. Губицкий В. Первопечатник Иван Федоров — пушечный мастер. — «Вопросы истории естествознания и техники», 1969, вып. 2 (27), с. 58—63. Опубликовано факсимиле, латинский текст, русский перевод письма. См. также: Ковальский, с. 81—82.
[46] История артиллерии от ее происхождения до 1822 г., сочиненная Деккером. Пер. с нем. С. Маркевич, т. 1. Спб., 1855, с. 82.
[47] Бранденбург Н. Е. Исторический каталог С.-Петербургского Артиллерийского музея, ч. 1. Спб., 1877, с. 125—126.
[48] Дневник Самуила Маскевича. — В кн.: Сказания современников о Дмитрии Самозванце, ч. 1. Спб., 1834, с. 71.
[49] ОПИ ГИМ, фонд Уварова, карт. 5, № 30, л. 28. См. также: Немировский Е. Л. Стозарядная пушка Андрея Чохова. — «Литейное производство», 1954, № 2.
[50] См.: Claus H. Zur Geschichte der deutschen Besitzer des Gothaer Bändchens. — In: Grasshoff und Simmons, S. 27.
[51] См.: Kunstmann H. Slavisches um die Nürnberger Bibeldrucke Elias Hutters. — «Die Welt der Slaven», 1958, Bd. 3, S. 166—179.
[52] ЦГИА УССР во Львове, ф. 129, оп. 1, № 67; MCSL, p. 111.
[53] ЦГИА УССР во Львове, ф. 129, оп. 1, № 65; MCSL, p. 103—104.
[54] См.: Крипъякевич, с. 56.
[55] ЦГИА УССР во Львове, ф. 9, № 48, с. 117—121; см.: Немировский, IV, с. 12; Gębarowicz, s. 470—472.
[56] ЦГИА УССР во Львове, ф. 9, № 46, с. 593—594; Ptaszycki, № 23.
[57] См.: Гужицький Е. Нові дані про останній період життя та смерть Івана Федорова. — «Архіви України», 1972, № 5, с. 69.
[58] См.: Кревецький Ів. Доля надгробного каміня Ів. Федоровича. — «Стара Україна», 1924, № 2—5, с. 48—51; Михайлович Б. Наукове зацікавлення надгробним камінем Ів. Федоровича. Там же, с. 51—54; Огієнко Ів. Довкола намогильного каміня Івана Хведоровича. Там же, 1925, № 1—2, с. 29—30; Тонкова Р. М. О судьбе надгробной плиты Ивана Федорова. — В кн.: Иван Федоров первопечатник. М.—Л., 1935, с. 157—166.
[59] Цит. по: Скр. Й. Монастирські записки про надгробний камінь І. Федорова. — В кн.: Записки чина св. Василия Великого, т. 1, вып. 2—3. Жовква, 1925, с. 379.
[60] Там же, с. 379. Запись М. Гриневецкого сделана на польском языке. Надпись на надгробии воспроизведена им в русской транскрипции. Далее указано по латыни: Descripsit Leopoli die 28 7bris 1817 A° Modestus Hryniewiecki.
[61] См.: Plug A. Jan Fiedorowicz uważany za piérwszego drukarza lwowskiego. — «Klosy» (Warszawa), 1884, № 979, s. 218, 224.

62 Свенцицкий И. С. Обзор сношений Карпатской Руси с Россией в 1-ую половину XIX в. — «Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук», 1906, т. 11, кн. 3, с. 305.
63 Кеппен П. Список русским памятникам, служащим к составлению истории художеств и отечественной палеографии. М., 1822, с. 88.
64 Калайдович К. Записка об Иоанне Федорове. «Вестник Европы», 1822, июнь, № 11—12, с. 301. Рисунок, исполненный глубокой гравюрой, приложен к № 14 того же журнала.
65 Глаголев А. Записки русского путешественника с 1823 по 1827 годы. Спб., 1837, с. 146—147.
66 См.: Zubrzycki.
67 Цит. по: Скр. Й. Монастирські записки про надгробний камінь І. Федорова. — В кн.: Записки чина св. Василия Великого, т.1,зып. 2—3. Жовква, 1925, с. 380.
68 Публикация письма см.: Щурат В. Довкола намогильного каменя Ів. Федорова. — В кн.: Записки чина св. Василия Великого, т. 1, вып. 1. Жовква, 1924, с. 140.
69 Головацкий Я. Ф. Начало и действование Ставропигийского братства в Львове по отношению историко-литературному. — В кн.: Зоря Галицкая яко Альбум на год 1860. Львов. [1860], с. 472.
70 Цит. по: Скр. Й. Указ. соч., с., 380.
71 См.: Либрович С. Ф. История книги в России. П.—М., 1914, с. 91; Маневский А. Д. Возникновение книгопечатания на Руси. М., 1939, с. 36; Осипов К. Русский первопечатник Иван Федоров. М., 1955, с. 61; Бас И. Иван Федоров. М., 1940, с. 183; Березов П. Первопечатник Иван Федоров. М., 1952, с. 191; Немировский, V, с. 349.
72 Петрушевич А. С. Иван Федоров — русский первопечатник. Историко-библиографическое рассуждение. Львов, 1883, с. 25.
73 Руслаз [Мончаловский О. А.]. Трехсотая годовщина кончины Ивана Федорова, первого русского книгопечатника. — «Слово» (Львов) 1883, 1 декабря.
74 «Новое время», 1883, № 2721.
75 Протокол хранится в рукописном собрании Библиотеки им. Оссолиньских. Он написан В. Белзе и подписан Людвиком Цвиклиньским, Каролем Млодницким, Романом Пилатом, Каролем Видманом и Тадеушем Войцеховским. См.: Inwentarz rękopisów Biblioteki zakładu narodowego im. Ossoliškich we Wrocławiu, t. 3. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1966, s. 407, 12663/III.
76 Пташицкий, I, с. 478.
77 Воробьев Г. А. В столице Галицкой Руси. — «Исторический вестник», 1901, октябрь, с. 298, 306—312.
78 Ардов А. Памятники русской истории в Галиции. — «Нива», 1915, № 9, с. 174—175. Автор этих строк встречался с А. Ардовым в первые годы после Великой Отечественной войны. А. Ардов продолжал утверждать, что действительно видел плиту. Он побывал во Львове и привез оттуда несколько протоколов, рассказывающих о поисках плиты, которые, однако, до конца доведены не были.
79 См.: Любознательный. В часы досуга. Радостная весть. — «Наборщик и печатный мир», 1915, № 183, с. 1516—1517.
80 Верещагин В. Старый Львов. — «Старые годы», 1915, апрель — май, с. 52.
81 См.: Любознательный. В часы досуга. Где же правда? — «Наборщик и печатный мир», 1915, № 186, с. 1636—1637.
82 См.: Верещагин В. По поводу статьи «Где же правда?» Письмо в редакцию. — «Наборщик и печатный мир», 1915, № 187, с. 1687.
83 См.: Кревецький Ів. Доля надгробного каміня Ів. Федоровича. — «Стара Україна», 1924, № 2—5, с. 48—51.
84 Либрович С. Ф. История книги в России. П.—М., 1914, с. 91; Галактионов И. Первопечатник Иван Федоров. М.—П., 1922, с. 41; Некрасов А. И. Книгопечатание в России в XVI и XVII веках. — В кн.: Книга в России. М., 1924, с. 96; Бас И. Иван Федоров, М., 1940, с. 181; Баренбаум И. Е., Давыдова Т. Е. История книги. М., 1960, с. 38; То же. Изд. 2-е. М., 1971, с. 70.
85 Березов П. Первопечатник Иван Федоров. М., 1952, с. 190; Сидоров А. А.

Иван Федоров — деятель книги и просветитель. — «Полиграфическое производство», 1958, № 12, с. 18.
[86] Щелкунов М. И. История, техника, искусство книгопечатания. М.—Л., 1926, с. 314; Наровчатов С. Необычное литературоведение. М., 1973, с. 304.
[87] Булгаков Ф. Иллюстрированная история книгопечатания и типографского искусства. Спб., 1889, с. 237.
[88] Маневский А. Д. Возникновение книгопечатания на Руси. М., 1939, с. 35.
[89] См.: Drukarze, t. 6, s. 86.
[90] См.: Трехсотлетие первого друкаря на Руси Ивана Федорова. 1583—1883. — Юбилейное издание журнала печатного дела «Обзор графических искусств...» 1883, 5 декабря; В. Я. К трехсотлетнему юбилею Ивана Федорова, первого московского типографа (ум. 5 декабря 1583 г.). — «Киевская старина», 1883, т. 7, дек., с. 693—696.
[91] См.: Зернова А. Памяти Ивана Федорова. (К 375-летию со дня смерти). — «Советская книжная торговля», 1958, № 12, с. 44—46; Куслицький Б. Друкарь книг пред тым невиданных. — «Радянська Україна». 1958, 16 дек.; Маркевич А. Первопечатник Иван Федоров. — «Львовская правда», 1958, 16 дек.; Матов А. Первая книга на Украине. (К 375-летию со дня смерти Ивана Федорова). — «Заря Востока», 1958, 16 дек.; Немировский Е. «Друкарь книг пред тем невиданных». — «Что читать», 1958, № 12, с. 44; Сидоров А. А. «Друкарь книг пред тем невиданных». — «Советский полиграфист», 1958, 26 дек.; его же. Русский просветитель Иван Федоров. — «Советская культура», 1958, 16 дек.; Ткачук М. Нести в свет мир и добро. — «Правда Украины», 1958, 16 дек. и мн. др.
[92] ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, № 356/383, с. 1128; Ptaszycki, № 22.
[93] ЦГИА УССР во Львове, ф. 9, № 46, с. 672—673; Ptaszycki, № 25.
[94] См.: Голубев С. Объяснительные параграфы по истории западно-русской церкви. § 3. Ошибка, вкравшаяся в чтение надгробной надписи на памятнике типографу Ивану Федорову. — «Киевские епархиальные ведомости», 1893, № 12, с. 312—316.
[95] См.: Немировский Е. Л. Когда умер и где похоронен первопечатник Иван Федоров. — «Вопросы истории», 1964, № 6, с. 213—215.
[96] Цит. по: «Записки чина св. Василия Великого», т. 1, вып. 2—3. Жовква, 1925, с. 380.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

[1] ЦГИА УССР во Львове, ф. 9, № 46, с. 763; Ptaszycki, № 27; Ковальский, с. 78—79, № 16.
[2] ЦГИА УССР во Львове, ф. 9, № 46, с. 672—673; Ptaszycki, № 25.
[3] ГИМ, Цар. А15. Публикация: Протасьева, с. 183. БАН, 7.5.11 (инв. № 22). О Несторе см.: Chodynicki K. Kościół prawosławny a Rzeczpospolita Polska. Warszawa, 1934, s. 328
[4] ЦГИА УССР во Львове, ф. 9, № 46, с. 723—724; Ptaszycki, № 19.
[5] ЦГИА УССР во Львове, ф. 9, № 46; с. 875—876; Ptaszycki, № 29.
[6] ЦГИА УССР во Львове, ф. 9, № 46, с. 876; Ptaszycki, № 30.
[7] ЦГИА УССР во Львове, ф. 129, оп. 1, № 65; MCSL, № 74.
[8] ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, № 19, с. 38; Немировский, IV, с. 13, № 3 и 4.
[9] MCSL, с. 418, № 265; Немировский, I, с. 229; Ковальский, с. 47.
[10] ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, № 384, с. 813; Немировский, IV, с. 13, № 5.
[11] ЦГИА УССР во Львове, ф. 9, № 46, с. 677—679; Ptaszycki, № 24.
[12] ЦГИА УССР во Львове, ф. 9, № 48, с. 117—120; ф. 9, № 205, с. 643—644; Немировский, IV, с. 12—13, № 1; Gębarowicz, с. 470—472, № 4; Ковальский, с. 47.
[13] ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, № 19, с. 233—234; Bostel, s. 300, № 2; Немировский, IV, с. 13, № 2; Ковальский, с. 79—80, № 19.
[14] См.: Крипъякевич, с. 56—63; Gębarowicz, s. 463—464.
[15] См.: Голенченко Г. Я. История белорусского книгопечатания XVI—XVIII вв.

Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. ист. наук. М., 1965 (Историко-архивный институт); Зернова А. С. Первопечатник Петр Тимофеев Мстиславец. — К, сб. 9. М., 1964, с. 77—111; ее же. Типография Мамоничей в Вильне. — К., сб. 1. М., 1959, с. 167—223; ее же. Белорусский печатник Спиридон Соболь. — К, сб. 10. М., 1965, с. 126—145.

[16] См.: Бендасюк С. Ю. Общерусский первопечатник Иван Федоров и основанная им Братская Ставропигийская печатня во Львове. Львов, 1935; Drukarze, t. 6, s. 201—211; Исаевич, IV, с. 173—190; Қаганов І. Я. Українська книга кінця XVI—XVII ст. Харків, 1959, с. 19—26; Исаевич, V, с. 13—45 (библиографический указатель изданий Ставропигийской типографии).

[17] См.: Ковальський М. П. До історії Острозької друкарні. — В кн.: Тези другої наукової конференції. Кривий Ріг, 1965, с. 33; Ковальский, с. 53.

[18] См.: Гераклітов О. До біографії Онисима Михайловича Радишевського. — БВ, 1926, № 1(10), с. 63—64; Теплов Л. П. Мастер Анисим Михайлов. — «Техника молодежи», 1955, № 2, с. 14—16; Лебедянская А. П. Пушкарский приказ. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. ист. наук. М., 1950, с. 5; Немировский Е. Л. Первая русская техническая книга. — «В мире книг», 1964. № 1, с. 10—11; Петрушенко М. Нові матеріали про Онисима Радишевського. — «Науково-інформаційний бюлетень Архівного управління УРСР», 1965. № 1, с. 56—63; его же. Друкар XVII ст. Онисим Радишевський. — В кн.: Українська книга. Київ — Харьків, 1965, с. 209—219.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Русские, украинские, белорусские фамилии размещены в указателе в порядке русского алфавита; фамилии иностранных авторов, упоминаемые в примечаниях в оригинальной транскрипции, — в порядке латинского алфавита. Украинские фамилии, приведенные в основном тексте в русской транскрипции, точно так же даются и в указателе. Сочетания, представляющие собой имена и отчества (типа «Иван Леонтьев») или имена и указания на происхождение или местожительство (типа «Петр из Барбоны»), приведены в порядке алфавита имен. Имя Ивана Федорова, часто упоминаемое в книге, в указатель не внесено.

Немировский Евгений Львович

НАЧАЛО КНИГОПЕЧАТАНИЯ НА УКРАИНЕ

Издательство «Книга»
Москва, К-9,
ул. Неждановой, 8/10

Московская типография № 24 «Союзполиграфпрома» при Госкомиздате СССР ул. Маркса—Энгельса, 14.

Редактор
Э. Б. Кузьмина
Художественный редактор
Н. И. Карандашов
Технический редактор
Н. И. Аврутис
Корректор
Л. В. Емельянова

А07353
Сдано в набор 5.X.1973 г.
Подписано к печати 13.II.1974 г.
Формат бум. 60×90[1]/[16]
Бумага № 1.
Усл. печ. л. 14. Уч.-изд. л. 17,09
Тираж 3 000 экз. Изд. № 1058
Заказ № 839. Цена 1 р. 29 к.

Гр.2 60.

НАЧАЛО КНИГОПЕЧАТАНИЯ НА УКРАИНЕ